зала III 37.
шкафъ 8.
полка 3.
№ 1 14.

Проверено 1950

37. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Верейская, 16.
1904.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Верейская, 16.
1904.

Часть третья.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Алеша.

I.

Тлетворный духъ.

Тѣло усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ погребенію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и схимниковъ, какъ извѣстно, не омываютъ. «Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ), то учиненный монахъ (то есть для сего назначенный) отираетъ тѣло его теплою водой, творя прежде губою (то есть греческою губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ и на ногахъ и на колѣнахъ, вящше-же ничто-же». Все это и исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ отиранія, одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантіею; для чего, по правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее, чтобъ обвить крестообразно. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крестомъ. Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ-же усопшаго закрыли чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спасителя. Въ такомъ видѣ къ утру переложили его во гробъ (уже прежде давно заготовленный). Гробъ-же вознамѣрились оставить въ кельи (въ первой больной комнатѣ, въ той самой, въ которой покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на весь день. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахомъ, то надъ нимъ слѣдовало іеромонахамъ-же и іеродіаконамъ читать не

Псалтирь, а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ послѣ панихиды, отецъ Іосифъ; отецъ-же Паисій, самъ пожелавшій читать потомъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень занятъ и озабоченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо вдругъ стало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и въ монастырской братіи, и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ гостинницъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычайное, какое-то неслыханное и «неподобающее» даже волненіе и нетерпѣливое ожиданіе. И настоятель, и отецъ Паисій прилагали всѣ старанія по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали прибывать нѣкоторые даже такіе, кои захватили съ собою больныхъ своихъ, особенно дѣтей,—точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія, какая, по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И вотъ тутъ только обнаружилось, до какой степени всѣ у насъ пріобыкли считать усопшаго старца, еще при жизни его, за несомнѣннаго и великаго святаго. И между прибывающими были далеко не изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе вѣрующихъ, столь поспѣшно и обнаженно выказываемое и даже съ нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу Паисію несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго имъ предчувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ его ожиданія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иноковъ, отецъ Паисій сталъ даже выговаривать имъ: «Таковое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго», говорилъ онъ, «есть легкомысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ-же неподобающее». Но его мало слушали, и отецъ Паисій съ безпокойствомъ замѣчалъ это, не смотря на то, что даже и самъ (если ужь все вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того-же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно непріятны были иныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предчувствію, большія сомнѣнія. Въ тѣснившейся въ кельи усопшаго толпѣ замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за которое самъ себя тутъ-же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ракитина, или далекаго гостя обдорскаго, инока, все еще пребывавшаго въ монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-то счелъ подозрительными,—хотя и не ихъ однихъ можно было замѣтить въ этомъ-же смыслѣ. Инокъ обдорскій изо всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особен-

нымъ таинственнымъ видомъ. Выраженіе-же лица имѣлъ самое нетерпѣливое и какъ-бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь долго не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ оказалось потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому порученію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная женщина, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть лишь проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ прониклась столь стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отрядила вмѣсто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ все наблюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно въ каждые полчаса, о *всемъ что произойдетъ*. Ракитина-же считала она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго человѣка — до того онъ умѣлъ со всѣми обойдтись и каждому представиться сообразно съ желаніемъ того, если только усматривалъ въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный и свѣтлый, и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились около скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма, равно какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ Паисій вдругъ вспомянулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ его не видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ о немъ, какъ тотчасъ-же и примѣтилъ его въ самомъ отдаленномъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ одного древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ инока. Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и какъ-бы прятался за памятникъ. Подойдя вплоть, отецъ Паисій увидѣлъ, что онъ, закрывъ обѣими ладонями лицо, хотя и безгласно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ рыданій. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.

— Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно произнесъ онъ, наконецъ, — чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь, что сей день есть величайшій изъ дней *его?* Гдѣ онъ теперь, въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!

Алеша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ слезъ, какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ-же, ни слова не вымолвивъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.

— А, пожалуй, что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдумчиво,— пожалуй, и плачь, Христосъ тебѣ эти слезы послалъ. «Умилительныя слезки твои лишь отдыхъ душевный и къ веселію сердца твоего милаго послужатъ», прибавилъ онъ уже про себя, отходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отошелъ онъ, впрочемъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ, что и самъ, пожалуй, глядя на него, заплачетъ. Время между тѣмъ шло, монастырскія службы и панихиды по усопшемъ продолжались въ порядкѣ. Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца

Іосифа у гроба и снова принять отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло и трехъ часовъ по полудни, какъ совершилось нѣчто, о чемъ упомянулъ я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того никѣмъ у насъ неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упованію, что, повторяю, подробная и сустная повѣсть о семъ происшествіи даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостію вспоминается въ нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ прибавлю еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоминать объ этомъ сустномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущности-же самомъ пустомъ и естественномъ, и я, конечно, выпустилъ-бы его въ разсказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, если-бы не повліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на душу и сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разсказа моего, Алеши, составивъ въ душѣ его какъ-бы переломъ и переворотъ, потрясшій, но и укрѣпившій его разумъ уже окончательно, на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ къ разсказу: Когда еще до свѣту положили уготованное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его въ первую, бывшую пріемную, комнату, то возникъ было между находившимися у гроба вопросъ: надо-ли отворить въ комнатѣ окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимоходомъ и мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ, — развѣ лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ присутствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тлѣнія и тлетворнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая нелѣпость, достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), относительно малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ибо ждали совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости послѣ полудня началось нѣчто, сначала принимаемое входившими и выходившими лишь молча и про себя, и даже съ видимою боязнью кому либо сообщить начинающуюся мысль свою, но къ тремъ часамъ пополудни обнаружившееся уже столь ясно и неопровержимо, что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло весь скитъ и всѣхъ богомольцевъ-поклонителей скита, тотчасъ-же проникло и въ монастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, а наконецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и взволновало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ. Невѣрующіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись иные изъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрующихъ, ибо любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его, какъ изрекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій своихъ. Дѣло въ томъ, что отъ гроба сталъ исходить мало по малу, но чѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, къ тремъ-же часамъ пополудни уже слишкомъ явственно обнаружив-

нійся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не бывало и даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданнаго, а въ другомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой обнаружился тотчасъ-же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими даже иноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иные разумные иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробности, удивлялись и ужасались тому, какимъ это образомъ соблазнъ могъ достигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случалось, что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коихъ была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между тѣмъ и отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, естественно какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе не производило-же соблазна, и даже малѣйшаго какого либо волненія. Конечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, воспоминаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ, и останки коихъ, по преданію, не обнаружили тлѣнія, что умилительно и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ памяти ея, какъ нѣчто благолѣпное и чудесное и какъ обѣтованіе въ будущемъ еще бо́льшей славы отъ ихъ гробницъ, если только волею Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно сохранялась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, знаменитомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, преставившемся уже давно, еще въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, таинственно упоминая при семъ о нѣкіихъ великихъ надеждахъ. (Это та самая могила, на которой отецъ Паисій засталъ утромъ сидящимъ Алешу). Кромѣ сего древле-почившаго старца, жива была таковая-же память и о преставившемся сравнительно уже недавно великомъ отцѣ іеросхимонахъ, старцѣ Варсонофіи,—томъ самомъ, отъ котораго отецъ Зосима и принялъ старчество, и котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь богомольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохранилось въ преданіи, что лежали они въ гробахъ своихъ какъ живые и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже лики ихъ какъ-бы просвѣтлѣли въ гробу. А нѣкіе такъ даже вспоминали настоятельно, что отъ тѣлесъ ихъ осязалось явственно благоуханіе. Но не смотря даже и на столь внушительныя воспоминанія сіи, все-же трудно было-бы объяснить ту прямую причину, по которой у гроба старца Зосимы могло произойдти столь легкомысленное, нелѣпое и злобное явленіе. Что́ до меня лично, то полагаю, что тутъ одновременно сошлось и много другаго, много разныхъ причинъ за-одно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, напримѣръ, была даже

самая эта закоренѣлая вражда къ старчеству, какъ къ злов редному новшеству, глубоко таившаяся въ монастырѣ, въ умахъ еще многихъ иноковъ. А потомъ, конечно, и главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сильно установившейся при жизни его, что и возражать какъ будто было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекъ къ себѣ многихъ, и не столько чудесами, сколько любовью, и воздвигъ кругомъ себя какъ-бы цѣлый міръ его любящихъ, тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ-же самымъ породилъ къ себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и ожесточенныхъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ. И не только между монастырскими, но даже и между свѣтскими. Никому-то, напримѣръ, онъ не сдѣлалъ вреда, но вотъ: «Зачѣмъ-де его считаютъ столь святымъ?» И одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породилъ, наконецъ, цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ почему и думаю я, что многіе, заслышавъ тлетворный духъ отъ тѣла его, да еще въ такой скорости, — ибо не прошло еще и дня со смерти его, — были безмѣрно обрадованы; равно какъ изъ преданныхъ старцу и досель чтившихъ его, нашлись тотчасъ-же таковые, что́ были симъ событіемъ чуть не оскорблены и обижены лично. Постепенность-же дѣла происходила слѣдующимъ образомъ.

Лишь только начало обнаруживаться тлѣніе, то уже по одному виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ, можно было заключить зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго, и выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, только ожидающимъ извѣт. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали главами, но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, явно сіявшей въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не укорялъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что́ было даже и чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ монастырѣ все-же большинство; но ужь такъ видно самъ Господь допустилъ, чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келью такими-же соглядатаями и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простаго-же народу входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ скитскихъ. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ, приливъ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно вслѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ, кои-бы, можетъ, и не прибыли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь нарочно пріѣхали: между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ, благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ-бы не замѣчая совершавшагося, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но вотъ и до него

стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. «Знать судъ-то Божій не то что̀ человѣческій!» заслышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вымолвилъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, человѣкъ уже пожилой и сколь извѣстно было о немъ весьма набожный, но вымолвивъ вслухъ, повторилъ лишь то, что̀ давно промежъ себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно уже вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, что съ каждою почти минутой обнаруживалось и возростало при этомъ словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ, однако, и самое даже благочиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали себя въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. «И почему-бы *сіе* могло случиться», говорили нѣкоторые изъ иноковъ, сначала какъ-бы и сожалѣя,— «тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ костямъ присохшее, откуда-бы тутъ духу быть?» «Значитъ, нарочно хотѣлъ Богъ указать», поспѣшно прибавляли другіе и мнѣніе ихъ принималось безспорно и тотчасъ-же, ибо опять-таки указывали, что если-бъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усопшаго грѣшнаго, то все-же изошелъ-бы позднѣе, не съ такою столь явною поспѣшностью, по крайности, чрезъ сутки-бы, а «этотъ естество предупредилъ», стало быть, тутъ никто какъ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе сіе поражало неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ, библіотекарь, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать нѣкоторымъ изъ злословниковъ, что «не вездѣ вѣдь это и такъ», и что не догматъ-же какой въ православіи, сія необходимость нетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ самыхъ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ, напримѣръ, духомъ тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлесное считается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже многіе годы въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и «если обрящутся кости желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что прославилъ Господь усопшаго праведнаго: если-же не желты, а черны обрящутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы,—вотъ какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушимо и въ свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе», заключилъ отецъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ внушенія и даже вызвали отпоръ насмѣшливый: «это все ученость и новшества, нечего и слушать», порѣшили про себя иноки. «У насъ по старому: мало-ли новшествъ теперь выходитъ, всѣмъ и подражать?» прибавляли другіе. «У насъ не менѣе ихняго святыхъ отцовъ было. Они тамъ подъ туркой сидятъ и все перезабыли. У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ у нихъ нѣтъ», присоединяли самые насмѣшливые.

Отецъ Іосифъ отнесъ съ горестію, тѣмъ болѣе, что и самъ-то высказать свое мнѣніе не весьма твердо, а какъ-бы и самъ ему мало вѣруя. Но со смущеніемъ провидѣлъ, что начинается нѣчто очень неблаговидное и что возвышаетъ главу даже самое непослушаніе. Мало по малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ голоса разсудительные. И какъ-то такъ сошлось, что всѣ любившіе покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ принимавшіе установленіе старчества, страшно чего-то вдругъ испугались и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Враги-же старчества, яко повнѣства, гордо подняли голову. Отъ покойнаго старца Варсонофія не только духу не было, но гочилось благоуханіе, злорадно напоминали они, но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ, что и самъ праведенъ былъ. А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося старца посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: несправедливо училъ; училъ что жизнь есть великая радость, а не смиреніе слезное, говорили одни, изъ наиболѣе безтолковыхъ. По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не признавалъ — присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. Къ посту былъ не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, варенье вишневое ѣлъ съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику-ли чаи распивать? слышалось отъ иныхъ завистствующихъ. Возгордясь сидѣлъ, съ жестокостью приговаривали самые злорадные, за святаго себя почиталъ, на колѣни предъ нимъ повергались, яко должное ему принимать. Таинствомъ исповѣди злоупотреблялъ, злобнымъ нечистомъ прибавляли самые ярые противники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и суровыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчальниковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ теперь отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно вліяли словеса ихъ на молодыхъ и еще неустановившихся иноковъ. Весьма выслушивалъ все сіе и обдорскій гость, монашекъ отъ святаго Сильвестра, глубоко воздыхая и покивая главою: Нѣтъ, видно отецъ-то Ѳераponтъ справедливо вчера судилъ, подумывалъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ Ѳераponтъ; какъ-бы именно чтобъ усугубить потрясеніе вышелъ.

Упомянулъ уже я прежде, что выходилъ онъ изъ своей деревянной келійки на паперть рѣдко, даже въ церковь по-долгу не являлся и что попущали ему это якобы городивому, не связывая его правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то попущалось ему все сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи молящагося (даже и засыпалъ на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже и зазорно

было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если онъ самъ не хотѣлъ подчиниться. Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и исполняетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу., сказали-бы тогда иноки, а что въ церковь не ходитъ, то, значитъ, самъ знаетъ когда ему ходить, у него свой уставъ». Ради сего-то вѣроятнаго ропота и соблазна и оставляли отца Ѳераонта въ покоѣ. Старца Зосиму, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Ѳераонтъ чрезвычайно: и вотъ и къ нему въ его келійку донеслась вдругъ вѣсть о томъ, что судъ-то Божій, значитъ, не тотъ, что у человѣковъ, и что естество даже предупредилъ . Надо полагать, что изъ первыхъ собѣгалъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и во ужасѣ отъ него вчера отшедшій. Упомянулъ я тоже, что отецъ Паисій. твердо и незыблемо стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать и видѣть что происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все главное безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Смущенъ-же не былъ, а ожидалъ всего что еще могло произойдти безъ страха, проницающимъ взглядомъ слѣдя за будущимъ исходомъ волненія, уже представлявшимся умственному взору его. Какъ вдругъ необычайный и уже явно нарушавшій благочиніе шумъ въ сѣняхъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась настежь и на порогѣ показался отецъ Ѳераонтъ. За нимъ, какъ примѣчалось, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось внизу у крылечка много монаховъ, сопровождавшихъ его, а между ними и свѣтскихъ. Сопровождавшіе, однако, не вошли, и на крылечко не поднялись, но, остановясь, ждали что скажетъ и сдѣлаетъ отецъ Ѳераонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, не смотря на все дерзновеніе свое, что принесъ онъ не даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Ѳераонтъ воздѣлъ руки и изъ подъ правой руки его выглянули острые и любопытные глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взобѣжавшаго во слѣдъ отцу Ѳераонту по лѣсенкѣ изъ-за превеликаго своего любопытства. Прочіе-же кромѣ него, только что съ шумомъ отворилась настежь дверь, напротивъ, потѣснились еще болѣе назадъ отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ отецъ Ѳераонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ-же началъ, обращаясь во всѣ четыре стороны поперемѣнно, крестить стѣны и всѣ четыре угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ѳераонта тотчасъ-же поняли сопровождавшіе его; ибо знали, что и всегда такъ дѣлалъ куда ни входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ, прежде чѣмъ не изгонитъ нечистую силу.

— Сатана изыди, сатана изыди! повторялъ онъ съ каждымъ крестомъ.—Извергая извергну! возопилъ онъ опять. Былъ онъ въ

своей грубой рясѣ, подпоясанной вервіемъ. Изъ-подъ посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая сѣдыми волосами. Ноги-же совсѣмъ были босы. Какъ только сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣть жестокія вериги, которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ Паисій прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ въ ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочиніе нарушаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговорилъ онъ, наконецъ, строго смотря на него.

Чего ради пришелъ еси? Чего просиши? Како вѣруеши? прокричалъ отецъ Ѳерапонтъ, юродствуя, — притекъ злѣйшихъ ваннхъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю много-ль ихъ безъ меня наконили. Вѣникомъ ихъ березовымъ вымести хочу.

— Нечистаго изгоняешь, а, можетъ, самъ ему-же и служишь, безбоязненно продолжалъ отецъ Паисій, — и кто про себя сказать можетъ: «святъ есть?» Не ты-ли, отче?

— Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу себѣ, аки идолу, поклоненія! загремѣлъ отецъ Ѳерапонтъ. — Нынѣ людіе вѣру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ, — обернулся онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ, — чертей отвергалъ. Нурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у васъ какъ науки по углямъ. А днесь и самъ провонялъ. Въ семъ указаніе Господне великое видимъ.

А это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни отца Зосимы. Единому отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ и на яву представляться нечистая сила. Когда-же онъ, въ величаніемъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посовѣтовалъ ему непрерывную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посовѣтовалъ, не оставляя поста и молитвы, принять одного дѣкаретва. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ собой, покивая главами, — паче-же всѣхъ отецъ Ѳерапонтъ, которому тотчасъ-же тогда поспѣшили передать нѣкоторые хулители о семъ необычайномъ въ такомъ особливомъ случаѣ распоряженіи старца.

— Изыди, отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій, — не человѣки судятъ, а Богъ. Можетъ, здѣсь указаніе видимъ такое, Коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди, отче, и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и указаніе вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! не унимался расходившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣръ. — Конфетою прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, часмъ сладобился,

чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, а умъ помышленіемъ надменнымъ... Посему и срамъ потерпѣлъ...

— Легкомысленны словеса твои, отче! возвысилъ голосъ и отецъ Паисій, — посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непостоянный и младоумный. Изыди-же, отче, повелѣваю тебѣ, прогремѣлъ въ заключеніе отецъ Паисій.

— Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳераонтъ, какъ-бы нѣсколько и смутившись, но не покидая озлобленія своего, — ученые вы! Отъ больнаго разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь что̀ и знать забылъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня маленькаго защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Отецъ Ѳераонтъ помолчалъ и вдругъ, приговорюнившись и приложивъ правую ладонь къ щекѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на гробъ усопшаго старца:

— Надъ нимъ завтра Помощника и Покровителя станутъ пѣть — канонъ преславный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь Кая житейская сладость — стихирчикъ малый *), проговорилъ онъ слезно и сожалительно. — Возгордились и вознеслись, пусто мѣсто сіе! завопилъ онъ вдругъ какъ безумный и, махнувъ рукой, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенькамъ съ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась; иные пошли за нимъ тотчасъ-же, но иные замедлили, ибо келья все еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцомъ Ѳераонтомъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся старикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать, онъ вдругъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣлъ надъ собою обѣ руки и,—какъ-бы кто подкосилъ его, — рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

— Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ заходящу солнцу! неистово прокричалъ онъ, воздѣвая къ солнцу руки и навъ лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ, какъ малое дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по землѣ руки. Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались восклицанія, отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведенъ! раздавались возгласы уже не боязненно, — вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибавляли другіе уже озлобленно.

---

*) При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и, послѣ отпѣванія, изъ церкви на кладбище) монаха и схимонаха, поются стихиры: «Кая житейская сладость»... Если-же почившій былъ іеросхимонахомъ, то поютъ канонъ: «Помощникъ и Покровитель»...

— Не сѣдетъ онъ въ старцахъ... Самъ отвергнетъ... Не послужитъ проклятому повѣрству... Не станетъ ихнимъ дурачествамъ подражать. Тотчасъ-же подхватили другіе голоса, и до чего-бы это дошло, трудно и представить себѣ. Но какъ разъ ударилъ въ ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали креститься. Поднялся и отецъ Ферапонтъ и, отряхая себя крестнымъ знаменіемъ, пошелъ къ своей кельѣ не оглядываясь, все еще продолжая восклицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ потекли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало расходиться, поспѣшая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе отцу Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ онъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрустило и затосковало о чемъ-то особенно, и онъ почувствовалъ это. Онъ остановился и вдругъ спросилъ себя: Отчего сія грусть моя даже до упадка духа? — и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ-же, что сія внезапная грусть его происходитъ, повидимому, отъ самой малой и особливой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся сейчасъ у входа въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими волнующимся и Алешу, и вспомнилъ онъ, что, увидавъ его, тотчасъ-же почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ-бы нѣкую боль. «Да неужто-же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ моемъ?» вдругъ съ удивленіемъ вопросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ-бы поспѣшая куда-то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю. И уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій.— да неужто-же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ горестно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на отца Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ къ землѣ. Стоялъ-же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда-же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстятъ, вопросилъ онъ вновь, но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Или изъ скита уходишь? Какъ-же не спросясь-то, не благословясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно вскинулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того, кому ввѣрилъ его, умирая, бывшій руководитель его, бывшій владыка сердца и ума его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все по прежнему, безъ отвѣта, махнулъ рукой, какъ-бы не заботясь даже и о почтитель-

ности, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ вонъ изъ скита.

— Возвратишься еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря во слѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

тецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ, что его милый мальчикъ снова воротится, и даже, можетъ быть (хотя и не вполнѣ, но все-же прозорливо), проникъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе, признаюсь откровенно, что самому мнѣ очень было-бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой страшной и неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа. На горестный вопросъ отца Паисія, устремленный къ Алешѣ: «Или и ты съ маловѣрными?» — я, конечно, могъ-бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: «Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными». Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно оттого, что онъ много вѣровалъ. Но смущеніе все-же было, все-же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если-же спросятъ прямо: Неужели-же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойдти лишь потому, что тѣло его старца, вмѣсто того чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, напротивъ того, раннему тлѣнію,—то отвѣчу на это не обинуясь: «Да, дѣйствительно было такъ». Попросилъ-бы только читателя не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ-же я не только не намѣренъ просить за него прощенья, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру, его юнымъ возрастомъ, напримѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр., и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужь, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ-бы того, что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ, право, почтеніе подлаться иному увлеченію, хотя-бы и неразум-

ному, но все-же отъ великой любви прощенному, чѣмъ вовсе не податься ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблагонадежень слишкомъ уже постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна ему— вотъ мое мнѣніе! Но,—воскликнутъ тутъ, пожалуй, разумные люди,—нельзя-же всякому юношѣ вѣровать въ такой предразсудокъ и ваша юноша не указъ остальнымъ. На это я отвѣчу опять-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и нерушимо. Но я все-таки не прошу за него прощенія.

Видите-ли: хоть я и заявилъ выше (и, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно), что объясняться, извиняться и оправдывать героя моего не стану, но вижу, что нѣчто все-же необходимо уяснить для дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что скажу: тутъ не то чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетерпѣніи было тутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжденій какихъ-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже вовсе нѣтъ), не для идеи какой либо прежней, предвзятой, которая-бы восторжествовала посредствомъ надъ другою,—о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ мѣстѣ, стояло предъ нимъ лицо, и только лицо—лицо возлюбленнаго старца его, лицо того праведника, котораго онъ до такого обожанія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся въ молодомъ и чистомъ сердцѣ его ко всѣмъ и вся, въ то время и во весь предшествовавшій тому годъ, какъ-бы вся временами сосредоточивалась, и, можетъ быть, даже неправильно, лишь на одномъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ, въ сильнѣйшихъ порывахъ сердца его,—на возлюбленномъ старцѣ его, теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго стояло предъ нимъ какъ идеалъ безпорный, что всѣ юныя силы его и все стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ этому идеалу исключительно, а минутами такъ даже и до забвенія «всѣхъ и вся». (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тяжелый день этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ такъ заботился и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу Илюшечки двѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался исполнить тоже наканунѣ). Но не чудесъ опять-таки ему нужно было, а лишь—высшей справедливости, которая была, по вѣрованію его, нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было поранено сердце его. И что въ томъ, что справедливость эта, въ ожиданіяхъ Алеши, самымъ даже ходомъ дѣла, приняла форму чудесъ, немедленно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ бывшаго руководителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и всѣ въ монастырѣ, тѣ даже, предъ умомъ которыхъ преклонялся Алеша, самъ отецъ Паисій, напримѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа себя никакими сомнѣніями, обликъ и свои мечты въ

ту-же форму, въ какую и всѣ облекли. Да и давно уже это такъ устроилось въ сердцѣ его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его. и сердце его взяло уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жаждалъ, справедливости, а не только лишь чудесъ! И вотъ тотъ, который долженъ-бы былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ,—тотъ самый, вмѣсто славы ему подобавшей, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто судилъ? Кто могъ такъ разсудить – вотъ вопросы, которые тотчасъ-же измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ вынести безъ оскорбленія. безъ озлобленія даже сердечнаго, что праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое и злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпы. Ну, и пусть-бы не было чудесъ вовсе, пусть-бы ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое, но зачѣмъ-же объявилось безславіе, зачѣмъ понустился позоръ, зачѣмъ это посмѣшное тлѣніе, предупредившее естество , какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это указаніе , которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ теперь вмѣстѣ съ отцомъ Ѳераонтомъ, и зачѣмъ они вѣрятъ, что получили даже право такъ выводить? Гдѣ-же Провидѣніе и перстъ Его? Къ чему сокрыло Оно Свой перстъ въ самую нужную минуту (думалъ Алеша) и какъ-бы само захотѣло подчинить себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?

Вотъ отчего точилось кровью сердце Алеши, и ужь, конечно, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо возлюбленное имъ болѣе всего въ мірѣ и оно-же опозоренное , оно-же и обезславленное! Пусть этотъ роптатъ юноши моего былъ легкомысленъ и безразсуденъ. но опять-таки, въ третій разъ повторяю (и согласенъ впередъ. что, можетъ быть, тоже съ легкомысліемъ): я радъ, что мой юноша оказался не столь разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда придетъ время у человѣка нетлѣннаго, а если ужь и въ такую исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ юноши, то когда-же придетъ она? Не захочу, однако-же, умолчать при семъ случаѣ и о нѣкоторомъ страшномъ явленіи, хотя и мгновенно, но все-же обнаружившемся въ эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и мелькнувшее *нѣчто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ впечатлѣніи отъ неустанно припоминавшагося теперь Алешей вчерашняго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно теперь. О, не то чтобы что нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основныхъ, стихійныхъ. такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ Него незыблемо. хотя и возроптать было на Него внезапно. Но все-же какое-то смутное, но мучительное и злое впеча-

тлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйдти на верхъ ея. Когда уже стало сильно смеркаться, проходившій сосновою рощей изъ скита къ монастырю Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу, лежавшаго подъ деревомъ лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ-бы спящаго. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто-же ты... произнесъ было онъ удивленный, но, не докончивъ, остановился. Онъ хотѣлъ сказать: неужто-же ты *до того дошелъ?* Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ догадался, что онъ его слышитъ и понимаетъ.

Да что съ тобой? продолжалъ онъ удивляться, но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ оттуда. Да что ты тутъ дѣлаешь? Какія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня-то...

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во взорѣ видѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ, впрочемъ, не на Ракитина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кротости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого, что-ли? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все по прежнему не глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные стали покрикивать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Аленка, удивилъ ты меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему здѣсь не удивлялся. Вѣдь я все-же тебя за образованнаго человѣка почиталъ...

Алеша, наконецъ, поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, точно все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только оттого, что твой старикъ провонялъ? Да неужели-же ты вѣрилъ серіозно, что онъ чудеса отмачивать начнетъ? воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя въ самое искреннее изумленіе.

— Вѣрилъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать, ну чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу, чортъ, да этому тринадцатилѣтній школьникъ теперь не вѣритъ. А, впрочемъ, чортъ... Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, взбунтовался: чиномъ, дескать, обошли, къ празднику ордена не дали! Эхъ, вы!

Алеша длинно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ на Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... но не озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только міра Его не принимаю», криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? капельку подумалъ надъ его отвѣтомъ Ракитинъ. — Что за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну, довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: былъ ты сегодня?

— Не помню... былъ, кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпиться, судя по лицу-то. Состраданіе вѣдь на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слышалъ, засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и мазня... Всего-то антидорцу кусочекъ, надо быть, пожевалъ. Есть у меня съ собой въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ на всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбасы не станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ, совсѣмъ ужъ бунтъ, баррикады! Ну, братъ, этимъ дѣломъ пренебрегать нечего. Зайдемъ ко мнѣ... Я-бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть усталъ. Водки-то, небось, не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно, братъ! дико посмотрѣлъ Ракитинъ. — Ну да такъ или этакъ, водка ль колбаса, а дѣло это лихое, хорошее и упускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракитинымъ.

— Видѣлъ-бы это братъ Ванечка, такъ какъ-бы изумился! Кстати, братецъ твой Иванъ Ѳедоровичъ сегодня утромъ въ Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ мелькнулъ у него въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и хоть напомнилъ что-то, какое-то дѣло срѣшное, котораго уже нельзя болѣе ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не произвело на него никакого впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ-же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминалъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ванечка изрекъ про меня единожды, что я «бездарный либеральный мѣшокъ». Ты-же одинъ разикъ тоже не утерпѣлъ и далъ мнѣ понять, что я «безчестенъ»... Шутъ! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончилъ это Ракитинъ уже про себя, немного). Тьфу, слушай! — заговорилъ

онъ снова громко, — минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм! Мнѣ-бы кстати надо къ Хохлаковой зайдти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и, представь, она мнѣ мнѣ отвѣчаетъ запиской, карандашомъ (ужасно любитъ записки писать эта дама), что никакъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца, какъ отецъ Зосима — *такого поступка!* Такъ вѣдь и написала: поступка! Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы всѣ! Постой! — внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придержавъ Алешу за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь, Алешка, пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, весь подъ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли, вдругъ его осѣнившей, и хотъ самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь выговорить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того онъ все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ неожиданному настроенію, въ которомъ видѣлъ теперь Алешу, — Алешка, знаешь, куда мы всего лучше-бы теперь пошли? выговорилъ онъ, наконецъ, робко и нерешительно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дрожа отъ робкаго ожиданія, изрекъ, наконецъ, Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ-же отвѣтилъ Алеша, и ужь это было до того неожиданно для Ракитина, то есть такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отпрыгнулъ назадъ.

— Н-ну!.. Вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ, крѣпко подхвативъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь, что въ томъ исчезнетъ рѣшимость. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

— А рада-то какъ она будетъ, рада-то... пробормоталъ было онъ, но опять примолкъ. Да и вовсе не для радости Грушенькиной онъ влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человѣкъ серіозный и безъ выгодной для себя цѣли ничего не предпринималъ. Цѣль-же у него теперь была двоякая, во первыхъ, мстительная, то есть увидѣть позоръ праведнаго и вѣроятное паденіе Алеши изъ святыхъ во грѣшники, чѣмъ онъ уже заранѣе упивался, а во вторыхъ, была у него тутъ въ виду и нѣкоторая матеріальная, весьма для него выгодная цѣль, о которой будетъ сказано ниже.

Значитъ, такая минутка вышла, думалъ онъ про себя весело и злобно, — вотъ мы, стало быть, и изловимъ ее за шиворотъ, минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая».

III.

Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города, близъ соборной площади, въ домѣ купеческой вдовы Морозовой, у которой нанимала на дворѣ небольшой деревянный флигель. Домъ-же Морозовой былъ большой, каменный, двухъэтажный, старый и очень непригляднаго на видъ; въ немъ проживала уединенно сама хозяйка, старая женщина съ двумя своими племянницами, тоже весьма пожилыми дѣвицами. Отдавать въ наемъ свой флигель на дворъ она не нуждалась, но всѣ знали, что пустила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре назадъ) единственно въ угоду родственницу своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю. Говорили, что ревнивый старикъ, помѣщая къ Морозовой свою фаворитку, имѣлъ первоначально въ виду зоркій глазъ старухи, чтобы наблюдать за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма скоро оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ, что Морозова даже рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не надоѣдала ей подъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ какъ старикъ привезъ въ этотъ домъ изъ губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую, застѣнчивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную, и съ тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой дѣвочки знали, впрочемъ, у насъ въ городѣ мало и сбивчиво: не узнали больше и въ послѣднее время, и это даже тогда, когда уже очень многіе стали интересоваться такою «раскрасавицей», въ какую превратилась въ четыре года Аграфена Александровна. Были только слухи, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ-то обманута, какимъ-то будто-бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ-же имъ брошена. Офицеръ-де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а Грушенька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили, впрочемъ, что хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ старикомъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила какъ-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго діакона или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ, въ четыре года, изъ чувствительной, обыкновенной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ деньгахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами или неправдами, но уже

успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить свой собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣждены: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ, и что кромѣ старика, ея покровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре года, который-бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности выскакивало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два года. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ искателей принуждены были отретироваться даже съ комическою и зазорною развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со стороны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая особа, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то что̀ называется «гешефтомъ», и что съ этой стороны она оказалась съ чрезвычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе прозвали ее сущею жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ ростъ, но извѣстно было, напримѣръ, что въ компаніи съ Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйствительно занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривеннику за рубль, а потомъ пріобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей по рублю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ лишившійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ, тиранъ своихъ взрослыхъ сыновей, больной стотысячникъ, человѣкъ скаредный и неумолимый, подпалъ, однако-же, подъ сильное вліяніе своей протеже, которую сначала было держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, «на постномъ маслѣ», какъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла эмансипироваться, внушивъ, однако-же, ему безграничное довѣріе касательно своей ему вѣрности. Этотъ старикъ, больной дѣлецъ (теперь давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, главное, скупъ и твердъ какъ кремень, и хоть Грушенька поразила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (въ послѣдніе два года, напримѣръ, это такъ и было), но капиталу большаго, значительнаго, онъ все-таки ей не отдѣлилъ, и даже если-бъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда-бы остался неумолимъ. Но отдѣлилъ зато капиталъ малый, и когда узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. «Ты сама баба не промахъ, сказалъ онъ ей, отдѣляя ей тысячъ съ восемь, сама и орудуй, но зная, что кромѣ ежегоднаго содержанія по прежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдѣлю». Такъ и сдержалъ слово: умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ, наравнѣ какъ слугъ, съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упомянулъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впослѣдствіи. Совѣтами-же какъ орудовать своимъ собственнымъ

капиталомъ онъ Грушенькѣ помогалъ не мало и указывалъ ей дѣла . Когда Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально съ Грушенькой по поводу одного случайнаго гешефта , кончилъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее безъ памяти, и какъ-бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладонь, сильно подсмѣивался. Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ за все время ихъ знакомства вполнѣ и даже какъ-бы сердечно откровенна, и это, кажется, съ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ своею любовью и Дмитрій Ѳедоровичъ, старикъ пересталъ смѣяться. Напротивъ, однажды серіозно и строго посовѣтовалъ Грушенькѣ: Если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбирай старика, но съ тѣмъ, однако-же, чтобы старый подлецъ безъ промѣшки на тебѣ женился, а предварительно хоть нѣкоторый капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не якшайся, пути не будетъ . Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго сластолюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть свою, и вправѣ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Замѣчу еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали тогда про нелѣпое и уродливое соперничество Карамазовыхъ, отца съ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, но настоящаго смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ старику и къ сыну, мало кто тогда понималъ. Даже объ служанки Грушеньки (послѣ уже разразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) показали потомъ на судѣ, что Дмитрія Ѳедоровича принимала Аграфена Александровна изъ одного лишь страху, потому, будто-бы, что убить грозился . Служанокъ у нея было двѣ, одна очень старая кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и почти оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ двадцати, Грушенькина горничная. Жила-же Грушенька очень скупо и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во флигелѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древнею, краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда вошли къ ней Ракитинъ и Алеша, были уже полныя сумерки, но комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у себя въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со спинкой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно уже истершеюся и продырявившеюся. Подъ головой у ней были двѣ бѣлыя пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навзничь, неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. Была она пріодѣта, будто ждала кого, въ шелковомъ черномъ платьѣ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая очень къ ней шла: на плечи была наброшена кружевная косынка.

приколотая массивною золотою брошкой. Именно она кого-то ждала, лежала какъ-бы въ тоскѣ и въ истерическій, съ нѣсколько побѣдневшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, кончикомъ правой ноги истерическиво постукивая по ручкѣ дивана. Чуть только появились Ракитинъ и Алеша, какъ произошелъ было маленькій переполохъ: слышно было изъ передней какъ Грушенька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно прокричала: «Кто тамъ?» Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ-же откликнулась барынѣ.

— Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

«Что-бы у нея такое?» пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу за руку въ гостиную. Грушенька стояла у дивана, какъ-бы все еще въ испугѣ. Густая прядь темно-русой косы ея выбилась вдругъ изъ-подъ наколки и упала на ея правое плечо, но она не замѣтила и не поправила пока не вглядѣлась въ гостей и не узнала ихъ.

— Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю. Съ кѣмъ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ! воскликнула она, разглядѣвъ Алешу.

— Да вели подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ развязнымъ видомъ самаго короткаго знакомаго и близкаго человѣка, имѣющаго даже право распоряжаться въ домѣ.

— Свѣчей... конечно, свѣчей... Ѳеня, принеси ему свѣчку... Ну, нашелъ время его привести! воскликнула она опять, кивнувъ на Алешу, и оборотясь къ зеркалу, быстро начала обѣими руками выправлять свою косу. Она какъ будто была недовольна.

— Аль не потрафилъ? спросилъ Ракитинъ, мигомъ почти обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что, обернулась Грушенька съ улыбкой къ Алешѣ. Не бойся ты меня, голубчикъ Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный. А ты меня, Ракитка, испугалъ: я вѣдь думала, Митя ломится. Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взяла, чтобы мнѣ вѣрить, а я налгала. Сказала ему, что къ Кузьмѣ Кузьмичу, къ старику моему, на весь вечеръ уйду и буду съ нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ нему уходу на весь вечеръ счеты сводить. На замокъ запремся: онъ на счетахъ постукиваетъ, а я сижу—въ книги вписываю—одной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ, что я тамъ, а я вотъ дома заперлась—сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ Ѳеня впустила! Ѳеня, Ѳеня! Бѣги къ воротамъ, отвори и огляди кругомъ, нѣтъ-ли гдѣ капитана-то? Можетъ, спрятался и высматриваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ. Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ оглянула, я и въ щелку подглядѣла, сижу помнутно, сама въ страхѣ-трепетъ.

— Ставни заперты-ли, Ѳеня, да занавѣсь-бы опустить —вотъ такъ! Она сама опустила тяжелыя занавѣсы, — а то на огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Мити, братца твоего, Алеша, сегодня боюсь. Грушенька говорила громко, хотя и въ тревогѣ, но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдомился Ракитинъ,—кажется, съ нимъ не пуглива, но твоей дудкѣ пляшетъ.

— Говорю тебѣ вѣсти жду, золотой одной такой вѣсточки, такъ что Митеньки-то и не надо-бы теперь вовсе. Да и не повѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу пошла. Должно быть, сидитъ теперь тамъ у себя, у Ѳедора Павловича на задахъ въ саду, меня сторожитъ. А коли тамъ засѣлъ, значитъ, сюда не придетъ, тѣмъ и лучше! А вѣдь къ Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь собѣгала, Митя-же меня и проводилъ, сказала до полночи проспку и чтобъ онъ-же меня безпремѣнно принелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, а я минутъ десять у старика посидѣла, да и опять сюда, ухъ боялась -обѣжала чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Нынь вѣдь какой чепецъ на тебѣ любопытный?

– И ужь какой-же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Говорю тебѣ, такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскачу—полечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась, чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь—скоро состаришься.

— Нынь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видѣлъ такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Что-жь мнѣ, Ракитка, съ тобой что-ли разговаривать, когда тутъ такой князь стоитъ. Вотъ такъ гость! Алеша, голубчикъ, глядю я на тебя и не вѣрю: Господи, какъ это ты у меня появился! Но правдѣ тебѣ сказать, не ждала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила, чтобы ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а страхъ я тебѣ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяцъ ты мой молодой. Право, я еще какъ будто и не соображусь... Эхъ ты, Ракитка, если-бы ты его вчера, али третьяго дня привелъ!.. Ну, да рада и такъ. Можетъ, и лучше, что теперь, подъ такую минуту, а не третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, и глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. Дѣйствительно была

рада, не лгала, говоря это. Глаза ея горѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Онъ встрѣчалъ ее до вчерашняго дня мало, составилъ объ ней устранающее понятіе, а вчера такъ страшно былъ потрясенъ ея злобною и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и былъ очень удивленъ, что теперь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ какъ-бы иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ придавленъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ-бы измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не было этой вчерашней слащавости въ выговорѣ почти всѣхъ, этихъ изгѣженныхъ и манерныхъ движеній... все было просто, простодушно, движенія ея были скорыя, прямыя, довѣрчивыя, но была она очень возбуждена.

Господи, экія все вещи сегодня сбываются, право, залепетала она опять.—И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сама не знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

Ну ужь и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракитинъ. — Прежде-то зачѣмъ нибудь приставала-же ко мнѣ: приведи да приведи его, имѣла-же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то прошло, не такая минута. Подчивать я васъ стану, вотъ что. Я теперь подобрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь? Ай ты ужь сѣлъ? Небось, Ракитушка, себя не забудетъ. Вотъ онъ теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ, да и обижается: зачѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ, обидчивъ у меня Ракитка, обидчивъ! засмѣялась Грушенька. Не злись, Ракитка, ныньче я добрая. Да чего ты грустенъ сидишь, Аленечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой заглянула она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробасилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой нибудь мелешь, скверность какую нибудь хочешь сказать. Молчи, дуракъ. Пустишь меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ! И вдругъ она мигомъ привскочила и прыгнула, смѣясь, ему на колѣни, какъ ласкающаяся кошечка, нѣжно правою рукой охвативъ ему шею: — развеселю я тебя, мальчикъ ты мой богомольный! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у тебя посидѣть, не осердишься? Прикажешь—я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ, боясь шевельнуться, онъ слышалъ ея слова: «прикажешь—я соскочу», но не отвѣтилъ, какъ будто

замеръ. Но не то въ немъ было, чего могъ-бы ждать и что могъ-бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хоть Ракитинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое горе души его поглощало всѣ ощущенія, какія только могли зародиться въ сердцѣ его, и если только могъ-бы онъ въ сію минуту дать себѣ полный отчетъ, то и самъ-бы догадался, что онъ теперь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и искушенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю смутную безотчетность его душевнаго состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ все-же дивился невольно одному новому и страшному ощущенію, рождавшемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта страшная женщина не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, страхомъ зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о женщинѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но, напротивъ, эта женщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него на колѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ теперь совсѣмъ иное, неожиданное и особливое чувство, чувство какого-то необыкновеннаго, величайшаго и чистосердечнѣйшаго къ ней любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ малѣйшаго прежняго ужаса,—вотъ что было главное и что невольно удивляло его.

— Да полно вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракитинъ,—а лучше шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

— Вправду долгъ. Вѣдь я, Алена, ему за тебя шампанскаго, сверхъ всего, обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шампанскаго и я станцу пить! Оеня, Оеня, неси намъ шампанскаго, ту бутылку, которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хоть и скупая, а бутылку подамъ, не тебѣ, Ракитка, ты грибъ, а онъ князь! И хоть не тѣмъ душа моя теперь полна, а такъ и быть, выпью и я съ вами, дебошрить хочется!

— Да что это у тебя за минута, и какая такая тамъ вѣсть, можно спросить, аль секретъ? съ любопытствомъ вернулъ опять Ракитинъ, изо всей силы дѣлая видъ, что и вниманія не обращаетъ на щелчки, которые въ него летѣли безпрерывно.

— Эхъ, не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно проговорила вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Ракитину и отклонясь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжая сидѣть у него на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею,— офицеръ ѣдетъ, Ракитинъ, офицеръ мой ѣдетъ!

— Слышалъ я, что ѣдетъ, да развѣ ужъ такъ близко?

— Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ, такъ самъ написалъ, давеча письмо получила. Сижу и жду эстафета.

— Вона! Почему въ Мокромъ?

— Долго разсказывать, да и довольно съ тебя.

То-то Митенька-то теперь, — уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль не знаетъ?

— Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ, такъ убилъ-бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я теперь его ножа. Молчи, Ракитка, не поминай мнѣ о Дмитріѣ Ѳедоровичѣ: сердце онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу я ни о чемъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ объ Алешечкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхнись ты на меня, голубчикъ, развеселись, на глупость-то мою, на радость-то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся! Инъ ласково какъ смотритъ. Я, знаешь, Алеша, все думала, что ты на меня сердишься за третьеводнишнее, за барынино-то. Собака я была, вотъ что... Только, все-таки, хорошо оно, что такъ произошло. И дурно оно было, и хорошо оно было, вдумчиво усмѣхнулась вдругъ Грушенька и какая-то жестокая черточка мелькнула вдругъ въ ея усмѣшкѣ.—Митя сказывалъ, что кричала: Плетьми ее надо!» Разобидѣла я тогда ее ужь очень. Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обольстить... Нѣтъ, оно хорошо, что такъ произошло, усмѣхнулась она опять. — Да вотъ боюсь все, что ты осердился...

— А вѣдь и вирямъ, съ серіознымъ удивленіемъ ввернулъ вдругъ Ракитинъ. — Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ дѣлѣ боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпленокъ, вотъ что... потому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я, видишь, я люблю его душой, вотъ что! Вѣришь, Алеша, что я люблю тебя всею душой?

— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Алексѣй, объясняется!

— А что-жь, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по бабьему выходитъ!

— Не зли меня, Ракитка, горячо подхватила Грушенька, — одно, а это другое. Я Алешу по иному люблю. Правда, Алеша, была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я низкая, я вѣдь нечестовая. Ну, а въ другую минуту я, бывало, Алеша, на тебя какъ на совѣсть мою смотрю. Все думаю: вѣдь ужь какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ . И третьяго дня это думала, какъ отъ барынини сюда бѣжала. Давно я тебя замѣтила такъ, Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ Митя такъ понимаетъ. Вѣришь-ли, иной разъ, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всей себя стыжусь... И какъ это я объ тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не помню...

Вошла Ѳеня и поставила на столъ подносъ, на немъ откупоренную бутылку и три налитые бокала.

— Шампанское принесли! прокричалъ Ракитинъ, — возбуждена ты, Аграфена Александровна, и внѣ себя. Бокалъ выпьешь, танцовать пойдешь. Э-эхъ, и того не съумѣли сдѣлать, прибавилъ онъ, разглядывая шампанское. — Въ кухнѣ старуха розлила, и бутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну, давай хоть такъ...

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бокалъ, выпилъ залпомъ и налилъ себѣ другой.

— На шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ, облизываясь. — шутка, Алеша, бери бокалъ, покажи себя. За что-же намъ пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокалъ, пей и ты за райскія двери.

— За какія это райскія двери?

Она взяла бокалъ, Алеша взялъ свой, отпилъ глотокъ и поставилъ бокалъ назадъ.

— Нѣтъ, ужь лучше не надо! улыбнулся онъ тихо.

— А хвалился! крикнулъ Ракитинъ.

— Ну и я, коли такъ, не буду, подхватила Грушенька, — да и не хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьетъ Алеша, и я тогда выпью.

— Телячьи нѣжности пошли! поддразнилъ Ракитинъ.—А сама на колѣнкахъ у него сидитъ! У него, положимъ, горе, а у тебя что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

— Что такъ?

— Старецъ его померъ сегодня, старецъ Зосима, святой.

— Такъ умеръ старецъ Зосима! воскликнула Грушенька,—Господи. а я того и не знала! — Она набожно перекрестилась. — Господи. да что-же я, а я-то у него на колѣнкахъ теперь сижу! вскинулась она вдругъ какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ колѣнъ и пересѣла на диванъ. Алеша длинно съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось.

— Ракитинъ. проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо, — не дразни ты меня, что я противъ Бога моего взбунтовался. Не хочу я злобы противъ тебя имѣть. а потому будь и ты добрѣе. Я потерялъ такое сокровище, какого ты никогда не имѣлъ. и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видѣлъ, какъ она меня поощрила? Я шелъ сюда злую душу найдти — такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ подлъ и золъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище — душу любящую... Она сейчасъ поощрила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ возстановила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ остановился.

— Будто ужь такъ и спасла тебя! засмѣялся Ракитинъ злобно. — А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька. Молчите вы оба. Теперь я все скажу: ты, Алена, молчи, потому что отъ твоихъ такихъ словъ меня стыдь береть. потому что я злая, а не добрая, — вотъ я какая. А ты, Ракитка, молчи потому, что ты лжешь. Была такая подлая мысль. что хотѣла его проглотить, а теперь ты лжешь. теперь все не то... и чтобъ я тебя больше совсѣмъ не слыхала. Ракитка! Все это Грушенька проговорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошипѣлъ Ракитинъ, съ удивленіемъ разсматривая ихъ обоихъ. — какъ помѣшанные, точно я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, плакать сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать. и начну плакать! приговаривала Грушенька, — онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда того впредь не забуду! Только вотъ что. Ракитка, я хоть и злая, а все-таки я луковку подала.

— Каку таку луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣшались!

Ракитинъ удивился на ихъ восторженность и обидчиво злился, хотя и могъ-бы сообразить. что у обоихъ какъ разъ сошлось все, что могло потрясти ихъ души такъ. какъ случается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій весьма чувствительно понимать все, что касалось его самого, былъ очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ своихъ, — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму.

— Видишь, Аленчка, первю размѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракитѣ похвалилась, что луковку подала. а тебѣ не похвалюсь, я тебѣ съ иной цѣлью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, отъ моей Матрены, что теперь у меня въ кухаркахъ служитъ, слышала. Видишь какъ это: Жила-была одна баба, злющая-презлющая, и померла. И не осталось послѣ нея ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ огненное озеро. А Ангелъ-хранитель ея стоитъ да и думаетъ: какую-бы мнѣ такую добродѣтель ея припомнить. чтобы Богу сказать. Вспомнилъ, и говоритъ Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку выдернула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми-жь ты. говоритъ, эту самую луковку. протяни ей въ озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то пусть въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оста-

ваться бабѣ, гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей луковку: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осторожно тянуть, и ужъ всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ озерѣ, какъ увидали, что ее тянутъ вонъ, и стали всѣ за нее хвататься, чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она ихъ ногами брыкать: Меня тянуть, а не васъ, моя луковка, а не ваша. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба въ озеро и горитъ по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ. Вотъ она эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я и есть эта самая баба злющая. Ракитѣ я похвалилась, что луковку подала, а тебѣ иначе скажу: *всего-то* я луковку какую нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай меня доброю. Злая я, злющая-презлющая, а будешь хвалить, въ стыдъ введешь. Эхъ, да ужъ покаюсь совсѣмъ. Слушай, Алеша: я тебя столь желала къ себѣ залучить и столь приставала къ Ракитѣ, что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко мнѣ приведетъ! Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами подошла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмоне, а изъ него двадцати-пятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! воскликалъ озадаченный Ракитинъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, не боись не откажешься, самъ просилъ.—И швырнула ему кредитку.

— Еще-бъ отказаться, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфузившись, но молодцовато прикрывая стыдъ, — это намъ вельми на руку будетъ. дураки и существуютъ въ профитъ умному человѣку.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все что буду говорить, не для твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не любишь ты насъ, и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитинъ. Двадцати-пятирублевую кредитку онъ сунулъ въ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно. Онъ разсчитывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не узналъ, а теперь отъ стыда озлился. До сей минуты онъ находилъ весьма политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ. не смотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было. что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился:

— Любятъ за что нибудь, а вы что мнѣ сдѣлали оба?

— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любитъ.

— А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что онъ тебѣ такого показалъ. что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ и въ голосѣ ея послышались истерическія ноткн.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у насъ! И не смѣй ты мнѣ впредь *ты* говорить, не хочу тебѣ позволять, и съ чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ уголъ и молчи какъ мой лакей! А теперь, Алеша, всю правду чистую тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ какая я тварь! Не Ракитѣ, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алеша, правда это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла, что Ракитку деньгами подкупила, чтобы тебя привелъ. И изъ чего такого я такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ меня отворачивался, пройдешь—глаза опустишь, а я на тебя сто разъ до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лицо твое у меня въ сердцѣ осталось: «Презираетъ онъ меня, думаю, посмотрѣть даже на меня не захочетъ». И такое меня чувство взяло подъ конецъ, что сама себѣ удивляюсь: чего я такого мальчика боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду. Обозлилась совсѣмъ. Вѣришь-ли тому: никто-то здѣсь не смѣетъ сказать и подумать, чтобъ къ Аграфенѣ Александровнѣ за худымъ этимъ дѣломъ придти; старикъ одинъ только тутъ у меня, связана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ другихъ—никто. Но на тебя глядя, положила: его проглочу. Проглочу и смѣяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую ты сестрой своею назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчикъ мой, сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ былъ мнѣ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма,—такъ я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобъ меня не видали и не слыхали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю—думаю: И ужь гдѣ-жь онъ теперь, мой обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другою надо мной, и ужь я-жь его, думаю, только-бы увидѣть его, встрѣтить когда: то ужь я-жь ему отплачу, ужь я-жь ему отплачу!— Ночью въ темнотѣ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю: «Ужь я-жь ему, ужь я-жь ему отплачу!» Такъ, бывало, и закричу въ темноту. Да какъ вспомню вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мной смѣется теперь, а, можетъ, и совсѣмъ забылъ и не помнитъ, такъ кинусь съ постели на полъ, зальюсь безсильною слезой и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что-жь ты думаешь: стала я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла,—поумнѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ-же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все такъ какъ и дѣвчонкой, пять лѣтъ тому, лежу иной разъ, скрежещу зу-

бами и всю ночь плачу: «Ужь я-жь ему, да ужь я-жь ему», думаю! Слышалъ ты это все? Ну такъ какъ-же ты теперь понимаешь меня: мѣсяцъ тому приходитъ ко мнѣ вдругъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повидаться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да вдругъ и подумала: а пріѣдетъ да свиститъ мнѣ, позоветъ меня, такъ я какъ собаченка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю это я и сама себѣ не вѣрю: «Подлая я аль не подлая, побѣгу я къ нему аль не побѣгу? И такая меня злость взяла теперь на самое себя во весь этотъ мѣсяцъ, что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ тому. Видишь-ли теперь, Алена, какая я нечистовая, какая я яростная, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась, чтобы къ тому не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, думала, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать, что у меня въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алена, скажи своей барынѣ, чтобъ она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ свѣтѣ каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я, можетъ быть, сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...

И вымолвивъ это жалкое слово, Грушенька вдругъ не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диванъ въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ мѣста и подошелъ къ Ракитину.

— Миша, проговорилъ онъ,—не сердись. Ты обиженъ ею, но не сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души человѣка столько спрашивать, надо быть милосерднѣе...

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему надо было высказаться и онъ обратился къ Ракитину. Если-бъ не было Ракитина, онъ сталъ-бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ поглядѣлъ насмѣшливо и Алеша вдругъ остановился.

— Это тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь ты своимъ старцемъ въ меня и выпалилъ, Аленька, Божій человѣчекъ, съ ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.

— Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про покойника: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ голосѣ прокричалъ Алеша.—Я не какъ судья тебѣ всталъ говорить, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я предъ нею? Я шелъ сюда чтобы погибнуть и говорилъ: пусть, пусть! и это изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ муки, только что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ—все простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зоветъ ее, и она все прощаетъ ему и спѣшитъ къ нему въ радости, и не возьметъ ножа.

не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не знаю таковъ-ли ты, Миша, но я не таковъ. Я сегодня, сейчасъ этотъ урокъ получилъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ-ли ты отъ нея прежде то, что она разсказала теперь? Нѣтъ, не слышалъ; если-бы слышалъ, то давно-бы все понялъ... и другая обиженная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ коль узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... въ душѣ этой, можетъ быть, сокровище...

Алеша замолкъ, потому что ему пересѣкло дыханіе. Ракитинъ, не смотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеши такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, что-ли? Аграфена Александровна, вѣдь постникъ-то нашъ и вирямъ въ тебя влюбился, побѣдила! прокричалъ онъ съ наглымъ смѣхомъ.

Грушенька подняла съ подушки голову и поглядѣла на Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вдругъ распухшемъ отъ сегчашнихъ слезъ лицѣ.

— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь онъ какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, обратилась она къ Ракитину,— хотѣла было у тебя прощенія попросить зато, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Алеша, поди ко мнѣ, сядь сюда, манила она его съ радостною улыбкой, вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла его за руку и заглядывала ему, улыбаясь, въ лицо),—скажи ты мнѣ: люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или нѣтъ? Искала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сердце: люблю я того или нѣтъ? Разрѣшни ты меня, Алеша, время пришло, что положишь, такъ и будетъ. Простить мнѣ его, или нѣтъ?

— Да вѣдь ужь простила, улыбаясь, проговорилъ Алеша.

— А и впрямь простила, вдумчиво произнесла Грушенька.— Экое вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! схватила она вдругъ со стола бокалъ, разомъ выпила, подняла его и съ розмаха бросила на полъ. Бокалъ разбился и зазвенѣлъ. Какая-то жестокая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь, можетъ, еще и не простила, какъ-то грозно проговорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна сама съ собой говорила.—Можетъ, еще только собирается сердце простить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь, Алеша, слезы мои пятилѣтнія страхъ полюбила... Я, можетъ, только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну, не хотѣлъ-бы я быть въ его кожѣ! проворчалъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракитка, никогда въ его вожъ не будешь. Ты мнѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое дѣло употреблю, а такой какъ я тебѣ никогда не видать... Да и ему, можетъ, не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? ехидно поддразнилъ Ракитинъ.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка. не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу и сорву наряд, сейчасъ сорву, сію минуту. звонко прокричала она. — Не знаешь ты для чего этотъ нарядъ. Ракитка! Можетъ, выйду къ нему и скажу: Видалъ ты меня такую, аль нѣтъ еще?» — Вѣдь онъ меня семнадцатилѣтнюю, тоненькую. чахоточную плаксу оставилъ. Да подойду къ нему, да обольщу, да разожгу его: Видалъ ты, какова я теперь, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый государь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало! —вотъ вѣдь къ чему, можетъ, этотъ нарядъ, Ракитка, закончила Грушенька со злобнымъ смѣшкомъ.—Неистовая я, Алена, яростная. Сорву я мой нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и разрѣжу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни къ кому, захочу завтра-же отошлю Кузьмѣ все, что онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь работницей подлой пойду!.. Думаешь, не сдѣлаю я того, Ракитка, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣлать, не раздражайте только меня... а того прогоню, тому ничъ покажу, тому меня не видать!

Послѣднія слова она истерически прокричала, но не выдержала опять, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и опять затряслась отъ рыданій. Ракитинъ всталъ съ мѣста:

— Пора, сказалъ онъ,—поздно, въ монастырь не пропустятъ.

Грушенька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто-жъ ты уходить, Алена, хочешь! воскликнула она въ горестномъ изумленіи:—да что-жъ ты надо мной теперь дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь, опять мнѣ одной оставаться!

— Не почевать-же ему у тебя? А коли хочетъ— пусть! Я и одинъ уйду! язвительно поддразнилъ Ракитинъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Грушенька, — никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ, какія онъ мнѣ пришелъ сказать.

— Что онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно проворчалъ Ракитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ... Показалъ

онъ меня первый, единый, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она предъ нимъ на колѣни какъ-бы въ изступленіи. Я всю жизнь такого какъ ты ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ. Вѣрила, что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ!..

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ? умиленно улыбаясь, отвѣчалъ Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки, —луковку я тебѣ подалъ, одну самую малую луковку, только, только!..

И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ сѣняхъ вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю: Грушенька вскочила какъ-бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Ѳеня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакалъ! воскликала она весело и запыхавшись.—Тарантасъ изъ Мокраго за вами, Тимофей ямщикъ на тройкѣ. сейчасъ новыхъ лошадей перелокать... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время пока кричала махала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько строкъ, въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! прокричала она вся блѣдная съ перекосившимся отъ болѣзненной улыбки лицомъ,—свистнулъ! Ползи, собачонка!

Но только мигъ одинъ простояла какъ-бы въ нерѣшимости; вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки огнемъ.

— Бду! воскликнула она вдругъ. — Пять мохъ лѣтъ! Прощайте! Прощай, Алеша, рѣшена судьба... Ступайте, ступайте, ступайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Полетѣла Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и ты, Ракитка. Можетъ, на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная!

Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

— Ну, ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракитинъ.— Идемъ, а то, пожалуй, опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надобли ужъ мнѣ эти слезные крики...

Алеша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ тарантасъ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ отворенныя ворота ввели свѣжую тройку. Но только что сошли Алеша и Ракитинъ съ крыльца, какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ Алешѣ:

— Алешечка, поклонись своему братцу Митенькѣ, да скажи ему, чтобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да передай ему тоже моими словами: «Подлецу досталась Грушенька, а не тебѣ,

благородному! Да прибавь ему тоже, что любила его Грушенька одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и любила,—такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева помнилъ, такъ, дескать, Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..

Она закончила голосомъ полнымъ рыданій. Окно захлопнулось.

— Гм! Гм! промычалъ Ракитинъ, смѣясь, — зарѣзала братца Митеньку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое плотоядіе!

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слыхалъ; онъ шелъ подлѣ Ракитина скоро, какъ-бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ-бы въ забытьи, шелъ машинально. Ракитина вдругъ что-то укололo, точно рану его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того ждалъ онъ давеча, когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ иное случилось, а не то чего-бы ему очень хотѣлось.

— Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять, сдерживаясь,—да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ таможнѣ чиновникомъ въ Сибири служилъ гдѣ-то тамъ на Китайской границѣ. должно быть, какой полячеочекъ мозглявенькій. Мѣсто, говорятъ, потерялъ. Прослышалъ теперь, что у Грушеньки капиталъ завелся, вотъ и вернулся,—въ томъ и всѣ чудеса.

Алеша опять точно не слыхалъ. Ракитинъ не выдержалъ:

— Что-жь, обратилъ грѣшницу? злобно засмѣялся онъ Алешѣ. — Блудницу на путь истины обратилъ? Семь бѣсовъ изгналъ, а? Вотъ они гдѣ наши чудеса-то давнія, ожидаемыя, совершились!

— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давнишнихъ презрѣнь? Продалъ, дескать, истиннаго друга. Да вѣдь ты не Христосъ, а я не Іуда.

— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ этомъ, воскликнулъ Алеша, — самъ ты сейчасъ напомнилъ...

Но Ракитинъ озлился уже окончательно.

— Да чортъ васъ дери всѣхъ и каждаго! завопилъ онъ вдругъ,— и зачѣмъ я, чортъ, съ тобою связался! Знать я тебя не хочу больше отселева. Пошелъ одинъ, вонъ твоя дорога!

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ Алешу одного во мракѣ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ полемъ къ монастырю.

IV.

Кана Галилейская.

Было уже очень поздно по монастырскому, когда Алеша пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробило уже девять часовъ, — часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника Порфирія, утомленнаго вчерашнею ночною бесѣдой и сегодняшнею суетой, и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паисій, хоть и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣлялось слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣснялось другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ головращеніи. Но сердцу было сладко и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять видѣть онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго крышкой драгоцѣннаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и сердцѣ его. Одно окно кельи было отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый, — значитъ, духъ сталъ еще сильнѣе коли рѣшились отворить окно, подумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и безславною, не подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго негодованія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ-же гасли, смѣняясь другими, но зато царило въ душѣ что-то цѣлое, твердое, утѣшающее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда онъ пламенно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благодарить и любить... Но начавъ молитву, переходилъ вдругъ на что нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву, и то чѣмъ прервалъ ее. Сталъ было слушать, что̀ читалъ отецъ Паисій, но утомленный очень, мало по малу началъ дремать...

И въ третій день бракъ бысть въ Кинѣ Галилейстѣй, читалъ отецъ Паисій, *и бѣ Матери Іисусова тамъ. Званъ-же бысть Іисусъ и ученицы его на бракъ».*

— Бракъ? Что это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умъ Алеши,— у нея тоже счастье... поѣхала на пиръ... Нѣтъ, она не взяла ножа, не взяла ножа... Это было только жалкое слово... Ну... жалкія слова надо прощать, непремѣнно. Жалкія слова тѣшатъ душу... безъ нихъ горе было-бы слишкомъ тяжело у людей. Ракитинъ уйдетъ въ переулокъ. Пока Ракитинъ будетъ думать о своихъ обидахъ онъ будетъ всегда уходить въ переулокъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея... А?.. что чи-таютъ?

.....И не доставшу вїну, глаголи Мати Іисусова къ Нему: вїна не имутъ»... слышалось Алешѣ.

— Ахъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю: Это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ, это чудо, ахъ, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посѣтилъ Хри-стосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ... Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ ... Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, говоритъ Митя... Да, Митя... Все что истинно и прекрасно всегда полно всепрощенія, — это опять-таки онъ говорилъ...

.....Глаголя ей Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ жено; не у пріиде часъ Мой. Глаголя Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите»...

— Сотворите... Радость, радость какихъ нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей... Ужь конечно, бѣдныхъ, коли даже на свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки, что около озера Гени-саретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно вообразить... И знало-же другое великое сердце другаго великаго существа бывшаго тутъ-же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и просто-душное немудрое веселіе какихъ нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. Не пришелъ еще часъ Мой, Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ-же и сдѣлалъ-же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читаетъ:

.....Глаголя имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха.

И глаголя имъ: почерпите нынѣ и принесите архітрі-клінови, и принесоша.

Иноже вкуси архітріклінъ вїна бывшаго отъ воды, и не вѣаше откуду есть: слуи-же вѣяху почерпшіи воду: пригласи жениха архітріклінъ.

И глаголя ему: всякъ человѣкъ прежде доброе вїно полагаетъ, и егда упіются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вїно доселѣ».

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ, да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ и веселая толпа и... гдѣ-же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большаго стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!..

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба ужь нѣтъ, и онъ въ той-же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ-же это, онъ, стало быть, тоже на пиръ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже звань, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ-же не онъ коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичокъ.—Пьемъ вино новое, вино радости новой, великой: видишь, сколько гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ, вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подалъ, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку съумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!.. А видишь-ли Солнце наше, видишь-ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь, сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ

до боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся...

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ что̀ читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ-же отвелъ ихъ опять, поняв, что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осеніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ-бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. Обей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои ... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и не стыдился изступленія сего. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, соприкасаясь мірамъ иными . Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за всѣ, а за меня и другіе просятъ . прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ какимъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ-бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сошло въ душу его. Какая-то какъ-бы идея вонарялась въ умъ его и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на

всю жизнь большомъ, и сознать и почувствовать это вдругъ. Въ ту-же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Аленъ во всю жизнь свою потомъ этой минуты. «Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ! говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему пребывать въ мірѣ».

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Митя.

I.

Кузьма Самсоновъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую жизнь, велѣла передать свой послѣдній привѣтъ и заказала помнить на вѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не вѣдая о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи и хлопотахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невообразимомъ состояніи, что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Аленъ наканунѣ не могъ розыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ-же день не могъ устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квартирки, въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу слѣды его. Онъ-же въ эти два дня буквально метался во всѣ стороны, «борясь съ своею судьбой и спасая себя», какъ онъ самъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слетать по одному горячему дѣлу вонъ изъ города, не смотря на то, что страшно было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку безъ глаза надъ нею. Все это впослѣдствіи выяснилось въ самомъ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы намѣтимъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ ужасныхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшной катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его.

Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно,

это правда, но и мучила-же его въ тоже время иной разъ дѣйствительно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ, что ничего-то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить-же лаской или силой не было тоже возможности: не далась-бы ни за что̀, а только-бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе, это онъ ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма вѣрно, что она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то необычайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все рѣшиться не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ, замирая сердцемъ, что минутами она должна была просто ненавидѣть его съ его страстью. Такъ, можетъ быть, и было, но объ чемъ именно тосковала Грушенька, того онъ всѐтаки не понималъ. Собственно для него весь вопросъ его мучивній складывался лишь въ два опредѣленія: или онъ, Митя, или Ѳедоръ Павловичъ. Тутъ, кстати, нужно обозначить одинъ твердый фактъ: онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Павловичъ непремѣнно предложитъ (если ужъ не предложилъ) Грушенькѣ законный бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ надѣется отдѣлаться лишь тремя тысячами. Это зналъ Митя, зная Грушеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло казаться временами, что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость происходитъ тоже лишь оттого, что она не знаетъ кого изъ нихъ выбрать и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ-же возвращеніи офицера, то есть того роковаго человѣка въ жизни Грушеньки, прибытія котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и страхомъ, онъ—странно это—въ тѣ дни даже и не думалъ думать. Правда, что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни очень молчала. Однако ему было вполнѣ извѣстно отъ нея-же самой о письмѣ, полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого бывшаго ея обольстителя, было извѣстно отчасти и содержаніе письма. Тогда въ одну злую минутку, Грушенька ему это письмо показала, но, къ ея удивленію, письму этому онъ не придалъ почти никакой цѣны. И очень было-бы трудно объяснить почему: можетъ быть, просто потому, что самъ, угнетенный всѣмъ безобразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ за эту женщину, онъ уже и предположить не могъ для себя ничего страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ, въ то время. Женихъ-же, вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтняго исчезновенія, онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому, что тотъ скоро пріѣдетъ. Да и въ самомъ въ этомъ первомъ письмѣ офицера, которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ этого новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было очень туманное, очень высокопарное и наполнено лишь чувствительностью. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ него послѣднія строчки

письма, въ которыхъ говорилось нѣсколько опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому-же Митенька вспоминалъ потомъ, что въ ту минуту уловилъ какъ-бы нѣкоторое невольное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири въ лицѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ уже ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало по малу онъ совсѣмъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, что что-бы тамъ ни вышло и какъ-бы дѣло ни обернулось, а надвигавшаяся окончательная схватка его съ Ѳедоромъ Павловичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего другаго. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Грушеньки и все вѣрилъ, что оно произойдетъ какъ-бы внезапно, по вдохновенію. Вдругъ она скажетъ ему: «Возьми меня, я на вѣки твоя» — и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край свѣта тотчасъ-же. О, тотчасъ-же увезетъ какъ можно, какъ можно дальше, если не на край свѣта, то куда нибудь на край Россіи, женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ чтобъ ужъ никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ и нигдѣ. Тогда, о, тогда начнется тотчасъ-же совсѣмъ новая жизнь! Объ этой другой, обновленной и уже добродѣтельной жизни (непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной) онъ мечталъ поминутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенія и обновленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своею волей, слишкомъ тяготилъ его и онъ, какъ и очень многіе въ такихъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только-бы не эти люди, только-бы не эти обстоятельства, только-бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста и — все возродится, пойдетъ по новому! Вотъ во что онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, *счастливаго* рѣшенія вопроса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но ужасный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: «стунай, я порѣшила сейчасъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, и выхожу за него замужъ, а тебя не надо» — и тогда... но тогда... Митя, впрочемъ, не зналъ что̀ будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу не зналъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣленныхъ у него не было, преступленіе обдумано не было. Онъ только слѣдилъ, шпіонилъ и мучился, но готовился все-таки лишь къ первому счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ всякую другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая мука, вставало одно совсѣмъ новое и постороннее, но тоже роковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ если она скажетъ ему: «я твоя, увези меня», то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то средства, деньги? У него

какъ разъ къ этому сроку изякли всѣ, до сихъ поръ не прерывавшіеся въ продолженіе стольких лѣтъ, его доходы отъ подачекъ Ѳедора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалась страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ ней новую жизнь на свои средства, а не на ея; онъ вообразить даже не могъ, что возьметъ у нея ея деньги, и страдалъ отъ этой мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь здѣсь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю: таковъ былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это происходить косвенно и какъ-бы безсознательно даже отъ тайныхъ мукъ его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины Ивановны: «предъ одной подлецъ и предъ другой тотъ-часъ-же выйду опять подлецъ», думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ признавался: «да Грушенька коли узнаетъ, такъ и сама не захочетъ такого подлеца». Итакъ, гдѣ-же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, и единственно потому, что не хватило денегъ, о, позоръ!

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ, можетъ быть, и зналъ, гдѣ достать эти деньги, зналъ, можетъ быть, гдѣ и лежатъ онѣ. Подробнѣе на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ все объяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда, и хотя неясно, но я это выскажу; чтобы взять эти лежащія гдѣ-то средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было предварительно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ — иначе «я карманный воръ, я подлецъ, а новую жизнь я не хочу начинать подлецомъ», рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ перевернуть весь міръ, если надо, но непремѣнно эти три тысячи отдать Катеринѣ Ивановнѣ во что-бы то ни стало и *прежде всего*. Окончательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ, такъ сказать, въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ послѣдняго свиданія съ Аленой, два дня тому назадъ вечеромъ, на дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катерину Ивановну, а Митя, выслушавъ разсказъ о томъ отъ Алеши, сознался, что онъ подлецъ, и велѣлъ передать это Катеринѣ Ивановнѣ, если это можетъ сколько нибудь ее облегчить. Тогда-же, въ ту же ночь, разставшись съ братомъ, почувствовалъ онъ въ изступленіи своемъ, что лучше ему даже убить и ограбить кого нибудь, но долгъ Катѣ возвратить. Пусть ужь лучше я предъ тѣмъ, убитымъ и ограбленнымъ — убійцей и воромъ выйду и предъ всѣми людьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ будетъ сказать, что я ей измѣнилъ и у нея-же деньги укралъ, и на ея-же деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную жизнь начинать! Этого не могу!» Такъ со скрежетомъ зубовъ изрекъ Митя и

дѣйствительно могъ представлять себѣ временами, что кончитъ воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...

Странное дѣло: казалось-бы, что тутъ при такомъ рѣшеніи. Кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось: ибо гдѣ взять вдругъ такія деньги, да еще такому больному, какъ онъ? А между тѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что достанетъ эти три тысячи, что они придутъ, слетятъ къ нему какъ нибудь сами, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ тѣми, которые какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и могатъ доставшіеся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого понятія. Самый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его сейчасъ послѣ того какъ онъ третьяго дня разстался съ Аленой и спутались всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что началъ онъ съ самаго дикаго предпріятія. Да, можетъ быть, именно въ этакихъ положеніяхъ у этакихъ людей самыя невозможныя и фантастическія предпріятія представляются первыми возможнѣйшими. Онъ вдругъ порѣшилъ поѣхать къ купцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одинъ планъ, достать отъ него подъ этотъ планъ разомъ всю искомую сумму; въ планѣ своемъ съ коммерческой стороны онъ не сомнѣвался нисколько, а сомнѣвался лишь въ томъ какъ посмотритъ на его выходку самъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной только коммерческой стороны. Митя хоть и зналъ этого купца въ лицо, но знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не говорилъ съ нимъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основалось убѣжденіе, что этотъ старый развратитель, дышащій теперь на ладонь, можетъ быть, вовсе не будетъ въ настоящую минуту противиться, если Грушенька устроитъ какъ нибудь свою жизнь честно и выйдетъ за благонадежнаго человѣка замужъ. И что не только не будетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, повернись только случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ-ли какимъ, или изъ какихъ нибудь словъ Грушеньки, но онъ заключилъ тоже, что старикъ, можетъ быть, предпочелъ-бы его для Грушеньки Ѳедору Павловичу. Можетъ быть, многимъ изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ разсчетъ на подобную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту, такъ сказать, изъ рукъ ея покровителя слишкомъ уже грубымъ и небрезгливымъ со стороны Дмитрія Ѳедоровича. Могу замѣтить лишь то, что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окончательно прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ безконечнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти, что разъ Грушенька выговоритъ ему, что его любитъ и за него идетъ, то тотчасъ-же и начнется совсѣмъ новая Грушенька, а вмѣстѣ

съ нею и совсѣмъ новый ,Дмитрій Ѳедоровичъ, безо всякихъ уже пороковъ, а лишь съ одними ,добродѣтелями: оба они ,другъ ,другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совсѣмъ по новому. Что-же до Кузьмы Самсонова, то считалъ онъ его въ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки за человѣка въ жизни ея роковаго, котораго она, однако, никогда не любила и который, это главное, уже тоже прошелъ , кончился, такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. ,Да къ тому-же Митя его ,даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣстно было всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная развалина, сохранившая отношенія съ Грушенькой, такъ сказать, лишь отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ какъ прежде. И что это уже ,давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. Во всякомъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны Мити, ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простодушный человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего онъ, между прочимъ, былъ серіозно убѣжденъ, что старый Кузьма, собираясь отходить въ ,другой міръ, чувствуетъ искреннее раскаяніе за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ теперь у нея покровителя и ,друга болѣе преданнаго какъ этотъ безвредный уже старикъ.

На ,другой-же ,день послѣ разговора своего съ Алешей въ полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ явился въ ,домъ Самсонова около ,десяти часовъ утра и велѣлъ о себѣ ,доложить. ,Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обширный, ,двухъэтажный, съ надворными строеніями и съ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ проживали ,два женатые сына Самсонова со своими семействами, престарѣлая сестра его и одна незамужняя ,дочь. Во флигелѣ-же помѣщались ,два его приказчика, изъ которыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И ,дѣти, и приказчики тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ ,дома занималъ старикъ одинъ и не пускалъ къ себѣ жить ,даже ,дочь, ухаживавшую за нимъ, и которая въ опредѣленные часы и въ неопредѣленные зовы его ,должна была каждый разъ взбѣгать къ нему на верхъ снизу, не смотря на ,давишнюю одышку свою. Этотъ верхъ состоялъ изъ множества большихъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ по купеческой старинѣ, съ ,длинными скучными рядами неуклюжихъ креселъ и стульевъ краснаго ,дерева по стѣнамъ, съ хрустальными люстрами въ чехлахъ, съ угрюмыми зеркалами въ простѣнкахъ. Всѣ эти комнаты стояли совсѣмъ пустыми и необитаемыми, потому что больной старикъ жался лишь въ одной комнаткѣ, въ отдаленной маленькой своей спаленкѣ, гдѣ прислуживала ему старуха-служанка, съ волосами въ платочкѣ, да «малый», пребывавшій на заставѣ въ передней. Ходить старикъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ почти совсѣмъ уже не могъ и только изрѣдка

поднимался со своихъ кожаныхъ креселъ, и старуха, придерживая его подъ руки, проводила его разъ-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразговорчивъ даже съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ капитана, онъ тотчасъ-же велѣлъ отказать. Но Митя настаивалъ и доложился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ подробно малаго: что, дескать, каковъ съ виду, не пьянъ-ли? Не буянитъ-ли? И получилъ въ отвѣтъ что трезвъ, но уходить не хочетъ. Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все это предвидѣвшій и нарочно на сей случай захватившій съ собой бумагу и карандашъ, четко написалъ на клочкѣ бумаги одну строчку: По самонужнѣйшему дѣлу, близко касающемуся Аграфены Александровны, и послалъ это старику. Подумавъ нѣсколько, старикъ велѣлъ малому ввести посѣтителя въ залу, а старуху послалъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну сейчасъ-же явиться къ нему на верхъ. Этотъ младшій сынъ, мужчина вершковъ двѣнадцати и силы неномѣрной, бривший лицо и одѣвавшійся по нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ кафтанѣ и съ бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ они предъ отцомъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца не то чтобъ изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ весьма не робкаго, а такъ лишь на всякій случай, болѣе чтобъ имѣть свидѣтеля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ руку, и малаго, онъ вышелъ, наконецъ, въ залу. Надо думать, что ощущалъ онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство. Зала эта, въ которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со стѣнами подъ мраморъ и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ первомъ нетерпѣніи ждалъ своей участи. Когда старикъ появился у противоположнаго входа, саженъ за десять отъ стула Мити, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими твердыми, фронтовыми, аршинными шагами пошелъ къ нему на встрѣчу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ круглой шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точь въ точь какъ былъ дня три тому назадъ въ монастырѣ, у старца, на семейномъ свиданіи съ Ѳедоромъ Павловичемъ и съ братьями. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя разомъ почувствовалъ, что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего разсмотрѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за послѣднее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась теперь какою-то отвисшею леченкой. Важно и молча поклонился онъ гостю, указалъ ему на кресло подлѣ дивана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣзненно кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, видя болѣз-

пенныя усилія его, немедленно почувствовать въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за свое теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпокоеннымъ лицомъ.

— Что вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ, усѣвшись, наконецъ, старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ-же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жестами, и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человѣкъ дошелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удастся, то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно понялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось невзмѣннымъ и холоднымъ, какъ у истукана.

Благородивѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже не разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наслѣдству послѣ родной моей матери... такъ какъ весь городъ уже трещитъ объ этомъ... потому что здѣсь всѣ трещатъ объ томъ, чего не надо... А кромѣ того, могло дойдти и отъ Грушеньки... виноватъ: отъ Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многочтимой мною Аграфены Александровны ... такъ началъ и оборвался съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло, дескать, заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца назадъ, нарочно совѣтовался (онъ именно проговорилъ нарочно , а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, -со знаменитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Павловичемъ Корнелюдовымъ, извольни. вѣроятно, слышать? Любъ обширный, почти государственный умъ... васъ тоже знаетъ... отзывался въ лучшемъ видѣ ... оборвался въ другой разъ Митя. Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ-же чрезъ нихъ перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ-де самый Корнелюдовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ документы, какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выразился неясно и особенно сильна въ этомъ мѣстѣ), отнесся, что на счетъ деревни Чермашни, которая должна-бы, дескать, была принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно можно-бы было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огорошить... -потому что не всѣ-же двери заперты, а юстиція ужь знаетъ куда пролѣзть-. Однимъ словомъ, можно-бы было надѣяться даже-де тысячъ на шесть дохода отъ Ѳедора Павловича, на семь даже, такъ какъ Чермашня все-же стоитъ не менѣе двадцати пяти тысячъ. то есть навѣрно двадцати восьми, — тридцати, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ, и семнадцати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ!.. Такъ вотъ я, дескать, Митя, тогда

это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ юстиціей, а пріѣхавъ сюда, поставленъ былъ въ столбнякъ встрѣчнымъ искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто перескочилъ): такъ вотъ, дескать, не пожелаете-ли вы, благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изверга, а сами мнѣ дайте только три тысячи... Вы ни въ какомъ случаѣ проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честью, честью клянусь, а совсѣмъ напротивъ, можете нажить тысячъ шесть или семь, вмѣсто трехъ... А главное дѣло, чтобъ это кончить даже сегодня-же. Я тамъ вамъ у нотаріуса, что-ли, или какъ тамъ... Однимъ словомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы какіе потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ-же и совершили-бы, и если-бы можно, если-бы только можно, то сегодня-же-бы утромъ... Вы-бы мнѣ эти три тысячи выдали... такъ какъ кто-же противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и тѣмъ спасли-бы меня отъ... однимъ словомъ, спасли-бы мою бѣдную голову для благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннѣйшаго дѣла, можно сказать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ извѣстной особѣ, которую слишкомъ знаете и о которой печетесь отечески. Иначе-бы и не пришелъ, если-бы не отечески. И, если хотите, тутъ трое состукнулись лбами, ибо судьба — это страшилище, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ я выразился, можетъ быть, не ловко, но я не литераторъ. То есть одинъ лобъ мой, а другой — этого изверга. Итакъ, выбирайте: или я, или извергъ? Все теперь въ вашихъ рукахъ — три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что вы поняли... А если не поняли, то сегодня-же въ воду, вотъ!»

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этимъ «вотъ» и, вскочивъ съ мѣста, ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Съ послѣднею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ, что все лопнуло, а, главное, что онъ нагородилъ страшной ахинеи. Странное дѣло, пока шелъ сюда, все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея! — вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время, пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно и съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдержавъ его, однако, съ минутку въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Извините-съ, мы этакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ-же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ онъ, блѣдно улыбаясь.—Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете?

— Извините-съ...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ, и вдругъ замѣтилъ, что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла неподручны, медленно промолвилъ старикъ, — суды пойдутъ, адвокаты, сущая бѣда! А если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему обратитесь...

— Боже мой, кто-же это!.. Вы воскрешаете меня, Кузьма Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, прозвищемъ Лягавый. У Ѳедора Павловича вотъ уже годъ какъ торгуетъ въ Черманиѣ этой вашей рощу, да за цѣной расходятся, можетъ, слышали. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ опять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верстъ двѣнадцать что-ли будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ сюда и ко мнѣ по этому дѣлу, то есть на счетъ этой рощи, совѣта просилъ. Ѳедоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ если-бы вы Ѳедора Павловича предупредили, да Лягавому предложили вотъ то самое, что̀ мнѣ говорили, то онъ, можетъ статься...

— Геніальная мысль! восторженно перебилъ Митя. — Именно онъ, именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого просятъ, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха! И Митя вдругъ захохоталъ своимъ коротким, деревяннымъ смѣхомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрогнулъ головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кинулъ Митя.

— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влеклю къ вамъ предчувствіе... Итакъ, къ этому попу!

— Не стоитъ благодарности-съ.

— Сѣмну и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Вѣкъ не забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузьмичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тэ-экъ.

Митя схватилъ было старика за руку, чтобы потрясть ее, но что-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку, но тотчасъ-же упрекнулъ себя во мнительности. Это онъ усталъ ... мелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете, что это для нея! рявкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поклонился, круто повернулся и тѣми-же скорыми, аршинными шагами, не оборачиваясь,

устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга. Все вѣдь ужь погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ, неслось въ умѣ его. «И ужь если такой дѣлецъ, какъ этотъ старикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ путь, то... то ужь, конечно, выиграть путь. Сейчасъ и летѣть. До ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели-же старикъ могъ надо мной насмѣяться?» Такъ восклицалъ Митя, шагая въ свою квартиру, и ужь, конечно, иначе и не могло представляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ такого-то дѣльца)—со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго (странная фамилія!) или — или старикъ надъ нимъ посмѣялся! Увы! послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ, уже долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, старикъ Самсоновъ самъ сознавался, смѣясь, что тогда осмѣялъ «капитана». Это былъ злобный, холодный и насмѣшливый человѣкъ, къ тому-же съ болѣзненными антипатіями. Восторженный-ли видъ капитана, глупое-ли убѣжденіе этого «мота и расточителя», что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую дичь, какъ его «планъ», ревнивое-ли чувство на счетъ Грушеньки, во имя которой этотъ сорванецъ пришелъ къ нему съ какою-то дичью за деньгами,—не знаю, что̀ именно побудило тогда старика, но въ ту минуту, когда Митя стоялъ предъ нимъ, чувствуя, что слабѣютъ его ноги и безсмысленно восклицалъ, что онъ пропалъ,—въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ безконечною злобой и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда Митя вышелъ, Кузьма Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, обратился къ сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого оборванца и духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договорилъ того чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ, часто видавшій его во гнѣвѣ, вздрогнулъ отъ страху. Цѣлый часъ спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру заболѣлъ и послалъ за «лѣкаремъ».

II.

Лягавый.

Итакъ, надо было «скакать», а денегъ на лошадей все-таки не было ни копѣйки, то есть были два двугривенныхъ, и это все, все что̀ оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго благосостоянія! Но у него лежали дома старые серебряные часы, давно уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ еврею-часовщику,

помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ. Тотъ далъ за нихъ шесть рублей. И того не ожидалъ!» вскричалъ восхищенный Митя (онъ все продолжалъ быть въ восхищеніи), схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома онъ дополнилъ сумму, взявъ взаймы три рубля отъ хозяевъ, которые дали ему съ удовольствіемъ, не смотря на то, что отдавали послѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ восторженномъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ-же, что рѣшается судьба его и разсказалъ имъ, ужасно спѣша, разумѣется, почти весь свой «планъ», который только что представилъ Самсонову, затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои и проч., и проч. Хозяева и допрежъ сего были посвящены во многія его тайны, потому-то и смотрѣли на него, какъ на *своего* человѣка, совсѣмъ не гордаго барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей, Митя послалъ за почтовыми лошадьми до Воловьей станціи. Но такимъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что наканунѣ нѣкотораго событія, въ полдень, у Мити не было ни копѣйки и что онъ, чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ».

Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится, для чего такъ дѣлаю.

Поскакавъ на Воловью станцію, Митя хоть и сіялъ отъ радостнаго предчувствія, что, наконецъ-то, кончитъ и развяжетъ всѣ эти дѣла», тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что̀ станется теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну, какъ разъ сегодня-то и рѣшится, наконецъ, пойдти къ Ѳедору Павловичу? Вотъ почему онъ и уѣхалъ ей не сказавшись и заказавъ хозяевамъ отнюдь не открывать куда онъ дѣлся, если откуда нибудь придутъ его спрашивать. Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ вечеру надо вернуться , повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, а этого Лягаваго, пожалуй, и сюда притащить... для совершенія этого акта ... такъ, замирая душою, мечталъ Митя, но увы, мечтаніямъ его слишкомъ не суждено было совершиться по его «плану».

Во первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьей станціи проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ восемнадцать верстъ. Во вторыхъ, Ильинскаго батюшки онъ не засталъ дома, тотъ отлучился въ сосѣднюю деревню. Пока розыскалъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣднюю деревню все на тѣхъ-же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти уже ночь. Батюшка , робкій и ласковый на видъ человѣчекъ, разъяснилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остановился было у него съ первоначалу, но теперь находится въ Сухомъ Поселкѣ, тамъ у лѣснаго сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ, потому что и тамъ тоже лѣсъ

торгуетъ. На усиленныя просьбы Мити сводить его къ Лягавому сейчасъ-же и — тѣмъ, такъ сказать, спасти его —, батюшка хоть и заколебался вначалѣ, но согласился, однако, проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо почувствовавъ любопытство; но на грѣхъ посовѣтовалъ дойдти «пѣшечкомъ», такъ какъ тутъ всего какая нибудь верста съ небольшимъ изишкомъ будетъ. Митя, разумѣется, согласился и зашагалъ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка почти бѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осторожный человѣчекъ. Митя и съ нимъ тотчасъ-же заговорилъ о своихъ планахъ, горячо, нервно требовалъ совѣтовъ на счетъ Лягаваго и проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно, но посовѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: «не знаю, охъ, не знаю, гдѣ-же мнѣ это знать» и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ на счетъ наслѣдства, то батюшка даже испугался, потому что состоялъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ, впрочемъ, освѣдомился почему онъ называетъ этого торгующаго крестьянина Горстkина Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно Митѣ, что тотъ хоть и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый, потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что называть его надо непремѣнно Горсткинымъ, «иначе ничего съ нимъ не совершите, да и слушать не станетъ», заключилъ батюшка. Митя нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ называлъ его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, батюшка тотчасъ-же этотъ разговоръ замялъ, хотя и хорошо-бы сдѣлалъ, если-бы разъяснилъ тогда-же Дмитрію Ѳедоровичу догадку свою: что если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, какъ къ Лягавому, то не сдѣлалъ-ли сего почему-либо на смѣхъ, и что нѣтъ-ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было останавливаться на такихъ мелочахъ. Онъ спѣшилъ, шагалъ, и только придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они не версту и не полторы, а навѣрное три: это его раздосадовало, но онъ стерпѣлъ. Вошли въ избу. Ѣвшикъ, знакомый батюшки, помѣщался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой половинѣ, черезъ сѣни, расположился Горсткинъ. Вошли въ эту чистую избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно натоплена. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ-же подносъ съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допитый штофъ водки и обрѣзки пшеничнаго хлѣба. Самъ-же пріѣзжій лежалъ протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одежонкой подъ головами вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ въ недоумѣніи. «Конечно, надо будить: мое дѣло слишкомъ важное, я такъ спѣшилъ, я сейчасъ-же воротиться, затре-

вожился Митя: но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказывая своего мнѣнія. Митя подошелъ и принялся будить самъ, принялся энергически. но спящій не пробуждался. „Онъ пьянъ. рѣшилъ Митя, но что-же мнѣ дѣлать, Господи, что-же мнѣ дѣлать! И вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи принялся дергать спящаго за руки. за ноги. раскачивать его за голову, приподымать и садить на лавку. и всетаки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь того, что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко. хотя и неясно выговаривая. ругаться.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше повремените, изрекъ, наконецъ. батюшка,—потому, онъ, видимо, не въ состояніи.

— Весь день пилъ, отозвался сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя.—если-бы вы только знали какъ мнѣ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ, ужъ лучше-бы вамъ повременить до утра, повторилъ батюшка.

„До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяніи онъ чуть было опять не бросился будить пьяницу, но тотчасъ оставилъ, поняв всю безполезность усилій. Батюшка молчалъ, заспанный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реализмъ! проговорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ, что хотя-бы и удалось разбудить спящаго, но, будучи пьянымъ, онъ все-же не способенъ ни къ какому разговору, „а у васъ дѣло важное, такъ ужъ вѣрнѣе-бы оставить до утреца"... Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить мгновеніе. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ заплачу, обратился онъ къ сторожу,—за постой тоже, будешь помнить „Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не знаю теперь какъ быть: гдѣ-же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужъ къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и доѣду, показалъ онъ на сторожа. „За симъ прощайте-съ, желаю вамъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обрадованный, что, наконецъ, отвязался, но все-же смятенно покачивая головой и раздумывая: не надо-ли будетъ завтра заблаговременно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля Ѳедора Павловича, „а то, неравенъ часъ, узнаетъ, осердится и милости прекратитъ". Сторожъ, почесавшись, молча отправился въ свою избу. а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выразился, мгновеніе. Глу-

бокая тоска облегла, какъ тяжелый туманъ, его душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но обдумать ничего не могъ. Свѣчка нагорала, затрещалъ сверчокъ, въ натопленной комнатѣ становилось нестеримо душно. Ему вдругъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таинственно отворяется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушенька... Онъ вскочилъ съ лавки.

– Трагедія! проговорилъ онъ, скрежеща зубами, машинально подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Это былъ сухонарый, еще не старый мужикъ, съ весьма продолговатымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоненькою рыжеватою бородкой, въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ жилетѣ, изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту физіономію со страшною ненавистью, и ему почему-то особенно ненавистно было, что онъ въ кудряхъ. Главное, то было нестеримо обидно, что вотъ онъ, Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, столько пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ тунеядецъ, отъ котораго зависитъ теперь вся судьба моя, хранитъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно съ другой планеты». О, иронія судьбы!» воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣмъ потерявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. Онъ будилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ, даже билъ, но, провозившись минутъ пять и опять ничего не добившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку и сѣлъ.

– Глупо, глупо! восклицалъ Митя, — и... какъ это все безчестно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно начала болѣть голова: бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ, мелькнуло въ умѣ его. Нѣтъ ужъ до утра. Вотъ нарочно-же останусь, нарочно! Зачѣмъ-же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать не на чемъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!»

Голова его, однако, разбаливалась все больше и больше. Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не помнилъ какъ задремалъ и вдругъ, сидя, заснулъ. Повидимому, онъ спалъ часа два или больше. Очнулся-же отъ нестеримой головной боли, нестеримой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло: очнувшись, онъ долго еще не могъ войдти въ себя совершенно и осмыслить что̀ съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то, догадался, что въ натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ, можетъ быть, могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ: свѣчка оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бросился, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проснулся, но, услыхавъ, что въ другой избѣ угаръ, хотя и понялъ распорядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушно, что̀ обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда.... что тогда? воскликалъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя притащилъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ, а затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и приложилъ къ головѣ Лягаваго. Сторожъ-же продолжалъ относиться ко всему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, произнесъ угрюмо: «ладно и такъ», и пошелъ опять спать, оставивъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился съ угорѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову, и серіозно уже намѣревался не спать всю ночь, но, измучившись, присѣлъ какъ-то на одну минутку, чтобы перевести духъ, и мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ-же безсознательно протянулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было, примѣрно, уже часовъ девять утра. Солнце ярко сіяло въ два окошка избушки. Вчерашній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ поддевку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Старый, вчерашній, былъ уже допитъ, а новый опорожненъ болѣе чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и мигомъ догадался, что проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвратимо. Онъ глядѣлъ на него съ минуту, выпучивъ глаза. Мужикъ-же поглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ спокойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомѣріемъ, какъ показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы вѣроятно слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, сынъ старика Карамазова, у котораго вы изволите рощу торговать...

— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Ѳедора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Ѳедора Павловича не изволю знать, какъ-то грузно ворочая языкомъ, проговорилъ мужикъ.

— Рощу, рощу вы у него торгуете; да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ Самсонову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался Митя.

— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли ноги.

— Помилосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы, можетъ быть, хмѣльны. Вы можете-же, наконецъ, говорить, понимать... иначе... иначе я ничего не понимаю!

— Ты красильщикъ!

— Помилосердуйте, я Карамазовъ, Дмитрій Карамазовъ, имѣю къ вамъ предложеніе... выгодное предложеніе... весьма выгодное... именно по поводу рощи.

Мужикъ важно поглаживалъ бороду.

Нѣтъ, ты подрядись снимать и подлецъ вынесъ. Ты подлецъ!

Увѣряю-же васъ, что вы ошибаетесь! въ отчаяніи ломалъ руки Митя. Мужикъ все гладилъ бороду и вдругъ лукаво прищурилъ глаза.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что̀ укажи: укажи ты мнѣ такой законъ, чтобы позволено было какости строить, слышишь ты! Ты подлецъ, понимаешь ты это?

Митя мрачно отстунился и вдругъ его какъ-бы что-то ударило по лбу. Какъ онъ самъ потомъ выразился. Въ одинъ мигъ произошло какое-то озареніе въ умъ его, загорѣлся свѣточъ, и я все постигъ. Въ остолбенѣніи стоялъ онъ, недоумѣвая, какъ могъ онъ, человѣкъ все-же умный, поддаться на такую глупость, втюриться въ этакое приключеніе и продолжать все это почти цѣлыя сутки, возиться съ этимъ Ѣгавымъ, мочить ему голову... Ну, пьянъ человѣкъ, пьянъ до чертиковъ и будетъ пить запоемъ еще недѣлю,— чего-же тутъ ждать? А что̀ если Самсоновъ меня нарочно прислалъ сюда? А что̀ если она... О, Боже, что̀ я надѣлалъ!..»

Мужикъ сидѣлъ, глядѣлъ на него и посмѣивался. Будь другой случай, и Митя, можетъ быть, убилъ-бы этого дурака со злости, но теперь онъ весь самъ ослабѣлъ какъ ребенокъ. Тихо подошелъ онъ къ лавкѣ, взялъ свое пальто, молча надѣлъ его и вышелъ изъ избы. Въ другой избѣ сторожа онъ не нашелъ, никого не было. Онъ вынулъ изъ кармана мелочью пятьдесятъ копѣекъ и положилъ на столъ, за почлегъ, за свѣчку и за безпокойство. Выйдя изъ избы, онъ увидалъ, что кругомъ только лѣсъ и ничего больше. Онъ пошелъ наугадъ, даже не помня куда повернуть изъ избы направо или налѣво; вчера ночью, сидя сюда съ батюшкой, онъ дороги не замѣтилъ. Никакой мести ни къ кому не было въ душѣ его, даже къ Самсонову. Онъ шагалъ по узенькой лѣсной дорожкѣ безсмысленно, потерянно, съ потерянною идеей и совсѣмъ не заботясь о томъ куда идетъ. Его могъ побороть встрѣчный ребенокъ, до того онъ вдругъ обезсилѣлъ душой и тѣломъ. Кое-какъ онъ, однако, изъ лѣсу выбрался: предсталъ вдругъ скатый обнаженныя поля на необозримомъ пространствѣ: Какое отчаяніе, какая смерть кругомъ! повторялъ онъ, все шагая впередъ и впередъ.

Его спасли пробѣжіе: извощикъ везъ по проселку какого-то старичка-купца. Когда поровнялись, Митя спросилъ про дорогу и оказалось, что тѣ тоже будутъ на Волового. Вступили въ переговоры и посадили Митю попутчикомъ. Часа черезъ три доѣхали. На Моловьей станціи Митя тотчасъ-же заказалъ почтовыхъ въ городъ, а самъ вдругъ догадался, что до невозможности голоденъ. Пока выпрягали лошадей, ему смастерили яичницу. Онъ мигомъ съѣлъ ее всю,

съѣлъ весь большой ломоть хлѣба, съѣлъ нашедшуюся колбасу и выпилъ три рюмки водки. Подкрѣпившись, онъ ободрился и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ летѣлъ по дорогѣ, погонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и уже непреложный планъ какъ достать еще сегодня-же до вечера эти проклятыя деньги. И подумать, только подумать, что изъ-за этихъ пятитожныхъ трехъ тысячъ пропадаетъ судьба человѣческая! воскликнулъ онъ презрительно. Сегодня-же порѣшу! И если-бы только не безпрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ не случилось-ли съ ней чего, то онъ сталъ-бы, можетъ быть, опять совсѣмъ веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу поминутно какъ острый ножъ. Наконецъ, пріѣхали и Митя тотчасъ-же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

То было именно то посѣщеніе Мити, про которое Грушенька съ такимъ страхомъ разсказывала Ракитину. Она тогда ожидала своей эстафеты, и очень рада была, что Митя ни вчера, ни сегодня не приходилъ, надѣялась, что, авось Богъ дастъ, не придетъ до ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрянулъ. Дальнѣйшее намъ извѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила его проводить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто-бы ей указано надо было идти «деньги считать», и когда Митя ее тотчасъ-же проводилъ, то, прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ него обѣщаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы проводить ее обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ радъ: Просидитъ у Кузьмы, значитъ, не пойдетъ къ Ѳедору Павловичу... если только не лжетъ, прибавилъ онъ тотчасъ-же. Но на его глазъ, кажется, не лгала. Онъ былъ именно такого свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимою женщиной тотчасъ-же навыдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ, что съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ измѣнитъ. но, прибѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный уже безвозвратно, что она успѣла таки ему измѣнить, съ перваго-же взгляда на ея лицо, на смѣющееся, веселое и ласковое лицо этой женщины — тотчасъ-же возрождался духомъ, тотчасъ-же терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бранилъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросился къ себѣ домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня сдѣлать! Но, по крайней мѣрѣ, отъ сердца отлегло. Вотъ только надо-бы по-

скорѣе узнать отъ Смердякова не было-ли чего тамъ вчера вечеромъ, не приходила-ли она, чего добраго, къ Ѳедору Павловичу, ухъ! - пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ онъ еще добѣжать къ себѣ на квартиру, какъ ревность уже опять закопошилась въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! «Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ», замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто размозжена душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *потерь его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонить, подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія, съ которымъ способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызеній совѣсти. И вѣдь не то чтобъ это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ тоже время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушиванія. Отелло не могъ-бы ни за что̀ примириться съ измѣной, — не простить не могъ-бы, а примириться, — хотя душа его незлобива и невинна, какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что̀ можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется, послѣ страшной сцены въ началѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцѣлуи, если-бы, напримѣръ, онъ въ тоже время могъ какъ нибудь увѣриться, что это было «въ послѣдній разъ» и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда нибудь въ такое мѣсто, куда ужь больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе произойдетъ лишь на часъ, потому что если-бы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра-же онъ изобрѣтетъ другаго, новаго и приревнуетъ къ новому. И, казалось-бы, что̀ въ той любви, за которою надо такъ подсматривать, и чего стоитъ любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но вотъ этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а между тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ сердцами высокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой нибудь каморкѣ, подслушивая и шпіоня, хоть и понимаютъ ясно высокими сердцами

своими весь срамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но, однако, въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоять въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти. У Мити, при видѣ Грушеньки, пропадала ревность и на мгновеніе онъ становился довѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя за дурныя чувства. Но это значило только, что въ любви его къ этой женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее чѣмъ онъ самъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь «изгибъ тѣла», о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда исчезала Грушенька, Митя тотчасъ-же начиналъ опять подозрѣвать въ ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызеній-же совѣсти никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

Итакъ ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ надо было спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть капельку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти всѣ ушли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда шагу ступить нельзя. Но онъ, вмѣстѣ съ новымъ планомъ своимъ, обдумалъ гдѣ достать и на перехватку еще давеча на телѣгѣ. У него была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ патронами, и если до сихъ поръ онъ ея не закладывалъ, то потому, что любилъ эту вещь больше всего что̀ имѣлъ. Въ трактирѣ «Столичный городъ» онъ уже давно слегка познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трактирѣ-же, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ до страсти любитъ оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, кинжалы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ знакомымъ, хвалится, мастеръ растолковать систему револьвера, какъ его зарядить, какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая, Митя тотчасъ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ закладъ пистолеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью сталъ уговаривать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился, и тотъ выдалъ ему десять рублей, заявивъ, что процентовъ не возьметъ ни за что̀. Разстались пріятелями. Митя спѣшилъ, онъ устремился къ Ѳедору Павловичу на зады, въ свою бесѣдку, чтобы вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ опять получился фактъ, что всего за три, за четыре часа до нѣкотораго приключенія, о которомъ будетъ много говорено ниже, у Мити не было ни копѣйки денегъ и онъ за десять рублей заложилъ любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, оказались въ рукахъ его тысячи... Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Ѳедора Павловича) его ожидало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣстіе о болѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ погребъ, затѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Ѳедора Павловича: съ любопыт-

ствомъ узнать и о томъ, что братъ Иванъ Ѳедоровичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. „Должно быть, раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью", подумалъ „Дмитрій Ѳедоровичъ, но Смердяковъ его безпокоилъ ужасно: какъ-же теперь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ? Съ жадностью началъ онъ разспрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили-ль онѣ чего вчера вечеромъ? Тѣ очень хорошо поняли, о чемъ онъ разузнаетъ и разувѣрили его вполнѣ: никого не было. ночевалъ Иванъ Ѳедоровичъ, все было въ совершенномъ порядкѣ". Митя задумался. Безъ сомнѣнія, надо и сегодня караулить, но гдѣ: здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ, что и здѣсь и тамъ, все по усмотрѣнію, а пока, пока... „Дѣло въ томъ, что теперь стоялъ передъ нимъ этотъ планъ „давешній, новый и уже вѣрный планъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и откладывать исполненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ пожертвовать на это часъ: въ часъ все порѣшу, все узнаю и тогда, тогда, во первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь тамъ-ли Грушенька и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати часовъ здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову, чтобы проводить ее обратно домой". Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ платье, одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, планъ его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой дамы. И главное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть, подивятся тому, что если была такая увѣренность, то почему-же онъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать, въ свое общество, а направился къ Самсонову, человѣку склада чужаго, съ которымъ онъ даже и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ Хохлаковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти раззнакомился, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень зналъ, что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта „дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ Катерины Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось, чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за „милаго, рыцарски образованнаго Ивана Ѳедоровича, у котораго такія прекрасныя манеры". Манеры-же Мити она ненавидѣла. Митя „даже смѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что эта „дама настолько жива и развязна, насколько не образована". И вотъ, „давеча утромъ, на телѣгѣ, его озарила самая яркая мысль: „Да если уже она такъ не хочетъ, чтобъ я женился на Катеринѣ Ивановнѣ, и не хочетъ „до такой степени (онъ зналъ, что почти „до истерики), то почему-бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ трехъ тысячахъ, именно „для того, чтобъ я на эти

деньги мочь, оставивъ Катю, укатить на вѣки отечества? Эти избалованныя высшія дамы, если ужь захотятъ чего до капризу, то ужь ничего не щадятъ, чтобы вышло по ихнему. Она-же къ тому такъ богата , разсуждалъ Митя. Что-же касается собственно до плана , то было все тоже самое, что и прежде, то есть предложеніе правъ своихъ на Чермашню, — но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ вчера Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова, возможностью стянать вмѣсто трехъ тысячъ куппъ вдвое, тысячъ въ шесть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Развивая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга, но такъ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, при всѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей онъ отдавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда стунилъ на крыльцо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на спинѣ своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ сознать вполнѣ и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже надежда его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если тутъ оборвется, кромѣ зарѣзать и ограбить кого нибудь изъ-за трехъ тысячъ, а болѣе ничего ... Было часовъ семь съ половиною, когда онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Сначала дѣло какъ-бы улыбнулось: только что онъ доложился, его тотчасъ-же приняли съ необыкновенною быстротой. Точно вѣдь ждала меня , мелькнуло въ умѣ Мити, а затѣмъ вдругъ, только что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хозяйка и прямо объявила ему, что ждала его...

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать, что вы ко мнѣ придете, согласитесь сами, и, однако, я васъ ждала, подивитесь моему инстинкту, Дмитрій Ѳедоровичъ, я все утро была увѣрена, что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, произнесъ Митя, мѣшковато усаживаясь,—но... я приписать по чрезвычайно важному дѣлу... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для меня, то есть, сударыня, для меня одного, и спѣшу...

— Знаю, что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Ѳедоровичъ, тутъ не предчувствія какія нибудь, не ретроградныя поползновенія на чудеса (слышали про старца Зосиму?), тутъ, тутъ математика: вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все это съ Катериной Ивановной, вы не могли, не могли: это математика.

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ что это такое! Но позвольте, однако-жь, изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я теперь вся за реализмъ, я слишкомъ проучена на счетъ чудесъ. Вы слышали, что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивился немного Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ только то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы мнѣ не поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Простите за тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не можете быть въ другомъ состояніи духа, и что-бы вы ни сказали, я все знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ соображеніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, повѣрьте, что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато опытный больной, слюбезничалъ черезъ силу Митя, — и предчувствую, что если вы ужъ такъ слѣдите за судьбой моею, то и поможете ей въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ, наконецъ, изложить предъ вами тотъ планъ, съ которымъ я рискнулъ явиться... и то чего отъ васъ ожидаю... Я принесъ, сударыня...

— Не излагайте, это второстепенность. А на счетъ помощи, я не первому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы, вѣроятно, слышали о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибалъ, провалился, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ, и что-же, я указала ему на коннозаводство и онъ теперь процвѣтаетъ. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Ни малѣйшаго, сударыня, — охъ, сударыня, ни малѣйшаго! вскричалъ въ первомъ истерическомъ Митя и даже поднялся было съ мѣста.—Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, дайте мнѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ сперва изложить вамъ все, весь проэктъ, съ которымъ пришелъ. Къ тому-же мнѣ нужно время, я ужасно спѣшу!.. прокричалъ истерически Митя, почувствовавъ, что она сейчасъ опять начнетъ говорить и въ надеждѣ перекричать ее: — Я пришелъ въ отчаяніи... въ послѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ взаймы денегъ три тысячи, взаймы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій залогъ, сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только изложить...

— Это вы все потомъ, потомъ! замахала на него рукой въ свою очередь госпожа Хохлакова, — да и все что-бы вы ни сказали, я знаю все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите какой-то суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, безмѣрно больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо чтобы вы меня послушались!

Митя такъ и прянулъ опять съ мѣста.

Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ.—Господи, вы спасли меня. Вы спасаете человѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ пистолета... Вѣчная благодарность моя...

— Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше, чѣмъ три тысячи! прокричала госпожа Хохлакова съ сіяющею улыбкой смотря на восторгъ Мити.

— Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковыя для меня три тысячи, а я съ своей стороны принялъ гарантировать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью и предлагаю вамъ планъ, который...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала госпожа Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодѣтельницы.—Я обѣщала васъ спасти и спасу. Я васъ спасу, какъ и Бельмесова. Что думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— О золотыхъ пріискахъ, сударыня! Я никогда ничего о нихъ не думалъ.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! Я уже цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ смотрѣла на васъ, когда вы проходили, и повторяла себѣ: вотъ энергическій человѣкъ, которому надо на пріиски. Я изучила даже походку вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много пріисковъ.

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А что-жь, и по походкѣ. Что-же, неужели вы отрицаете, что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедоровичъ? Естественныя науки подтверждаютъ тоже самое. О, я теперь реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня, послѣ всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ разстроила, совершенная реалистка и хочу броситься въ практическую дѣятельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи, которыми вы такъ великодушно меня обѣщали ссудить...

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ-же перерѣзала госпожа Хохлакова,—эти три тысячи все равно что у васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу идею: вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать направляя къ добру. Неужели-же все предоставить жидамъ? Вы будете строить зданія и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ васъ благословлять. Нынче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы станете извѣстны

и необходимы министерству финансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего кредитнаго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ предчувствіи прервалъ опять Дмитрій Ѳедоровичъ,—я весьма и весьма, можетъ быть, послѣдую вашему совѣту,— умному совѣту вашему, сударыня,—и отправлюсь, можетъ быть, туда... на эти пріиски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... даже много разъ... но теперь эти три тысячи, которыя вы такъ великодушно... О, онѣ-бы развязали меня, и если можно сегодня... То есть, видите-ли, у меня теперь ни часу, ни часу времени...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, довольно! настойчиво прервала госпожа Хохлакова,— вопросъ: будете вы на пріиски или нѣтъ, рѣшились-ли вы вполнѣ, отвѣчайте математически?

— Буду, сударыня, потомъ... Я поѣду куда хотите, сударыня... но теперь...

Подождите-же! крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бросилась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящичками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то отыскивая и ужасно торопясь.

Три тысячи! подумалъ, замирая, Митя,— и это сейчасъ, безо всякихъ бумагъ, безъ акта... о, это по джентльменски! Великолѣпная женщина, и если-бы только не такъ разговорчива...

— Вотъ! вскрикнула въ радости госпожа Хохлакова, возвращаясь къ Митѣ,—вотъ что я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ тѣхъ, какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ благоговѣніемъ продолжала она, —отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мнѣ самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она дѣйствительно накинула ему образокъ на шею и стала было выправлять его. Митя въ большомъ смущеніи пригнулся и сталъ ей помогать и, наконецъ, выправилъ себѣ образокъ чрезъ галстукъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла госпожа Хохлакова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронутъ... и не знаю какъ даже благодарить... за такія чувства, но... если-бы вы знали какъ мнѣ дорого теперь время!.. Эта сумма, которую я столь жду отъ вашего великодушія... О, сударыня, если вы уже такъ добры, такъ трогательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи

Митя),—то позвольте мнѣ вамъ открыть... что̀, впрочемъ, вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Я измѣнилъ Катѣ... Катеринѣ Ивановнѣ, я хочу сказать... О, я былъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полюбилъ другую... одну женщину, сударыня, можетъ быть, презираемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

Оставьте все, Дмитрій Ѳедоровичъ! самымъ рѣшительнымъ тономъ перебила госпожа Хохлакова. -Оставьте, и особенно женщинъ. Ваша цѣль—пріиски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. Потомъ, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы найдете себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсудковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь начавшійся женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... слокилъ было, умоляя, руки Дмитрій Ѳедоровичъ.

— То̀ самое, Дмитрій Ѳедоровичъ, именно то̀, что̀ вамъ надо, чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ теперешняго женскаго вопроса, Дмитрій Ѳедоровичъ. Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ ближайшемъ будущемъ — вотъ мой идеалъ. У меня у самой дочь, Дмитрій Ѳедоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины, что я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте. И подписалась: мать . Я хотѣла было подписаться современная мать , и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій Ѳедоровичъ, да и слово «современная напомнила-бы имъ *Современникъ* ,—воспоминаніе для нихъ горькое въ виду нынѣшней цензуры... Ахъ, Боже мой, что̀ съ вами?

— Сударыня, вскочилъ, наконецъ, Митя, складывая предъ ней руки ладонями въ безсильной мольбѣ,—вы меня заставите заплакать, сударыня, если будете откладывать то̀, что̀ такъ великодушно...

— И поплачьте. Дмитрій Ѳедоровичъ, поплачьте! Это прекрасныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы облегчатъ васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мнѣ изъ Сибири, чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте-же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя,—въ послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ васъ се-

годня эту обѣщанную сумму? Если-же нѣтъ, то когда именно мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Ѳедоровичъ?

Обѣщанныя вами три тысячи... которыя вы такъ великодушно...

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ трехъ тысячъ, съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнесла госпожа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какъ-же вы... сейчасъ... вы сказали... вы выразились даже, что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Ѳедоровичъ. Если такъ, то вы не поняли меня. Я говорила про пріиски... Правда, я вамъ обѣщала больше, безконечно больше, чѣмъ три тысячи, я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни пріиски.

— А деньги? А три тысячи? нелѣпо воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я какъ разъ воюю теперь съ моимъ управляющимъ и сама на дняхъ заняла пятьсотъ рублей у Міусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. И знаете, Дмитрій Ѳедоровичъ, если-бъ у меня даже и были, я-бы вамъ не дала. Во первыхъ, я никому не даю взаймы. Дать взаймы значитъ поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно-бы не дала, любя васъ не дала-бы, чтобы спасти васъ не дала-бы, потому что вамъ нужно только одно: пріиски, пріиски и пріиски!..

— О, что-бы чортъ!.. взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А-ай! закричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ другой конецъ гостиной.

Митя кинулся и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ дому, на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, ударяя себя по груди, по тому самому мѣсту груди, по которому ударялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на дорогѣ. Что означало это биться себя по груди *по этому мѣсту* и на что онъ тѣмъ хотѣлъ указать, — это была пока еще тайна, которую не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда даже Алешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ позоръ, заключались гибель и самоубійство, онъ такъ уже рѣшилъ, если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ, чтобъ уплатить Катеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, *съ того мѣста груди*, позоръ, который онъ носилъ на ней, и который такъ давилъ его совѣсть.

Все это вполнѣ объяснится читателю впослѣдствіи, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя надежда его, этотъ столь сильный физически человѣкъ, только что прошелъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ залился слезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и, въ забытьи, утиралъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ почувствовалъ, что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался пискливый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опрокинулъ.

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шатаешь, сорванецъ!

— Какъ, это вы? вскричалъ Митя, разглядѣвъ въ темнотѣ старушонку. Это была та самая старая служанка, которая прислуживала Кузьмѣ Самсонову, и которую слишкомъ замѣтилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ другимъ голосомъ проговорила старушка.—не признать мнѣ васъ въ темнотѣ-то. Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорычу сбѣгала... Да чтой-то я васъ все признать не могу?

Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ теперь? вить себя отъ ожиданія произнесъ Митя. —,Давеча я ее самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя.—Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла-же, минутку только и побыла у насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну разсказала, развеселила его. да и убѣжала.

— Врешь, проклятая! завопилъ Митя.

— А-ай! закричала старушонка, но Мити и слѣдъ простылъ: онъ побѣжалъ что было силы въ домъ Морозовой. Это именно было то время, когда Грушенька укатила въ Мокрое, прошло не болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Феня сидѣла со своею бабушкой. кухаркой Матреной. въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжалъ капитанъ . Увидавъ его, Феня закричала благимъ матомъ.

Кричишь? завопилъ Митя:— гдѣ она? Но не давъ отвѣтить еще слова обомлѣвшей отъ страху Фенѣ, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Феня, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ ,Дмитрій Ѳедоровичъ. ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю. заклялась-забожилась Феня,—сами вы давеча съ ней пошли...

— Она назадъ пришла!..

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь, не приходила!

— Врешь, вскричалъ Митя, — ужъ по одному твоему испугу знаю, гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Ѳеня рада была, что дешево отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только некогда, а то-бы ей, можетъ, не сдобровать. Но, убѣгая, онъ все-же удивилъ и Ѳеню, и старуху Матрену одною самою неожиданною выходкой: на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ, небольшой мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною. Митя, выбѣгая и уже отворивъ одною рукой дверь, другою вдругъ на лету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ въ боковой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ, Господи, онъ убить кого хочетъ! всплеснула руками Ѳеня.

IV.

Въ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: гдѣ-же она могла быть, какъ не у Ѳедора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала къ нему, теперь-то ужъ это ясно. Вся интрига, весь обманъ теперь очевидны ... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его. На дворъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: Туда не надо, отнюдь не надо... чтобы ни малѣйшей тревоги... тотчасъ передадутъ и предадутъ... Марья Кондратьевна очевидно въ заговорѣ, Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены! У него создалось другое намѣреніе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ переулокъ, домъ Ѳедора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединенный переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный съ одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой крѣпкимъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ садъ Ѳедора Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и, какется, то самое, гдѣ, по преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла когда-то заборъ. Если ужъ та смогла перелѣзть , Богъ знаетъ почему мелькнуло въ его головѣ,— то какъ-же-бы я-то не перелѣзъ? И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ сноровился схватиться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподнялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи въ саду стояла банька, но съ забора видны были и освѣщенныя окна дома. Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено, она тамъ! и онъ спрыгнулъ съ забора въ садъ. Хотъ онъ и зналъ, что Григорій

болѣнъ, а, можетъ быть, и Смердяковъ въ самомъ дѣлѣ болѣнъ, и что услышать его некому, но инстинктивно притаился. замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но всюду было мертвое молчаніе и какъ нарочно полное затишье, ни малѣйшаго вѣтерка.

И только шепчетъ тишина", мелькнулъ почему-то этотъ стишокъ въ головѣ его,— вотъ только не услышалъ-бы кто, какъ я перескочилъ: кажется, нѣтъ . Постоявъ минутку, онъ тихонько пошелъ по саду. по травѣ: обходя деревья и кусты, шелъ долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу своему самъ прислушиваясь. Минутъ съ пять добирался онъ до освѣщеннаго окна. Онъ помнилъ, что тамъ подъ самыми окнами, есть нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ бузины и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой сторонѣ фасада была заперта. и онъ это нарочно и тщательно высмотрѣлъ, проходя. Наконецъ, достигъ и кустовъ и притаился за ними. Онъ не дышалъ. Переждать теперь надо , подумалъ онъ, если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются. то чтобы разувѣрились... какъ бы только не кашлянуть, не чихнуть»...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось ужасно и мгновеніями онъ почти задыхался. Нѣтъ, не пройдетъ сердцебіеніе , подумалъ онъ,— не могу дольше ждать . Онъ сталъ за кустомъ въ тѣни: передняя половина куста была освѣщена изъ окна. Калина, ягоды, какія красныя! прошепталъ онъ, не зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными неслышными шагами подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спаленка Ѳедора Павловича предстала предъ нимъ, какъ на ладони. Это была небольшая комнатка, вся раздѣленная поперекъ красными ширмочками, "китайскими", какъ называлъ ихъ Ѳедоръ Павловичъ. Китайскія , пронеслось въ умѣ Мити, а за ширмами Грушенька . Онъ сталъ разглядывать Ѳедора Павловича. Тотъ былъ въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, котораго никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясанномъ шелковымъ-же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выглядывало чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ золотыми запонками. На головѣ у Ѳедора Павловича была та-же красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. "Разодѣлся", подумалъ Митя. Ѳедоръ Павловичъ стоялъ близъ окна. повидимому, въ задумчивости. вдругъ онъ вздернулъ голову, чуть-чуть прислушался и, ничего не услыхавъ, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина полрюмочки коньячку и выпилъ. Затѣмъ вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсѣянно подошелъ къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукой приподнялъ немного красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои синяки и болячки. которые еще

не прошли. Онъ одинъ, подумалъ Митя, по всѣмъ вѣроятностямъ одинъ. Ѳедоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него. Митя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

Она, можетъ быть, у него за ширмами, можетъ быть, уже спитъ, кольнуло его въ сердце. Ѳедоръ Павловичъ отъ окна отошелъ. Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало быть, ея нѣтъ: чего ему въ темноту смотрѣть?.. истерическіе, значитъ, пожираетъ... Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ, видимо пригорюнившись. Наконецъ, облокотился и приложилъ правую ладонь къ щекѣ. Митя жадно вглядывался.

Одинъ, одинъ! твердилъ онъ опять. Если-бъ она была тутъ, у него было-бы другое лицо. Странное дѣло: въ его сердцѣ вдругъ закипѣла какая-то безсмысленная и чудная досада на то, что ея тутъ нѣтъ. Не на то, что ея тутъ нѣтъ осмыслилъ и самъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ-же, — а на то, что никакъ навѣрно узнать не могу, тутъ она или нѣтъ. Митя припоминалъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ необыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣшимости выростала въ сердцѣ его съ быстротой неомѣрною. Здѣсь она, наконецъ, или не здѣсь? злобно закипѣло у него въ сердцѣ. И онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со Смердяковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ,—знакъ обозначавшій, что Грушенька пришла. Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Ѳедоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты что-ли? проговорилъ онъ какимъ-то дрожащимъ полушепотомъ.—Гдѣ ты маточка, ангелочикъ, гдѣ ты? Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

Одинъ!» рѣшилъ Митя.

— Гдѣ-же ты? крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще больше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ стороны, направо и налѣво; — иди сюда; я гостинчику приготовилъ, иди, покажу!..

Это онъ про пакетъ съ тремя тысячами, мелькнуло у Мити.

— Да гдѣ-же?... Али у дверей? Сейчасъ отворю...

И старикъ чуть не вылѣзъ изъ окна, заглядывая направо, въ сторону, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ темнотѣ. Черезъ секунду онъ непремѣнно побѣжалъ-бы отпирать двери, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя смотрѣлъ съ боку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвис-

ній кадыкъ его, носъ крючкомъ, улыбающійся въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко было освѣщено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Страшная, неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: «Вотъ онъ, его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни! Это былъ приливъ той самой внезапной, мстительной и неистовой злобы, про которую, какъ-бы предчувствуя ее, возвѣстилъ онъ Алешѣ, въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ, когда отвѣтилъ на вопросъ Алеши: *«какъ можешь ты говорить, что убьешь отца?»*

Я вѣдь не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; *можетъ, не убью, а, можетъ, убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ станетъ своимъ лицомъ въ ту самую минуту*. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь»...

Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана...

. . . . . .

«Богъ», какъ самъ Митя говорилъ потомъ, «сторожилъ меня тогда: какъ разъ въ то самое время проснулся на одрѣ своемъ больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того-же дня онъ совершилъ надъ собою извѣстное лѣченіе, о которомъ Смердяковъ разсказывалъ Ивану Ѳедоровичу, то есть вытерся весь съ помощію супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ крѣпчайшимъ настоемъ, а остальное выпилъ съ нѣкоторою молитвой, пришептанною надъ нимъ супругой, и залегъ спать. Марѳа Игнатьевна вкусила тоже и, какъ не пьющая, заснула подлѣ супруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно Григорій вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хоть тотчасъ-же опять почувствовалъ жгучую боль въ поясницѣ, но поднялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, всталъ и наскоро одѣлся. Можетъ быть, угрызеніе совѣсти кольнуло его за то, что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа въ такое опасное время». Разбитый надучею Смердяковъ лежалъ въ другой каморкѣ безъ движенія. Марѳа Игнатьевна не шевелилась: ослабѣла баба, подумалъ, глянувъ на нее Григорій Васильевичъ и кряхтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ только глянуть съ крылечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль въ поясницѣ и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ вдругъ припомнилъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на замокъ не заперъ. Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ. Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ крылечка и направился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ настежь. Машинально стукнулъ онъ

въ садъ: можетъ быть, ему что померещилось, можетъ, услыхалъ какой нибудь звукъ, но, глянувъ налѣво, увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже окошко, никто уже изъ него не выглядывалъ.

Почему отворено, теперь не лѣто! подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе прямо предъ нимъ въ саду замелькало что-то необычайное. Шагахъ въ сорока передъ нимъ какъ-бы пробѣгалъ въ темнотѣ человѣкъ, очень быстро двигалась какая-то тѣнь. Господи проговорилъ Григорій и, не помня себя, забывъ про свою боль въ поясницѣ, пустился на перерѣзъ бѣгущему. Онъ взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣе, чѣмъ бѣгущему: тотъ-же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, бросился къ стѣнѣ... Григорій слѣдилъ его не теряя изъ виду и бѣжалъ не помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ ту минуту, когда бѣглецъ уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя завопилъ Григорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его ногу.

Такъ и есть, предчувствіе не обмануло его: онъ узналъ его, это былъ онъ «извергъ-отцеубивецъ!»

Отцеубивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность, но только это и успѣлъ прокричать: онъ вдругъ упалъ какъ пораженный громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся надъ поверженнымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и онъ машинально отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Григорія, но не въ траву, а на тропинку, на самое видное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ лежащаго предъ нимъ. Голова старика была вся въ крови: Митя протянулъ руку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ потомъ ясно, что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту вполнѣ убѣдиться проломилъ онъ черепъ старику или только оглушилъ его пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась ужасно и мигомъ облила горячею струей дрожащіе пальцы Мити. Онъ помнилъ, что выхватилъ изъ кармана свой бѣлый новый платокъ, которымъ запасся идя къ Хохлаковой, и приложилъ къ головѣ старика, безсмысленно стараясь оттереть кровь со лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ кровью. Господи, да для чего это я? очнулся вдругъ Митя, коли ужъ проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не все-ли теперь равно!» прибавилъ онъ вдругъ безнадежно, — убилъ, такъ убилъ... Попался старикъ и лежи! громко проговорилъ онъ, и вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнулъ въ переулокъ и пустился бѣжать. Намокшій кровью платокъ былъ скомканъ у него въ правомъ кулакѣ и онъ на бѣгу сунулъ его въ задній карманъ сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣсколько рѣдкихъ прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на улицахъ города, запомнили потомъ, какъ встрѣтили они въ ту ночь пенстово

бѣгущаго человѣка. Летѣлъ онъ опять въ домъ Морозовой. Лавеча Ѳеня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ старшему дворнику Назару Ивановичу и Христомъ-Богомъ начала молить его, чтобъ онъ не впускалъ уже больше капитана ни сегодня, ни завтра. Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, согласился, но на грѣхъ отлучился на верхъ къ барынѣ, куда его внезапно позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, парня лѣтъ двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, приказалъ ему побыть на дворѣ, но забылъ приказать о капитанѣ. Добѣжавъ до воротъ, Митя постучался. Наренъ мигомъ узналъ его: Митя не разъ уже давалъ ему на чай. Тотчасъ-же отворилъ ему калитку, впустилъ и, весело улыбаясь, предупредительно поспѣшилъ увѣдомить, что «звѣдь Аграфены Александровны теперь дома-то и нѣтъ-съ».

— Гдѣ-же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя.

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимофеемъ, въ Мокрое.

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то, кто-то ихъ позвалъ, оттудова и лошадей прислали...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ Ѳенѣ.

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, объ собираясь ложиться спать. Надѣясь на Назара Ивановича, онъ изнутри опять таки не заперлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Ѳеню и крѣпко схватилъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? завопилъ онъ въ исступленіи.

Объ женщины взвизгнули.

— Ай скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не потаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Ѳеня:—она въ Мокрое къ офицеру побѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою-же скороговоркой протрещала Ѳеня.

Дмитрій Ѳедоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но по глазамъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ до-

гадался. Не, бѣдной Ѳенѣ, конечно, было наблюдать въ ту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ-бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными, расширенными отъ страха зрачками глазъ впилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ, должно быть, дотрогивался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что и на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Ѳеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха-же кухарка вскочила и глядѣла какъ съумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Ѳедоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Ѳени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ-бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ—онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой-же Грушеньки, зналъ, что мѣсяцъ назадъ онъ письмо прислалъ. Значитъ, мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ-же какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ, который сталъ предъ нимъ какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ребенокъ, заговорилъ съ Ѳеней, совсѣмъ точно и забывъ, что сейчасъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ съ чрезвычайною и даже удивительною въ его положеніи точностью принялся разспрашивать Ѳеню. А Ѳеня хоть и дико смотрѣла на окровавленныя руки его, но тоже съ удивительною готовностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже какъ-бы спѣша выложить ему всю правду правдинскую. Мало по малу, даже съ какою-то радостью начала излагать всѣ подробности, и вовсе не желая мучить, а какъ-бы спѣша изо всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До послѣдней подробности разсказала она ему и весь сегодняшній день, посѣщеніе Ракитина и Алеши, какъ она, Ѳеня, стояла на сторожахъ, какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко Алешѣ поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы вѣчно помнилъ какъ любила она его часочекъ. Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ усмѣхнулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. Ѳеня въ ту-же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, всѣ-то въ крови!

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣлъ на свои руки, и тотчасъ забылъ про нихъ, и про вопросъ Ѳени. Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ вбѣжалъ онъ, прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполнѣ какая-то новая непреклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задумчиво улыбнулся.

— Баринъ, что̀ съ вами это такое было? проговорила Ѳеня, опять показывая ему на его руки, — проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Ѳеня, проговорилъ онъ со страннымъ выраженіемъ смотря на нее,—это кровь человѣческая и, Боже, зачѣмъ она пролилась! Но... Ѳеня... тутъ одинъ заборъ (онъ глядѣлъ на нее какъ-бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ. но... завтра на разсвѣтѣ, когда взлетитъ солнце, Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Не понимаешь, Ѳеня, какой заборъ, ну да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣшаю и устранюсь, съумѣю устраниться. Живи, моя радость... любила меня часокъ, такъ и помни на вѣки Митеньку Карамазова... Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Ѳеня выхода этого испугалась чуть не больше еще чѣмъ когда онъ давеча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя Дмитрій Ѳедоровичъ вошелъ къ тому молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому давеча заложилъ пистолеты. Было уже половина девятаго и Петръ Ильичъ. напившись дома чаю, только что облекся снова въ сюртукъ чтобъ отправиться въ трактиръ Столичный Городъ поиграть на биліардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, увидѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! Да что̀ это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя,—за пистолетами моими приносилъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. Торопилось, Петръ Ильичъ, пожалуйста, поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ Мити онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ. а, главное, онъ держалъ эту кучу, и вошелъ съ нею какъ никто деньги не держитъ и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ правой рукѣ. точно напоказъ, прямо держа руку предъ собою. Мальчикъ. слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потомъ, что онъ такъ

и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало быть, и по улицѣ все такие несъ ихъ предъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевыя, радужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ, на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ? заявлялъ, что тогда сосчитать на глазъ трудно было. можетъ быть, двѣ тысячи, можетъ быть, три, но пачка была большая, плотненькая . Самъ-же Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, былъ какъ-бы тоже совсѣмъ не въ себѣ. но не пьянъ, а точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ. а въ тоже время какъ будто и сосредоточенъ. точно объ чемъ-то думалъ и добивался, и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко. очень странно, мгновеніями-же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ».

— Да съ вами-то что. съ вами-то что теперь? прокричалъ опять Петръ Ильичъ, дико разматривая гостя.—Какъ это вы такъ раскровенились, упали что-ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

Э, чортъ! Этого не доставало, пробормоталъ онъ со злобой, быстро переложилъ изъ правой руки кредитки въ лѣвую и судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платокъ оказался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не было бѣлаго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ въ комкѣ и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его объ полъ.

— Э, чортъ! Нѣтъ-ли у васъ какой тряпки... обтереться-бы...

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Такъ ужъ лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ. — Вотъ рукомойникъ, я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо... только куда-же я это дѣну? въ какомъ-то совсѣмъ ужъ странномъ недоумѣніи указалъ онъ Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительно глядя на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣвать свои собственныя деньги.

— Въ карманъ суньте, али на столъ вотъ здѣсь положите, не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо... Нѣтъ, видите-ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ, какъ-бы вдругъ выходя изъ разсѣянности. — Видите: мы сперва это дѣло кончимъ. пистолеты-то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги... потому что мнѣ очень, очень нужно... и времени, времени ни капли...

И снявъ съ пачки верхнюю сторублевую онъ протянулъ ее чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ: — у васъ мельче нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку, и какъ-бы неувѣренный въ словахъ своихъ попробовалъ пальцами двѣ-три бумажки сверху,—нѣтъ, все такія-же, прибавилъ онъ и опять вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? спросилъ тотъ.—Постойте, я мальчишку своего пошлю сбѣгать къ Плотниковымъ. Они запираютъ поздно, вотъ не размѣняютъ-ли. Эй, Миша! крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ—великолѣпнѣйшее дѣло! крикнулъ и Митя какъ-бы осѣненный какою-то мыслью.—Миша,—обернулся онъ къ вошедшему мальчику, — видишь, сбѣги къ Плотниковымъ и скажи, что Дмитрій Ѳедоровичъ велѣлъ кланяться и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай, слушай: чтобы къ его приходу приготовили шампанскаго, этакъ дюжинки три, да уложили какъ тогда когда въ Мокрое ѣздилъ... Я тогда четыре дюжины у нихъ взялъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу) — они ужъ знаютъ, не безпокойся, Миша, повернулся онъ опять къ мальчику.— Да слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ копченыхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у нихъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде было... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфектъ, грушъ, арбуза два или три, аль четыре,—ну нѣтъ, арбуза-то одного довольно, а шоколаду, леденцовъ, мошансье, тягушекъ — ну всего что тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей на триста чтобы было... Ну, вотъ и теперь чтобы также точно. Да вспомни ты, Миша, если ты Миша... Вѣдь его Мишей зовутъ? опять обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постойте, перебилъ Петръ Ильичъ съ безпокойствомъ его слушая и разсматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и скажете, а онъ перевретъ.

— Перевретъ, вижу что перевретъ! Эхъ, Миша, а я было тебя поцѣловать хотѣлъ за коммиссію... Коли не перевретъ, десять рублей тебѣ, скачи скорѣй... Шампанское, главное, шампанское чтобы выкатили, да и коньячку, да и краснаго, и бѣлаго, и всего этого какъ тогда... Они ужъ знаютъ какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ Ильичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнять, да прикажетъ чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... Да-

ванте ваню кредитку. маршъ. Миша, одна нога тамъ, другая тутъ! Петръ Ильичъ, кажется, нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, потому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленныя руки съ пучкомъ денегъ въ дрожавшихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разинувъ ротъ отъ удивленія и страха и, вѣроятно, мало понялъ изо всего того, что ему наказывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдемте мыться, сурово сказалъ Петръ Ильичъ.— Положите деньги на столъ, или суньте въ карманъ... Вотъ такъ. идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять вскрикнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... А это вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана просочилось. Я на платокъ-то у Фени съѣлъ, кровь-то и просочилась, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ-же объяснилъ Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ нахмурившись.

— Угораздило-же васъ: подрались, должно быть, съ кѣмъ, пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и подливалъ воду. Митя торопился и плохо было намылилъ руки. (Руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ). Петръ Ильичъ тотчасъ-же велѣлъ намылить больше и тереть больше. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ эту минуту, чѣмъ дальше. тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати: молодой человѣкъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, теперь трите лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ и поѣдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ праваго рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, разсматривая обшлагъ рубашки.

— Такъ перемѣните бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ съ тою-же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лицо и руки и надѣвая сюртукъ, — я вотъ здѣсь край рукава загну, его и не видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? Подрались, что-ли, съ кѣмъ? Не въ трактирѣ-ли опять, какъ тогда? Не опять-ли съ капитаномъ, какъ тогда, были его и таскали? какъ-бы съ укоризною припомнилъ Петръ Ильичъ.—Кого еще прибили... или убили, пожалуй?

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся:—Это я старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу прямо въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чортъ возьми, старика, старушонку... Убили, что-ли, кого?

Помирились. Сѣшились —и помирились. Въ одномъ мѣстѣ. Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ простилъ... теперь ужъ навѣрно простилъ... Если-бы всталъ, такъ не простилъ-бы.— подмигнулъ вдругъ Митя.— только знаете, къ чорту его, слышите. Петръ Ильичъ, къ чорту, не надо! Въ сію минуту не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому, что охота-же вамъ со всякимъ связываться... какъ тогда изъ пустяковъ съ этимъ штабсъ-капитаномъ... Подрались и кутить теперь мчитесь — весь вашъ характеръ. Три дюжины шампанскаго,—это куда-же столько?

— Браво! Давайте теперь пистолеты. Ей Богу, нѣтъ времени. И хотѣлъ-бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. Да и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ-же деньги, куда я ихъ дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли? Подлинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пистолеты. Странно, въ шестомъ часу, давеча, заложить ихъ за десять рублей. а теперь эвона у васъ, тысячъ-то. Двѣ или три небось?

Три небось, засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой карманъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые пріиски у васъ, что-ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! изо всей силы закричалъ Митя и закатился смѣхомъ. — Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тотчасъ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобы только ѣхали. Мнѣ отсыпала, ужъ такъ она пріиски любитъ! Хохлакову знаете?

— Незнакомъ, а слыхалъ и видалъ. Неужто это она вамъ три тысячи дала? Такъ и отсыпала? недовѣрчиво глядѣлъ Петръ Ильичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Феб какъ взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ нея. къ Хохлаковой-то, и спросите у нея сами: отсыпала она мнѣ три тысячи али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утвердительно говорите, значитъ, дала... А вы денежки-то въ лапки, да вмѣсто

Сибири-то, по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! проговорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами, да ни въ чемъ?

— Я не про тысячи. Къ черту тысячи! Я про женскій нравъ говорю...

„Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ, и пороченъ“.

Я съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ!

— Пьянъ что-ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ, и довольно, довольно...

— Что это вы, пистолетъ заряжаете?

— Пистолетъ заряжаю.

Митя, дѣйствительно, раскрывъ ящикъ съ пистолетами, отомкнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и забилъ зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, предъ тѣмъ какъ вкатить ее, поднялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчкой.

— Чего это вы на пулю смотрите? съ безпокойнымъ любопытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ если-бы ты вздумалъ эту пулю всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолетъ, посмотрѣлъ-бы на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее взглянуть, какова она есть... А, впрочемъ, вздоръ, минутный вздоръ. Вотъ и кончено, прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколотивъ ее пыжей.— Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ, и если-бы ты зналъ, до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажки кусочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ такъ. И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на бумажкѣ двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ жилетный карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключикомъ и взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра Ильича и длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы, пожалуй, себѣ въ мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ безпокойствомъ произнесъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, я жизнь люблю! Знай ты это. Я златокудраго Ѳеба и свѣтъ его горячій люблю... Милый Петръ Ильичъ, умѣешь ты устраниться?

— Какъ это устраниться?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному дать дорогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало,—вотъ какъ дать дорогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите мимо, а я...

— А вы?

— Довольно, идемъ.

— Ей Богу скажу кому нибудь (глядѣлъ на него Петръ Ильичъ), чтобы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ Мокрое?

— Женщина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ Ильичъ, и шабашъ!

— Послушайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то нравились... я вотъ и безпокоюсь.

— Спасибо тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дикари! Я одно только и твержу: дикари! А, да вотъ Миша, а я-то его и забылъ.

Вошелъ въ поныхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ и отрапортовалъ, что у Плотниковыхъ всѣ заходили и бутылки волокутъ, и рыбу, и чай — сейчасъ все готово будетъ. Митя схватилъ десятирублевую и подалъ Петру Ильичу, а другую десятирублевую кинулъ Мишѣ.

— Не смѣть! вскричалъ Петръ Ильичъ.—У меня дома нельзя, да и дурное баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда положите, чего ихъ сорить-то? Завтра-же пригодятся, ко мнѣ-же вѣдь и придете десять рублей просить. Что это вы въ боковой карманъ все суете? Эй, потеряете!

— Слушай, милый человѣкъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?

— Мнѣ-то зачѣмъ туда?

— Слушай, хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за жизнь! Мнѣ хочется выпить, а пуще всего съ тобою выпить. Никогда я съ тобою не пилъ, а?

— Пожалуй, въ трактиръ можно, пойдемъ, я туда самъ сейчасъ отправляюсь.

— Некогда въ трактиръ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ задней комнатѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.

— Загадай.

Митя вынулъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и показалъ. Четкимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:

Казню себя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!

Право, скажу кому нибудь, пойду сейчасъ и скажу, проговорилъ, прочитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

— Не успѣешь, голубчикъ, идемъ и выпьемъ, маринъ!

Лавка Плотниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только домъ отъ Петра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый главный бакалейный магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торговцевъ, и самъ по себѣ весьма не дурной. Было все, что и въ любомъ магазинѣ въ столицѣ, всякая бакалея: вина разлива братьевъ Елисѣевыхъ, фрукты, сигары, чай, сахаръ, кофе и проч. Всегда сидѣли три прикащика и бѣгали два разсыльныхъ мальчика. Хотя край нашъ и обѣдиѣлъ, помѣщики разъѣхались, торговля затихла, а бакалея процвѣтала по прежнему и даже все лучше и лучше съ каждымъ годомъ: на эти предметы не переводились покупатели. Митю ждали въ лавкѣ съ нетерпѣніемъ. Слишкомъ помнили, какъ онъ недѣли три—четыре назадъ забралъ точно также разомъ всякаго товару и вина на нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами (въ кредитъ-то-бы ему ничего, конечно, не повѣрили), помнили, что также какъ и теперь въ рукахъ его торчала цѣлая пачка радужныхъ и онъ разбрасывалъ ихъ зря, не торгуясь, не соображая и не желая соображать, на что ему столько товару, вина и проч.? Во всемъ городѣ потомъ говорили, что онъ тогда, укативъ съ Грушенькой въ Мокрое, «просадилъ въ одну ночь и слѣдующій затѣмъ день три тысячи разомъ и воротился съ кутежа безъ гроша, въ чемъ мать родила». Поднялъ тогда цыганъ цѣлый таборъ (въ то время у насъ закочевавшій), которые въ два дня вытанцли-де у него, у пьянаго, безъ счету денегъ и выпили безъ счету дорогаго вина. Разсказывали, смѣясь надъ Митей, что въ Мокромъ онъ запоилъ шампанскимъ сиволапыхъ мужиковъ, деревенскихъ дѣвокъ и бабъ закормилъ конфектами и страсбургскими пирогами. Смѣялись тоже у насъ, въ трактирѣ особенно, надъ собственнымъ откровеннымъ и публичнымъ тогдашнимъ признаніемъ Мити (не въ глаза ему, конечно, смѣялись, въ глаза ему смѣяться было нѣсколько опасно), что отъ Грушеньки онъ за всю ту «эскападу» только и получилъ, что «позволила ему свою ножку поцѣловать, а болѣе ничего не позволила».

Когда Митя съ Петромъ Ильичемъ подошли къ лавкѣ, то у входа нашли уже готовую тройку, въ телѣгѣ, покрытой ковромъ, съ колокольчиками и бубенчиками и съ ямщикомъ Андреемъ, ожидавшимъ

Митю. Въ лавкѣ почти совсѣмъ успѣли сладить одинъ ящикъ съ товаромъ и ждали только появленія Мити, чтобы заколотить и уложить его на телѣгу. Петръ Ильичъ удивился.

— Да откуда посѣла у тебя тройка? спросилъ онъ Митю.

— Къ тебѣ бѣжалъ, вотъ его, Андрея, встрѣтилъ и велѣлъ ему прямо сюда къ лавкѣ и подъѣзжать. Времени терять нечего! Въ прошлый разъ съ Тимоѳеемъ ѣздилъ, да Тимоѳей теперь тю-тю-тю, впередъ меня съ волшебницей одной укатилъ. Андрей, опоздаемъ очень?

— Часомъ только развѣ прежде нашего прибудутъ, да и того не будетъ, часомъ всего упредятъ! посѣшно отозвался Андрей. — Я Тимоѳея и снарядилъ, знаю какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша ѣзда, Дмитрій Ѳедоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не потрафятъ раньше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ямщикъ, рыжеватый, сухощавый парень въ поддевкѣ и съ армякомъ на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отстанешь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Ѳедоровичъ, эхъ, получасомъ не упредятъ, не то что часомъ!

Митя хоть и засуетился распоряжаясь, но говорилъ и приказывалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Начиналъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ необходимымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе какъ на четыреста, чтобы точь въ точь по тогдашнему, командовалъ Митя.—Четыре дюжины шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ Ильичъ. -Это что за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

Ему тотчасъ-же объяснили суетившіеся прикащики со сланцавою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжины шампанскаго и всякіе необходимые на первый случай предметы: изъ закусокъ, конфектъ, моншанье и проч. Но что главное потребленіе» уложится и отправится сей-же часъ особо, какъ и въ тогдашній разъ, въ особой телѣгѣ и тоже тройкой и потрафитъ къ сроку, развѣ всего только часомъ позже Дмитрія Ѳедоровича къ мѣсту прибудетъ».

— Не болѣе часу, чтобъ не болѣе часу, и какъ можно больше моншанье и тягушекъ положите; это тамъ дѣвки любятъ, съ жаромъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ—пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Одной довольно, почти осердился уже Петръ Ильичъ. Онъ сталъ торго-

ваться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. Спасъ, однако, всего одну сотню рублей. Остановились на томъ, чтобы всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста рублей.

— А, чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ, какъ-бы вдругъ одумавшись, — да мнѣ-то тутъ что? Бросай свои деньги, коли даромъ нажилъ!

— Сюда, эконом, сюда, не сердись, потащилъ его Митя въ заднюю комнату лавки: — вотъ здѣсь намъ бутылку сейчасъ подадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ вмѣстѣ, потому что ты человѣкъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ передъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампанское. Предложили не пожелаютъ-ли господа устрицъ, первѣйшихъ устрицъ, самаго послѣдняго полученія».

— Къ чорту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо, почти злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, замѣтилъ Митя, — да и аппетита нѣтъ. Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ,—не любилъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто-жъ его любитъ! Три дюжины, помилуй, на мужиковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку во мнѣ нѣтъ, высшаго порядка... Но... все это закончено, горевать нечего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпорядокъ и надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ!

Этотъ стишокъ у меня изъ души вырвался когда-то, не стихъ, а слеза... самъ сочинилъ... не тогда, однако, когда штабсъ-капитана за бороденку таскалъ...

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все равняется, черта—и итогъ.

— Право, мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь выпьемъ, за жизнь предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но доволенъ собой. И, однако-жъ, я мучусь тѣмъ, что я подлъ, но доволенъ собой.

Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣкомое, чтобы не ползало, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за жизнь, милый братъ! Что̀ можетъ быть дороже жизни! Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

— Выпьемъ за жизнь, а, пожалуй, и за твою царицу.

Выпили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскидчивъ, но какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тяжелая забота стояла за нимъ.

— Миша... это твой Миша вонель? Миша, голубчикъ, Миша, поди сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Ѳеба златокудраго, завтрашняго...

— Да зачѣмъ ты ему! крикнулъ Петръ Ильичъ раздражительно.

— Ну, позволь, ну такъ, ну я хочу.

— Э-эхъ!

Миша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.

— Запомнитъ дольше, замѣтилъ Митя. — Женщину я люблю, женщину! Что̀ есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Петръ Ильичъ. Помнишь Гамлета: «Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Горацio... Ахъ, бѣдный Іорикъ! Это я, можетъ быть, Іорикъ и есть. Именно теперь я Іорикъ, а черепъ потомъ.

Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.

— Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно прикащика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую болоночку съ черными глазками.

— Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей болоночка, отвѣтилъ прикащикъ,—сами занесли давеча, да и забыли у насъ. Отнести надо будетъ обратно.

— Я одну такую-же видѣлъ... въ полку... вдумчиво произнесъ Митя,—только у той задняя ножка была сломана... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что̀ въ своей жизни, аль нѣтъ?

— Это что̀ за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты, конечно, тоже...

— Убирайся къ чорту.

— Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?

— Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.

— Ну, и что̀-же?

— Ну, и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, призналася и отдалъ.

— Ну, и что̀-же?

— Натурально, высѣкли. Да ты чего ужь, ты самъ не укралъ-ли?

— Укралъ, хитро подмигнулъ Митя.

— Что̀ укралъ? залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ три дня отдалъ. Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, не поспѣшить-ли? крикнулъ вдругъ у дверей лавки Андрей.

— Готово? Идемъ! всполохнулся Митя. — Еще послѣднее сказанье и... Андрею стаканъ водки на дорогу, сейчасъ! Да коньяку ему кромѣ водки рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистолетами) мнѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай лихомъ.

— Да вѣдь завтра воротишься?

— Непремѣнно.

— Разсчетецъ теперь изволите покончить? подскочилъ прикащикъ.

— А, да, разсчетъ! Непремѣнно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку кредитокъ, снялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и спѣша вышелъ изъ лавки. Всѣ за нимъ послѣдовали и, кланяясь, провожали съ привѣтствіями и пожеланіями. Андрей крякнулъ отъ только что выпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только Митя началъ садиться, какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неожиданно очутилась Ѳеня. Она прибѣжала вся запыхавшись, съ крикомъ сложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги:

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, голубчикъ, не погубите барыню! А я-то вамъ все разсказала!.. И его не погубите, прежній вѣдь онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Александровну возьметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, не загубите чужой жизни!

— Те-те-те, вотъ оно что̀! Ну, надѣлаешь ты теперь тамъ дѣлъ! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ.—Теперь все понятно, теперь какъ не понять. Дмитрій Ѳедоровичъ, отдай-ка мнѣ сейчасъ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, воскликнулъ онъ громко Митѣ,— слышишь, Дмитрій!

— Пистолеты? Подожди, голубчикъ, я ихъ дорогой въ лужу выброшу, отвѣтилъ Митя. — Ѳеня, встань, не лежи ты предо мной. Не погубитъ Митя, впредь никого ужь не погубитъ этотъ глупый человѣкъ. Да вотъ что̀, Ѳеня, крикнулъ онъ ей, уже усѣвшись: — обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и помилуй, прости подлеца... А не простишь, все равно! Потому что теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!..

«Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!» подумалъ вслѣдъ ему Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ-же) съ остальными припасами и винами, предчувствуя, что надуютъ и обсчитаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюнулъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на бильіардѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый... бормоталъ онъ про себя дорогой.—Про этого какого-то офицера «прежняго» Грушенькинова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то... Эхъ, пистолеты эти! А, чортъ, что я его дядька, что-ли? Пусть ихъ! Да и ничего не будетъ. Горланы и больше ничего. Напьются и подерутся, подерутся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за «устранюсь», «казню себя» —ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ этимъ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. «Пьянъ духомъ» — слогъ любятъ подлецы. Дядька я ему, что-ли? И не могъ не подраться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ-бы это? Въ трактирѣ узнаю. И платокъ въ крови... Фу, чортъ, у меня на полу остался... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ скверньйшемъ расположеніи духа и тотчасъ-же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ другую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, что у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ до трехъ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое съ Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любопытствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-то странно серіозно. Даже игру перервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ?

Стали разспрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли сомнительно.

— А не ограбилъ-ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся-же убить отца вслухъ, всѣ здѣсь слышали. Именно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы сухо и скупо. Про кровь, которая была на лицѣ и на рукахъ Мити, не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда, хотѣлъ было разсказать. Начали третью партію, мало по малу разговоръ о Митѣ затихъ; но, докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше играть не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ собирался, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ сообразилъ, что вѣдь онъ хо-

тѣлъ сейчасъ идти въ домъ Ѳедора Павловича, узнать не произошло-ли чего. Изъ-за вздора. который окажется, разбужу чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чортъ, дядька я имъ, что-ли?

Въ сверхбѣшеномъ расположеніи духа, направился онъ прямо къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Ѳеню: «э, чортъ, вотъ-бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ. все-бы и зналъ». И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетерпѣливое и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ полдороги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которомъ квартировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался, и раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ-бы вдругъ отрезвилъ и обозлилъ его. Къ тому-же никто не откликнулся, всѣ въ домѣ спали. И тутъ скандалу надѣлаю! подумалъ онъ съ какимъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того, чтобъ уйдти окончательно, принялся вдругъ стучать снова и изо всей уже силы. Поднялся гамъ на всю улицу. «Такъ вотъ, нѣтъ-же, достучусь, достучусь!» бормоталъ онъ, съ каждымъ звукомъ злясь на себя до остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ ворота.

VI.

Самъ ѣду!

Дмитрій Ѳедоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокраго было двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала такъ, что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда какъ-бы вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватый, на чистомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая ночь, а можетъ, и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю, исступленно клялся любить ее во вѣки вѣковъ». Но смутно, очень смутно было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало теперь его душу, но въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось лишь къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ, чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не спорило сердце его ни минуты. Не повѣрятъ мнѣ, можетъ быть, если скажу, что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому человѣку, новому сопернику, выскочившему изъ подъ земли, къ этому офицеру ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явись такой, приревновалъ-бы тотчасъ-же и, можетъ, вновь-бы намочилъ свои страшныя руки кровью, —а къ этому, къ этому ея первому, не ощущалъ онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой

ненависти, но даже враждебнаго чувства,—правда, еще не видалъ его. Тутъ ужъ безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая любовь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значитъ, только его и любила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся? Что я-то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и что я теперь? Теперь ужъ и безъ офицера все кончено, хотя-бы и не явился онъ вовсе, то все равно все было-бы кончено ...

Вотъ въ какихъ словахъ онъ-бы могъ приблизительно изложить свои ощущенія, если-бы только могъ разсуждать. Но онъ уже не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его родилась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почувствована и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще давеча, у Ѳени, съ первыхъ словъ ея. И все-таки, не смотря на всю принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до страданія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновеніями: вѣдь ужъ написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ перомъ на бумагѣ: «Казню себя и наказую»; и бумажка лежала тутъ, въ карманѣ его, приготовленная: вѣдь ужъ заряженъ пистолетъ, вѣдь ужъ рѣшилъ-же онъ какъ встрѣтитъ онъ завтра первый горячій лучъ «Ѳеба златокудраго», а между тѣмъ съ прежнимъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, все-таки нельзя было разсчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и мысль о томъ вонзалась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгновеніе въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, выскочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и покончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это пролетѣло какъ искорка. Да и тройка летѣла, пожирая пространство, и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, опять таки мысль о ней, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ и отгоняла всѣ остальные страшные призраки отъ его сердца. О, ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть издали! «Она теперь съ *нимъ*, ну вотъ и погляжу какъ она теперь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ. И только этого мнѣ и надо». И никогда еще не подымалось изъ груди его столько любви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, неиспытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства нежданнаго даже для него самого, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезновенія предъ нею. И исчезну!» проговорилъ онъ вдругъ въ припадкѣ какого-то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, хотя и словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ еще ни слова, точно опасался заговорить и только живо погонялъ своихъ «одровъ», свою

гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Какъ вдругъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что̀ если спятъ?

Ему это вдругъ всплло на умъ, а до сихъ поръ онъ о томъ и не подумалъ.

— Надо думать, что ужь легли, Дмитрій Ѳедоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: что̀ въ самомъ дѣлѣ, онъ прилетитъ... съ такими чувствами... а они спятъ... спитъ и она, можетъ быть, тутъ-же... Злое чувство закипѣло въ его сердцѣ.

— Погоняй, Андрей, катай, Андрей, живо! закричалъ онъ въ изступленіи.

— А, можетъ, еще и не полегли, разсудилъ, помолчавъ, Андрей.—Даве Тимоѳей сказывалъ, что тамъ много ихъ собралось...

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ дворѣ, вольная, значитъ, станція.

— Знаю; такъ какъ-же ты говоришь, что много? Гдѣ-же много? Кто такіе? вскинулся Митя въ страшной тревогѣ при неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимофей, все господа: изъ города двое, кто таковы—не знаю, только, сказывалъ Тимофей, двое изъ здѣшнихъ господъ, да тѣхъ двое, будто-бы пріѣзжихъ, а, можетъ, и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, говорилъ, стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ, можетъ, и не спятъ, коли въ карты зачали. Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исходѣ, не болѣе того.

— Погоняй, Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять Митя.

— Что̀ это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ началъ снова Андрей,—вотъ только-бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, баринъ.

— Чего тебѣ?

— Давеча Ѳедосья Марковна легла вамъ въ ноги, молила барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, такъ, отъ совѣсти, можетъ, глупо что̀ сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.

— Ты ямщикъ? Ямщикъ? началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты что надо дорогу давать. Что ямщикъ, такъ ужь никому и дороги не дать, дави, дескать, я ѣду! Нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить; а коли испортилъ жизнь—наказуй себя... если только испортилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Мити какъ-бы въ совершенной истерикѣ. Андрей хоть и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы правы, что не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую тварь, потому, всякая тварь — она тварь созданная, вотъ хоть-бы лошадь, потому, другой ломитъ зря, хоша-бы и нашъ ямщикъ... И удержу ему нѣтъ, такъ онъ и претъ, прямо тебѣ такъ и претъ.

— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неожиданнымъ коротким смѣхомъ. — Андрей, простая душа, — схватилъ онъ опять его крѣпко за плечи, — говори: попадетъ Дмитрій Ѳедоровичъ Карамазовъ во адъ, али нѣтъ, какъ по твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому, вы у насъ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ распятъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освободилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ объ томъ, что ужъ больше, думалъ, къ нему никто теперь не придетъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: Не стони, аде, ибо пріидутъ къ тебѣ отселева всякіе вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ-же точно, какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени пока снова приду. Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ, — стегнулъ Андрей лѣвую, а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый ребенокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, сударь, это есть, но за простодушіе ваше проститъ Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Мнѣ что-же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сейчасъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа простолюдина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, страшный какой-то вашъ разговоръ...

Но Митя не разслышалъ. Онъ изступленно молился и дико шепталъ про себя.

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, но не суди меня. Пронусти мимо безъ суда Твоего... Не суди, потому что я самъ осудилъ себя; не суди, потому что люблю Тебя, Господи! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь, и тамъ любить буду, и оттуда буду кричать, что люблю Тебя во вѣки вѣковъ... Но дай и мнѣ долюбить... здѣсь, теперь долюбить, всего пять часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу души моей.

Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. Прискачу, паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Прощай и забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ кнутомъ.

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ твердая масса строенiй, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село Мокрое было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уже спало и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкiе огоньки.

— Гони, гони, Андрей, ѣду!—воскликнулъ какъ-бы въ горячкѣ Митя.

— Не снять! проговорилъ опять Андрей, указывая кнутомъ на постоялый дворъ Наступовыхъ, стоявшiй сейчасъ-же на въѣздѣ, и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены.

— Не снять! радостно подхватилъ Митя,—гремi, Андрей, гони вскачь, звени, подкати съ трескомъ. Чтобы знали всѣ кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! изступленно восклицалъ Митя.

Андрей пустилъ измученную тройку вскачь и дѣйствительно съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылечку и осадилъ своихъ запаренныхъ, полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ телѣги и какъ разъ хозяинъ двора, правда, уходившiй уже спать, полюбопытствовалъ заглянуть съ крылечка, кто это таковъ такъ подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, вглядѣлся, стремглавъ сбѣжалъ съ крылечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гостю.

— Батюшка, Дмитрiй Ѳедорычъ! Васъ-ли вновь видимъ?

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый мужикъ, средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, виду строгаго и непримиримаго, съ Мокринскими мужиками особенно, но имѣвшiй даръ быстро измѣнять лицо свое на самое подобострастное выраженiе, когда чуялъ взять выгоду. Ходилъ по русски, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддевкѣ, имѣлъ деньжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. Половина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были ему должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и самъ покупалъ, а обрабатывали ему мужики эту землю за долгъ, изъ котораго никогда не могли выйдти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ четырехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него съ двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него какъ поденщица. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писарчкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнѣ можно было видѣть въ числѣ семейныхъ фотографiй, миніатюрнѣй-

шаго размѣра, фотографію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери, въ храмовой праздникъ, али отправляясь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, сшитыя по модному, съ обтяжкою сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой-же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣниками въ рукахъ выметали горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояльцевъ Не смотря на пріобрѣтенныя уже тысячки, Трифонъ Борисычъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутящаго и, помня, что еще мѣсяца не прошло какъ онъ въ одни сутки пожился отъ Дмитрія Ѳедоровича во время кутежа его съ Грушенькой двумя сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣтилъ его теперь радостно и стремительно, уже потому одному, какъ подкатилъ ко крыльцу его Митя, почуявъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ-ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ, — началъ Митя, — прежде всего самое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна? — тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко вглядываясь въ лицо Мити,—да здѣсь и она... пребываетъ...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости пробзжіе-съ... Одинъ-то чиновникъ, надоть быть, изъ поляковъ, по разговору суди, онъ-то за ней и послалъ лошадей отсюдова: а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, кто разберетъ; по штатски одѣты...

— Что-же, кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Небольшая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ... Изъ Черней возвращались, да и остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть, родственникъ господину Мiусову, вотъ только какъ звать забылъ... а другаго, надо полагать, вы тоже знаете: помѣщикъ Максимовъ, на богомолье, говоритъ, заѣхалъ въ монастырь нашъ тамъ, да вотъ съ родственникомъ этимъ молодымъ господина Мiусова и ѣздитъ...

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи, Трифонъ Борисычъ, говори теперь самое главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись, не очень смѣется... Даже скучная совсѣмъ сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это поляку, офицеру?

— Да какой-же онъ молодой, да и не офицеръ онъ вовсе: нѣтъ, сударь, не ему, а Міусовскому племяннику этому, молодому-то... вотъ только имя забылъ.

— Калгановъ?

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чиновникъ потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой, душа, самъ рѣшу. Теперь отвѣчай самое главное: нѣтъ цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сегодня начальство, а вотъ жиды здѣсь есть, на цымбалахъ играютъ и на скрипкахъ, въ Рождественской, такъ это можно-бы за ними хошя и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непремѣнно послать! вскричалъ Митя. — А дѣвокъ можно поднять какъ тогда, Марью особенно, Степаниду тоже, Аришу. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія деньги я все село тебѣ подыму, хоть и полегли теперь дрыхнуть. Да и стоятъ-ли, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки? Этакой подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Ему-ли, нашему мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ него смердитъ, отъ разбойника. А дѣвки всѣ, сколько ихъ ни есть, вшивыя. Да я сзошлю дочерей тебѣ даромъ подыму, не то что за такую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ ногой въ спину напинаю да для тебя нѣтъ заставлю. Мужиковъ намедни шампанскимъ поили, э-эхъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ тогда у него самъ съ подложины бутылокъ шампанскаго утянулъ, а подъ столомъ сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ кулакъ. Такъ и осталась у него въ кулакѣ.

— Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь тысячку. Помнишь?

— Растрясли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три тысячки у насъ, небось, оставили.

— Ну, такъ и теперь съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.

И онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку кредитокъ.

— Теперь слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, закуски, пироги и конфеты, — все тотчасъ-же туда на верхъ. Этотъ ящикъ, что у Андрея, туда тоже сейчасъ на верхъ, раскрыть и тотчасъ-же шампанское подавать... А, главное, — дѣвокъ, дѣвокъ, и Марью чтобы непремѣнно...

Онъ повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ-подъ сидѣнья свой ящикъ съ пистолетами.

— Разсчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать рублей за тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за любовь твою... Помни барина Карамазова!

— Боюсь я, баринъ...—заколебался Андрей,—пять рублей на чай пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ свидѣтелемъ. Ужь простите глупое слово мое...

— Чего бояться, обмѣрилъ его взглядомъ Митя,—ну и чортъ съ тобой коли такъ! крикнулъ онъ, бросая ему пять рублей.— Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай мнѣ на нихъ на всѣхъ перво-на-перво глазкомъ глянуть, такъ, чтобъ они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?

Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тотчасъ-же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его въ сѣни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, сосѣднюю съ той, въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ потихоньку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ, откуда-бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ ими невидимый. Но Митя не долго глядѣлъ, да и не могъ разглядывать: онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ помутилось. Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ съ нею, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой Калгановъ: она держала его за руку и, кажется, смѣялась, а тотъ, не глядя на нее, что-то громко говорилъ, какъ будто съ досадой, сидѣвшему черезъ столъ напротивъ Грушеньки, Максимову. Максимовъ-же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ *онъ*, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой незнакомецъ. Тотъ, который сидѣлъ на диванѣ развалясь, курилъ трубку, и у Мити лишь промелькнуло, что это какой-то толстоватый и широкоплечій человѣчекъ, ростомъ, должно быть, невысокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищъ-же его, другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужь чрезвычайно высокаго роста: но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть. Духъ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, поставилъ ящикъ на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направился въ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ испугѣ Грушенька, замѣтивъ его первая.

VII.

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступилъ вплоть къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но запикаясь на каждомъ словѣ,—я... я ничего! Не бойтесь! воскликнулъ онъ,—я вѣдь ничего, ничего,—повернулся онъ вдругъ къ Грушенькѣ, которая откинулась на креслѣ въ сторону Калганова и крѣпко уцѣпилась за его руку.—Я... Я тоже ѣду. Я до утра. Господа, проѣзжему путешественнику... можно съ вами до утра? Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой комнатѣ?

Это уже онъ докончилъ, обращаясь къ толстенькому человѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отнялъ отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пане, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, да чего это вы? отозвался вдругъ Калгановъ:—да садитесь съ нами, здравствуйте!

— Здравствуйте, дорогой человѣкъ... и безцѣнный! Я всегда уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, тотчасъ-же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали пальцы, засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ! весело отозвалась, еще робко улыбаясь, Грушенька, кажется, вдругъ убѣдившаяся по виду Мити, что тотъ не будетъ буянить, съ ужаснымъ любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него вглядываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее, да и вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ такъ войдетъ и такъ заговоритъ.

— Здравствуйте-съ, сладко отозвался съѣда и помѣщикъ Максимовъ. Митя бросился и къ нему.

Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ! Господа, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой, видимо принимая его за главнаго здѣсь человѣка). Я летѣлъ... Я хотѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой комнатѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою царицу!.. Прости, пане! крикнулъ онъ изступленно,—я летѣлъ и далъ клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ, пане, мировую! Сей-

часъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. (Онъ вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ).—Позволь, паше! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что̀ прежде... Но червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ! День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..

Онъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но выскочили одни странныя восклицанія. Нашъ неподвижно смотрѣлъ на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку и былъ въ видимомъ недоумѣніи.

— Ежели поволитъ моя крулева... началъ было онъ.

— Да что̀ крулева, это королева, что-ли? перебила вдругъ Грушенька.—И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы все говорите. Садись, Митя, и что̀ это ты говоришь? Не пугай, пожалуйста. Не будешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ рада...

— Мнѣ, мнѣ пугать? вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ свои руки. –О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ онъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и, увѣ, конечно, для себя самого, бросился на стулъ и залился слезами, отвернувъ къ противоположной стѣнѣ свою голову, а руками крѣпко обхвативъ спинку стула, точно обнимая ее.

– Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! укоризненно воскликнула Грушенька.—Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ, – вдругъ заговоритъ, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ также заплакалъ, а теперь вотъ въ другой—экой стыдъ! Съ чего ты плачешь-то? *Было бы еще съ чего?* прибавила она вдругъ загадочно и съ какимъ-то раздраженіемъ напирая на свое словечко.

— Я... я не плачу... Ну, здравствуйте! повернулся онъ въ одинъ мигъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не деревяннымъ своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышнымъ длиннымъ, нервознымъ и сотрясающимся смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять... Ну, развеселись, развеселись! уговаривала его Грушенька.—Я очень рада, что ты пріѣхалъ, очень рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чтобъ онъ сидѣлъ здѣсь съ нами, повелительно обратилась она какъ-бы ко всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему на диванѣ. – – Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду, вотъ что̀! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что̀ изволитъ моя царица—то законъ! произнесъ панъ, галантно поцѣловавъ ручку Грушеньки. Прошу пана до нашей компаніи! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя опять привскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разразиться тирадой, но вышло другое:

— Выпьемъ, пане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣчи. Всѣ разсмѣялись.

— Господи! А я думала онъ опять говорить хочетъ, нервозно воскликнула Грушенька. — Слышишь, Митя, настойчиво прибавила она,—больше не вскакивай, а что шампанскаго привезъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я терпѣть не могу. А лучше всего, что самъ прикатилъ, а то скучища... Да ты кутить, что-ли, пріѣхалъ опять? Да спрячь деньги-то въ карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были кредитки, очень всѣми и особенно панами замѣченныя, быстро и конфузливо сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую минуту хозяинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на подносѣ и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерялся, что забылъ что̀ съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Калгановъ и разлилъ за него вино.

— Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяину, и, забывъ чокнуться съ паномъ, котораго такъ торжественно приглашалъ выпить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь свой стаканъ одинъ, никого не дождавшись. Все лицо его вдругъ измѣнилось. Вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ которымъ онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ-бы что-то младенческое. Онъ вдругъ какъ-бы весь смирился и принизился. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ благодарнымъ видомъ виноватой собачонки, которую опять приласкали и опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывалъ всѣхъ съ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ безпрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплоть къ самому ея креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще мало осмыслилъ ихъ. Панъ на диванѣ поражалъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное — трубкой. «Ну, что̀-же такое, ну, и хорошо что онъ куритъ трубку», созерцалъ Митя. Нѣсколько обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана, съ очень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два претоненькіе востренькіе усика, нафабренные и нахальные, не возбудило въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень дряненькій паричекъ пана, сдѣланный въ Сибири, съ преглупо зачесанными впередъ височками, не поразилъ особенно Митю: «значитъ, такъ и надо, коли паричекъ», блаженно продолжалъ онъ созерцать. Другой-же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой, чѣмъ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и задорно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разговоръ, опять таки поразилъ Митю только очень высокимъ своимъ ростомъ, ужасно

непропорціональнымъ съ паномъ сидѣвшимъ на диванѣ. «Коли встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати», мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ высокій панъ, вѣроятно, другъ и пріятѣлишка пану на диванѣ, какъ-бы тѣлохранитель его, и что маленькій панъ съ трубкой, конечно, командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ замерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ тонѣ нѣсколькихъ фразъ ея, онъ еще ничего не понялъ; а понималъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ своимъ, что она къ нему ласкова, что она его простила, и подлѣ себя посадила. Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, увидѣвъ какъ она хлѣбнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ-бы вдругъ, однако, поразило его и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: «что-же мы, однако, сидимъ, что-же вы ничего не начинаете, господа?» какъ-бы говорилъ осклабленный взоръ его.

— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, началъ вдругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ тотчасъ-же на Максимова.

— Вретъ? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, тотчасъ-же чему-то обрадовавшись,—ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ, что будто-бы вся наша кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженилась на ножкахъ; но это ужасный вздоръ, не правда-ли?

— На ножкахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ рѣшительномъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити къ Грушенькѣ, догадывался и о панѣ, но его все это не такъ занимало, даже, можетъ быть, вовсе не занимало, а занималъ его всего болѣе Максимовъ. Попалъ онъ сюда съ Максимовымъ случайно и нарочно встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку-же зналъ прежде и разъ даже былъ у нея съ кѣмъ-то: тогда онъ ей не понравился. Но здѣсь она очень ласково на него поглядывала: до пріѣзда Мити даже ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе двадцати, щегольски одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ прекрасными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣленькомъ личикѣ были прелестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а иногда и съ глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, не смотря на то, что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣмъ какъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это

сознавая. Вообще онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ, хотя всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало что-то неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, а самъ какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становился вялъ и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда, повидимому, отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собою, продолжалъ онъ, немного какъ-бы растягивая лѣниво слова, но безо всякаго фатовства, а совершенно натурально.—Помните, съ тѣхъ поръ какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски вытолкнулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заинтересовалъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вретъ, такъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской нации не видѣлъ и муви что̀ быть не мо̀гло, замѣтилъ панъ съ трубкой Максимову.

Панъ съ трубкой говорилъ по русски порядочно, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше чѣмъ представлялся. Русскія слова, если и употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской пани-съ, отхихикнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь это вы про кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввязался сейчасъ Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! крикнулъ Митя, жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго кто заговоритъ, точно Богъ знаетъ что̀ ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулся къ нему Максимовъ, — я про то-съ, что эти тамъ панѐнки... хорошенькія-съ... какъ оттанцуютъ съ нашимъ уланомъ мазурку... какъ оттанцовала она съ нимъ мазурку, такъ тотчасъ и вскочитъ ему на колѣни, какъ кошечка-съ... бѣленькая-съ... а панъ отецъ и пани-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланъ-то на завтра пойдетъ и руку предложитъ... вотъ-съ... и предложитъ руку, хи-хи! хихикнулъ закончивъ Максимовъ.

— Панъ лайдакъ! проворчалъ вдругъ высокій панъ на стулѣ и переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза огромный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба пана были одѣты довольно засалѐнно.

— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? разсердилась вдругъ Грушенька.

— Пани Агриппина, панъ видзѣлъ въ польскомъ краю хло-

покъ, а не шляхетныхъ паней, замѣтилъ панъ съ трубкой Грушенькѣ.

— Можешь на то раховаць! презрительно отрѣзалъ высокій панъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего мѣшать? Съ ними весело, огрызнулась Грушенька.

— Я не мѣшаю, пани, значительно замѣтилъ панъ въ паричкѣ съ продолжительнымъ взглядомъ ко Грушенькѣ и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, загорячился опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло.— Вѣдь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ-же онъ говоритъ про Польшу? Вѣдь вы-же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ еще прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ. И съ пани-маткой, и съ тантой, и еще съ одною родственницей со взрослымъ сыномъ, это ужь изъ самой Польши, изъ самой... и мнѣ уступилъ. Это одинъ панъ поручикъ, очень хорошій молодой человѣкъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...

— Такъ вы на хромой женились? воскликнулъ Калгановъ.

— На хромой-съ. Это ужь они меня оба тогда немножечко обманули и скрыли. Я думалъ, что она подпрыгиваетъ... она все подпрыгивала, я и думалъ, что она это отъ веселости...

— Отъ радости что за васъ идетъ? завопилъ какимъ-то дѣтски звонкимъ голосомъ Калгановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совсѣмъ отъ иной причины-съ. Потомъ, когда мы обвѣнчались, она мнѣ послѣ вѣнца въ тотъ-же вечеръ и призналась, и очень чувствительно извиненія просила, чрезъ лужу, говоритъ, въ молодыхъ годахъ однажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!...

Калгановъ такъ и залился самымъ дѣтскимъ смѣхомъ и почти упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя-же былъ на верху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже вправду, это онъ теперь не лжетъ! восклицалъ, обращаясь къ Митѣ, Калгановъ. — И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ, - это онъ про первую жену говоритъ, — а вторая жена его, знаете, сбѣжала и жива до сихъ поръ, знаете вы это?

— Неужто? быстро повернулся къ Максимову Митя, выразивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту непріятность, скромно под-

твердилъ Максимовъ.—Съ однимъ мусью-съ. А главное, всю деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварительно отписала. Ты, говоритъ, человѣкъ образованный, ты и самъ найдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ почтенный архіерей и замѣтилъ: «у тебя одна супруга была хромая, а другая ужъ черезчуръ легконогая», хи-хи!

— Послушайте, послушайте! такъ и кинулъ Калгановъ,—если онъ и лжетъ, — а онъ часто лжетъ, — то онъ лжетъ единственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло, не подло? Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подлъ, но онъ натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подличаетъ изъ-за чего нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, онъ отъ натуры... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчера всю дорогу спорилъ), что Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ* это про него сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Поздревъ и былъ преданъ суду: за нанесеніе помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ: ,—ну, помните? Такъ что-жь, представьте, онъ претендуетъ, что это онъ и былъ, и что это его высѣкли! Ну, можетъ-ли это быть? Чичиковъ ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ, такъ что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь. Вѣдь не могли, не могли?

Трудно было представить изъ-за чего такъ горячился Калгановъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ въ его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-съ, а такъ, вставилъ вдругъ Максимовъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Котора годзина, пане? (который часъ?) обратился со скучающимъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стулѣ. Тотъ вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ не было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вамъ скучно, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька, видимо нарочно привязываясь. У Мити какъ-бы въ первый разъ что-то промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уже съ видимою раздражительностью:

— Паши, я ниць не мувѣнъ противъ, ниць не повѣдзялемъ. (Я не противорѣчу, я ничего не сказалъ).

— Ну да хорошо, а ты разсказывай, крикнула Грушенька Максимову.—Что-жь вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и разсказывать-то нечего-съ, потому все это одинъ

глупости, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь, — да и у Гоголя все это только въ видѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставилъ аллегорическія: Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Посовъ, а Кувшинниковъ — это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что онъ былъ Шкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, только не италіанецъ, а русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фенарди была хорошенькая-съ, и ножки въ трико, хорошенькія-съ, юбочка коротенькая въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыре часа, а всего только четыре минутки-съ... и всѣхъ обольстила...

— Да за что высѣкли-то, высѣкли-то тебя за что? вопилъ Калгановъ.

— За Пирона-съ, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. Мы тогда всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, на этой самой ярмаркѣ. Они меня и пригласили, а я, перво-на-перво, сталъ эпиграммы говорить: «Ты-ль это, Буало, какой смѣшной нарядъ». А Буало-то отвѣчаетъ, что онъ въ маскарадъ собирается, то есть въ баню-съ, хи-хи, они и приняли на свой счетъ. А я поскорѣе другую сказалъ, очень извѣстную всѣмъ образованнымъ людямъ. Ѣдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это ругать, а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятельства, тутъ и разсказалъ очень образованный анекдотъ про Пирона, какъ его не приняли во французскую академію, а онъ, чтобъ отмстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня:

Ci-git Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высѣкли.

— Да за что-же, за что?

— За образованіе мое. Мало-ли изъ-за чего люди могутъ человѣка высѣчь, кротко и правоучительно заключилъ Максимовъ.

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я думала, что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька. Митя всполохнулся и тотчасъ-же пересталъ смѣяться. Высокій панъ поднялся съ мѣста и съ высокомѣрнымъ видомъ скучающаго не въ своей компаніи че-

ловѣка, началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки.

Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Грушенька. Митя забезпокоился, къ тому-же замѣтилъ, что панъ на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него.

Панъ, крикнулъ Митя, — выпьемъ, пане! И съ другимъ паномъ тоже: выпьемъ, панове! Онъ мигомъ сдвинулъ три стакана и разлилъ въ нихъ шампанское.

За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польскій край! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпiемъ (это мнѣ очень пріятно, пане, выпьемъ). важно и благосклонно проговорилъ панъ на диванѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, эй, ясневельможный, бери стаканъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и, стоя, принялъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, *ура!* прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ.

Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ-же налилъ опять три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Налей и намъ, сказала Грушенька, — за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Калгановъ.

— Да и я-бы тоже-съ... за Россеюшку, старую бабусеньку, подхихикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! восклицалъ Митя. –Хозяинъ, еще бутылокъ!

Принесли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ Митей. Митя разлилъ.

За Россію, *ура!* провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ пановъ, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. Панове-же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ-же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то?

Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и звучнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ втораго года!

— Ото бардзо пѣкне! (Вотъ такъ хорошо!), крикнулъ другой панъ и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье-же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— На-не!! прокричали оба пана съ угрозою, наставившись на Митю какъ петухи. Особенно вскинѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосьци до своего краю? возгласилъ онъ. (Развѣ можно не любить своей стороны?).

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея загорѣлось, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ сказался. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, панъ Врублевскій, я не буду!..

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый! со злобною досадой огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ уѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего не понявшій въ возгласѣ Грушеньки; — ну, чего-же мы сидимъ? Ну, чѣмъ-же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣнивo промямлилъ Калгановъ.

— Въ банчикъ-бы-сь сыграть-сь, какъ давеча... хихикнулъ вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя, — если только панове...

— Пузыно, пане! какъ-бы нехотя отозвался панъ на диванѣ...

— То правда, поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузыно? Это что такое пузыно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, разъяснилъ панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти взвизгнула въ досадѣ Грушенька. -Сами скучные сидятъ, такъ и другимъ чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ этакъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! крикнулъ панъ на диванѣ, — що мувишь, то сень стане. Видзенъ неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу нерасположеніе оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я готовъ), пане, докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начинай, пане! подхватилъ Митя, выхватывая изъ кармана свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, панъ, хочу проиграть. Бери карты, закладывай банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, настойчиво и серіозно произнесъ маленькій панъ.

— То̀ наилѣпши спосубъ (самый лучшій способъ), поддакнулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, это вы хорошо, панове! Карты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ, что ужь сбираются дѣвки, жидки съ цимбалами прибудутъ тоже, вѣроятно, скоро, а что тройка съ припасами еще не успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату сейчасъ-же распорядиться. Но дѣвокъ всего пришло только три, да и Марьи еще не было. Да и самъ онъ не зналъ, какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: велѣлъ только достать изъ ящика гостинцовъ, леденцовъ и тягушекъ и одѣлить дѣвокъ. — Да Андрею водки, водки Андрею! приказалъ онъ на-скоро, — я обидѣлъ Андрея! Тутъ его вдругъ тронулъ за плечо прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошепталъ онъ Митѣ: — я-бы тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! Онъ вытащилъ опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять рублей. — А проиграешь, еще приходи, еще приходи...

— Хорошо-съ, радостно прошепталъ Максимовъ и побѣжалъ въ залу. Воротился тотчасъ и Митя и извинился, что заставилъ ждать себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли-же гораздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ новую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась даже нѣкая торжественность.

— На мѣйсца панове! провозгласилъ панъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Калгановъ, — я давеча ужь имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ нещенсливый, панъ можетъ быть опять щенсливымъ, замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? горячился Митя.

— Слухамъ, пане, може сто, може двѣсьцѣ, сколько ставить будешь.

— Милліонъ! захохоталъ Митя.

— Панъ капитанъ, можетъ, слышалъ про пана Подвысоцкего?

— Какого Подвысоцкаго?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставитъ кто идетъ. Приходитъ Подвысоцкій, видитъ тысёнцъ злотыхъ, ставитъ: ва̀-банкъ. Ба̀нкеръ муви: «пане Подвысоцки, ставишь злото, чи на го̀норъ?» — На го̀норъ, пане, муви Подвысоцкій. — «Тѣмъ лѣпѣй, пане». Ба̀нкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысёнцъ злотыхъ. — «Почекай,

нане», муви бàнкеръ, вынулъ ящикъ и даетъ милліонъ: «бери, нане, ото есть твой рахунекъ» (вотъ твой счетъ!). Банкъ былъ милліоннымъ. — Я не зналъ того, муви Подвысоцкій. — «Нане Подвысоцки, муви бàнкеръ, — ты ставишэсь на гòноръ, и мы на гòноръ». Подвысоцкій взялъ милліонъ.

— Это не правда, сказалъ Калгановъ.

— Нане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць не прыстои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдастъ тебѣ польскій игрокъ милліонъ! воскликнулъ Митя, но тотчасъ спохватился: — прости, нане, виновенъ, вновь виновенъ, отдастъ, отдастъ милліонъ, на гòноръ, на польску честь! Видишь, какъ я говорю по польски, ха-ха! Вотъ ставлю десять рублей, идетъ — валетъ.

— А я рублик на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на паненочку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ свою даму, и какъ-бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся вплоть къ столу и наскоро перекрестился подъ столомъ. Митя выигралъ. Выигралъ и рублик.

— Уголъ! крикнулъ Митя.

— А я опять рублик, я семпелечкомъ, я маленькимъ, маленькимъ семпелечкомъ, блаженно бормоталъ Максимовъ въ страшной радости, что выигралъ рублик.

— Бита! крикнулъ Митя. — Семерку на *не*.

Убили и на *не*.

— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *не*, на *не*, удваивалъ ставки Митя, и что̀ ни ставилъ на *не* — все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *не!* рявкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсьцѣ проигралъ, нане. Еще ставишь двѣсьцѣ? освѣдомился панъ на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужь проигралъ? Такъ еще двѣсти! Всѣ двѣсти на *не!* И выхвативъ изъ кармана деньги, Митя бросилъ было двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее рукой:

— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что̀ вы это? уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не дамъ больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ, можетъ. правду говоритъ: и безъ того много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произнесла и Гру-

шенька. Оба пана вдруг поднялись съ мѣста со страшно обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутишь), пане? проговорилъ маленькій панъ, строго осматривая Калганова.

— Якъ сѣмъ поважанъ то робищъ, пане! (Какъ вы смѣете это дѣлать!) рявкнулъ на Калганова и панъ Врублевскій.

— Не смѣть, не смѣть кричать! крикнула Грушенька. — Ахъ, нѣтухи шидѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но что-то вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ-же мигъ что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его,—страшная новая мысль!

— Паны Агриппина! началъ было маленькій панъ, весь красный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хлопнулъ его по плечу. .

— Ясневельможный, на два слова.

— Чего хцешь, пане? (Что угодно)?

— Въ ту комнату, въ тотъ покой, два словечка скажу тобѣ хорошихъ, самыхъ лучшихъ, останешься доволенъ.

Маленькій панъ удивился и опасливо поглядѣлъ на Митю. Тотчасъ-же, однако, согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобы шелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.

— Тѣлохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже непремѣнно! воскликнулъ Митя. — Маршъ, панове!

— Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.

— Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣлость, какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его; совсѣмъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ пановъ въ комнату направо, не въ ту, въ большую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался столъ, а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укладки и двѣ большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каждой. Тутъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ, въ самомъ углу, горѣла свѣчка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ противъ друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, заложивъ руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Чемъ могенъ служиць пану? пролепеталъ маленькій панъ.

— А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ деньги, — онъ вытащилъ свои кредитки: — хочешь три тысячи, бери и уѣзжай куда знаешь.

Панъ смотрѣлъ пытливо, во всѣ глаза, такъ и впился взглядомъ въ лицо Мити.

— Трэки тысёнцы, пане? Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.

— Трки, панове, трки! Слушай, пане, вижу что ты человѣкъ разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ, да и Врублевскаго съ собой захвати — слышишь это? Но сейчасъ-же, сію-же минуту, и это на вѣки, понимаешь, пане, на вѣки вотъ въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шуба? Я тебѣ вынесу. Сію-же секунду тройку тебѣ заложатъ и — до видзѣнья, пане! А!

Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.

— А рублі, пане?

— Рубли-то, вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минуту тебѣ на извощика и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ городѣ — честью клянусь, будутъ, достану изъ подъ земли! крикнулъ Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало измѣняться къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сію минуту въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехорошее. — Чего ты, панъ? Не вѣришь? Не всѣ-же три тысячи дать тебѣ сразу. Я дамъ, а ты и воротишься къ ней завтра-же... Да теперь и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ дома лежатъ, лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ своимъ словомъ,— ей Богу лежатъ, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго достоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чего? спросилъ онъ пронически.— Пфе! А пфе! (стыдь, срамъ!). И онъ плюнулъ. Плюнулъ и панъ Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, проговорилъ Митя, какъ отчаянный, понявъ, что все кончилось,—оттого, что отъ Грушеньки думаешь больше тянуть. Каналуны вы оба, вотъ что!

— Естемъ до живого дотькентымъ! (Я оскорбленъ до послѣдней степени!) раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ, какъ ракъ, и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ-бы не желая больше ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскачиваясь, послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, сконфуженный и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предчувствовалъ, что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось. Панъ вошелъ въ залу и театрально всталъ передъ Грушенькой.

— Пани Агриппина, естемъ до живого дотькентымъ! воскликнулъ было онъ, но Грушенька какъ-бы вдругъ потеряла всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту.

— По русски, говори по русски, чтобы ни одного слова польского не было! закричала она на него. — Говорилъ-же прежде по русски, неужели забылъ въ пять лѣтъ! Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агриппина...

— Я — Аграфена, я — Грушенька, говори по русски или слушать не хочу! — Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскую рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пшiѣхалъ забыть старое и простить его, забыть что̀ было допрежъ сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты пріѣхалъ простить? перебила Грушенька и вскочила съ мѣста.

— Такъ есть, пани (точно такъ, пани), я не молодушны, я великодушны. Но я быломъ здзивёны (былъ удивленъ), когда видѣлъ твоихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ давалъ мнѣ трэки тысёнцы, чтобъ я отбылъ. Я плонулъ пану въ физію.

— Какъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? истерически вскричала Грушенька.—Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ! Развѣ я продажная?

— Пане, пане, возопилъ Митя,—она чиста и сіяетъ, и никогда я не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

— Какъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать? вопила Грушенька: — не изъ добродѣтели я чиста была и не потому, что Кузьмы боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право имѣть ему подлеца сказать, когда встрѣчу. Да неужто-жь онъ съ тебя денегъ не взялъ?

— Да бралъ-же, бралъ! воскликнулъ Митя, — да только всѣ три тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку давалъ.

— Ну, и понятно: прослышалъ, что у меня деньги есть, а потому и пріѣхалъ вѣнчаться!

— Пани Агриппина, закричалъ панъ,— я — рыцарь, я шляхтичъ, а не лайдакъ! Я пшибылъ взять тебя въ супругу, а вижу нову пани, не ту что̀ прежде, а упарту и безъ встыду (своенравную и безстыдную).

— А и убирайся откуда пріѣхалъ! Велю тебя сейчасъ прогнать и прогонять! крикнула въ изступленіи Грушенька. — Дура, дура была я, что пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и не онъ это вовсе! Развѣ онъ былъ такой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты паникъ-то себѣ заказалъ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ пѣсни пѣлъ... А я-то, я-то пять лѣтъ слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, безстыжая!

Она упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту минуту вдругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ слѣва хоръ собравшихся, наконецъ, Мокрицкихъ дѣвокъ, — залихватская плясовая пѣсня.

— То есть содомъ!—взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій. Хозяинъ, прогони безстыжихъ!

Хозяинъ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ въ дверь, слыша крикъ и чуя, что гости перессорились, тотчасъ явился въ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь?—обратился онъ къ Врублевскому съ какою-то непонятною даже невѣжливостью.

— Скотина! заоралъ было панъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я подалъ тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты игралъ! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать, знаешь ты это, потому, оно все одно что бумажки поддѣльныя... И, подойдя къ дивану, онъ засунулъ пальцы между спинкой и подушкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную колоду картъ.

— Вотъ она моя колода, не распечатана! Онъ поднялъ ее и показалъ всѣмъ кругомъ:—я вѣдь видѣлъ оттелева какъ онъ мою колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ, — шильникъ ты этакой, а не панъ!

— А я видѣлъ какъ тотъ панъ два раза передернулъ, крикнулъ Калгановъ.

— Ахъ какъ стыдно, ахъ какъ стыдно! воскликнула Грушенька, всплеснувъ руками и во истину покраснѣла отъ стыда.—Господи, экой, экой сталъ человѣкъ!

— И я это думалъ, крикнулъ Митя. Но не успѣлъ онъ это выговорить, какъ панъ Врублевскій, сконфуженный и взбѣшенный, обратясь къ Грушенькѣ и грозя ей кулакомъ закричалъ:

— Публична пельма! Но не успѣлъ онъ и воскликнуть, какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками, поднялъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ залы въ комнату направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ обоихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ онъ, тотчасъ-же возвратившись и задыхаясь отъ волненія, дерется каналья, небось не придетъ оттуда!.. Онъ заперъ одну половинку двери и, держа настежъ другую, воскликнулъ къ маленькому пану:

— Ясневельможный, не угодно-ли туда-же? Пшепрашамъ!

— Батюшка, Митрій Ѳедоровичъ, возгласилъ Трифонъ Борисычъ,— да отбери ты у нихъ деньги-то, то что имъ проигралъ. Вѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, отозвался вдругъ Калгановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя,—ни за что не отберу, пусть ему въ утѣшенье останутся.

— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Грушенька и страшно злобная нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи. Маленькій панъ, багровый отъ ярости, но нисколько не потерявшій своей сановитости, направился было къ двери, но остановился и вдругъ проговорилъ, обращаясь ко Грушенькѣ:

— Пани, ежели хцешь ишьць за мною, идзьмы, если не—бывай здрова! (Пани, если хочешь идти за мной — пойдемъ, а если нѣтъ — то прощай!).

И важно, пыхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ дверь. Человѣкъ былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего происшедшаго не терялъ надежды, что пани пойдетъ за нимъ, — до того цѣнилъ себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

— Заприте ихъ на ключъ, сказалъ Калгановъ. Но замокъ щелкнулъ съ ихъ стороны, они заперлись сами.

— Славно! злобно и безпощадно крикнула опять Грушенька. — Славно! Туда и дорога!

VIII.

Бредъ.

Началась почти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закричала первая, чтобъ ей дали вина: «Пить хочу, совсѣмъ пьяная хочу напиться, чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь, какъ мы здѣсь тогда сознавались!» Самъ-же Митя былъ какъ въ бреду и предчувствовалъ «свое счастье». Грушенька его, впрочемъ, отъ себя безпрерывно отгоняла: «Стунай, веселись, скажи имъ чтобы плясали, чтобы всѣ веселились, «ходи изба, ходи печь», какъ тогда, какъ тогда!» продолжала она восклицать. Была она ужасно возбуждена. И Митя бросался распоряжаться. Хоръ собрался въ сосѣдней комнатѣ. Та-же комната, въ которой до сихъ поръ сидѣли, была къ тому-же и тѣсна, разгорожена на-двое ситцевою занавѣской, за которою опять таки помѣщалась огромная кровать съ пуховою периной и съ такими-же ситцевыми подушками горкой. «Да и во всѣхъ четырехъ «чистыхъ» комнатахъ этого дома вездѣ были кровати. Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ, Митя ей принесъ сюда кресло: такъ точно сидѣла она и «тогда», въ день ихъ перваго

здѣсь кутежа, и смотрѣла отсюда на хоръ и на пляску. Дѣвки собрались всѣ тогдашнія-же. Жидки со скрипками и цитрами тоже прибыли, а, наконецъ-то, прибылъ и столь ожидаемый возъ на тройкѣ съ винами и припасами. Митя суетился. Въ комнату входили глядѣть и посторонніе, мужики и бабы, уже спавшіе, но пробудившіеся и почуявшіе небывалое угощеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался со знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и наливалъ всѣмъ кому попало. На шампанское зарились очень только дѣвки, мужикамъ-же нравился больше ромъ и коньякъ и особенно горячій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ шоколадъ на всѣхъ дѣвокъ и чтобы не переводились всю ночь и кипѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго прихожаго: кто хочетъ пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось нѣчто безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ-бы въ своемъ родномъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ больше онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какой нибудь мужикъ въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ-же вытащилъ-бы всю свою пачку и сталъ-бы раздавать направо и налѣво безъ счету. Вотъ почему, вѣроятно, чтобъ уберечь Митю, сновалъ кругомъ его почти безотлучно хозяинъ, Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ уже, кажется, раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій, однако, мало (всего только выкушалъ одинъ стаканчикъ пуншу) и зорко наблюдавшій по своему за интересами Мити. Въ нужныя минуты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ, не давать ему одѣлять, какъ «тогда», мужиковъ сигарками и женскимъ вниманіемъ, Боже сохрани, деньгами, и очень негодовалъ на то, что дѣвки пьютъ ликеръ и ѣдятъ конфекты: «Винцо лишь одна, Митрій Ѳедоровичъ, говорилъ онъ,—я ихъ колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прикажу,—вотъ онъ какія! Митя еще разъ вспомнилъ про Андрея и велѣлъ послать ему пуншу: «Я его давеча обидѣлъ», повторялъ онъ ослабѣвшимъ и умиленнымъ голосомъ. Калгановъ не хотѣлъ было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень, но, выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился, шагалъ по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и пѣсни, и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не покидалъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Калганова Митѣ: «Какой онъ миленькій, какой чудесный мальчикъ!» И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цѣловаться съ Калгановымъ и Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ: ничего еще она ему не сказала такого и даже, видимо, нарочно задерживала сказать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но горячимъ глазкомъ. Наконецъ, она вдругъ схватила его крѣпко за руку и съ

силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда въ креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!.. я такъ испугалась. Какъ-же ты меня ему уступить-то хотѣлъ, а? Неужто хотѣлъ?

— Счастья твоего губить не хотѣлъ! въ блаженствѣ лепеталъ ей Митя. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, ступай... веселись, отгоняла она его опять, да не плачь, опять позову.

И онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и глядѣть на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, но черезъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять прибѣгалъ.

— Ну, садись теперь подлѣ, разсказывай какъ ты вчера обо мнѣ услышалъ, что я сюда поѣхала; отъ кого отъ перваго узналъ?

И Митя начиналъ все разсказывать, безсвязно, безпорядочно, горячо, но страшно однако-же разсказывалъ, часто вдругъ хмурилъ брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего... одного больнаго тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ что выздоровѣетъ, десять-бы лѣтъ сейчасъ моихъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хотѣлъ завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ-за чего? Я вотъ этакихъ какъ ты безразсудныхъ люблю, лепетала она ему немного отяжелѣвшимъ языкомъ. Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто-жь ты, дурачокъ, вправду хотѣлъ завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ, можетъ, одно словечко скажу... не сегодня скажу, а завтра. А ты-бы хотѣлъ сегодня? Нѣтъ, я сегодня не хочу... Ну ступай, ступай теперь, веселись.

Разъ, однако, она подозвала его какъ-бы въ недоумѣніи и озабоченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно.. Нѣтъ, ужъ я вижу, прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза. Хоть ты тамъ и цалуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, ты веселись, я весела и ты веселись... Я кого-то здѣсь люблю, угадай кого?.. Ай, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлѣлъ сердечный.

Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и заснулъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля заснулъ, ему стало вдругъ отчего-то грустно или, какъ онъ говорилъ, скучно». Сильно обезкуражили его подъ конецъ и пѣсни дѣвокъ, начинавшія переходить, постепенно съ попойкой, въ нѣчто слишкомъ

уже скромное и разнузданное. Да и пляски ихъ тоже: двѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойкая дѣвка съ палкой въ рукѣ, представляя вожака, стала ихъ показывать. Веселѣй, Марья, кричала она, не то палкой! Медвѣди, наконецъ, повалились на полъ какъ-то совсѣмъ ужъ непристойно, при громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой публики бабъ и мужиковъ. «Ну и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, говорила сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ въ лицѣ, — кой-то денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться людямъ?» Калгановъ-же смотрѣлъ такъ, какъ будто чѣмъ заначкался: «Свинство это все, эта вся народность», замѣтилъ онъ, отходя, «это у нихъ весенніе игры, когда они солнце берегутъ во всю лѣтнюю ночь». Но особенно не понравилась ему одна новая пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о томъ какъ ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось, что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Ѣхалъ потомъ цыганъ (произносилось цыганъ) и этотъ тоже.

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и цыгана нельзя любить,

Цыганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣвушекъ, даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ ранецъ несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, пропѣтый совершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушавшей публикѣ. Кончилось, наконецъ, дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

И оказалось, что очень любятъ, потому, дескать, что

Купчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

Это совѣмъ вчерашняя пѣсня, замѣтилъ онъ вслухъ, — и кто это имъ сочиняетъ! Не достаетъ чтобы желѣзнодорожникъ аль жидъ пробѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ-бы побѣдили. И, почти обидѣвшись, онъ тутъ-же и объявилъ, что ему скучно, сѣлъ на диванъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько поблѣднѣло и откинулось на подушку дивана.

Посмотри, каконъ онъ хорошенькій, говорила Грушенька, подводя къ нему Митю: -я ему давеча головку расчесывала; волоски точно ленъ и густые...

И, нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи, она поцѣловала его лобъ. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, привсталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Максимовъ?

Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька; да поѣзди со мной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, изрѣдка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду-же выпилъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побагровѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ, что сейчасъ подъ одинъ мотивчикъ хочетъ протанцовать танецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благовоспитаннымъ свѣтскимъ танцамъ обучали-съ...

Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Калгановъ, самымъ наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки поѣздить съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйствительно свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ въ какихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ногъ, подошвами кверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, а Митя даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ, можетъ, что̀ глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку, можетъ, хочешь?

— Папиросочку-съ.

— Выпить не хочешь-ли?

— Я тутъ ликерцу-съ... А шоколадныхъ конфеточекъ у васъ нѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голубиная ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ, чтобы съ ванилью... для старичковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! напрягся вдругъ старичокъ къ самому уху Мити, — эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи! Какъ-бы мнѣ, если-бы можно, съ нею познакомиться, по доброть вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, уныло проныталъ Максимовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь, братъ, только поютъ и пляшутъ, а, впрочемъ, чортъ! Подожди... Кушай пока, пей, веселись. Денегъ не надо-ли?

— Потомъ-бы развѣ-съ, улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревянную верхнюю галлерейку, обходившую извнутри, со двора, часть всего строенія. Свѣжій воздухъ охватилъ его. Онъ стоялъ одинъ, въ темнотѣ, въ углу, и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощущенія слились во одно и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный свѣтъ! «Вотъ если застрѣлиться, такъ когда-же какъ не теперь?» пронеслось въ умѣ его. «Сходить за пистолетомъ, принести его сюда и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу и покончить». Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, какъ летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣянное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было легче, о, легче! Вѣдь ужь все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла, о, приговоръ тогда былъ легче ему, по крайней мѣрѣ, казался неминуемымъ, необходимымъ, ибо для чего-же было оставаться на свѣтѣ? А теперь? Теперь развѣ то что̀ тогда? Теперь съ однимъ, по крайней мѣрѣ, привидѣніемъ, страшилищемъ, покончено: этотъ я прежній, я безпорный, фатальный человѣкъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣніе обратилось вдругъ во что-то такое маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спальню и заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно, и изъ глазъ ея онъ уже видитъ теперь ясно кого она любитъ. Ну, вотъ теперь-бы только и жить и... и нельзя жить, нельзя. о, проклятіе! «Боже, окини поверженнаго у забора! Пронеси эту страшную чашу мимо меня! Вѣдь дѣлалъ-же Ты чудеса. Господи, для такихъ-же грѣшниковъ какъ и я! Ну что̀, ну что̀ если старикъ живъ? О, тогда срамъ остальнаго позора я уничтожу, я ворочу украденныя деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли... Слѣдовъ позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ на вѣки! Но нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О, проклятіе!

Но все-же какъ-бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ ему во тьмѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты къ ней, къ ней опять, къ царицѣ его на вѣки! Да неужели одинъ часъ, одна минута ея любви не стоятъ всей остальной жизни, хотя-бы и въ мукахъ позора?. Этотъ дикій вопросъ захватилъ его сердце. Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать и ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть, хотя-бы только на эту ночь, на часъ, на мгновеніе! Предъ самымъ входомъ въ сѣни, еще на галлереѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Трифономъ Борисычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и озабоченнымъ и, кажется, шелъ его розыскивать.

— Что ты, Борисычъ, не меня-ли искалъ?

— Нѣтъ-съ, не васъ, какъ-бы онѣшилъ вдругъ хозяинъ, зачѣмъ мнѣ васъ розыскивать? А вы... гдѣ были-съ?

— Что ты такой скучный? Не сердишься-ли? Погоди, скоро спать пойдешь... Который часъ-то?

— Да ужь три часа будетъ. Надо быть, даже четвертый.

— Кончимъ, кончимъ.

— Помилуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...

Что съ нимъ? мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ комнату гдѣ плясали дѣвки. Но ея тамъ не было. Въ голубой комнатѣ тоже не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. Митя глянулъ за занавѣсы —она была тамъ. Она сидѣла въ углу, на сундукѣ, и, склонившись съ руками и съ головой на подъ стоявшую кровать, горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и скрадывая голосъ, чтобы не услышали. Увидавъ Митю, она поманила его къ себѣ и когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила его за руку.

— Митя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шепотомъ, —такъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время! Его-ли любила, али только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я вѣдь лгу, что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь я была всего семнадцати лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой со мной ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Ну ужь показался тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Господи, да это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, не онъ вовсе. Я и съ лица его не узнала. Ѣхала я сюда съ Тимоѳеемъ и все-то думала, всю дорогу думала: какъ встрѣчу его, что-то скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?.. Вся душа замирала и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоями окатилъ. Точно учитель говоритъ: все такое ученое, важное, встрѣтилъ такъ важно, такъ я и стала втупикъ. Слова некуда вернуть. Я сначала думала, что онъ этого своего длиннаго поляка-то стыдится. Смку, смотрю на

ихъ и думаю: почему это я такъ ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это его жена испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда да женился... Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то какой! Охъ, стыдно мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Прокляты, прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И она опять залилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко держалась за нее.

Митя, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно словечко хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему лицо. Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я здѣсь одного человѣка люблю. Который это человѣкъ? вотъ что скажи ты мнѣ. -На распухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза сіяли въ полутьмѣ. Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и упало во мнѣ: „Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь„,—такъ сразу и ненужное сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. „Да чего онъ боится? думаю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не умѣлъ. Не ихъ-же, думаю, онъ боится, развѣ ты кого испугаться можешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ вѣдь разсказала-же тебѣ, дурачку, Женя какъ я Аленѣ въ окно прокричала, что любила часочекъ Митеньку, а теперь буду любить... другаго. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать, что люблю другаго послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня или нѣтъ? „Любишь? „Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плечи. Митя, нѣмой отъ восторга, глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на улыбку ея, и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цѣловать.

А простишь, что мучила? Я вѣдь со злобы всѣхъ васъ измучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со злобы съ ума свела... Помнишь, какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? Запомнила я это и сегодня тоже разбила бокалъ, за подлое сердце мое нила. Митя, соколъ, что-жъ ты меня не цѣлуешь? Разъ поцѣловалъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что меня слушать! Цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче, вотъ такъ. „Любитъ, такъ ужъ любитъ! Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Цѣлуй! Прибей меня, мучай меня, сдѣлай что надо мной... Охъ, да и впрямь меня надо мучить... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ... отволкнула она его вдругъ: —Ступай прочь. Митька, пойду теперь тина напьюсь, пьяна хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу!

Она вырвалась отъ него изъ-за занавѣски. Митя вынесъ за ней какъ пьяный. „Да пусть-же, пусть, что-бы теперь ни случилось за минуту одну весь міръ отдамъ„, промелькнуло въ его головѣ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залпомъ еще стаканъ

шампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ креслѣ, на прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея запылали, губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, страстный взглядъ манилъ. Даже Калганова какъ будто укусило что-то за сердце и онъ подошелъ къ ней.

— А ты слышалъ какъ я тебя давеча поцѣловала, когда ты спалъ? прошептала она ему. — Опьянѣла я теперь, вотъ что... А ты не опьянѣлъ? А Митя чего не пьетъ? Что-жъ ты не пьешь, Митя, я выпила, а ты не пьешь...

— Пьянъ! И такъ пьянъ... отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ вина хочу. Онъ выпилъ еще стаканъ и странно это ему показалось самому — только отъ этого послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ. вдругъ охмѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ это. Съ этой минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду. Онъ ходилъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ-бы ужъ не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось въ немъ поминутно, точно горячій уголь въ душѣ, вспоминалъ онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ нея, глядѣлъ на нее, слушалъ ее... Она-же стала ужасно какъ словоохотлива, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ какую нибудь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цѣловала ее и отпускала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и она могла заплакать. Развеселять ее очень и «стариканка», какъ называла она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цѣловать у нея ручки «и всякій пальчикъ», а подъ конецъ проплясалъ еще одинъ танецъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ-же и пропѣлъ. Въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ:

Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусынька га-га, га-га.
Курочка по сѣнюшкамъ похаживала,
Тюрю-рю, рю-рю выговаривала,
Ай, ай, выговаривала!

— Дай ему что нибудь, Митя, говорила Грушенька, — подари ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ, бѣдные, обиженные!.. Знаешь, Митя, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когда нибудь пойду. Мнѣ Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня ужъ пусть повляшемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня повляшемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что-жъ такое, Богъ проститъ. Кабы Богомъ была, всѣхъ-бы людей простила: милые мои грѣшнички, съ этого дня прощаю всѣхъ. А я пойду прощенія просить:

Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ что̀ . Звѣрь я, вотъ что̀. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйкѣ такой какъ я молиться хочется. Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до единаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ. Скверные мы и хорошіе, и скверные и хорошіе... Нѣтъ, скажите, я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу: скажите мнѣ всѣ вотъ что̀: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну, такъ вотъ: почему я такая хорошая? Такъ лепетала Грушенька, хмѣлѣя все больше и больше, и, наконецъ, прямо объявила, что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ кресель и попятилась: — Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду -не давай. Вино спокойствія не даетъ. И все кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть всѣ смотрятъ какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу...

Намѣреніе было серіозное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ въ правую ручку, чтобы махать имъ въ плескѣ. Митя захохоталъ, дѣвки затихли, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Максимовъ, узнавъ, что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и понесъ было предъ ней подпрыгивать приговаривая:

Ножки тонки, бока звонки,
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его:

Ш-шь! Митя, что-жъ пейдутъ? Пусть всѣ придутъ... смотрѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что̀ ты ихъ заперъ? Скажи имъ, что я пляшу, пусть и они смотрятъ какъ я пляшу...

Митя съ пьянымъ размахомъ подошелъ къ запертой двери и началъ стучать въ нимъ кулакомъ.

— Эй, вы... Подвысоцкіе! Выходите, она плясать хочетъ, васъ зоветъ.

— Лайдакъ! прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ нихъ.

— А ты подлайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.

— Перестали-бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться, сентенціозно замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.

Молчи, мальчикъ! Если я ему сказалъ подлеца, не значитъ, что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ лайдакъ Польши. Молчи, хорошенькій мальчикъ, конфетку купанъ.

— Ахъ, какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ мириться? сказала Грушенька и вышла плясать. Хоръ грянулъ: Ахъ вы сѣни мои сѣни . Грушенька закинула было головку, полуоткрыла губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ недоумѣніи.

— Слаба... проговорила она измученным каким-то голосом, - простите, слаба, не могу... Виновата...

Она поклонилась хору, затем принялась кланяться на все четыре стороны поочередно:

— Виновата... Простите...

— Подшла, барынька, подшла, хорошенькая барынька, раздавались голоса.

— Онъ напился-съ, разъяснялъ, хихикая, дѣвушкамъ Максимовъ.

— Митя, отведи меня... возьми меня. Митя, въ безсиліи проговорила Грушенька. Митя кинулся къ ней, схватилъ ее на руки и побѣжалъ со своею драгоцѣнною добычей за занавѣски. «Ну, ужь я теперь уйду», подумалъ Калгановъ, и, выйдя изъ голубой комнаты, притворилъ за собою объ половинки дверей. Но шпръ въ залъ гремѣлъ и продолжался, загремѣлъ еще пуще. Митя положилъ Грушеньку на кровать и впился въ ея губы поцѣлуемъ.

— Не трогай меня... молящимъ голосомъ пролепетала она ему, не трогай пока не твоя... Сказала, что твоя, а ты не трогай... пощади... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ нельзя. Онъ тутъ. Гнусно здѣсь...

— Послушенъ! Не мыслю... благоговѣю!.. бормоталъ Митя. - Да, гнусно здѣсь, о, презрѣнно. И, не выпуская ее изъ объятій, онъ опустился подлѣ кровати на полъ, на колѣни.

— Я знаю, ты хоть и звѣрь, а ты благородный, тяжело выговаривала Грушенька: — надо чтобъ это честно... впредь будетъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко, слышишь... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко...

— О, да, да, непремѣнно! сжимая ее въ объятіяхъ Митя, увезу тебя, улетимъ... О, всю жизнь за одинъ годъ отдамъ сейчасъ чтобы только знать про эту кровь!

— Какая кровь? въ недоумѣніи переговорила Грушенька.

— Ничего! проскрежеталъ Митя. — Груша, ты хочешь чтобы честно, а я воръ. Я у Катьки деньги укралъ... Позоръ, позоръ!

— У Катьки? Это у барышни? Нѣтъ, ты не укралъ. Отдай ей, у меня возьми... Что кричишь? Теперь все мое — твое. Что намъ деньги? Мы ихъ и безъ того прокутимъ... Таковскіе чтобы не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю пахать. Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, я тебѣ вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы къ барынѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила. и уѣдемъ. А не проститъ, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей снеси, а меня люби... А ея не люби. Больше

ея не люби. А полюбишь, я ее задушу... Я ей оба глаза иголкой выколю...

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить...

— Зачѣмъ въ Сибирь? А что-жь, и въ Сибирь коли хочешь, все равно... работать будемъ... въ Сибири снѣгъ... Я по снѣгу люблю ѣхать... и чтобы колокольчикъ былъ... Слышишь, звенитъ колокольчикъ... Гдѣ это звенитъ колокольчикъ? Будутъ какіе-то... вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ-бы заснула на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ гдѣ-то въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился головою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ какъ пересталъ звенѣть колокольчикъ, но не замѣтилъ и того какъ вдругъ перестали и пѣсни, и на мѣсто пѣсень и пьянаго гама во всемъ домѣ воцарилась какъ-бы внезапная мертвая тишина. Грушенька открыла глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и сонъ видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенитъ, а я дремлю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И далеко-далеко... Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, холодно будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью снѣгъ блеститъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснулась, а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, бормоталъ Митя, цѣлуя ея платье, грудь, руки. И вдругъ ему показалось что-то странное: показалось ему, что она глядитъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а поверхъ его головы, пристально и до страшности неподвижно. Удивленіе вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? прошептала она вдругъ. Митя обернулся и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то раздвинулъ занавѣску и ихъ какъ-бы высматриваетъ. Да и не одинъ какъ будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйте къ намъ сюда, не громко, но твердо и настойчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся комната была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ новыми. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ вздрогнулъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ высокій и дебелый старикъ, въ пальто и съ фуражкой съ кокардой — это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ чахоточный опрятный щеголь, всегда въ такихъ вычищенныхъ сапогахъ — это товарищъ прокурора. У него хронометръ въ четыреста рублей есть, онъ показывалъ . А этотъ молоденькій, маленькій, въ очкахъ... Митя вотъ

только фамилію его позабылъ, но онъ знаетъ и его, видѣть: это слѣдователь, судебный слѣдователь, «изъ правовѣдѣнія», недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ становой, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужь онъ знаетъ, знакомый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ-же? И еще двое какихъ-то, мужики... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ и Трифонъ Борисычъ...

Господа... Что это вы, господа? проговорилъ было Митя, но вдругъ, какъ-бы внѣ себя, какъ-бы не самъ собой, воскликнулъ громко, во весь голосъ:

— Но-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, подступивъ къ Митѣ, началъ, хотя и осанисто, но немного какъ-бы торопясь:

Мы имѣемъ къ вамъ... однимъ словомъ, я васъ попрошу сюда, вотъ сюда, къ дивану... Существуетъ настоятельная необходимость съ вами объясниться.

Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи, старикъ и его кровь!.. Но-ни-маю!

И, какъ подкошенный, сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ стоявшій стулъ.

Понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь старика отца твоего вопіетъ за тобою! заревѣлъ внезапно, подступая къ Митѣ, старикъ исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ и весь такъ и трясся.

Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой человѣчекъ. — Михаилъ Макарычъ, Михаилъ Макарычъ! Это не такъ, не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить... Я никакъ не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода...

Но вѣдь это-же бредъ, господа, бредъ! восклицалъ исправникъ, — посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безчестною дѣвкой и въ крови отца своего... Бредъ! Бредъ!

Я васъ изо всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ, Михаилъ Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, защищать было скороговоркой старику товарищъ прокурора, — иначе я принужденъ буду принять...

Но маленькій слѣдователь не далъ докончить: онъ обратился къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я долженъ вамъ объявить, что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца вашего, Ѳедора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь...

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ будто что-то вверпулъ, но Митя хотя и слушалъ, но уже не понималъ ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ...

—

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Предварительное слѣдствіе.

I.

Начало карьеры чиновника Перхотина.

Петръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся изо всей силы въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Морозовой, кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что, наконецъ, достучался. Заслышавъ такой неистовый стукъ въ ворота, Ѳеня, столь напуганная часа два назадъ и все еще отъ волненія и «думы» не рѣшавшаяся лечь спать, была испугана теперь вновь почти до истерики: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Ѳедоровичъ (не смотря на то, что сама-же видѣла какъ онъ уѣхалъ), потому что стучаться такъ дерзко никто не могъ кромѣ него. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже шедшему на стукъ къ воротамъ, и стала было молить его, чтобы не впускалъ. Но дворникъ спросилъ стучавшагося и, узнавъ кто онъ и что хочетъ онъ видѣть Ѳедосью Марковну по весьма важному дѣлу, отперъ ему, наконецъ, рѣшился. Войдя къ Ѳедосьѣ Марковнѣ все въ ту-же кухню, причемъ для сумлѣнія она упросила Петра Ильича, чтобы позволилъ войдти и дворнику, Петръ Ильичъ началъ ее разспрашивать и въ мигъ понялъ на самое главное: то есть, что Дмитрій Ѳедоровичъ, убѣгая искать Грушеньку, захватилъ изъ стуки пестикъ, а воротился уже безъ пестика, но съ руками окровавленными: И кровь еще капала, такъ и капаетъ съ нихъ, такъ и капаетъ! восклицала Ѳеня, очевидно, сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи. Но окровавленныя руки видѣлъ и самъ Петръ Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и самъ ихъ помогалъ отмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ, скоро-ль онѣ высохли, а въ томъ, куда именно бѣгалъ съ пестикомъ Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть навѣрно-ли къ Ѳедору Павловичу, и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? На этомъ пунктѣ Петръ Ильичъ настаивалъ обстоятельно и хотя въ результатѣ твердо ничего не узналъ, но все-же вынесъ почти убѣжденіе, что никуда Дмитрій Ѳедоровичъ и бѣгать не могъ, какъ въ домъ родителя, и

что, стало быть, тамъ непремѣнно должно было *нѣчто* произойдти. „А когда онъ воротился, — съ волненіемъ прибавила Ѳеня, — и я призналась ему во всемъ, то стала я его разспрашивать: отчего у васъ, голубчикъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто-бы ей такъ и отвѣтилъ: что эта кровь человѣческая и что онъ только что сейчасъ человѣка убилъ, такъ и признался, такъ мнѣ во всемъ тутъ и покаялся, да вдругъ и выбѣжалъ, какъ сумасшедшій. Я сѣла да и стала думать: куда это онъ, теперь, какъ сумасшедшій побѣжалъ? Побѣжитъ въ Мокрое, думаю, и убьетъ тамъ барыню. Выбѣжала я эдта его молить, чтобы барыню не убивалъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки смотрю и вижу, что онъ ужъ отъѣзжаетъ и что руки ужъ у него не въ крови (Ѳеня это замѣтила и запомнила). Старуха, бабушка Ѳени, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей внучки. Разспросивъ еще кой о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ изъ дома еще въ большемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ вошелъ въ него.

Казалось-бы, что всего прямѣе и ближе было-бы ему теперь отправиться въ домъ Ѳедора Павловича, узнать не случилось-ли тамъ чего, а если случилось, то что именно, и уже убѣдившись несомнѣнно, тогда только идти къ исправнику, какъ твердо уже положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота у Ѳедора Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Ѳедоромъ-же Павловичемъ знакомъ онъ былъ отдаленно — и вотъ онъ достучится, ему отворятъ, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а насмѣшливый Ѳедоръ Павловичъ пойдетъ завтра разсказывать по городу анекдотъ, какъ въ полночь ломился къ нему незнакомый чиновникъ Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ-ли его кто нибудь. Скандалъ! Скандала-же Петръ Ильичъ боялся пуще всего на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе чувство, увлекавшее его, было столь сильно, что онъ, злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбранивъ, немедленно бросился въ новый путь, но уже не къ Ѳедору Павловичу, а къ госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на вопросъ: она-ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу, Дмитрію Ѳедоровичу, то въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, онъ тутъ-же и пойдетъ къ исправнику, не заходя къ Ѳедору Павловичу; въ противномъ-же случаѣ, отложитъ все до завтра и воротится къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что въ рѣшеніи молодаго человѣка идти ночью, почти въ одиннадцать часовъ, въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ, поднять ее, можетъ быть, съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей удивительный по своей обстановкѣ вопросъ, заключалось, можетъ быть, гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ, чѣмъ идти къ Ѳедору Павловичу.

Но такъ случается иногда, особенно въ подобныхъ настоящему случаяхъ, съ рѣшеніями самыхъ точнѣйшихъ и флегматическихъ людей. Петръ-же Ильичъ, въ ту минуту, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь потомъ вспоминалъ, какъ непреоборимое безпокойство, овладѣвшее имъ постепенно, дошло, наконецъ, въ немъ до мукн и увлекало его даже противъ воли. Разумѣется, онъ все-таки ругалъ себя всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но доведу, доведу до конца! повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зубами, и исполнилъ свое намѣреніе—довелъ.

Было ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ госпожи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но на вопросъ: почиваетъ-ли уже барыня, или еще не ложилась - дворникъ не могъ отвѣтить въ точности, кромѣ того, что въ эту пору обыкновенно ложатся. — Тамъ, на верху, доложитесь: захотятъ васъ принять, то примутъ, а не захотятъ не примутъ . Петръ Ильичъ поднялся на верхъ, но тутъ вышло затрудненіе. Лакей докладывать не захотѣлъ, вызвалъ, наконецъ, дѣвушку. Петръ Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить барынѣ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ Перхотинъ, по особому дѣлу, и если-бъ не важное такое дѣло, то и не посмѣлъ-бы придти — именно, именно въ этихъ словахъ доложите , попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать въ передней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще не ночивала, но была уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самаго давешняго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь ей не миновать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею мигрена. Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она, однако, раздражительно велѣла отказать, не смотря на то, что неожиданное посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей здѣшняго чиновника чрезвычайно заинтересовало ея дамское любопытство. Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся какъ мулъ: выслушавъ отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ доложить и передать именно въ этихъ самыхъ словахъ , что онъ по чрезвычайно важному дѣлу, и онъ, можетъ быть, сами будутъ потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его . Я точно съ горы тогда летѣлъ , разсказывалъ онъ потомъ самъ. Горничная, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ докладывать. Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, разспросила каковъ онъ съ виду и узнала, что очень прилично одѣтъ-съ, молодые и такіе вѣжливые . Замѣтимъ въ скобкахъ и мелькомъ, что Петръ Ильичъ былъ довольно таки красивый молодой человѣкъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшилась выйдти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, но на плечи она накинула чер-

ную шаль. Чиновника попросили войдти въ гостиную, въ ту самую, въ которой дѣвча принимали Митю. Хозяйка вышла къ гостю со строго вопросительнымъ видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съ вопроса: «что̀ угодно?»

— Я рѣшился обезпокоить васъ, сударыня, по поводу общаго знакомаго нашего, Дмитрія Ѳедоровича Карамазова, началъ было Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ въ лицѣ хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе. Она чуть не взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго-ли, долго-ли будутъ меня мучить этимъ ужаснымъ человѣкомъ? вскричала она изступленно. Какъ вы смѣли, милостивый государь, какъ рѣшились обезпокоить незнакомую вамъ даму въ ея домѣ и въ такой часъ... и явиться къ ней говорить о человѣкѣ, который здѣсь-же, въ этой самой гостиной, всего три часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вынесъ какъ никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый государь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, извольте сей-же часъ оставить меня... Я мать, я сейчасъ-же... я... я...

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ кого нибудь уже убилъ? стремительно спросила госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только полминуты и я въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, съ твердостью отвѣтилъ Перхотинъ.—Сегодня, въ пять часовъ пополудни, господинъ Карамазовъ занялъ у меня, по товарищески, десять рублей и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сегодня-же въ девять часовъ онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду пачку сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ три тысячи рублей. Руки-же у него и лицо были всѣ окровавлены, самъ-же казался какъ-бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой, откуда взялъ столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взялъ ихъ сейчасъ предъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ три тысячи, чтобъ ѣхать будто-бы на золотые пріиски...

Въ лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычайное и болѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! вскричала она, всплеснувъ руками. Никакихъ я ему денегъ не давала, никакихъ! О, бѣгите, бѣгите!.. Не говорите больше ни слова! Спасайте старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы твердо помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не

умѣлъ оцѣнить. Онъ выпелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. Онъ на меня бросился, а я отскочила... И я вамъ скажу еще, какъ человѣку, отъ котораго теперь ужъ ничего скрывать не намѣрена, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ представить? Но что-же мы стоимъ? Ахъ, сядьте... Извините, я... Или лучше бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго старика отъ ужасной смерти!

— Но если ужъ онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ что-же мы теперь будемъ дѣлать? Какъ вы думаете, что теперь надо дѣлать?

Между тѣмъ она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ него. Петръ Ильичъ вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей исторію дѣла, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ сегодня былъ свидѣтелемъ, разсказалъ и о сейчашнемъ своемъ посѣщеніи Оптиной, и сообщилъ извѣстіе о пестикѣ. Всѣ эти подробности до-нельзя потрясли возбужденную даму, которая вскрикивала и закрывала глаза руками...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ свойствомъ, все что я себѣ ни представлю, то и случится. И сколько, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и всегда думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ меня. И вотъ такъ и случилось... То есть, если онъ убилъ теперь не меня, а только отца своего, то навѣрное потому, что тутъ видимый перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, самъ онъ постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, надѣла на шею образокъ съ мощей Варвары Великомученицы... И какъ-же я была близка въ ту минуту отъ смерти, я вѣдь совсѣмъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою шею мнѣ вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ, кажется, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ), знаете, я не вѣрю въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною теперь — это меня потрясаетъ и я начинаю опять вѣрить во все что угодно. Слыхали вы о старцѣ Зосимѣ?.. А, впрочемъ, я не знаю что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ на шеѣ въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ, и... и вонъ куда поскакалъ! Но куда-жъ мы-то, намъ-то теперь куда, какъ вы думаете?

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что пойдетъ теперь прямо къ исправнику и все ему разскажетъ, а тамъ ужъ какъ тотъ самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человѣкъ, я знакома съ Михаломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно къ нему. Какъ вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все придумали; знаете, я-бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придумала!

— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправнику, замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ нибудь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая никакъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, лепетала она, - пріѣдите сказать мнѣ, что вамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... и какъ его рѣшать и куда осудить... Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смертной казни? Но непремѣнно пріѣдите, хоть въ три часа ночи, хоть въ четыре, даже въ половинѣ пятаго... Велите меня разбудить, растолкать, если вставать не буду... О, Боже, да я и не засну даже. Знаете, не поѣхать-ли мнѣ самой съ вами?..

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ если-бы вы написали вашею рукой сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмитрію Ѳедоровичу никакихъ не давали, то было-бы, можетъ быть, не лишнее... на всякій случай...

— Непремѣнно! восторженно прыгнула къ своему бюро госпожа Хохлакова. — И знаете, вы меня поражаете, вы меня просто потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣньемъ въ этихъ дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это пріятно услышать, что вы здѣсь служите...

И еще говоря это она быстро начертала на полулистѣ почтовой бумаги три крупныя слѣдующія строчки:

Никогда въ жизни моей я не давала взаймы несчастному Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все-же теперь несчастенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ другихъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ что есть святаго въ нашемъ мірѣ. «Хохлакова».

— Вотъ эта записка! быстро обернулась она къ Петру Ильичу. — Идите-же, спасите. Это великій подвигъ съ вашей стороны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать его даже до передней.

Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите какъ я вамъ теперь благодарна за то, что вы зашли ко мнѣ къ первой. Какъ это мы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно было-бы васъ принимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слышать, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такою находчивостью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, наконецъ, понять, и все что я-бы могла для васъ сдѣлать, то повѣрьте... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь. Молодые люди—это основаніе всей теперешней страждущей нашей Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите!..

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то-бы она его такъ скоро

не выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произвела на него довольно пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее тревогу его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы бываютъ чрезвычайно многоразличны, это извѣстно. И вовсе она не такая пожилая, подумалъ онъ съ пріятностью, «напротивъ, я-бы принялъ ее за ея дочь».

Что-же до самой госпожи Хохлаковой, то она была просто очарована молодымъ человѣкомъ. Столько умѣнья, столько аккуратности и въ такомъ молодомъ человѣкѣ въ наше время, и все это при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про современныхъ молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ вамъ примѣръ, и т. д. и т. д.» Такъ что объ этомъ «ужасномъ происшествіи» она просто даже позабыла и только ужь ложась въ постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, «какъ близка была отъ смерти», она проговорила: «ахъ, это ужасно, ужасно!» Но тотчасъ-же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я-бы, впрочемъ, и не сталъ распространяться о такихъ мелочныхъ и эпизодныхъ подробностяхъ, если-бъ эта сейчасъ лишь описанная мною эксцентрическая встрѣча молодаго чиновника съ вовсе не старою еще вдовицей не послужила впослѣдствіи основаніемъ всей жизненной карьеры этого точнаго и аккуратнаго молодаго человѣка, о чемъ съ изумленіемъ вспоминаютъ до сихъ поръ въ нашемъ городкѣ и о чемъ, можетъ быть, и мы скажемъ особое словечко, когда заключимъ нашъ длинный разсказъ о братьяхъ Карамазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаровъ, отставной подполковникъ, переименованный въ надворные совѣтники, былъ человѣкъ вдовый и хорошій. Пожаловалъ-же къ намъ всего назадъ лишь три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣмъ, главное, что «умѣлъ соединить общество». Гости у него не переводились и, казалось, безъ нихъ онъ-бы и самъ прожить не могъ. Непремѣнно кто нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хоть одинъ только гость, но безъ гостей и за столъ не садились. Бывали и званые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданными предлогами. Кушанье подавалось хоть и неизысканное, но обильное, кулебяки готовились превосходныя, а вина хоть и не блистали качествомъ, зато брали количествомъ. Во входной комнатѣ стоялъ

бильярдъ съ весьма приличною обстановкой, то есть даже съ изображеніями скаковыхъ англійскихъ лошадей въ черныхъ рамкахъ по стѣнамъ, что, какъ извѣстно, составляетъ необходимое украшеніе всякой бильярдной у холостаго человѣка. Каждый вечеръ играли въ карты, хотя-бы на одномъ только столикѣ. Но весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего города, съ маменьками и дѣвицами, потанцовать. Михаилъ Макаровичъ хотя и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ свою давно уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ дѣвицъ, внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвицы были уже взрослыя и окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной, веселаго нрава, и хотя всѣ знали, что за ними ничего не дадутъ, вестаки привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молодежь. Въ дѣлахъ Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далекъ, но должность свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если прямо сказать, то былъ онъ человѣкъ довольно-таки необразованный и даже безпечный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей административной власти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что не могъ вполнѣ осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣкоторыми, иногда весьма замѣтными, ошибками и вовсе не по особенной какой нибудь своей неспособности, а просто по безпечности своего характера, потому что все некогда было вникнуть. «Душа я, господа, болѣе военной, чѣмъ гражданской», выражался онъ самъ о себѣ. Даже о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще какъ-бы не пріобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и узнавалъ о нихъ, такъ сказать, изъ года въ годъ, пріумножая свои знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ помѣщикомъ. Петръ Ильичъ съ точностію зналъ, что въ этотъ вечеръ онъ непремѣнно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого нибудь изъ гостей, но лишь не зналъ кого именно. А между тѣмъ какъ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ераланемъ прокуроръ и нашъ земскій врачъ, Варвинскій, молодой человѣкъ, только что къ намъ прибывшій изъ Петербурга, одинъ изъ блистательно окончившихъ курсъ въ петербургской медицинской академіи. Прокуроръ-же, то есть товарищъ прокурора, по котораго у насъ всѣ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кириловичъ, былъ у насъ человѣкъ особенный, не старый, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, но сильно наклонный къ чахоткѣ, при семъ женатый на весьма толстой и бездѣтной дамѣ, самолюбивый и раздражительный, при весьма солидномъ, однако, умѣ и даже доброй душѣ. Кажется, вся бѣда его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ о себѣ нѣсколько выше чѣмъ позволили его истинныя достоинства. И вотъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ немъ къ тому-же

нѣкоторыя высшія и художественныя даже поползновенія, напримѣръ, на психологичность, на особенное знаніе души человѣческой, на особенный даръ познаванія преступника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя нѣсколько обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣренъ былъ, что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не съумѣли оцѣнить и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился даже перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожиданное дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ-бы встряхнуло его всего: «Дѣло такое, что всей Россіи могло стать извѣстно». Но это ужь я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, съ барышнями, сидѣлъ и нашъ молодой судебный слѣдователь Николай Парѳеновичъ Нелюдовъ, всего два мѣсяца тому прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ говорили и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ будто нарочно соединились въ вечеръ преступленія вмѣстѣ въ домѣ исполнительной власти. А между тѣмъ дѣло было гораздо проще и произошло крайне естественно: у супруги Иполита Кириловича другой день какъ болѣли зубы и ему надо-же было куда нибудь убѣжать отъ ея стоновъ: врачъ-же уже по существу своему не могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе какъ за картами. Николай-же Парѳеновичъ Нелюдовъ, даже еще за три дня разсчитывалъ прибыть въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу, такъ сказать, нечаянно, чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую дѣвицу, Ольгу Михайловну, тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ, что онъ знаетъ, что сегодня день ея рожденія и что она нарочно пожелала скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ чтобы не созывать гостей на танцы. Предстояло много смѣху и намековъ на ея лѣта, что она будто-бы боится ихъ обнаружить, что теперь, такъ какъ онъ владѣтель ея секрета, то завтра-же всѣмъ разскажетъ, и проч., и проч. Милый, молоденькій человѣчекъ былъ на этотъ счетъ большой шалунъ, его такъ и прозвали у насъ дамы шалуномъ, и ему, кажется, это очень нравилось. Впрочемъ, онъ былъ весьма хорошаго общества, хорошей фамиліи, хорошаго воспитанія и хорошихъ чувствъ, и хотя жуиръ, но весьма невинный и всегда приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго и нѣжнаго сложенія. На тоненькихъ и бѣленькихъ пальчикахъ его всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ перстней. Когда-же исполнялъ свою должность, то становился необыкновенно важенъ. Какъ-бы до святыни понимая свое значеніе и свои обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при допросахъ убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ простонародья и дѣйствительно возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все-же нѣкоторое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя къ исправнику, былъ просто ошеломленъ: онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣйствительно карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Николай Парфеновичъ пробѣжалъ отъ барышенъ и имѣлъ самый боевой и стремительный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошеломляющее извѣстіе, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ убитъ въ этотъ вечеръ, въ своемъ домѣ, убитъ и ограбленъ. Узналось-же это только сейчасъ предъ тѣмъ слѣдующимъ образомъ.

Марѳа Игнатьевна, супруга повѣреннаго у забора Григорія, хотя и спала крѣпкимъ сномъ на своей постели и могла-бы такъ проспать еще до утра, вдругъ, однако-же, пробудилась. Способствовалъ тому странный эпилептическій вопль Смердякова, лежавшаго въ сосѣдней комнаткѣ безъ сознанія. — Тотъ вопль, которымъ всегда начинались его припадки падучей и которые всегда, во всю жизнь, страшно пугали Марѳу Игнатьевну и дѣйствовали на нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда привыкнуть. Съ просонья она вскочила и почти безъ памяти бросилась въ каморку къ Смердякову. Но тамъ было темно, слышно было только, что больной началъ страшно храпѣть и биться. Тутъ Марѳа Игнатьевна закричала сама и начала было звать мужа. Но вдругъ сообразила, что вѣдь Григорія-то на кровати когда она вставала, какъ-бы и не было. Она подбѣжала къ кровати и ощупала ее вновь. Но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало быть, онъ ушелъ, куда-же? Она выбѣжала на крылечко и робко позвала его съ крыльца. Отвѣта, конечно, не получила, но зато услышала среди ночной тишины откуда-то какъ-бы далеко изъ сада какіе-то стоны. Она прислушалась: стоны повторились опять и ясно стало, что они въ самомъ дѣлѣ изъ саду. — Господи, словно какъ тогда Лизавета Смердящая! — пронеслось въ ея разстроенной головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и разглядѣла, что калитка въ садъ отворена. „Вѣрно онъ, сердечный, тамъ“, подумала она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно услышала, что ее зоветъ Григорій, кличетъ: „Марѳа, Марѳа!“ слабымъ, стенящимъ, страннымъ голосомъ. „Господи, сохрани насъ отъ бѣды“, прошептала Марѳа Игнатьевна и бросилась на зовъ и вотъ такимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла не у забора, не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поверженъ, а шаговъ уже за двадцать отъ забора. Потомъ оказалось, что, очнувшись, онъ поползъ и, вѣроятно, ползъ долго, теряя по нѣскольку разъ сознаніе и вновь впадая въ безпамятство. Она тотчасъ замѣтила, что онъ весь въ крови и тутъ уже закричала благимъ матомъ. Григорій-же лепеталъ тихо и безсвязно: „убилъ... отца убилъ... чего кричишь, дура... бѣги, зови ...“ Но Марѳа Игнатьевна не унималась и все кричала и вдругъ, запи-

дѣвъ что у барина отворено окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и начала звать Ѳедора Павловича. Но, заглянувъ въ окно, увидала страшное зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ движенія. Свѣтлый халатъ и бѣлая рубашка на груди были залиты кровью. Свѣчка на столѣ ярко освѣщала кровь и неподвижное мертвое лицо Ѳедора Павловича. Тутъ ужъ въ послѣдней степени ужаса Марѳа Игнатьевна бросилась отъ окна. выбѣжала изъ сада, отворила воротный запоръ и побѣжала, сломя голову, на зады къ сосѣдкѣ Маріѣ Кондратьевнѣ. Обѣ сосѣдки, мать и дочь, тогда уже заночивали, но на усиленный и неистовый стукъ въ ставни и крики Марѳы Игнатьевны проснулись и подскочили къ окну. Марѳа Игнатьевна безсвязно, визгка и крича, передала, однако, главное и звала на помощь. Какъ разъ въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Мигомъ подняли его и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія. Дорогою Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, въ девятомъ часу, слышала страшный и пронзительный вопль на всю окрестность изъ ихъ сада — и это именно былъ, конечно, тотъ самый крикъ Григорія, когда онъ, вцѣпившись руками въ ногу сидѣвшаго уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, прокричалъ: Отцеубивецъ! Завопилъ кто-то одинъ и вдругъ пересталъ , показывала, бѣжа, Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳомы перенесли его во флигель. Зажгли огонь и увидали, что Смердяковъ все еще не унимается и бьется въ своей каморкѣ, скосивъ глаза, а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорія обмыли водой съ уксусомъ и отъ воды онъ совсѣмъ уже опамятовался и тотчасъ спросилъ: убитъ аль нѣтъ баринъ? Обѣ женщины и Ѳома пошли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на этотъ разъ, что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ стояла настежь отпертою. тогда какъ баринъ на-крѣпко запирался самъ съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже Григорію ни подъ какимъ видомъ не позволялъ стучать къ себѣ. Увидавъ отворенную эту дверь, всѣ они тотчасъ-же, обѣ женщины и Ѳома, забоялись идти къ барину. чтобы не вышло чего потомъ . А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ тотчасъ-же бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то вотъ Марья Кондратьевна и побѣжала и всполошила всѣхъ у исправника. Прибытіе-же Петра Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ что тотъ явился уже не съ одними своими догадками и заключеніями, а какъ очевидный свидѣтель, еще болѣе разсказомъ своимъ подтвердившій общую догадку о томъ кто преступникъ (чему, впрочемъ, онъ, въ глубинѣ души, до самой этой послѣдней минуты, все еще отказывался вѣрить).

Рѣшили дѣйствовать энергически. Помощнику городоваго пристава тотчасъ-же поручили набрать штукъ до четырехъ понятыхъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже я здѣсь не описываю, проникли въ домъ Ѳедора Павловича и слѣдствіе произвели на мѣстѣ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, самъ почти напросился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. Замѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ вполнѣ, съ проломленною головой, но чѣмъ? вѣроятнѣе всего тѣмъ-же самымъ оружіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и Григорій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ Григорія, которому подана была возможная медицинская помощь, довольно связный, хотя слабымъ и прерывавшимся голосомъ переданный разсказъ о томъ, какъ онъ былъ поверженъ. Стали искать съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на садовую дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ которой лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпорядка не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли съ полу большой, изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ конвертъ съ надписью: «Гостинчикъ въ три тысячи рублей ангелу моему Грушенькѣ, если захочетъ придти», а внизу было приписано, вѣроятно, уже потомъ самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: «и цыпленочку». На конвертѣ были три большія печати краснаго сургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пустъ: деньги были унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, которою былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича одно обстоятельство, между прочимъ, произвело чрезвычайное впечатлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о томъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ непремѣнно къ разсвѣту застрѣлится, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Петру Ильичу, нисколько зарядилъ при немъ, записочку написалъ, въ карманъ положилъ и проч., и проч. Когда-же-де Петръ Ильичъ, все еще не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ, что онъ пойдетъ и кому нибудь разскажетъ, чтобы предъ самоубійство, то самъ-де Митя, ослабѣвъ, отвѣтилъ ему: «не успѣешь». Стало быть, надо спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника прежде чѣмъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ-бы застрѣлиться. «Это ясно, это ясно!» повторялъ прокуроръ въ чрезвычайномъ возбужденіи, «это точь въ точь у подобныхъ сорванцовъ такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью кутежъ». Исторія, какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару, только разгорячила еще больше прокурора. Помните того парня, господа, что убилъ купца Олесуфьева, ограбилъ на полторы тысячи и тотчасъ-же пошелъ завился, а потомъ, не припрятавъ даже хорошенько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ дѣви-

намъ . Задерживало, однако, всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ домѣ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало времени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ Мокрое станового Маврикія Маврикіевича Шмерцова, какъ разъ наканунѣ по утру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Маврикію Маврикіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и, не поднимая никакой тревоги, слѣдить за преступникомъ неустанно до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготовить понятыхъ, сотскихъ и проч., и проч. Такъ Маврикій Маврикіевичъ и поступилъ, сохранилъ incognito и лишь одного только Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти лишь посвятилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпадало съ тѣмъ, когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галерейкѣ розыскивавшаго его хозяина, при чемъ тутъ-же замѣтилъ, что у Трифона Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ перемѣна. Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали, что за ними наблюдаютъ; ящикъ-же его съ пистолетами былъ давно уже похищенъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное мѣсто. И только уже въ пятомъ часу утра, почти на разсвѣтѣ, прибыло все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдователь въ двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ-же остался въ домѣ Ѳедора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на утро вскрытіе трупа убитаго, но, главное, заинтересовался именно состояніемъ больнаго слуги Смердякова: такіе ожесточенные и такіе длинные припадки падучей, повторяющіеся безпрерывно въ теченіе двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь и это принадлежитъ наукѣ , проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ своимъ партнерамъ и тѣ его поздравили, смѣясь, съ находкой. При семъ прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили, что докторъ прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяковъ до утра не доживетъ.

Теперь, послѣ долгаго, но, кажется, необходимаго объясненія, мы возвратились именно къ тому моменту нашего разсказа, на которомъ остановили его въ предъидущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое.

Такъ Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ присутствующихъ, не понимая, что̀ ему говорятъ. Вдругъ онъ поднялся, вскинулъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

— Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца моего не повиненъ... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я!

Но только что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ-за занавѣски выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику прямо въ ноги.

— Это я, я окаянная, я виновата! прокричала она раздирающимъ душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко всѣмъ руки.— это изъ-за меня онъ убилъ!.. Это я его измучила и до того довела! Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со злобы моей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!

— Да, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты нечестовая, ты развратная, ты главная виноватая, завопилъ, грозя ей рукой, исправникъ, но тутъ ужъ его быстро и рѣшительно уняли. Прокуроръ даже обхватилъ его руками.

— Это ужъ совсѣмъ безпорядокъ будетъ. Михаилъ Макаровичъ, вскричалъ онъ, — вы положительно мѣшаете слѣдствію... дѣло портите... почти задыхался онъ.

— Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! страшно закипятился и Николай Ивановичъ, — иначе положительно невозможно!..

— Вмѣстѣ судите насъ! продолжала изступленно восклицать Грушенька, все еще на колѣняхъ.—вмѣстѣ казните насъ, пойду съ нимъ теперь хоть на смертную казнь!

— Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! бросился подлѣ нея на колѣни и Митя и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ. — Не вѣрьте ей, — кричалъ онъ, — не виновата она ни въ чемъ, ни въ какой крови и ни въ чемъ!

Онъ помнилъ потомъ, что его оттащили отъ нея силой нѣсколько человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опамятовался онъ уже сидя за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бляхами. Напротивъ него черезъ столъ на диванѣ сидѣлъ Николай Ивановичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить изъ стоявшаго на столѣ стакана немного воды: Это освѣжитъ васъ, это васъ успокоитъ, не бойтесь, не безпокойтесь . прибавлялъ онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ-же вдругъ, онъ помнилъ это, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ аметистовый, а другой какой-то ярко-желтый, прозрачный и такого прекраснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивленіемъ вспоминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ неотразимо даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса, такъ что онъ почему-то все не могъ отъ нихъ оторваться и ихъ забыть какъ совершенно неподходящую къ его положенію вещь. Налѣво, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ гдѣ сидѣлъ въ началѣ вечера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по правую руку Мити, на мѣстѣ гдѣ была тогда Грушенька, распо-

лежался одинъ румяный, молодой человѣкъ. Въ какомъ-то охотничьемъ какъ-бы пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутилась чернильница и бумага. Оказалось, что это былъ письмоводитель слѣдователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Неправильно-же стоялъ теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калганова, который тоже усѣлся на стулъ у того-же окна.

Вынесите воды! мягко повторилъ въ десятый разъ слѣдователь.

— Выпилъ, господа, выпилъ... но... что-жъ, господа, давите, казните, грѣшнаго судьбу! воскликнулъ Митя со страшно неподвижнымъ, выпучившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ, вы положительно утверждаете, что въ смерти отца вашего, Ѳедора Павловича, вы невиновны? мягко, но настойчиво спросилъ слѣдователь.

— Невиновенъ! Виновенъ въ другой крови, въ крови другаго старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ, убилъ старика, убилъ и повергъ... Но тяжело отвѣчать за эту кровь другою кровью, страшною кровью, въ которой не повиненъ... Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! Но кто-же убилъ отца, кто-же убилъ? Кто-же могъ убить если не я? Чудо, нелѣпость, невозможность!..

— Да, вотъ кто могъ убить... началъ было слѣдователь, но прокуроръ Николай Кириловичъ (товарищъ прокурора, но и мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), переглянувшись со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Митѣ:

Вы напрасно безпокоитесь за старика, слугу Григорія Васильева. Узнайте, что онъ живъ, очнулся и, не смотря на тяжкіе побои, причиненные ему вами, по его и вашему теперь показанію, кажется, останется жить несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! завопилъ вдругъ Митя, всплеснувъ руками. Все лицо его просіяло: Господи, благодарю Тебя за величайшее чудо, содѣянное Тобою мнѣ, грѣшному и злодѣю, по молитвѣ моей!.. Да, да, это по молитвѣ моей, я молился всю ночь!.. и онъ три раза перекрестился. Онъ почти задыхался.

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія, мы и получили столь значительныя показанія на вашъ счетъ, что... сталъ было продолжать прокуроръ, но Митя вдругъ вскочилъ со стула.

— Одну минуту, господа, ради Бога, одну лишь минуту! я сбѣгаю къ нему...

Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! Даже чуть не взвизгнулъ Николай Парфеновичъ и тоже вскочилъ на ноги. Митю

обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ, онъ и самъ съѣлъ на стулъ...

— Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь мгновеніе... хотѣлъ возвѣстить ей, что смыта, исчезла эта кровь, которая всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца! Господа, вѣдь она невѣста моя! восторженно и благоговѣйно проговорилъ онъ вдругъ, обводя всѣхъ глазами.—О, благодарю васъ, господа! О, какъ вы возродили, какъ вы воскресили меня въ одно мгновеніе!.. Этотъ старикъ—вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ, господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня трехлѣтняго ребенка всѣ покинули, былъ отцомъ роднымъ!..

— Итакъ, вы... началъ было слѣдователь.

— Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, прервалъ Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо ладонями, — дайте-же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть, господа. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная-же шкура человѣкъ, господа!

— Вы-бы опять водицы... пролепеталъ Николай Ивановичъ.

Митя отнялъ отъ лица руки и разсмѣялся. Взглядъ его былъ бодръ, онъ весь какъ-бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣнился и весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ этимъ людямъ человѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его, вотъ точно такъ какъ если-бы всѣ они сошлись вчера, когда еще ничего не случилось, гдѣ нибудь въ свѣтскомъ обществѣ. Замѣтимъ, однако, кстати, что у исправника Митя, въ началѣ его прибытія къ намъ, былъ принятъ радушно, но потомъ, въ послѣдній мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а исправникъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, напримѣръ, сильно хмурился и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что̀ очень хорошо запримѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ еще отдаленнѣе, но къ супругѣ прокурора, нервной и фантастической дамѣ, иногда хаживалъ съ самыми почтительными, однако, визитами, и даже самъ не совсѣмъ понимая зачѣмъ къ ней ходитъ, и она всегда ласково его принимала, почему-то интересуясь имъ до самаго послѣдняго времени. Со слѣдователемъ-же познакомиться еще не успѣлъ, но, однако, встрѣчалъ и его и даже говорилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ полѣ.

— Вы, Николай Ивановичъ, искуснѣйшій, какъ я вижу, слѣдователь, весело разсмѣялся вдругъ Митя,—но я вамъ теперь самъ помогу. О, господа, я воскресенъ... и не претендуйте на меня, что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обращаюсь. Къ тому-же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откровенно. Я, кажется, имѣлъ

честь... честь и удовольствіе встрѣчать васъ, Николай Иракліевичъ, у родственника моего Міусова... Господа, господа, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю-же кто я такой теперь передъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если только показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ.—О, конечно, ужь лежитъ—страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ—я вѣдь понимаю-же это! Но къ дѣлу, господа, я готовъ и мы это въ одинъ мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, послушайте, господа. Вѣдь если я знаю, что я не виновенъ, то ужь, конечно, въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ-ли? Такъ-ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно и какъ-бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ друзей своихъ.

— Итакъ, мы пока запишемъ, что вы отвергаете взводимое на васъ обвиненіе радикально, внушительно проговорилъ Николай Иракліевичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса продиктовалъ ему что̀ надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что̀-жъ, записывайте, я согласенъ, даю полное мое согласіе, господа... Только видите... Стойте, стойте, запишите такъ: «Въ убійствѣ онъ виновенъ, въ тяжкихъ побояхъ нанесенныхъ бѣдному старику виновенъ. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ сердца своего виновенъ,—но это ужь не надо писать (повернулся онъ вдругъ къ писарю), это уже моя частная жизнь, господа, это уже васъ не касается, эти глубины-то сердца, то есть... Но въ убійствѣ старика отца — не виновенъ! Это дикая мысль! Это совершенно дикая мысль!.. Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновенно. Вы будете смѣяться, господа, сами будете хохотать надъ вашимъ подозрѣніемъ!..

— Успокойтесь, Дмитрій Ѳедоровичъ, напомнилъ слѣдователь, какъ-бы видимо желая побѣдить взбудораженнаго своимъ спокойствіемъ.—Прежде чѣмъ будемъ продолжать допросъ, я-бы желалъ, если вы только согласитесь отвѣтить, слышать отъ васъ подтвержденіе того факта, что, кажется, вы не любили покойнаго Ѳедора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной ссорѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы, кажется, изволили произнести, что даже хотѣли убить его: «Не убилъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!»

— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да, къ несчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ несчастію, къ несчастію!

— Хотѣли. Не согласитесь-ли вы объяснить, какіе собственно принципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ личности вашего родителя?

Что-жъ объяснять, господа! угрюмо вскинулъ плечами Митя,

потупясь. — Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь городъ объ этомъ знаетъ, — знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно въ монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ-же день, вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что опять приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей! Весь мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!.. Фактъ на лицо, фактъ говоритъ, кричитъ, но чувства, господа, чувства, это ужъ другое. Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про чувства вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и облечены, я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло, интимное, но... такъ какъ я ужъ не скрывалъ моихъ чувствъ прежде... въ трактирѣ, напримѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому, то... то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны. Видите, господа, я вѣдь понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя: всѣмъ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ-же не я въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполнѣ извиняю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что кто-жъ его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ, если не я? Вѣдь не правда-ли? Если не я, такъ кто-же, кто-же? Господа, — вдругъ воскликнулъ онъ, — я хочу знать, я даже требую отъ васъ, господа: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Скажите мнѣ, быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя глазами.

— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничь, въ своемъ кабинетѣ, съ проломленною головой, проговорилъ прокуроръ.

— Страшно это, господа! вздрогнулъ вдругъ Митя и, облокотившись на столъ, закрылъ лицо правою рукой.

— Мы будемъ продолжать, прервалъ Николай Парфеновичъ. Итакъ, что̀-же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ ненависти? Вы, кажется, заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ-за денегъ?

— Ну да, и изъ-за денегъ.

— Кажется, споръ былъ въ трехъ тысячахъ, будто-бы не доданныхъ вамъ по наслѣдству.

— Какое трехъ! Больше, больше, вскинулся Митя, — больше шести, больше десяти, можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ, всѣмъ кричалъ! Но я рѣшился ужъ, такъ и быть, помириться на трехъ тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи... такъ что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который, я зналъ, у него подъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считалъ рѣшительно какъ-бы у меня украденнымъ, вотъ что̀, господа, считалъ своимъ, все равно какъ моею собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователемъ и успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, проговорилъ тотчасъ слѣдователь, — вы-же позволите намъ теперь отмѣтить и записать именно этотъ пунктикъ: что вы считали эти деньги, въ томъ конвертѣ, какъ-бы за свою собственность.

— Пишите, господа, я вѣдь понимаю-же, что это опять-таки на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на себя. Слышите, самъ! Видите, господа, вы, кажется, принимаете меня совсѣмъ за иного человѣка чѣмъ я есть, прибавилъ онъ вдругъ мрачно и грустно. Съ вами говоритъ благородный человѣкъ, благороднѣйшее лицо, главное — этого не упускайте изъ виду — человѣкъ надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій и остававшійся благороднѣйшимъ существомъ, какъ существо, внутри, въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... Именно тѣмъ-то и мучился всю жизнь, что жаждалъ благородства, былъ, такъ сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ его съ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю жизнь дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа... то есть, какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, одинъ, одинъ!.. Господа, у меня голова болитъ, — страдальчески поморщился онъ, — видите, господа, мнѣ не нравилась его наружность, что-то безчестное, похвальба и попираніе всякой святыни, насмѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужъ онъ умеръ, я думаю иначе.

— Какъ это иначе?

— Не иначе, но я жалѣю, что такъ его ненавидѣлъ.

— Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте. Самъ-то я нехорошъ, господа, вотъ что̀, самъ-то я не очень красивъ, а потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ что̀! Это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. Уже давно, постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ въ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло въ томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не очень далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой комнаты, въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была маленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою комнатой, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. Тамъ сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, ужасно пораженный, ужасно струсившій и къ ней прилѣпившійся, какъ-бы ища около нея спасенія. У ихней двери

стоялъ какой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и вотъ вдругъ, когда горе ужъ слишкомъ подступило къ душѣ ея, она вскочила, всплеснула руками и, прокричавъ громкимъ воплемъ: горе мое, горе! бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, къ своему Митѣ, и такъ неожиданно, что ее никто не успѣлъ остановить. Митя-же, заслышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, вскочилъ, завопилъ и стремглавъ бросился къ ней на встрѣчу, какъ-бы не помня себя. Но имъ опять сойтись не дали, хотя они уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: онъ бился, рвался, понадобилось трехъ или четверыхъ, чтобы удержать его. Схватили и ее и онъ видѣлъ какъ она съ крикомъ простирала къ нему руки, когда ее увлекали. Когда кончилась сцена, онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, противъ слѣдователя, и выкрикивалъ, обращаясь къ нимъ:

— Что вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, невинна!..

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло нѣкоторое время, минутъ десять; наконецъ, въ комнату поспѣшно вошелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ, и громко, въ возбужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите-ли мнѣ сказать, господа, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, господа, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, отвѣтилъ слѣдователь, — въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, слушай, батюшка, началъ, обращаясь къ Митѣ, Михаилъ Макаровичъ, и все взволнованное лицо его выражало горячее отеческое почти состраданіе къ несчастному, — я твою Аграфену Александровну отвелъ внизъ самъ и передалъ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ теперь безотлучно этотъ старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ, слышь ты? уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо-же оправдаться, такъ чтобъ она не мѣшала, чтобъ не нагоняла на тебя тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильно показать, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ и она поняла. Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня стараго полѣзла было цѣловать, за тебя просила. Сама послала меня сюда сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надо, голубчикъ, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты спокоенъ и за нее утѣшенъ. Итакъ успокойся, пойми ты это. Я предъ ней виноватъ, она христіанская душа, да, господа, это кроткая душа и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ-же ей сказать, Дмитрій Ѳедоровичъ, будешь спдѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добрякъ наговорилъ много лишняго, но горе Грушеньки, горе человѣческое, проникло въ его добрую душу и даже слезы стояли въ глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ нему.

— Простите, господа, позвольте, о, позвольте! вскричалъ онъ,— ангельская, ангельская вы душа, Михаилъ Макаровичъ, благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, веселъ буду, передайте ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я веселъ, веселъ, смѣяться даже начну сейчасъ, зная, что съ ней такой ангелъ-хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что освобожусь, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Господа,— оборотился онъ вдругъ къ прокурору и слѣдователю,— теперь всю вамъ душу мою открою, всю изолью, мы это мигомъ покончимъ, весело покончимъ — подъ конецъ вѣдь будемъ-же смѣяться, будемъ? Но, господа, эта женщина — царица души моей! О, позвольте мнѣ это сказать, это-то я ужь вамъ открою... Я вѣдь вижу-же, что я съ благороднѣйшими людьми: это свѣтъ, это святыня моя, и если-бъ вы только знали! Слышали ея крики: «съ тобой хоть на казнь!» А что я ей далъ, я, нищій, голякъ, за что такая любовь ко мнѣ, стою-ли я, неуклюжая, позорная тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мной ей въ каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давеча валялась, она, гордая и ни въ чемъ неповинная! Какъ-же мнѣ не обожать ея, не вопить, не стремиться къ ней, какъ сейчасъ? О, господа, простите! Но теперь, теперь я утѣшенъ!

И онъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо, навзрыдъ заплакалъ. Но это были уже счастливыя слезы. Онъ мигомъ ономнился. Старикъ исправникъ былъ очень доволенъ, да, кажется, и юристы тоже: они почувствовали, что допросъ вступитъ сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника, Митя просто повеселѣлъ.

— Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполнѣ. И... если-бъ только не всѣ эти мелочи, то мы-бы сейчасъ-же и сговорились. Я опять про мелочи. Я вашъ, господа, но, клянусь, нужно взаимное довѣріе, — ваше ко мнѣ и мое къ вамъ,— иначе мы никогда не покончимъ. Для васъ-же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу, и, главное, не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее пустяками, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ сейчасъ-же удовлетворю. А мелочи къ чорту!

Такъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

Вы не повѣрите, какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій Ѳедоровичъ, вашею этою готовностью... —заговорилъ Николай Парфеновичъ съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удовольствіемъ, засіявшимъ въ большихъ свѣтлосѣрыхъ на выкатѣ, очень близорукихъ, впрочемъ, глазахъ его, съ которыхъ онъ, за минуту предъ тѣмъ, снялъ очки. —И вы справедливо сейчасъ замѣтили на счетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ которой иногда даже и невозможно въ подобной важности дѣлахъ, въ томъ случаѣ и смыслѣ, если подозрѣваемое лицо дѣйствительно желаетъ, надѣется и можетъ оправдать себя. Съ нашей стороны мы употребимъ все, что отъ насъ зависитъ, и вы сами могли видѣть даже и теперь какъ мы ведемъ это дѣло... Вы одобряете, Ипполитъ Кириловичъ? — обратился онъ вдругъ къ прокурору.

— О, безъ сомнѣнія, одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько суховато сравнительно съ порывомъ Николая Парфеновича.

Замѣчу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Парфеновичъ, съ самаго начала своего у насъ поприща, почувствовалъ къ нашему Ипполиту Кириловичу, прокурору, необыкновенное уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это былъ почти единственный человѣкъ, который безусловно повѣрилъ въ необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего обвинителя Ипполита Кириловича и вполнѣ вѣрилъ и въ то, что тотъ обвинитъ. О немъ слышалъ онъ еще въ Петербургѣ. Зато, въ свою очередь, молоденькій Николай Парфеновичъ оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, котораго искренно полюбилъ нашъ обвиненный прокуроръ. Дорогой сюда они успѣли кое въ чемъ сговориться и условиться на счетъ предстоящаго дѣла и теперь, за столомъ, вострый умъ Николая Парфеновича схватывалъ на лету и понималъ всякое указаніе, всякое движеніе въ лицѣ своего стараго сотоварища, съ полуслова, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому разсказать и не перебивайте пустяками, и я вамъ многимъ все изложу, — кинятился Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ выслушанію вашего сообщенія, вы-бы позволили мнѣ только констатировать еще одинъ фактикъ, для насъ очень любопытный,

именно о тѣхъ десяти рубляхъ, которые вы вчера, около пяти часовъ, взяли взаймы подъ закладъ пистолетовъ вашихъ у пріятеля вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рублей, и что-жь дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ съ дороги, такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городъ?

— Ѣздилъ, господа, за сорокъ верстъ ѣздилъ, а вы и не знали?

Прокуроръ и Николай Ѳеоѳиловичъ переглянулись.

— И вообще, если-бы вы начали вашу повѣсть со систематическаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго утра? Возможно, напримѣръ, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ города и когда именно поѣхали и пріѣхали... и всѣ эти факты...

Такъ вы-бы такъ и спросили съ самаго начала, громко разсмѣялся Митя.—и если хотите, то дѣло надо начать не со вчерашняго, а съ третьяго,нешняго дня, съ самаго утра. тогда и поймете куда. какъ и почему я пошелъ и поѣхалъ. Пошелъ я, господа. третьяго дня утромъ къ здѣшнему купчинѣ Самсонову занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе,—это вдругъ присинилось, господа, вдругъ присинилось...

— Позвольте прервать васъ, вѣжливо перебилъ прокуроръ. — почему вамъ такъ вдругъ понадобилась, и именно такая сумма. то есть въ три тысячи рублей?

— Э, господа, не надо-бы мелочи: какъ, когда и почему, и почему именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня... вѣдь этакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ потребуется!

Все это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою фамильярностью человѣка, желающаго сказать всю истину и исполненнаго самыми добрыми намѣреніями.

Господа, какъ-бы спохватился онъ вдругъ. Вы на меня не рощите за мою брыкливость, опять прошу: повѣрьте еще разъ. что я чувствую полную почтительность и понимаю настоящее положеніе дѣла. Не думайте, что и пьянъ. Я ужь теперь отрезвился. Да и что пьянъ не мѣшало-бы вовсе. У меня вѣдь какъ:

Отрезвѣлъ, поумнѣлъ — сталъ глупъ,
Напился, оглупѣлъ — сталъ уменъ.

Ха-ха! А, впрочемъ, я вижу. господа, что мнѣ пока еще непрілично острить предъ вами, пока то есть не объяснимся. Позвольте наблюсти и собственное достоинство. Понимаю-же я теперешнюю

разницу: вѣдь я все-таки предъ вами преступникъ сижу, вамъ, стало быть, въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня наблюдать: не погладите-же вы меня по головкѣ за Григорія, нельзя-же въ самомъ дѣлѣ безнаказанно головы ломать старикамъ, вѣдь упрячете-же вы меня за него по суду, ну на полгода, ну на годъ въ смирительный, не знаю какъ тамъ у васъ присудятъ, хотя и безъ лишенія правъ, вѣдь безъ лишенія правъ, прокуроръ? Ну такъ вотъ, господа, понимаю-же я это различіе... Но согласитесь и въ томъ, что вѣдь вы можете самого Бога сбить съ толку такими вопросами: гдѣ стушилъ, какъ стушилъ, когда стушилъ и во что̀ стушилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сейчасъ лыко въ строку и запишите, и что̀-жъ выйдетъ? Ничего не выйдетъ! Да, наконецъ, если ужъ я началъ теперь врать, то и докончу, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благороднѣйшіе люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучитесь вы, господа, этой казенщинѣ допроса, то есть сперва-де, видите-ли, начинай съ чего нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: какъ, дескать, всталъ, что̀ съѣлъ, какъ плюнулъ, куда плюнулъ, и, усыпивъ вниманіе преступника-, вдругъ накрывай его ошеломляющимъ вопросомъ: «кого убилъ, кого обокралъ?» Ха-ха! Вѣдь вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на чемъ вся ваша хитрость-то зиждется! Да вѣдь это вы мужиковъ усыпляйте подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь понимаю дѣло, самъ служилъ. ха-ха-ха! Не сердитесь, господа, прощаете дерзость? крикнулъ онъ, смотря на нихъ съ удивительнымъ почти добродушіемъ. — Вѣдь Митька Карамазовъ сказалъ, стало быть, можно и извинить, потому, умному человѣку не извинительно, а Митькѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Нареновичъ слушалъ и тоже смѣялся. Прокуроръ хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская глазъ, разглядывалъ Митю, какъ-бы не желая упустить ни малѣйшаго словечка, ни малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго сотрясенія малѣйшей черточки въ лицѣ его.

— Мы, однако, такъ и начали съ вами первоначально, отозвался, все продолжая смѣяться, Николай Нареновичъ, что не стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали поутру и что̀ скушали, а начали даже со слишкомъ существеннаго.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣню настоящую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную благороднѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди благородные и пусть все у насъ такъ и будетъ на взаимномъ довѣріи образованныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дворянствомъ и честью. Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ считать васъ за лучшихъ друзей моихъ въ эту

минуту жизни моей, въ эту минуту униженія чести моей! Вѣдь не обидно это вамъ, господа, не обидно?

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили, Дмитрій Ѳедоровичъ, важно и одобрительно согласился Николай Парѳеновичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи прочь, восторженно воскликнулъ Митя, — а то это просто выйдетъ чортъ знаетъ что̀, вѣдь не правда-ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтамъ, ввязался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ, — но отъ вопроса моего, однако, не откажусь. Намъ слишкомъ существенно необходимо узнать для чего именно вамъ понадобилась такая сумма, то есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилась? Ну, для того, для сего... ну, долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа! Видите, не потому чтобъ не могъ сказать, али не смѣлъ, али опасался, потому что все это плевое дѣло и совершенные пустяки, а — потому не скажу, что тутъ принципъ: это моя частная жизнь и я не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все что̀ до дѣла не относится есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, долгъ чести хотѣлъ отдать, а кому — не скажу.

— Позвольте намъ записать это, сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу и не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у васъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, съ особеннымъ и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ,—что вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ теперь вопросы, а мы, обратно, никакого не имѣемъ права вымогать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Но наше дѣло состоитъ опять-таки въ томъ, чтобы вамъ въ подобномъ теперешнему случаѣ представить на видъ и разъяснить всю ту степень вреда, который вы сами-же себѣ производите, отказываясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу продолжать.

— Господа, я вѣдь не сержусь... я... забормоталъ было Митя, нѣсколько сконфуженный внушеніемъ, — вотъ-съ, видите, господа, этотъ самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошѐлъ...

Мы, конечно, не станемъ приводить разсказъ его въ подробно

сти о томъ, что̀ уже извѣстно читателю. Разсказчикъ нетерпѣливо хотѣлъ разсказать все до малѣйшей черточки и въ тоже время чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали. а. стало быть, необходимо его останавливали. Дмитрій Ѳедоровичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивалъ иногда: «господа, это самого Господа Бога взбѣситъ» или: «господа, знаете-ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?» но все еще, восклицая это, своего дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ онъ разсказалъ какъ «надулъ» его третьяго дня Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполнѣ, что его тогда надули). Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы добыть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдователю и прокурору, возбудила тотчасъ-же все чрезвычайное ихъ вниманіе и уже къ безмѣрному негодованію Мити: нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторичнаго подтвержденія того обстоятельства, что у него и наканунѣ не было уже ни гроша почти денегъ. Мало по малу Митя началъ становиться угрюмымъ. Затѣмъ, описавъ путешествіе къ Лягавому и проведенную въ угарной избѣ ночь и проч., довелъ свой разсказъ и до возвращенія въ городъ и тутъ началъ самъ, безъ особенной уже просьбы, подробно описывать ревнивыя муки свои съ Грушенькой. Его слушали молча и внимательно, особенно вникли въ то обстоятельство, что у него давно уже завелся наблюдательный пунктъ за Грушенькой у Ѳедора Павловича на задахъ въ домѣ Марьи Кондратьевны, и о томъ, что ему свѣдѣнія переносилъ Смердяковъ: это очень отмѣтили и записали. О ревности своей говорилъ онъ горячо и обширно и хоть и внутренно стыдясь того, что выставляетъ свои интимнѣйшія чувства, такъ сказать, на «всеобщій позоръ», но видимо переси-лилъ стыдъ чтобы быть правдивымъ. Безучастная строгость устремленныхъ пристально на него, во время разсказа, взглядовъ слѣдователя и особенно прокурора, смутили его, наконецъ, довольно сильно: «Этотъ мальчикъ Николай Парѳеновичъ, съ которымъ я еще всего только нѣсколько дней тому говорилъ глупости про женщинъ, и этотъ больной прокуроръ, не стоятъ того чтобъ я имъ это разсказывалъ», грустно мелькнуло у него въ умѣ, «позоръ!» «Терпи, смиряйся и молчи», заключилъ онъ свою думу стихомъ, но опять-таки скрѣпился вновь чтобы продолжать далѣе. Перейдя къ разсказу о Хохлаковой, даже вновь развеселился и даже хотѣлъ было разсказать объ этой барынькѣ особый недавній анекдотикъ, не подходящій къ дѣлу, но слѣдователь остановилъ его и вѣжливо предложилъ перейдти къ болѣе существенному. Наконецъ, описавъ

свое отчаяніе и разсказавъ о той минутѣ, когда, выйдя отъ Хохлаковой, онъ даже подумалъ «скорѣй зарѣзать кого нибудь, а достать три тысячи», его вновь остановили и о томъ что «зарѣзать хотѣлъ» записали. Митя безмолвно далъ записать. Наконецъ, дѣло дошло до той точки въ разсказѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что Грушенька его обманула и ушла отъ Самсонова тотчасъ-же какъ онъ привелъ ее, тогда какъ сама сказала, что просидитъ у старика до полуночи: «Если я тогда не убилъ, господа, эту Феню, то потому только, что мнѣ было некогда», вырвалось вдругъ у него въ этомъ мѣстѣ разсказа. И это тщательно записали. Митя мрачно подождалъ и сталъ было повѣствовать о томъ, какъ онъ побѣжалъ къ отцу въ садъ, какъ вдругъ его остановилъ слѣдователь и, раскрывъ свой большой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ него мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ, да! мрачно усмѣхнулся онъ,—какъ не знакомъ! Дайте-ка посмотрѣть... А, чортъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, замѣтилъ слѣдователь.

— А, чортъ! Не скрылъ-бы отъ васъ, небось безъ него-бы не обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите-же разсказать обстоятельно, какъ вы имъ вооружились.

— Извольте, благоволю, господа.

И Митя разсказалъ, какъ онъ взялъ пестикъ и побѣжалъ.

— Но какую-же цѣль имѣли вы въ предметѣ, вооружаясь такимъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣжалъ.

— Зачѣмъ-же, если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на мальчика и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ томъ, что ему все стыднѣе и стыднѣе становилось за то, что онъ сейчасъ такъ искренно и съ такими излишествами разсказалъ такимъ людямъ исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! вырвалось вдругъ у него.

— Однако-же-съ.

— Ну, отъ собакъ схватить. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, какое нибудь оружіе, если боялись такъ темноты?

— Э, чортъ, тьфу! Господа, съ вами буквально нельзя говорить! вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, обернувшись къ писарю, весь покраснѣвъ отъ злобы, съ какою-то изступленною ноткой въ голосѣ быстро проговорилъ ему:

— Запиши сейчасъ... сейчасъ... что схватилъ съ собой нестикъ, чтобы бѣжать убить отца моего... Ѳедора Павловича... ударомъ по головѣ! Ну, довольны-ли вы теперь, господа? Отвели душу? проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы сами́мъ понимаемъ, что подобное показаніе вы дали сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте-же, господа! Ну, взялъ нестикъ... Ну, для чего берутъ въ такихъ случаяхъ что нибудь въ руку? Я не знаю для чего. Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все. Стыдно, господа, passons, а то, клянусь, я перестану разсказывать!

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Онъ сидѣлъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ въ стѣну, пересиливая въ себѣ дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ему ужасно какъ хотѣлось встать и объявить, что болѣе не скажетъ ни слова, хоть ведите на смертную казнь».

Видите, господа, проговорилъ онъ вдругъ, съ трудомъ пересиливая себя, -видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещится... я, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ... одинъ такой сонъ, и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной гонится, кто-то такой, котораго я ужасно боюсь, гонится въ темнотѣ, ночью, ищетъ меня, а я прячусь куда нибудь отъ него за дверь, или за шкапъ, прячусь унизительно, а главное, что ему отлично извѣстно, куда я отъ него спрятался, но что онъ будто-бы нарочно притворяется, что не знаетъ гдѣ я сижу, чтобы дольше промучить меня, чтобы страхомъ моимъ насладиться... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? освѣдомился прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны... А вы ужь не хотите-ли записать? криво усмѣхнулся Митя.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все-же любопытные у васъ сны.

— Теперь ужь не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ дѣйствительной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну и травите волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе... началъ было чрезвычайно мягко Николай Парѳеновичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! вскинулъ опять Митя, хотя и видимо облегчивъ душу выходкой вызваннаго гнѣва, началъ уже опять добрѣть съ каждымъ словомъ:—Вы можете не вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но

благороднѣйшему человѣку, господа, благороднѣйшимъ порывамъ души (смѣю это кричу!)—нѣтъ! Этому вамъ нельзя не вѣрить... права даже не имѣете... но—

молчи сердце,
Терпи, смиряйся и молчи!

Ну, что-же, продолжать? мрачно оборвалъ онъ.

— Какже, сдѣлайте одолженіе, отвѣтилъ Николай Парфеновичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ стараться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ передаваемаго. Онъ разсказалъ какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна и обо всемъ. наконецъ. что было подъ окномъ. Ясно, точно, какъ-бы отчеканивая, передалъ онъ о чувствахъ волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ саду, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца-ли Грушенька или нѣтъ? Но странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ.

Разсердился и обидѣлся, подумалъ онъ, ну и чортъ! Когда-же разсказалъ. какъ онъ рѣшился. наконецъ, дать отцу *знакъ*, что пришла Грушенька и чтобы тотъ отворилъ окно, то прокуроръ и слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманія на слово «знакъ», какъ-бы не поняв вовсе, какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что Митя это даже замѣтилъ. Дойдя, наконецъ, до того мгновенія когда, увидѣвъ высунувшагося изъ окна отца, онъ вскипѣлъ ненавистью и выхватилъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ-бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣну и зналъ. что тѣ такъ и впились въ него глазами.

— Ну-съ, сказалъ слѣдователь,- вы выхватили оружіе и... и что-же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ... хватилъ его въ темя и раскроилъ ему черепъ... Вѣдь, такъ, по вашему, такъ! засверкалъ онъ вдругъ глазами. Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ поднялся въ его душѣ съ необычайною силой.

— По нашему, переговорилъ Николай Парфеновичъ,—ну, а по вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По моему, господа, по моему, вотъ какъ было, тихо заговорилъ онъ: — слезы-ли чьи, мать-ли моя умолила Бога, духъ-ли свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе—не знаю, но чортъ былъ побѣжденъ. Я бросился отъ окна и побѣжалъ къ забору... Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна,—я это очень помню. А я черезъ садъ къ забору... вотъ тутъ-то и настигъ меня Григорій, когда уже я сидѣлъ на заборѣ...

Тутъ онъ поднялъ, наконецъ, глаза на слушателей. Тѣ, казалось, съ совершенно безмятежнымъ вниманіемъ глядѣли на него. Какая-то судорога негодованія прошла въ душѣ Мити.

— А вѣдь вы, господа, въ эту минуту надо мной насмѣхаетесь! прервалъ онъ вдругъ.

— Почему вы такъ заключаете? замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Вѣдь понимаю-же я, что до главной точки дошелъ: старикъ теперь тамъ лежитъ съ проломленною головой, а я — трагически описавъ, какъ хотѣлъ убить и какъ уже пестикъ выхватилъ, я вдругъ отъ окна убѣгаю... Поэма! Въ стихахъ! Можно повѣрить на слово молодцу! Ха-ха! Насмѣшники вы, господа!

И онъ всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ, такъ что стулъ затрещалъ.

— А не замѣтили-ли вы, началъ вдругъ прокуроръ, какъ будто и вниманія не обративъ на волненіе Мити, — не замѣтили-ли вы, когда отбѣгали отъ окна: была-ли дверь въ садъ, находящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

— Нѣтъ, не была отперта.

— Не была?

— Была заперта, напротивъ, и кто-жъ могъ ее отворить? Ба, дверь, постойте! Какъ-бы опомнился онъ вдругъ и чуть не вздрогнулъ,—а развѣ вы нашли дверь отпертою?

— Отпертою.

— Такъ кто-жъ ее могъ отворить, если не сами вы ее отворили? страшно удивился вдругъ Митя.

— Дверь стояла отпертою и убійца вашего родителя несомнѣнно вошелъ въ эту дверь и, совершивъ убійство, этою-же дверью и вышелъ, какъ-бы отчеканивая, медленно и раздѣльно произнесъ прокуроръ. Это намъ совершенно ясно. Убійство произошло, очевидно, въ комнатѣ, *а не черезъ окно*, что положительно ясно изъ произведеннаго акта осмотра, изъ положенія тѣла и по всему. Сомнѣній въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть никакихъ.

Митя былъ страшно пораженъ.

— Да это-же невозможно, господа! вскричалъ онъ совершенно потерявшись,—я... я не входилъ... я положительно, я съ точностью вамъ говорю, что дверь была заперта все время, пока я былъ въ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ окномъ стоялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До послѣдней минуты помню. Да хоть-бы и не помнилъ, то все равно знаю, потому что *знаки* только и извѣстны были что мнѣ, да Смердякову, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому-бы въ мірѣ не отворилъ!

— Знаки? Какіе-же это знаки? съ жаднымъ, почти истерическимъ любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и въ мигъ потерялъ всю сдержанную свою осанку. Онъ спросилъ какъ-бы робко подползая. Онъ почуялъ важный фактъ ему еще неизвѣстный, и тотчасъ-же почувствовалъ величайшій страхъ, что Митя, можетъ быть, не захочетъ открыть его въ полнотѣ.

— А вы и не знали! подмигнулъ ему Митя, насмѣшливо и злобно улыбнувшись.—А что коль не скажу? Отъ кого тогда узнать? Знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я, да Смердяковъ, вотъ и всѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ. А фактикъ-то любопытный, чортъ знаетъ что на немъ можно соорудить, ха-ха! Утѣшьтесь, господа, открою, глупости у васъ на умѣ. Не знаете вы съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло съ такимъ подсудимымъ, который самъ на себя показываетъ, во вредъ себѣ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы—нѣтъ!

Прокуроръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ нетерпѣнія узнать про новый фактъ. Митя точно и пространно изложилъ имъ все, что касалось знаковъ, изобрѣтенныхъ Ѳедоромъ Павловичемъ для Смердякова, разсказалъ что именно означалъ каждый стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по столу и на вопросъ Николая Парѳеновича: что, стало быть, и онъ, Митя, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно тотъ знакъ, который означалъ: «Грушенька пришла»—отвѣтилъ съ точностью, что именно точно такъ и простучалъ, что, дескать, «Грушенька пришла».

— Вотъ вамъ, теперь сооружайте башню! оборвалъ Митя и съ презрѣніемъ опять отъ нихъ отвернулся.

— И знали про эти знаки только покойный родитель вашъ, вы и слуга Смердяковъ? И никто болѣе? еще разъ освѣдомился Николай Парѳеновичъ.

— Да, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо; это будетъ не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ понадобится.

И ужь, конечно, стали записывать, но когда записывали, то

прокуроръ вдругъ, какъ-бы совсѣмъ внезапно наткнувшись на новую мысль, проговорилъ:

— А вѣдь если знать про эти знаки и Смердякова, и вы радикально отвергаете всякое на себя обвиненіе въ смерти вашего родителя, то вотъ не онъ-ли, простучавъ условленные знаки, заставилъ вашего отца отпереть себѣ, а затѣмъ и... совершилъ преступленіе?

Митя глубоко-насмѣшливымъ, но въ то-же время и страшно ненавистнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ долго и молча, такъ что у прокурора глаза замигали.

— Опять поймали лисицу! проговорилъ, наконецъ, Митя,—прищемили мерзавку за хвостъ, хе-хе! Я вижу васъ насквозь, прокуроръ! Вы вѣдь такъ и думали, что я сейчасъ вскочу, ущѣпилось за то что вы мнѣ подсказываете и закричу во все горло: «Ай, это Смердяковъ, вотъ убійца! Признайтесь, что вы это думали, признайтесь, тогда буду продолжать.

Но прокуроръ не признался. Онъ молчалъ и ждалъ.

— Ошиблись, не закричу на Смердякова! сказалъ Митя.

— И даже не подозрѣваете его вовсе?

— А вы подозрѣваете?

— Подозрѣвали и его.

Митя уткнулся глазами въ полъ.

— Шутки въ сторону, проговорилъ онъ мрачно,—слушайте: съ самаго начала, вотъ почти еще тогда, когда я выбѣжалъ къ вамъ давеча изъ-за этой занавѣски, у меня мелькнула уже эта мысль: Смердяковъ! Здѣсь я сидѣлъ за столомъ и кричалъ, что неповиненъ въ крови, а самъ все думаю: Смердяковъ! И не отставалъ Смердяковъ отъ души. Наконецъ, теперь подумалъ вдругъ тоже: Смердяковъ, но лишь на секунду: тотчасъ-же рядомъ подумалъ: «Нѣтъ, не Смердяковъ!» Не его это дѣло, господа!

— Не подозрѣваете-ли вы въ такомъ случаѣ и еще какое другое лицо? осторожно спросилъ было Николай Ароеновичъ.

— Не знаю, кто или какое лицо, рука небесъ или сатана, но... не Смердяковъ! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Но почему-же вы такъ твердо и съ такою настойчивостью утверждаете, что не онъ?

— По убѣжденію. По впечатлѣнію. Потому что Смердяковъ человѣкъ низкайшей натуры и трусъ. Это не трусъ, это совокупленіе всѣхъ трусостей въ мірѣ вмѣстѣ взятыхъ, ходящее на двухъ ногахъ. Онъ родился отъ курицы. Говоря со мной онъ трепеталъ каждый разъ, чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я и руки не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ цѣловалъ мнѣ вотъ эти самые сапоги, бук-

вально, умоляя, чтобъ я его «не пугалъ». Слышите: «не пугалъ» —что̀ это за слово такое? А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей болѣзни, со слабымъ умомъ и которую прибьетъ восьмилѣтній мальчишка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и денегъ не любитъ, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за что̀ ему убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ быть, сынъ его, побочный сынъ, знаете вы это?

— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы-же сынъ отца вашего, а вѣдь говорили-же всѣмъ сами-же вы, что хотѣли убить его.

— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь! О, господа, можетъ быть, вамъ слишкомъ подло мнѣ-же въ глаза говорить это! Потому подло, что я это самъ говорилъ вамъ. Не только хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно натащилъ, что чуть не убилъ! Но вѣдь не убилъ-же его, вѣдь спасъ-же меня ангелъ-хранитель мой,—вотъ этого-то вы не взяли въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому что я не убилъ, не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ!

Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу не былъ въ такомъ волненіи.

— А что̀ онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? заключилъ онъ вдругъ, помолчавъ.—Могу я про это спросить у васъ?

— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, съ холоднымъ и строгимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ,—обо всемъ что̀ касается фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже обязаны удовлетворять васъ на каждый вопросъ. Мы нашли слугу Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ чувствъ на своей постели, въ чрезвычайно сильномъ, можетъ быть, въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей болѣзни. Медикъ, бывшій съ нами, освидѣтельствовавъ больнаго, сказалъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ быть, и до утра.

— Ну, въ такомъ случаѣ отца чортъ убилъ! сорвалось вдругъ у Мити, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все себя: «Смердяковъ или не Смердяковъ»?

— Мы еще къ этому факту воротимся, порѣшилъ Николай Ивановичъ,—теперь-же не пожелаете-ли вы продолжать ваше показаніе далѣе.

Митя попросилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили. Отдохнувъ, онъ сталъ продолжать. Но было ему видимо тяжело. Онъ былъ измученъ, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Къ тому-же прокуроръ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминутно раздражать его придирками къ мелочамъ. Едва только Митя описалъ, какъ онъ, сидя верхомъ на заборѣ, ударилъ по головѣ пестикомъ высунувшагося въ

его лѣвую ногу Григорія и затѣмъ тотчасъ-же соскочилъ къ поверженному, какъ прокуроръ остановилъ его и попросилъ описать подробнѣе какъ онъ сидѣлъ на заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сидѣлъ, верхомъ сидѣлъ, одна нога тамъ, другая тутъ...

— А пестикъ?

— Пестикъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Что-жъ, вы сильно размахнулись рукой?

— Должно быть что сильно, а вамъ это зачѣмъ!

Если-бъ вы сѣли на стулъ точно такъ, какъ тогда на заборъ, и представили-бы намъ наглядно, для уясненія, какъ и куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужъ вы не насмѣхаетесь-ли надо мной? спросилъ Митя, высокомѣрно глянувъ на допрощика, но тотъ не мигнулъ даже глазомъ. Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на стулъ и размахнулся рукой:

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего вамъ еще?

— Благодарю васъ. Не потрудитесь-ли вы теперь объяснить: для чего собственно соскочили внизъ, съ какою цѣлью, и что собственно имѣя въ виду?

— Ну, чортъ... къ поверженному соскочилъ... Не знаю для чего!

— Бывши въ такомъ волненіи? И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, можетъ, и помочь, не помню.

— Не помнили себя? То есть были даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню. Все до нитки. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтиралъ.

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратить поверженнаго вами къ жизни?

— Не знаю, надѣялся-ли? Просто убѣдиться хотѣлъ, живъ или нѣтъ.

— А, такъ хотѣли убѣдиться? Ну, и что-жъ?

— Я не медикъ, рѣшить не могу. Убѣжалъ, думая, что убилъ, а вотъ онъ очнулся.

Прекрасно-съ, закончилъ прокуроръ.—Благодарю васъ. Мнѣ только и нужно было. Потрудитесь продолжать далѣе.

Увы, Митѣ и въ голову не пришло разсказать, хотя онъ и помнилъ это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ убитымъ, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: «понялся старикъ, нечего

дѣлать, ну и лежи . Прокуроръ-же вывелъ лишь одно заключеніе, что соскакивалъ человѣкъ, въ такой моментъ и въ такомъ волненіи лишь для того только, чтобы навѣрное убѣдиться: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступленія. И что, стало быть, какова-же была сила, рѣшимость, хладнокровіе и разсчетливость человѣка даже въ такой моментъ... и проч., и проч. Прокуроръ былъ доволенъ: раздражилъ-де болѣзненнаго человѣка «мелочами», онъ и проговорился».

Митя съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ-же остановилъ его опять уже Николай Парѳеновичъ:

Какимъ-же образомъ могли вы вбѣжать къ слугамъ Ѳедосьѣ Марковой, имѣя столь окровавленныя руки и, какъ оказалось потомъ, лицо?

— Да я вовсе тогда и не замѣтилъ, что я въ крови! отвѣтилъ Митя.

— Это они правдоподобно, это такъ и бываетъ, переглянулся прокуроръ съ Николаемъ Парѳеновичемъ.

— Именно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, одобрилъ вдругъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣшенія Мити устраниться и пропустить счастливыхъ мимо себя . И онъ уже никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь разоблачать свое сердце и разсказывать про царицу души своей . Ему претило предъ этими холодными, вникающими въ него какъ клопы людьми. А потому, на повторенные вопросы, заявилъ кратко и рѣзко:

— Ну, и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться жить: это само собою въ вопросъ вскакиваю. Явился ея прежній, безспорный, ея обидчикъ, но прискакавшій съ любовью послѣ пяти лѣтъ завернить законнымъ бракомъ обиду. Ну, и понялъ, что все для меня пропало... А сзади позоръ, и вотъ эта кровь, кровь Григорія... Зачѣмъ-же жить? Ну, и понесъ выкупать заложенные пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю въ башку всадить...

— А ночью пиръ горой?

Ночью пиръ горой. Э, чортъ, господа, кончайте скорѣй. Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко, за околицей, и распорядился-бы съ собой часовъ въ пять утра, а въ карманѣ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, когда пистолетъ заряжалъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не для васъ разсказываю! прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ выбросилъ имъ на столъ бумажку изъ жилетнаго своего кармана; слѣдователи прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, пріобщили къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть даже и входя къ госпожѣ Перхотиной? Не опасались, стало быть, подозрѣній?

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣваю - хоть нѣтъ. Все

равно. я-бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился, и ничего-бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь если-бы не случай съ отцомъ, вѣдь вы-бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чортъ сдѣлалъ, чортъ отца убилъ, черезъ чорта и вы такъ скоро узнали! Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Дивно, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя къ нему, держали въ рукахъ... въ окровавленныхъ рукахъ... ваши деньги... большія деньги... пачку сторублевыхъ бумажекъ, и что видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится, что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете-ли вы сообщить, чрезвычайно мягко началъ Николай Парѳеновичъ,—откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ дѣла оказывается, по разсчету времени даже, что вы не заходили домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса поставленнаго такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѳеновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, отвѣтилъ Митя, повидимому, очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте-же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, какъ-то подползая продолжалъ Николай Парѳеновичъ. —Откуда-же вы могли разомъ достать такую сумму, когда, по собственному признанію вашему, еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты у Перхотина, потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами, а та не дала, и проч. и всякая эта всячина, рѣзко прервалъ Митя. — да, вотъ. господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысячи появились, а? Знаете, господа, вѣдь вы оба теперь трусите: а что какъ не скажетъ откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, угадали, не узнаете, отчеканилъ вдругъ Митя съ чрезвычайною рѣшимостью. Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, тихо и смиренно проговорилъ Николай Парѳеновичъ.

— Понимаю, а всетаки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашиваемый, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ для себя это выгодѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой ущербъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолчаніемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе! Довольно, слышалъ эту рацею и прежде! опять оборвалъ Митя,—самъ понимаю какой важности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а всетаки не скажу.

— Вѣдь намъ что-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами себѣ повредите, первно замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, вскинулся глазами Митя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ. — Я съ самаго начала уже предчувствовалъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся лбами. Но въ началѣ, когда я давеча началъ показывать, все это было въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ простъ, что началъ съ предложенія «взаимнаго между нами довѣрія». Теперь самъ вижу, что довѣрія этого и быть не могло, потому что все-же-бы мы пришли къ этому проклятому забору! Ну, вотъ и пришли! Нельзя, и кончено! Впрочемъ, я вѣдь васъ не виню, нельзя-же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это понимаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли-ли-бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣшимости умолчать о главнѣйшемъ, не могли-ли-бы вы въ тоже время дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь сильные мотивы могли-бы привести васъ къ умолчанію въ столь опасный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо добрѣе чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ сообщу почему, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не стоите. Потому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отвѣтѣ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги заключенъ для меня такой позоръ, съ которымъ не могло-бы сравняться даже и убійство, и ограбленіе отца, если-бъ я его убилъ и ограбилъ. Вотъ почему не могу говорить. Отъ позора не могу. Что вы это, господа, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Вамъ-бы не слѣдовало это записывать, про «позоръ»-то. Это я вамъ по добротѣ только душш показалъ, а могъ и не показывать, я вамъ, такъ сказать, подарилъ, а вы сейчасъ лыко въ строку. Ну, пишите, пишите что хотите, презрительно и брезгливо заключилъ онъ,—не боюсь я васъ и... горжусь предъ вами.

— А не скажете-ли вы какого-бы рода этотъ позоръ? пролепеталъ было Николай Парѳеновичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, c'est fini, не трудитесь. Да и не стоитъ мараться. Ужъ и такъ объ васъ замарался. Не стоите вы, ни вы и никто... Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣзительно. Николай Парѳеновичъ пересталъ настаивать, но изъ взглядовъ Ипполита Кирилловича мигомъ усмѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не теряетъ надежды.

— Не можете-ли, по крайней мѣрѣ, объявить: какой величины

была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ ней къ господину Перхотину, то есть сколько именно рублей?

— Не могу и этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трехъ тысячахъ, будто-бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохлаковой?

— Можетъ быть, и заявлять. Довольно, господа, не скажу сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы сюда поѣхали и все, что вы сдѣлали, сюда пріѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А, впрочемъ, пожалуй, и я разскажу.

Онъ разсказалъ, но мы уже приводить разсказа не будемъ. Разсказывалъ сухо, было. О восторгахъ любви своей не говорилъ вовсе. Разсказалъ, однако, какъ рѣшимость застрѣлиться въ немъ прошла въ виду новыхъ фактовъ . Онъ разсказывалъ не мотивируя, не вдаваясь въ подробности. Да и слѣдователи не очень его на этотъ разъ безпокоили: ясно было, что и для нихъ не въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все провѣримъ, ко всему еще возвратимся при допросѣ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происходить въ вашемъ присутствіи, заключилъ допросъ Николай Ѳеоѳилактовичъ.—Теперь-же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, выложить сюда на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а, главное, всѣ деньги, какія только теперь имѣете.

— Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь даже какъ раньше не полюбопытствовали. Правда, никуда-бы не ушелъ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, берите, всѣ, кажется.

Онъ вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривенныхъ вытащилъ изъ бокового жилетнаго кармана. Сосчитали деньги, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ копѣекъ.

— И это все? спросилъ слѣдователь.

— Все.

— Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что въ лавкѣ Плотниковыхъ оставили триста рублей, Перхотину дали десять, ямщику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ...

Николай Ѳеоѳилактовичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. Припомнили и включили въ счетъ всякую копѣйку. Николай Ѳеоѳилактовичъ бѣгло свелъ итогъ.

— Съ этими восьмьюстами было, стало быть, всего у васъ первоначально около полутора тысячъ?

— Стало быть, отрѣзалъ Митя.

— Какъ-же всѣ утверждаютъ, что было гораздо болѣе.

— Пусть утверждаютъ.

— Да и вы сами утверждали.

— И я самъ утверждалъ.

— Мы еще провѣримъ все это свидѣтельствами еще не спрошенныхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не безпокойтесь, онѣ сохранятся гдѣ слѣдуетъ и окажутся къ вашимъ услугамъ по окончаніи всего... начавшагося... если окажется или, такъ сказать, докажется, что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. Ну-съ, а теперь...

Николай Парфеновичъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, что принужденъ и долженъ учинить самый подробный и точнѣйшій осмотръ «какъ платья вашего, такъ и всего»...

— Извольте, господа, всѣ карманы выверну, если хотите.

И онъ дѣйствительно принялся было выворачивать карманы

— Необходимо будетъ даже снять одежду.

— Какъ? Раздѣться? Фу, чортъ! Да обыщите такъ! Нельзя-ли такъ?

— Ни за что нельзя, Дмитрій Ѳедоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, мрачно подчинился Митя,—только, пожалуйста, не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматривать?

— Конечно за занавѣсками, въ знакъ согласія наклонилъ голову Николай Парфеновичъ. Лицо его изобразило особенную даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивительное. Онъ ни за что-бы не могъ прежде, даже за минуту предъ тѣмъ, предположить, чтобы такъ могъ кто нибудь обойдтись съ нимъ, съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто унизительное, а съ ихъ стороны высокомѣрное и къ нему презрительное. Еще ничего-бы снять сюртукъ, но его попросили раздѣться и далѣе. И не то что попросили, а въ сущности приказали; онъ это отлично понялъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, безъ словъ. За занавѣску вошли кромѣ Николая Парфеновича, и прокуроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, конечно для силы, подумалъ Митя, «а, можетъ, и еще для чего нибудь».

— Что-жъ, неужели и рубашку снимать? рѣзко спросилъ было

онъ, но Николай Ѳеоѳиловичъ ему не отвѣтилъ: онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ былъ углубленъ въ разематриваніе сюртука, панталонъ, жилета и фуражки, и видно было, что оба они очень заинтересовались осмотромъ: Совсѣмъ не церемонятся, мелькнуло у Мити, даже вѣжливости необходимой не наблюдаютъ.

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо или нѣтъ снимать рубашку? — проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительнѣе.

— Не безпокойтесь, мы васъ увѣдомимъ, какъ-то начальственно даже отвѣтилъ Николай Ѳеоѳиловичъ. По крайней мѣрѣ, Митѣ такъ показалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ шло между тѣмъ заботливое совѣщаніе вполголоса. Оказались на сюртукѣ, особенно на лѣвой полѣ, сзади, огромныя пятна крови, засохшія, заскорузлыя и не очень еще размятыя. На панталонахъ тоже. Николай Ѳеоѳиловичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понятыхъ, провелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и по всѣмъ швамъ сюртука и панталонъ, очевидно, чего-то отыскивая, — конечно, денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити подозрѣній, что онъ могъ и способенъ былъ зашить деньги въ платье. «Это ужъ прямо какъ съ воромъ, а не какъ съ офицеромъ», проворчалъ онъ про себя. Сообщали-же другъ другу мысли свои при немъ до странности откровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже за занавѣской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе Николая Ѳеоѳиловича на фуражку, которую тоже ощупали: «Помните Гриденку писаря-съ, замѣтилъ письмоводитель: лѣтомъ жалованье ѣздилъ получать на всю канцелярію, а вернувшись, заявилъ, что потерялъ въ пьяномъ видѣ, — такъ гдѣ-же нашли? Вотъ въ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевыя были свернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты». Фактъ съ Гриденкой очень помнили и слѣдователь, и прокуроръ, а потому и Митину фуражку отложили и рѣшили, что все это надо будетъ потомъ пересмотрѣть серіозно, да и все платье.

— Позвольте, вскрикнулъ вдругъ Николай Ѳеоѳиловичъ, замѣтивъ вывернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава рубашки Мити, весь залитый кровью, — позвольте-съ, это какъ-же, кровь?

— Кровь, отрѣзалъ Митя.

— То есть это какая-же-съ... и почему вывернуто внутрь рукава?

Митя разсказалъ какъ онъ запачкалъ обшлагъ, возясь съ Григоріемъ, и вывернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мылъ у него руки.

— Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно... для вещественныхъ доказательствъ. Митя покраснѣлъ и разсвирѣпѣлъ.

— Что-жь мнѣ голымъ оставаться? крикнулъ онъ.

— Не безпокойтесь... мы какъ нибудь поправимъ это, а пока потрудитесь снять и носки.

— Вы не шутите? Это дѣйствительно такъ необходимо? — сверкнулъ глазами Митя.

— Намъ не до шутокъ! строго отпарировалъ Николай Парѳеновичъ.

— Что-жь, если надо... я... забормоталъ Митя и, сѣвъ на кровать, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: всѣ одѣты, а онъ раздѣтъ и, странно это, — раздѣтый, онъ какъ-бы и самъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и, главное, самъ былъ почти согласенъ, что дѣйствительно вдругъ сталъ всѣхъ ихъ ниже и что теперь они уже имѣютъ полное право его презирать. «Коли всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ раздѣтъ, а всѣ смотрятъ — позоръ!» мелькало опять и опять у него въ умѣ! «Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе позоры надъ собою видывалъ». Но снять носки ему было даже мучительно: они были очень не чисты, да и нижнее бѣлье тоже, и теперь это всѣ увидали. А, главное, онъ самъ не любилъ свои ноги, почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы на обѣихъ ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, какъ-то загнувшійся внизъ ноготь на правой ногѣ, и вотъ теперь всѣ они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ сталъ еще болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя рубашку.

— Не хотите-ли и еще гдѣ поискать, если вамъ не стыдно?

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Что-жь, мнѣ такъ и оставаться голымъ? свирѣпо прибавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо... Потрудитесь пока здѣсь присѣсть, можете взять съ кровати одѣяло и завернуться, а я... я это все улажу.

Всѣ вещи показали понятымъ, составили актъ осмотра и, наконецъ, Николай Парѳеновичъ вышелъ, а платье вынесли за нимъ. Ипполитъ Кириловичъ тоже вышелъ. Остались съ Митей одни мужики и стояли молча, не спуская съ него глазъ. Митя завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его торчали наружу и онъ все никакъ не могъ такъ напялить на нихъ одѣяло, чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѳеновичъ что-то долго не возвращался, «нестерпимо долго», «за щенка меня почитаетъ», скрежеталъ зубами Митя. Эта дрянь прокуроръ тоже ушелъ, вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго». Митя все-таки полагалъ, что платье его тамъ гдѣ-то осмотрятъ и принесутъ обратно. Но каково-же было

его негодованіе, когда Николай Парѳеновичъ вдругъ воротился совѣмъ съ другимъ платьемъ, которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, развязно проговорилъ онъ, повидимому, очень довольный успѣхомъ своего хожденія. — Это господинъ Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно какъ и чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это къ счастію какъ разъ оказалось въ чемоданѣ. Нижнее бѣлье и носки можете сохранить свои.

Митя страшно вскипѣлъ:

— Не хочу чужаго платья! грозно закричалъ онъ,—давайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ чорту Калганова, и его платье, и его самого! Его долго уговаривали. Кое-какъ, однако, успокоили. Ему внушили, что платье его, какъ запачканное кровью, должно примкнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ, оставить-же его на немъ они теперь не имѣютъ даже права... въ видахъ того, чѣмъ можетъ окончиться дѣло. Митя кое-какъ, наконецъ, это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ, сѣвши, одѣваться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его стараго платья и что онъ-бы не хотѣлъ пользоваться. Кромѣ того унизительно узко. Шута, что-ли, я гороховаго долженъ въ немъ разыгрывать... къ вашему наслажденію?»

Ему опять внушили, что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что господинъ Калгановъ, хоть и выше его ростомъ, но лишь немного, и развѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюртукъ оказался дѣйствительно узокъ въ плечахъ:

— Чортъ возьми, и застегнуться трудно, заворчалъ снова Митя,—сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей-же часъ передать господину Калганову, что не я просилъ у него его платья, и что меня самого перерядили въ шута.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ... то есть не о платьѣ своемъ сожалѣетъ, а собственно обо всемъ этомъ случаѣ... промямлилъ было Николай Парѳеновичъ.

— Наплевать на его сожалѣніе! Ну, куда теперь? Или все здѣсь сидѣть?

Его попросили выйдти опять въ ту комнату. Митя вышелъ хмурый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ платьѣ онъ чувствовалъ себя совѣмъ опозореннымъ, даже предъ этими мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго вдругъ зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло: На рязенаго заглянуть приходилъ, подумалъ Митя. Онъ усѣлся на своемъ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и нелѣпое, казалось ему, что онъ не въ своемъ умѣ.

— Ну, что-жь теперь, пороть розгами, что-ли, меня начнете, вѣдь больше-то ничего не осталось, заскрежеталъ онъ, обращаясь къ прокурору. Къ Николаю Парѳеновичу онъ и повернуться уже не хотѣлъ, какъ-бы и говорить съ нимъ не удостоивая. — Слишкомъ ужь пристально мои носки осматривалъ, да еще велѣлъ, подлецъ, вывороτить, это онъ нарочно, чтобы выставить всѣмъ какое у меня грязное бѣлье!»

— Да вотъ придется теперь перейдти къ допросу свидѣтелей, произнесъ Николай Парѳеновичъ, какъ-бы въ отвѣтъ на вопросъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Да-съ, вдумчиво проговорилъ прокуроръ, тоже какъ-бы что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Ѳедоровичъ, сдѣлали что могли въ вашихъ-же интересахъ, продолжалъ Николай Парѳеновичъ,—но, получивъ столь радикальный съ вашей стороны отказъ разъяснить намъ на счетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, мы, въ данную минуту...

— Это изъ чего у васъ перстень? перебилъ вдругъ Митя, какъ-бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая пальцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней, украшавшихъ правую ручку Николая Парѳеновича.

— Перстень? переспросилъ съ удивленіемъ Николай Парѳеновичъ.

— Да, вотъ этотъ... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ жилочками, какой это камень? какъ-то раздражительно, словно упрямый ребенокъ, настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ,—улыбнулся Николай Парѳеновичъ,—хотите посмотрѣть, я сниму...

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! свирѣпо крикнулъ Митя, вдругъ опомнившись и озлившись на себя самого,—не снимайте, не надо... Чортъ... Господа, вы опозорили мою душу! Неужели вы думаете, что я сталъ-бы скрывать отъ васъ, если-бы въ самомъ дѣлѣ убилъ отца, вылъ, лгалъ и прятался? Нѣтъ, не таковъ Дмитрій Карамазовъ, онъ-бы этого не вынесъ, и если-бъ я былъ виновенъ, клянусь, не ждалъ-бы вашего сюда прибытія и восхода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ-бы себя еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую это теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился-бы столькому, сколько узналъ въ эту проклятую ночь!.. И таковъ-ли, таковъ-ли былъ-бы я въ эту ночь, и въ эту минуту теперь, сидя съ вами, такъ-ли-бы я говорилъ, такъ-ли двигался, такъ-ли-бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если-бы въ самомъ дѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убій-

ство Григорія не давало мнѣ покоя всю ночь,- не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ! И вы хотите, чтобъ я такимъ пасмѣшникамъ какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и пасмѣшникамъ, сталъ открывать и разсказывать еще новую подлость мою, еще новый позоръ, хотя-бы это и спасло меня отъ вашего обвиненія? Да лучше въ каторгу! Тотъ, который отперъ къ отцу дверь и вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ Кто онъ—я теряюсь и мучаюсь, но это не Дмитрій Карамазовъ, знайте это, — и вотъ все, что я могу вамъ сказать, и довольно, довольно, не приставайте... Сылайте, казните, но не раздражайте меня больше. Я замолчалъ. Зовите вашихъ свидѣтелей!

Митя проговорилъ свой внезапный монологъ какъ-бы совсѣмъ уже рѣшившись впредь окончательно замолчать. Прокуроръ все время слѣдилъ за нимъ и, только что онъ замолчалъ, съ самымъ холоднымъ и съ самымъ спокойнымъ видомъ вдругъ проговорилъ точно самую обыкновенную вещь:

— Вотъ именно по поводу этой отворенной двери, о которой вы сейчасъ упомянули, мы, и какъ разъ кстати, можемъ сообщить вамъ, именно теперь, одно чрезвычайно любопытное и въ высшей степени важное, для васъ и для насъ, показаніе раненаго вами старика Григорія Васильева. Онъ ясно и настойчиво передалъ намъ очнувшись, на разспросы наши, что въ то еще время, когда, выйдя на крыльцо и заслышавъ въ саду нѣкоторый шумъ, онъ рѣшился войдти въ садъ чрезъ калитку, стоявшую отпертою, то, войдя въ садъ, еще прежде чѣмъ замѣтилъ васъ въ темнотѣ убѣгающаго, какъ вы сообщили уже намъ, отъ отвореннаго окошка, въ которомъ видѣли вашего родителя, онъ, Григорій, бросивъ взглядъ налѣво и замѣтивъ дѣйствительно это отворенное окошко, замѣтилъ въ тоже время, гораздо ближе къ себѣ, и настежь отворенную дверь, про которую вы заявили, что она все время, какъ вы были въ саду, оставалась запертою. Не скрою отъ васъ, что самъ Васильевъ твердо заключаетъ и свидѣтельствуетъ, что вы должны были выбѣжать изъ двери, хотя, конечно, онъ своими глазами и не видалъ какъ вы выбѣгали, запримѣтивъ васъ въ первый моментъ уже въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, среди сада, убѣгающаго къ сторонѣ забора...

Митя еще съ половины рѣчи вскочилъ со стула.

— Вздоръ! завопилъ онъ вдругъ въ изступленіи, — наглый обманъ! Онъ не могъ видѣть отворенную дверь, потому что она была тогда заперта... Онъ лжетъ!...

— Долгомъ считаю вамъ повторить, что показаніе его твердое.

Онъ не колеблется. Онъ стоитъ на немъ. Мы нѣсколько разъ его переспрашивали.

— Именно, я нѣсколько разъ переспрашивалъ! съ жаромъ подтвердилъ и Николай Парѳеновичъ.

— Неправда, неправда! Это или клевета на меня, или галлюцинація сумасшедшаго, продолжалъ кричать Митя: —просто за просто въ бреду, въ крови, отъ раны, ему померещилось когда очнулся... Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь замѣтилъ онъ отпертую дверь не когда очнулся отъ раны, а еще прежде того, какъ только онъ входилъ въ садъ изъ флигеля.

— Да неправда-же, неправда, это не можетъ быть! Это онъ со злобы на меня клевещетъ... Онъ не могъ видѣть... Я не выбѣгалъ изъ двери, задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Парѳеновичу и внушительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? вынулъ вдругъ Николай Парѳеновичъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще три сохранившіяся печати. Самый-же конвертъ былъ пустъ и съ одного бока разорванъ. Митя вытаращилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій, стало быть, конвертъ, пробормоталъ онъ, -тотъ самый въ которомъ лежали эти три тысячи... и, если надпись, позвольте: «Цыпленочку»... вотъ: три тысячи,—вскричалъ онъ,—три тысячи, видите?

— Какже-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати, за ширмами.

Нѣсколько секундъ Митя стоялъ какъ ошеломленный.

— Господа, это Смердяковъ! закричалъ онъ вдругъ изо всей силы, -это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ и зналъ гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь ясно!

— Но вѣдь и вы-же знали про конвертъ и о томъ, что онъ лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ; я и не видѣлъ никогда его вовсе, въ первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ... Онъ одинъ зналъ гдѣ у старика спрятано, а я не зналъ... совсѣмъ задыхался Митя.

— И, однако-жъ, вы сами показали намъ давеча, что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали, что подъ подушкой, стало быть, знали-же, гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! подтвердилъ Николай Парѳеновичъ.

Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ, что подъ подушкой. Да, можетъ быть, вовсе и не подъ подушкой... Я наобумъ сказалъ, что подъ подушкой... Что Смердяковъ говоритъ? Вы его спрашивали, гдѣ лежалъ? Что Смердяковъ говоритъ? Это главное... А я нарочно налгалъ на себя... Я вамъ совралъ не думавши, что лежалъ подъ подушкой, а вы теперь... Ну, знаете, сорвется съ языка и совретъ. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смердяковъ и никто больше!.. Онъ и мнѣ не открылъ гдѣ лежитъ! Но это онъ, это онъ: это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь ясно какъ свѣтъ, восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленіи Митя, безсвязно повторяясь, горячась и ожесточаясь. — Поймите вы это и арестуйте его скорѣе, скорѣй... Онъ именно убилъ когда я убѣжалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно... Онъ подалъ знаки и отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ и зналъ знаки, а безъ знаковъ отецъ-бы никому не отперъ...

— Но опять вы забываете то обстоятельство, все также сдержанно, но какъ-бы уже торжествуя, замѣтилъ прокуроръ,—что знаковъ и подавать было не надо, если дверь уже стояла отпертою, еще при васъ, еще когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь, бормоталъ Митя и безмолвно уставился на прокурора, онъ въ безсиліи опустился опять на стулъ. Всѣ замолчали.

— Да, дверь!.. Это фантомъ! Богъ противъ меня! воскликнулъ онъ, совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, важно проговорилъ прокуроръ, — и посудите теперь сами, Дмитрій Ѳедоровичъ: съ одной стороны это показаніе объ отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее васъ и насъ. Съ другой стороны — непонятное, упорное и почти ожесточенное умолчаніе ваше на счетъ происхожденія денегъ, вдругъ появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три часа до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пистолеты ваши, чтобы получить только десять рублей! Въ виду всего этого рѣшите сами: чему-же намъ вѣрить и на чемъ остановиться? И не претендуйте на насъ, что мы холодные циники и насмѣшливые люди, которые не въ состояніи вѣрить благороднымъ порывамъ вашей души... Вникните, напротивъ, и въ наше положеніе...

Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ побѣдилъ.

— Хорошо! воскликнулъ онъ вдругъ, — я открою вамъ мою тайну, открою откуда взялъ деньги!.. Открою позоръ, чтобы не винить потомъ ни васъ, ни себя...

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, какимъ-то умиленно радостнымъ голоскомъ подхватилъ Николай Парѳеновичъ,—что всякое

искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ теперешнюю минуту, можетъ впослѣдствіи повліять къ безмѣрному облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его подъ столомъ и тотъ успѣлъ во-время остановиться. Митя, правда, его и не слушалъ.

VII.

Великая тайна Мити. Освистали.

Іосподи, началъ онъ все въ томъ-же волненіи, — эти деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были *мои*.

У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, не того совсѣмъ они ожидали.

— Какъ-же ваши, пролепеталъ Николай Парфеновичъ, — тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному признанію вашему...

— Э, къ чорту пять часовъ того дня и собственное признаніе мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, то есть краденыя мои... не мои, то есть, а краденыя, мною украденныя, и ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со мной...

— Да откуда-же вы ихъ взяли?

— Съ шеи, господа, взялъ, съ шеи, вотъ съ этой самой моей шеи... Здѣсь онѣ были, у меня на шеѣ, зашиты въ тряпку и висѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяцъ какъ я ихъ на шеѣ со стыдомъ и съ позоромъ носилъ!

— Но у кого-же вы ихъ... присвоили?

— Вы хотѣли сказать: украли? Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю, что я ихъ все равно что укралъ, а если хотите, дѣйствительно присвоилъ . Но, по моему, укралъ. А вчера, вечеромъ, такъ ужь совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сейчасъ сказали, что ужь мѣсяцъ какъ ихъ... достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у отца укралъ, а у нея. Дайте разсказать и не перебивайте. Это вѣдь тяжело. Видите: мѣсяцъ назадъ призываетъ меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невѣста моя... Знаете вы ее?

— Какже-съ, помилуйте.

— Знаю, что знаете. Благороднѣйшая душа, благороднѣйшая изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая давно уже. О, давно, давно... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? съ удивленіемъ переспросилъ слѣдователь. Прокуроръ тоже ужасно уставился.

— О, не произносите имени ея всуе! Я подлецъ что ее вывожу. Да, я видѣлъ, что она меня ненавидѣла... давно... съ самаго перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ... Но довольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это не надо вовсе... А надо лишь то, что она призвала меня мѣсяцъ назадъ, выдала мнѣ три тысячи, чтобъ отослать своей сестрѣ и еще одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла послать!), а я... это было именно въ тотъ роковой часъ моей жизни, когда я... ну, однимъ словомъ, когда я только что полюбилъ другую, ее, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ внизу сидитъ, Грушеньку... я схватилъ ее тогда сюда въ Мокрое и прокутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проклятыхъ трехъ тысячъ, то есть полторы тысячи, а другую половину удержалъ на себѣ. Ну вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ, я и носилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера распечаталъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ теперь въ рукахъ, Николай Парѳеновичъ, это сдача со вчерашнихъ полутора тысячъ.

— Позвольте, какъ-же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь, мѣсяцъ назадъ, три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

— Кто-жъ это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

— Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили тогда ровно три тысячи.

— Правда, говорилъ. всему городу говорилъ, и весь городъ говорилъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, также всѣ считали, что три тысячи. Только все-таки я прокутилъ не три, а полторы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ какъ дѣло было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

— Это почти чудесно... пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Позвольте спросить, проговорилъ, наконецъ, прокуроръ,— не объявляли-ли вы хоть кому нибудь объ этомъ обстоятельствѣ прежде... то есть, что полторы эти тысячи оставили тогда-же, мѣсяцъ назадъ, при себѣ?

— Никому не говорилъ.

— Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

— Совсѣмъ никому. Никому и никому.

— Но почему-же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣлать изъ этого такой секретъ? Я объяснюсь точнѣе: вы объявили намъ, наконецъ, вашу тайну, по словамъ вашимъ, столь позорную, хотя въ сущности — то есть, конечно, лишь относительно говоря— этотъ поступокъ, то есть именно присвоеніе чужихъ трехъ тысячъ

рублей, и, безъ сомнѣнія, лишь временное — поступокъ этотъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, есть лишь въ высшей степени поступокъ легкомысленный, но не столь позорный, принимая, кромѣ того, во вниманіе и вашъ характеръ... Ну, положимъ, даже и зазорный въ высшей степени поступокъ, я согласенъ, но зазорный все-же не позорный... То есть, я веду собственно къ тому, что про растраченныя вами эти три тысячи отъ госпожи Верховцевой, уже многіе догадывались въ этотъ мѣсяцъ и безъ вашего признанія, я слышалъ эту легенду самъ... Михаилъ Макаровичъ, напримѣръ, тоже слышалъ. Такъ что, наконецъ, это почти уже не легенда, а сплетня всего города. Къ тому-же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаюсь, кому-то признавались въ этомъ, то есть именно что деньги эти отъ госпожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слишкомъ, что вы придавали до сихъ поръ, то есть до самой настоящей минуты такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по вашимъ словамъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайной этою какой-то даже ужасъ... Невѣроятно, чтобы подобная тайна могла стоить вамъ столькихъ мученій къ признанію... потому что вы кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу, чѣмъ признаться...

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не скрывалъ своей досады, почти злобы, и выложилъ все накопившееся, даже не заботясь о красотѣ слога, то есть безсвязно и почти сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а въ томъ, что эти полторы тысячи я отдѣлилъ отъ тѣхъ трехъ тысячъ, твердо произнесъ Митя.

— Но что-же, раздражительно усмѣхнулся прокуроръ,—что именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазорно, или, если сами желаете, то и позорно, трехъ тысячъ вы отдѣлили половину по своему усмотрѣнію? Важнѣе то, что вы три тысячи присвоили, а не то какъ съ ними распорядились. Кстати, почему вы именно такъ распорядились, то есть отдѣлили эту половину? Для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это намъ объяснить?

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила! воскликнулъ Митя:— отдѣлилъ по подлости, то есть по разсчету, ибо разсчетъ въ этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяцъ продолжалась эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А, впрочемъ, объясняюсь еще, дѣйствительно, можетъ быть, непонятно. Видите, слѣдите за мной: Я присвоюю три тысячи, ввѣренныя моей чести, кучу на нихъ, прокутилъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: „Катя, виноватъ, я прокутилъ твои три тысячи“,—ну что, хорошо? Нѣтъ, не хорошо,—

безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣющій сдержать себя человѣкъ, такъ-ли, такъ-ли? Но все-же не воръ? Не прямой-же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Прокутить, но не украсть! Теперь второй, еще выгодибѣйшій случай, слѣдите за мной, а то я, пожалуй, опять собьюсь—какъ-то голова кружится. Итакъ, второй случай: прокучиваю я здѣсь только полторы тысячи изъ трехъ, то есть половину. На другой день прихожу къ ней и приношу эту половину: Катя, возьми отъ меня, мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому что половину я прокутить, прокучу, стало быть, и эту, такъ чтобы отъ грѣха долой! Ну, какъ въ такомъ случаѣ? Все что угодно, и звѣрь и подлецъ, но уже не воръ, не воръ окончательно, ибо, если-бъ воръ, то навѣрно-бы не принесъ назадъ половину сдачи, а присвоилъ-бы и ее. Тутъ-же она видитъ, что коль скоро принесъ половину, то донесетъ и остальныя, то есть прокученныя, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но найдетъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлецъ, но не воръ, не воръ, какъ хотите, не воръ!

— Положимъ, что есть нѣкоторая разница, холодно усмѣхнулся прокуроръ.—Но странно все-таки, что вы видите въ этомъ такую роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ быть всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть не всякій, а только архиподлецъ. Ну, да я тамъ этимъ тонкостямъ не умѣю... А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣжденіе. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяцъ на себѣ, завтра-же я могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлецъ, но рѣшиться-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, хотя и каждый день толкаю себя: рѣшись, рѣшись подлецъ, и вотъ весь мѣсяцъ не могу рѣшиться, вотъ что! Что, хорошо по вашему, хорошо?

— Положимъ, не такъ хорошо, это я отлично могу понять и въ этомъ я не спорю, сдержанно отвѣтилъ прокуроръ.—Да и вообще отложимъ всякое прекираніе объ этихъ тонкостяхъ и различіяхъ, а вотъ опять-таки если-бы вамъ угодно было перейдти къ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не изволили намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего первоначально сдѣлали такое раздѣленіе въ этихъ трехъ тысячахъ, то есть одну половину прокутили, а другую припрятали? Именно для чего собственно припрятали, на что хотѣли собственно эти отдѣленныя полторы тысячи употребить? Я на этомъ вопросѣ настаиваю, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Митя, ударивъ себя по лбу,—простите, я васъ мучаю, а главнаго и не объясняю, а то-бы вы въ мигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-то этой и но-

зорь! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ, онъ все Аграфену Александровну смущалъ, а я ревновалъ, думалъ тогда, что она колеблется между мною и имъ: вотъ и думаю каждый день: что̀ если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что̀ если она устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: тебя люблю, а не его, увози меня на край свѣта. А у меня всего два двугривенныхъ; съ чѣмъ увезешь, что̀ тогда дѣлать,—вотъ и пропалъ. Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ, что ей денегъ надо и что ниццы моей она мнѣ не проститъ. И вотъ я ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашиваю иглой хладнокровно, зашиваю, съ разсчетомъ, еще до пьянства зашиваю, а потомъ, какъ ужъ зашилъ, на остальную половину буду пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По моему, даже благоразумно и нравственно что удержались и не всѣ прокутили, прохихикалъ Николай Парѳеновичъ, потому что, что̀-же тутъ такого-съ?

— Да то, что украль, вотъ что̀! О, Боже, вы меня ужасаете непониманіемъ! Все время пока я носилъ эти полторы тысячи зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ говорилъ себѣ: «ты воръ, ты воръ!» Да я оттого и свирѣпствовалъ въ этотъ мѣсяцъ, оттого и дрался въ трактирѣ, оттого и отца избилъ, что чувствовалъ себя воромъ! Я даже Аленѣ, брату моему, не рѣшился и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи: до того чувствовалъ что подлецъ и мазурикъ! Но знайте, что пока я носилъ, я въ тоже время каждый день и каждый часъ мой говорилъ себѣ: «Нѣтъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, ты, можетъ быть, еще и не воръ». Почему? А именно потому, что ты можешь завтра пойдти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера только, я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Ѳени къ Перхотину, а до той минуты не рѣшался. И только что сорвалъ, въ ту-же минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ, воръ и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что вмѣстѣ съ ладонкой и мечту мою пойдти къ Катѣ и сказать: «Я подлецъ, а не воръ» разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете?

— Почему-же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились? прервалъ было Николай Парѳеновичъ.

— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя на смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь на разсвѣтѣ: Вѣдь все равно, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ! Такъ вотъ нѣтъ-же, не все равно оказалось! Вѣрите-ли, господа, не то, не то меня мучило больше всего въ эту ночь, что я старика-слугу убилъ, и что

грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнчалась любовь моя и небо открылось мнѣ снова! О, это мучило, но не такъ: все-же не такъ какъ это проклятое сознаніе, что я сорвалъ, наконецъ, съ груди эти проклятыя деньги и ихъ растратилъ, а, стало быть, теперь уже воръ окончательный! О, господа, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ эту ночь! Узналъ я, что не только жить подлецомъ невозможно, но и умирать подлецомъ невозможно... Нѣтъ, господа, умирать надо честно!..

Митя былъ блѣденъ. Лицо его имѣло изможденный и измученный видъ, не смотря на то, что онъ былъ до крайности разгорячен.

— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Ѳедоровичъ, мягко и даже какъ-бы сострадательно протянулъ прокуроръ, — но все это, воля ваша, по моему, лишь нервы... болѣзненные нервы ваши, вотъ что-съ. И почему-бы, напримѣръ, вамъ, чтобъ избавить себя отъ стольких мукъ почти цѣлаго мѣсяца, не пойдти и не отдать эти полторы тысячи, той особѣ, которая вамъ ихъ довѣрила, и уже объяснившись съ нею, почему-бы вамъ, въ виду вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы его рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно представляющуюся уму, то есть послѣ благороднаго признанія ей въ вашихъ ошибкахъ, почему-бы вамъ у ней-же и не попросить потребную на ваши расходы сумму, въ которой она, при великодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужь конечно-бы, вамъ не отказала, особенно если-бы подъ документъ, или, наконецъ, хотя-бы подъ такое-же обезпеченіе, которое вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаковой? Вѣдь считаете-же вы даже до сихъ поръ это обезпеченіе цѣннымъ?

Митя вдругъ покраснѣлъ:

— Неужто-же вы меня считаете даже до такой ужь степени подлецомъ? Не можетъ быть, чтобы вы это серіозно!.. проговорилъ онъ съ негодованіемъ, смотря въ глаза прокурору и какъ-бы не вѣря, что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ, что серіозно... Почему вы думаете, что не серіозно? удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было-бы подло! Господа, знаете-ли вы, что вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все скажу, такъ и быть, я вамъ теперь уже во всей моей инфернальности признаюсь, но, чтобы васъ-же устыдить, и вы сами удивитесь, до какой подлости можетъ дойдти комбинація чувствъ человѣческихъ. Знайте-же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту самую, про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, господа, и у меня была эта мысль въ этотъ проклятый мѣсяцъ, такъ что почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлъ! Но идти къ ней, объявить ей мою

измѣну, и на эту-же измѣну, для исполненія-же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ на эту измѣну, у ней-же, у Кати-же, просить денегъ (просить, слышите, просить!) и тотчасъ отъ нея-же убѣжать съ другою, съ ея соперницей, съ ея ненавистницей и обидчицей,—помилуйте, да вы съ ума сошли, прокуроръ!

— Съ ума не съ ума, но, конечно, я сгоряча не сообразилъ... на счетъ этой самой вотъ женской ревности... если тутъ, дѣйствительно, могла быть ревность, какъ вы утверждаете... да, пожалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, усмѣхнулся прокуроръ.

— Но это была-бы ужь такая мерзость, свирѣпо ударилъ Митя кулакомъ по столу. это такъ-бы вопіяло, что ужь я и не знаю! Да знаете-ли вы, что она могла-бы мнѣ дать эти деньги, да и дала-бы, навѣрно дала-бы, изъ отмщенія мнѣ дала-бы, изъ наслажденія мученіемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ дала-бы, потому что это тоже инфернальная душа и великаго гнѣва женщина! Я-то-бы деньги взялъ, о, взялъ-бы, взялъ, и тогда всю жизнь... о, Боже! Простите, господа, я потому такъ кричу, что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего только третьяго дня, именно когда я ночью съ Ягавымъ возился, и потомъ вчера, да, и вчера, весь день вчера, я помню это, до самаго этого случая...

— До какого случая? вверпулъ было Николай Парѳеновичъ съ любопытствомъ, но Митя не разслышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, мрачно заключилъ онъ. — Оцѣните-же его, господа. Да мало того, мало оцѣнить, не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пройдетъ мимо вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вотъ что я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что признался такимъ какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да я уже вижу, вижу, что вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать? вскричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ что вы сейчасъ сказали, въ удивленіи смотрѣлъ на него Николай Парѳеновичъ, то есть, что вы до самаго послѣдняго часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой просить у нея эту сумму... Увѣряю васъ, что это очень важное для насъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть про весь этотъ случай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

Помилосердуйте, господа, всплеснулъ руками Митя, — хоть этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я, такъ сказать, душу мою разорвалъ пополамъ предъ вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ половинахъ... О, Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, заключилъ про-

курорѣ,—все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами и съ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а теперь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю: неужто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ таки вовсе никто, не слыхалъ отъ васъ объ этихъ запитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это, я вамъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли! Оставьте меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много къ тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ, можетъ быть, десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распространяли, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ, истраченныхъ вами, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вчерашнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ опять привезли съ собою три тысячи.

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ сотни свидѣтельствъ, двѣ сотни человѣкъ слышали, тысяча слышала! воскликнулъ Митя.

— Ну, вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣтельствуютъ. Такъ вѣдь значитъ-же что нибудь слово *все*.

— Ничего не значитъ, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ-же вамъ-то такъ надо было «врать», какъ вы изъясняетесь?

— А чортъ знаетъ. Изъ похвальбы, можетъ быть... такъ... что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ, чтобъ объ этихъ запитыхъ деньгахъ забыть... да, это именно оттого... чортъ... который разъ вы зададите этотъ вопросъ? Ну совралъ и конченно, разъ соврать и не хотѣлъ ужь переправлять. Изъ-за чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, изъ-за чего вретъ человѣкъ, внушительно проговорилъ прокуроръ. — Скажите, однако, велика-ли была эта, какъ вы называете ее, ладонка, на вашей шеѣ?

— Нѣтъ, не велика.

— А какой, напримѣръ, величины?

— Бумажку сторублевую, пополамъ сложить, вотъ и величина.

— А лучше-бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь они гдѣ нибудь при васъ.

— Э, чортъ... какія глупости... я не знаю гдѣ они.

— Но позвольте, однако: гдѣ-же и когда вы ее сняли съ шеи? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не заходили?

— А вотъ какъ отъ Ѳени вышелъ и шелъ къ Перхотину, дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ одинъ мигъ сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Ветхая тряпка сейчасъ разодралась.

— Куда-же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ-же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади-же, вообще на площади! Чортъ ее знаетъ гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: вещественныя доказательства въ вашу-же пользу, и какъ это вы не хотите понять? Кто-же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ назадъ?

— Никто не помогалъ, самъ зашилъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдатъ долженъ умѣть шить, а тутъ и умѣнья никакого не надо.

— Гдѣ-же вы взяли матеріалъ, то есть эту тряпку, въ которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Не помню гдѣ взялъ тряпку, гдѣ нибудь взялъ.

— Какъ-бы, кажется, этого-то ужъ не запомнить?

— Да ей Богу-же не помню, можетъ, что нибудь разодралъ изъ бѣлья.

— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла-бы завтра отыскаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы оторвали кусокъ. Изъ чего эта тряпка была: изъ холста, изъ полотна?

— Чортъ ее знаетъ изъ чего. Постойте... Я, кажется, ни отъ чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется, въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.

— Въ хозяйкинъ чепчикъ?

— Да, я у ней утащилъ..

— Какъ это утащили?

— Видите, я дѣйствительно, помнится, какъ-то утащилъ одинъ чепчикъ на тряпки, а, можетъ, перо обтирать. Взялъ тихонько, потому никуда негодная тряпка, лоскутки у меня валялись, а тутъ эти

полторы тысячи, я взялъ и запилъ... Кажется, именно, въ эти тряпки запилъ. Старая коленкоровая дрянь, тысячу разъ мытая.

— И вы это твердо уже помните?

— Не знаю, твердо-ли. Кажется, въ чепчикъ. Ну, да наплевать!

— Въ такомъ случаѣ, ваша хозяйка могла-бы, по крайней мѣрѣ, припомнить, что у нея пропала эта вещь?

— Вовсе нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю вамъ, старая тряпка, гроша не стоитъ.

— А иголку откуда взяли, нитки?

— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! разсердился, наконецъ, Митя.

— И странно опять таки, что вы такъ совсѣмъ ужъ забыли, въ какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.

— Да велите завтра площадь вымести, можетъ найдете, усмѣхнулся Митя. — Довольно, господа, довольно, измученнымъ голосомъ порѣшилъ онъ. — Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ чемъ и ни на грошъ! Вина моя, а не ваша, не надо было соваться. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ моей! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня, прокуроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы прокляты, истязатели!

Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ и слѣдователь молчали. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и какъ-то безъ мысли поглядѣлъ на нихъ. Лицо его выражало уже совершившееся, уже безвозвратное отчаяніе и онъ какъ-то тихо замолкъ, сидѣлъ и какъ будто себя не помнилъ. Между тѣмъ, надо было оканчивать дѣло: слѣдовало неотложно перейдти къ допросу свидѣтелей. Было уже часовъ восемь утра. Свѣчи давно уже какъ потушили. Михаилъ Макаровичъ и Калгановъ, все время допроса входившіе и уходившіе изъ комнаты, на этотъ разъ оба опять вышли. Прокуроръ и слѣдователь имѣли тоже чрезвычайно усталый видъ. Наставшее утро было ненастное, все небо затянулось облаками и дождь лилъ какъ изъ ведра. Митя безъ мысли смотрѣлъ на окна.

— А можно мнѣ въ окно поглядѣть? спросилъ онъ вдругъ Николая Парѳеновича.

— О, сколько вамъ угодно, отвѣтилъ тотъ.

Митя всталъ и подошелъ къ одну. Дождь такъ и сѣкъ въ маленькія зеленоватыя стекла окошекъ. Видиѣлась прямо подъ окномъ грязная дорога, а тамъ дальше, въ дождливой мглѣ, черные, бѣдные, непригляднные ряды избъ, еще болѣе, казалось, почернѣвшихъ и побѣдиѣвшихъ отъ дождя. Митя вспомнилъ про «Феба златокудраго» и какъ онъ хотѣлъ застрѣлиться съ первымъ лучемъ его: «пожалуй,

въ такое утро было-бы и лучше, усмѣхнулся онъ и вдругъ, махнувъ сверху внизъ рукой, повернулся къ истязателямъ:

— Господа! воскликнулъ онъ,—я вѣдь вижу, что я пропалъ. Но она? Скажите мнѣ про нее, умоляю васъ, неужели и она пропадетъ со мной? Вѣдь она невинна, вѣдь она вчера кричала не въ умѣ, что во всемъ виновата. Она ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновата! Я всю ночь скорбѣлъ, съ вами сидя... Нельзя-ли, не можете-ли мнѣ сказать: что вы съ нею теперь сдѣлаете?

— Рѣшительно успокойтесь на этотъ счетъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ-же и съ видимою поспѣшностью отвѣтилъ прокуроръ,—мы не имѣемъ пока никакихъ значительныхъ мотивовъ хоть въ чемъ нибудь обезпокоить особу, которою вы такъ интересуетесь. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, надѣюсь, окажется тоже... Напротивъ, сдѣлаемъ въ этомъ смыслѣ все, что только можно съ нашей стороны. Будьте совершенно спокойны.

— Господа, благодарю васъ, я вѣдь такъ и зналъ, что вы все-таки-же честные и справедливые люди, не смотря ни на что. Вы сняли бремя съ души... Ну, что-же мы теперь будемъ дѣлать? Я готовъ.

— Да вотъ-съ, поснѣдать-бы надо. Нужно неотложно перейдти къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойдти непремѣнно въ вашемъ присутствіи, а потому...

— А не выпить-ли сперва чайку? перебилъ Николай Ароеновичъ,—вѣдь ужь, кажется, заслужили!

Порѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того, что Михаилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ «почаевать»), то выпить по стаканчику и затѣмъ «продолжать и продолжать». Настоящій-же чай и «закусочку» отложить до болѣе свободнаго часа. Чай дѣйствительно нашелся внизу и его въ скорости доставили на верхъ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему любезно предложилъ Николай Ароеновичъ, но потомъ самъ попросилъ и выпилъ съ жадностью. Вообще-же имѣлъ какой-то даже удивительно измученный видъ. Казалось-бы, при его богатырскихъ силахъ, что могла значить одна ночь кутежа и хотя-бы самыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувствовалъ, что едва сидитъ, а по временамъ такъ всѣ предметы начинали какъ-бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. «Еще немного и, пожалуй, бредить начну», подумалъ онъ себя.

VIII.

Показаніе свидѣтелей. Дитё.

Допросъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ продолжать нашъ разсказъ въ такой подробности, въ какой велся его до сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай Парфеновичъ внушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что тотъ долженъ показывать по правдѣ и совѣсти, и что впослѣдствіи долженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ присягой. Какъ, наконецъ, отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ онъ подписалъ протоколъ своихъ показаній и проч., и проч. Отмѣтимъ лишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обращалось все вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все тотъ-же самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то есть было-ли ихъ три или полторы въ первый разъ, то есть въ первый кутежъ Дмитрія Ѳедоровича здѣсь въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было-ли ихъ три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія Ѳедоровича. Увы, всѣ свидѣтельства, всѣ до единаго, оказались противъ Мити и ни одного въ его пользу, а иныя изъ свидѣтельствъ такъ даже внесли новые, почти опровергающіе факты въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ Трифонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими безъ малѣйшаго страха, напротивъ, съ видомъ строгаго и сурового негодованія противъ обвиняемаго и тѣмъ несомнѣнно придалъ себѣ видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинства. Говорилъ мало, сдержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ точно и обдуманно. Твердо и не обинуясь показалъ, что мѣсяцъ назадъ не могло быть истрачено менѣе трехъ тысячъ, что здѣсь всѣ мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ самого Митрія Ѳедоровича: «Одинѣмъ цыганкамъ сколько денегъ перебросали. Имъ одинѣмъ небось за тысячу перевалило».

— И пятисотъ, можетъ, не далъ, мрачно замѣтилъ на это Митя, вотъ только не считалъ тогда, пьянъ былъ, а жаль...

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ занавѣскамъ, слушалъ мрачно, имѣлъ видъ грустный и усталый, какъ-бы говорившій: «э, показывайте, что хотите, теперь все равно!»

Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Ѳедоровичъ, твердо опровергъ Трифонъ Борисовичъ, — бросали зря, а онъ подымали. Народъ-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, угнали ихъ отселева, а то они сами, можетъ, показали-бы сколькимъ отъ

васъ пожившились. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда сумму видѣлъ,— считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это справедливо,—а на глазъ, помню, многимъ больше было, чѣмъ полторы тысячи... Куды полторы! Видывали и мы деньги, могимъ судить...

На счетъ вчерашней-же суммы Трифонъ Борисовичъ прямо показалъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ самъ ему, только что всталъ съ лошадей, объявилъ, что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ-ли, Трифонъ Борисычъ, возразилъ было Митя,— неужто такъ-таки положительно объявилъ, что привезъ три тысячи?

— Говорили, Митрій Ѳедоровичъ. При Андрѣѣ говорили. Вотъ онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А тамъ въ залѣ, когда хоръ подчивали, такъ прямо закричали, что шестую тысячу здѣсь оставляете,—съ прежними, то есть, оно такъ понимать надо. Степанъ да Семенъ слышали, да Петръ Ѳомичъ Калгановъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ, и они тоже запомнили...

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Поправилась новая редакція: три да три, значитъ, шесть, стало быть, три тысячи тогда, да три тысячи теперь, вотъ онѣ и всѣ шесть, выходило ясно.

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужиковъ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калганова. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе Трифона Борисыча. Кромѣ того особенно записали со словъ Андрея, о разговорѣ его съ Митей дорогой на счетъ того куда, дескать, я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и простятъ-ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ? Психологъ Иполитъ Кириловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и кончилъ тѣмъ, что и это показаніе о томъ, куда Дмитрій Ѳедоровичъ попадетъ, порекомендовалъ «пріобщить къ дѣлу».

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный, и разговаривалъ съ прокуроромъ и съ Николаемъ Парфеновичемъ такъ, какъ-бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда какъ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ того, что ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ. Но о шестой тысячѣ, оказалось, слышалъ, и онъ признался, что въ ту минуту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ рукахъ не знаю сколько. На счетъ того, что полячки въ картахъ передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на повторенные разспросы, что по изгнаніи поляковъ дѣйствительно дѣла Мити у Аграфены Александровны поправились и что она сама сказала, что его любитъ. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъяснялся сдержанно и почтительно, какъ будто она была самаго лучшаго общества барыня, и даже ни

разу не позволить себѣ назвать ее «Грушенькой». Не смотря на видимое отвращеніе молодаго человѣка показывать, Ипполитъ Кириловичъ разспрашивалъ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того, что̀ составляло, такъ сказать, романъ Мити въ эту ночь. Митя ни разу не остановилъ Калганова. Наконецъ, юношу отпустили и онъ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и Поляковъ. Они въ своей комнатѣ хоть и легли было спать, но во всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ власти поскорѣй одѣлись и прибрались, сами понимая, что ихъ непремѣнно потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страху. Главный, то есть маленькій панъ, оказался чиновникомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Сибири ветеринаромъ, но фамиліи-же былъ панъ Мусяловичъ. Панъ-же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ, по русски зубнымъ врачомъ. Оба они какъ вошли въ комнату, такъ тотчасъ-же, не смотря на вопросы Николая Ѳеоѳиловича, стали обращаться съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный чинъ и начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждымъ словомъ: «пане пуликовнику». И только послѣ нѣсколькихъ разовъ и наставленія самого Михаила Макаровича, догадались, что надобно обращаться съ отвѣтами лишь къ Николаю Ѳеоѳиловичу. Оказалось, что по русски они умѣли даже весьма и весьма правильно говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ, панъ Мусяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, такъ что Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ, что не позволитъ «подлецу» при себѣ такъ говорить. Панъ Мусяловичъ тотчасъ-же обратилъ вниманіе на слово «подлецъ» и попросилъ внести въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже, что не смотря на протоколъ, я все-таки кричу, что подлецъ! прокричалъ онъ.

Николай Ѳеоѳиловичъ, хоть и внесъ въ протоколъ, но проявилъ при семъ непріятномъ случаѣ самую похвальную дѣловитость и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія Митѣ онъ самъ тотчасъ-же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы касательно романической стороны дѣла и поскорѣе перешелъ къ существенному. Въ существенномъ-же явилось одно показаніе пановъ, возбудившее необыкновенное любопытство слѣдователей: это именно о томъ, какъ подкупалъ Митя, въ той комнатѣ, пана Мусяловича и предлагалъ ему три тысячи отступного, съ тѣмъ что семьсотъ рублей въ руки, а остальныя двѣ тысячи триста завтра-же утромъ въ городѣ, причемъ клялся честнымъ словомъ, объявляя что здѣсь, въ Мокромъ,

съ нимъ и нѣтъ пока такихъ денегъ, а что деньги въ городѣ. Митя замѣтилъ было сгоряча, что не говорилъ, что навѣрно отдастъ завтра въ городѣ, но панъ Врублевскій подтвердилъ показаніе, да и самъ Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что должно быть такъ и было какъ паны говорятъ, что онъ былъ тогда разгорячень, а потому дѣйствительно могъ такъ сказать. Прокуроръ такъ и вцился въ показаніе: оказывалось для слѣдствія яснымъ (какъ и вирямъ потомъ вывели), что половина или часть трехъ тысячъ, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно могла оставаться гдѣ нибудь припрятанною въ городѣ, а, пожалуй, такъ даже гдѣ нибудь и тутъ въ Мокромъ, такъ что выяснялось такимъ образомъ и то щекотливое для слѣдствія обстоятельство, что у Мити нашли въ рукахъ всего только восемьсотъ рублей- -обстоятельство бывшее до сихъ поръ хотя единственнымъ и довольно ничтожнымъ, но все-же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь-же и это единственное свидѣтельство въ его пользу разрушалось. На вопросъ прокурора: гдѣ-же-бы онъ взялъ остальныя двѣ тысячи триста, чтобъ отдать завтра пану, коли самъ утверждаетъ, что у него было всего только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана своимъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ, что хотѣлъ предложить «полячишкѣ» на завтра не деньги, а формальный актъ на права свои по имѣнію Черманнѣ, тѣ самыя права, которыя предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣхнулся невинности вывертa».

— И вы думаете, что онъ-бы согласился взять эти «права» вмѣсто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

Непремѣнно согласился-бы, горячо отрѣзалъ Митя.- -Помилуйте, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже тысячъ онъ могъ-бы на этомъ тянуть! Онъ-бы тотчасъ набралъ своихъ адвокатишекъ, полячковъ да жидковъ, и не то что три тысячи, а всю-бы Черманнію отъ старика оттягали.

Разумѣется, показаніе пана Мусяловича внесли въ протоколъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. О фактѣ-же передержки въ картахъ почти и не упомянули: Николай Ларіоновичъ имъ слишкомъ былъ и безъ того благодаренъ и пустяками не хотѣлъ безпокоить, тѣмъ болѣе, что все это пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего. Мало-ли было кутежа и безобразій въ ту ночь... Такъ что деньги, двѣсти рублей, такъ и остались у пановъ въ карманѣ.

Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, подошелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень грустный. Все время онъ ютился тамъ внизу подлѣ Грушеньки, сидѣлъ

съ нею молча и нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ надъ нею хныкать, а глаза утираетъ синимъ клѣтчатымъ платочкомъ-, какъ разсказывалъ потомъ Михаилъ Макаровичъ. Такъ что она сама уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ-же и со слезами признался, что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Ѳедоровича взаймы десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ и что готовъ возвратить... На прямой вопросъ Николая Парѳеновича: не замѣтилъ-ли онъ сколько-же именно денегъ было въ рукахъ у Дмитрія Ѳедоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть у него въ рукахъ деньги когда получалъ отъ него взаймы,—Максимовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что денегъ было двадцать тысячъ-съ.

— А вы видѣли когда нибудь двадцать тысячъ гдѣ нибудь прежде? спросилъ, улыбнувшись, Николай Парѳеновичъ.

— Какъ-же-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а семь-съ, когда супруга моя деревеньку мою заложила. Дала мнѣ только издали поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крупная была пачка-съ, все радужныя. И у Дмитрія Ѳедоровича были все радужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ, дошла очередь и до Грушеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія, которое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Ѳедоровича, и Николай Парѳеновичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ ему въ увѣщаніе. но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голову, давая тѣмъ знать, что безпорядка не произойдетъ. Ввелъ Грушеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строгимъ и угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, и тихо сѣла на указанный ей стулъ напротивъ Николая Парѳеновича. Была она очень блѣдна, казалось, что ей холодно и она плотно закутывалась въ свою прекрасную, черную шаль. Дѣйствительно съ ней начинался тогда легкій лихорадочный ознобъ — начало длинной болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Строгій видъ ея, прямой и серіозный взглядъ и спокойная манера произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Николай Парѳеновичъ даже сразу нѣсколько увлекся. Онъ признавался самъ, разсказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого разу постигъ какъ эта женщина «хороша собой», а прежде хоть и видывалъ ее, но всегда считалъ чѣмъ-то въ родѣ «уѣздной Гетеры». У ней манеры какъ у самаго высшаго общества, восторженно сболтнулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ кружкѣ. Но его выслушали съ самымъ полнымъ негодованіемъ и тотчасъ назвали за это «шалуномъ», чѣмъ онъ и остался очень доволенъ. Входя въ комнату, Грушенька лишь какъ-бы мелькомъ глянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ на нее поглядѣвшаго, но видъ

ся въ ту-же минуту и его успокоить. Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и увѣщаній, Николай Парѳеновичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя самый вѣжливый, однако-же, видъ, спросилъ ее: Въ какихъ отношеніяхъ состояла она къ отставному поручику Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову? На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ послѣдній мѣсяцъ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы прямо и съ полною откровенностью заявила, что хотя онъ ей «часами» и нравился, но что она не любила его, но завлекала изъ «гнусной злобы моей», равно какъ и того «старичка», видѣла, что Митя ее очень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ лишь тѣшилась. Къ Ѳедору-же Павловичу совсѣмъ никогда не хотѣла идти, а только смѣялась надъ нимъ. Въ тотъ весь мѣсяцъ не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другаго человѣка, предо мной виновнаго... Только, думаю, заключила она, что вамъ нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ отвѣчать, потому это особливое мое дѣло».

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѳеновичъ: на романическихъ пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо перешелъ къ серіозному, то есть все къ тому-же и главнѣйшему вопросу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила, что въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно истрачены были три тысячи рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ самого Дмитрія Ѳедоровича, что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ нибудь, или вы только слышали какъ онъ съ другими при васъ говорилъ? освѣдомился тотчасъ-же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ, слышала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ него самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно? освѣдомился опять прокуроръ и узналъ, что Грушенька слышала неоднократно.

Ипполитъ Кирилычъ остался очень доволенъ этимъ показаніемъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось тоже, что Грушенькѣ было извѣстно откуда эти деньги и что взялъ ихъ-де Дмитрій Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слыхали-ли вы хоть однажды, что денегъ было промотано мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій Ѳедоровичъ уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слыхала, показала Грушенька.

Дальше выяснилось даже, что Митя, напротивъ, часто говорилъ ей во весь этотъ мѣсяцъ, что денегъ у него нѣтъ ни копѣйки. Съ родителя своего все ждалъ получить, заключила Грушенька.

А не говорилъ-ли когда при васъ... или какъ нибудь мелькомъ, или въ раздраженіи, хватилъ вдругъ Николай Ѳеоктистовичъ,— что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

Охъ, говорилъ! вздохнула Грушенька.

— Однажды или нѣсколько разъ?

— Нѣсколько разъ поминалъ, всегда въ сердцахъ.

— И вы вѣрили, что онъ это исполнитъ?

— Нѣтъ, никогда не вѣрила! твердо отвѣтила она, —на благородство его надѣялась.

— Господа, позвольте, вскричалъ вдругъ Митя,—позвольте сказать при васъ Аграфенѣ Александровнѣ лишь одно только слово.

— Скажите, разрѣшилъ Николай Ѳеоктистовичъ.

— Аграфена Александровна, привсталъ со стула Митя,—вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго вчера отца моего я неповиненъ!

Произнеся это, Митя опять сѣлъ на стулъ. Грушенька привстала и набожно перекрестилась на икону.

— Слава Тебѣ Господи! проговорила она горячимъ, проникновеннымъ голосомъ и, еще не садясь на мѣсто и обратившись къ Николаю Ѳеоктистовичу, прибавила: какъ онъ теперь сказалъ тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть что сболтнетъ, или для смѣху, или съ упрямства, но если противъ совѣсти, то никогда не обманетъ. Прямо правду скажетъ, тому вѣрьте!

— Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу! дрожащимъ голосомъ отозвался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньгахъ она заявила, что не знаетъ сколько ихъ было, но слышала какъ людямъ онъ много разъ говорилъ вчера, что привезъ съ собой три тысячи. А на счетъ того: откуда деньги взялъ, то сказалъ ей одной, что у Катерины Ивановны укралъ, а что она ему на то отвѣтила, что онъ не укралъ и что деньги надо завтра-же отдать. На настойчивый вопросъ прокурора: о какихъ деньгахъ говорилъ, что укралъ у Катерины Ивановны: о вчерашнихъ или о тѣхъ трехъ тысячахъ, которыя были истрачены здѣсь мѣсяцъ назадъ, объявила, что говорилъ о тѣхъ, которыя были мѣсяцъ назадъ и что она такъ его поняла.

Грушеньку, наконецъ, отпустили, при чемъ Николай Ѳеоктистовичъ стремительно заявилъ ей, что она можетъ хоть сейчасъ-же воротиться въ городъ, и что если онъ — съ своей стороны чѣмъ

нибудь можетъ способствовать, напримѣръ, на счетъ лошадей, или, напримѣръ, пожелаетъ она провожатаго, то онъ... съ своей стороны...

— Покорно благодарю васъ, поклонилась ему Грушенька, — я съ тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ, его довезу, а пока подожду внизу, коль позволите, какъ вы тутъ Дмитрія Ѳедоровича порѣшите.

Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ совсѣмъ бодрившійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то странное физическое безсиліе одолѣвало его чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Глаза его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣтелей, наконецъ, окончился. Приступили къ окончательной редакціи протокола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ уголъ, къ занавѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозяйскій сундукъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то странный сонъ, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ онъ будто-бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ гдѣ служилъ давно, еще прежде, и везетъ его въ санкоть на телѣгѣ, на парѣ, мужикъ. Только холодно будто-бы Митѣ, въ началѣ ноябрь и снѣгъ валитъ крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ таетъ. И бойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, длинная такая у него борода, и не то что старикъ, а такъ лѣтъ будетъ пятидесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ только одни обгорѣлыя бревна. А при въѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ, лихо пролетая мимо нихъ, Митя.

— Дитё, отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дитё плачетъ. И поражаетъ Митю то, что онъ сказалъ по своему, по мужицки: дитё, а не дитя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ дитё: жалости будто больше.

— Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя.— Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ?

— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и не грѣетъ.

— Да почему это такъ? Почему? все не отстаетъ глупый Митя.

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просять.

— Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя,—ты сказки: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитё, почему голая стень, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ нѣсень радостныхъ, почему онъ почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не накормятъ дитё?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безумно спрашиваетъ, и безъ толку, но непремѣнно хочется ему именно такъ спросить и что именно такъ и надо спросить. И чувствуетъ онъ еще. что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда еще небывалое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется. что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала-бы и черная изсохшая мать дити. чтобъ не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ-же, сейчасъ-же это сдѣлать. не отлагая и не смотря ни на что, со всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А и я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на всю жизнь съ тобой иду, раздаются подлѣ него милыя, проникновенныя чувствомъ слова Грушеньки. И вотъ загорѣлось все сердце его и устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить и жить, идти и идти въ какой-то путь, къ новому зовущему свѣту, и скорѣе, скорѣе, теперь-же, сейчасъ!

— Что? Куда? восклицаетъ онъ открывая глаза и садясь на свой сундукъ, совсѣмъ какъ-бы очнувшись отъ обморока, а самъ свѣтло улыбаясь. Надъ нимъ стоитъ Николай Ѳаѳеновичъ и приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Догадался Митя. что спалъ онъ часъ или болѣе. но онъ Николая Ѳаѳеновича не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у него очутилась подушка, которой, однако, не было, когда онъ склонился въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кто былъ такой добрый человѣкъ! воскликнулъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какимъ-то голосомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему. Добрый человѣкъ такъ потомъ и остался въ неизвѣстности, кто нибудь изъ понятыхъ, а, можетъ быть, и писарекъ Николая Ѳаѳеновича распорядились подложить ему подушку изъ состраданія, но вся душа его какъ-бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ, что подпишетъ все что угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ-то произнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

Когда подписанъ былъ протоколъ, Николай Парѳеновичъ торжественно обратился къ обвиняемому и прочелъ ему Постановленіе, гласившее, что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то, судебный слѣдователь такого-то окружнаго суда, допросивъ такого-то (то есть Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ томъ-то (всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во вниманіе, что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не представилъ, а между тѣмъ, свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства (такія-то) его вполнѣ уличаютъ, руководствуясь такими-то и такими-то статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. постановилъ: для пресѣченія такому-то (Митѣ), способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ, о чемъ обвиняемому объявить, а копію сего постановленія товарищу прокурора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ, Митѣ объявили, что онъ отъ сей минуты арестантъ, и что повезутъ его сейчасъ въ городъ, гдѣ и заключатъ въ одно очень непріятное мѣсто. Митя, внимательно выслушавъ, вскинулъ только плечами.

— Что-жъ, господа, я васъ не виню, я готовъ... Понимаю, что вамъ ничего болѣе не остается.

Николай Парѳеновичъ мягко изъяснилъ ему, что свезетъ его тотчасъ-же становой приставъ Маврикій Маврикіевичъ, который какъ разъ теперь тутъ случился...

— Стойте, перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудержимымъ чувствомъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ:— господа, всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни я, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ-же пакости. Понимаю теперь, что на такихъ какъ я нуженъ ударъ, ударъ судьбы, чтобъ захватить его какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силой. Никогда, никогда не поднялся-бы я самъ собой! Но громъ грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь! Вѣдь, можетъ быть, и очищусь, господа, а? Но услышьте, однако, въ послѣдній разъ: въ крови отца моего не

повинен! Принимаю казнь не за то, что убилъ его, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ убилъ-бы... Но все-таки я намѣренъ съ вами бороться и это вамъ возвѣщаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а тамъ, рѣшитъ Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь, что я за допросомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ глупъ... Чрезъ минуту я арестантъ и теперь, въ послѣдній разъ, Дмитрій Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ вамъ свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!..

Голосъ его задрожалъ и онъ дѣйствительно протянулъ было руку, но Николай Парфеновичъ, всѣхъ ближе къ нему находившійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то жестомъ, припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ это и вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ-же опустилъ.

— Слѣдствіе еще не заключилось, залепеталъ Николай Парфеновичъ, нѣсколько сконфузясь, продолжать будемъ еще въ городѣ, и я, конечно, съ моей стороны готовъ вамъ пожелать всякой удачи... къ вашему оправданію... Собственно-же васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я всегда наклоненъ считать за человѣка, такъ сказать, болѣе несчастнаго, чѣмъ виновнаго... Мы васъ всѣ здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, всѣ мы готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей молодаго человѣка, но, увы! увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ степени нѣсколько излишней...

Маленькая фигурка Николая Парфеновича выразила подъ конецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькнуло вдругъ, что вотъ этотъ мальчикъ сейчасъ возьметъ его подъ руку, уведетъ въ другой уголъ и тамъ возобновитъ съ нимъ недавній еще разговоръ ихъ о дѣвочкахъ. Но мало-ли мелькаетъ совсѣмъ посторонняхъ и ненужныхъ къ дѣлу мыслей иной разъ даже у преступника ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны, — могу я видѣть *ее*, проститься въ послѣдній разъ? спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ, теперь ужь нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй, присутствуйте!

Привели Грушеньку, но прощаніе состоялось короткое, малословное и Николая Парфеновича не удовлетворившее. Грушенька глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ, что твоя, и буду твоя, пойду съ тобой на вѣкъ, куда-бы тебя ни рѣшили. Прощай, безвинно погубившій себя человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, зато что любовью моею и тебя сгубил!

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прервалъ и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ-же очутились люди не спускавшіе съ него глазъ. Внизу у крылечка, къ которому онъ съ такимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли уже готовыя двѣ телѣги. Мавракій Мавракіевичъ, приземистый плотный человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то раздраженъ, какимъ-то внезапно случившимся безпорядкомъ, сердился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ Митю взлѣзть на телѣгу. Прежде, какъ я въ трактирѣ пилъ его, совсѣмъ было другое лицо у человѣка, подумалъ Митя, влѣзая. Съ крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ. У воротъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всѣ уставились на Митю.

— Прощайте, Божьи люди! крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, раздались два—три голоса.

— Прощай и ты, Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть, ужь очень былъ занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Оказалось, что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопровождать Мавракія Мавракіевича двое сотскихъ, еще не все было въ исправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую тройку, натягивалъ зипунишко и крѣпко спорилъ, что ѣхать не ему, а Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали: мужиченко настаивалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Мавракій Мавракіевичъ, совсѣмъ безъ стыда! восклицалъ Трифонъ Борисычъ. — Тебѣ Акимъ третьяго дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперь кричишь. Доброту только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ народомъ, Мавракій Мавракіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? вступился было Митя, — поѣдемъ на одной, Мавракій Мавракичъ, небось не взбунтуюсь, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще не научены, я вамъ не *ты*, не извольте тыкать-съ, да и совѣты на другой разъ сберегите... свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митѣ Мавракій Мавракіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Чрезъ мгновеніе ему стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но мутное небо все было обтянуто облаками, дулъ рѣзкій вѣтеръ прямо въ лицо. «Ознобъ что-ли со мной?», подумалъ Митя, передернувъ плечами. Наконецъ, влѣзъ въ телѣгу и Мавракій Мавракіевичъ, усѣлся грузно, широко

и, какъ-бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснилъ собою Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ и ему сильно не нравилось возложенное на него порученіе.

— Прощай, Трифонъ Борисычъ! крикнулъ опять Митя, и самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь закричалъ, а со злости, противъ воли крикнулъ. Но Трифонъ Борисычъ стоялъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на Митю, глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте, Дмитрій Ѳедоровичъ, прощайте! раздался вдругъ голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго. Подбѣжавъ къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фуражки. Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай, милый человѣкъ, не забуду великодушія! горячо воскликнулъ онъ. Но телѣга тронулась и руки ихъ разнялись. Зазвенѣлъ колокольчикъ — увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагнулъ голову, закрылъ руками лицо и заплакалъ, долго такъ сидѣлъ и плакалъ, — плакалъ, точно былъ еще маленькій мальчикъ, а не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ въ виновность Мити почти вполнѣ! «Что-же это за люди, какіе-же послѣ того могутъ быть люди!» безсвязно восклицалъ онъ въ горькомъ унынін, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже и жить ему въ ту минуту на свѣтѣ. «Стоитъ-ли, стоитъ-ли!» восклицалъ огорченный юноша.

Часть четвертая.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Мальчики.

I.

Коля Красоткинъ.

Ноябрь въ началѣ. У насъ сталъ морозъ градусовъ въ одиннадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухаго снѣгу, и вѣтеръ «сухой и острый» подымаетъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ нашего городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи и снутри, домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти четырнадцать лѣтъ, но вдова его, тридцатилѣтняя и до сихъ поръ еще весьма смазливая собою дамочка, жива и живетъ въ своемъ чистенькомъ домикѣ «своимъ капиталомъ». Живетъ она честно и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Осталась она послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ всего лишь около году и только что родивъ ему сына. Съ тѣхъ поръ, съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію этого своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ четырнадцать лѣтъ безъ памяти, но ужь, конечно, перенесла съ нимъ несравненно большіе страданій, чѣмъ выжила радостей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ

заболѣетъ, простудится, напалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч., и проч. Когда-же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ нашу прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли, школьниковъ, и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ. Но мальчикъ съумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно сильный», какъ прослелась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпріимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и завѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И, однако, онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ. пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что нибудь намудрить, начудесить, задать экстрафферу, пику, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее мало любитъ. Ей безпрерывно казалось, что Коля къ ней безчувственъ, и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ излiяній, тѣмъ какъ-бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно,—таковъ ужь былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ только «телячьихъ нѣжностей», какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался шкапъ, въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда какъ это мальчикъ вмѣсто того чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою ни-

будь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что чего-бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, хоть мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости испугавшія мать не на шутку,—правда, не безнравственныя какія нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сыномъ отправились погостить на недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги (той самой, ближайшей отъ нашего города станціи, съ которой Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ, мѣсяцъ спустя, отправился въ Москву). Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству,—всего молодаго народа, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или изъ безпардонной отваги, предложилъ что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но, однако-же, каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ маленькаго, что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхъ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги въ кустахъ. Наконецъ, загре-

мѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красныхъ фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. «Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!» закричали Колѣ изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскакалъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава отчаяннаго за нимъ укрѣпилась на вѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ прогимназію и достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстояла и упросила за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ небывшее вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человѣкъ холостой и не старый, былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу Красоткину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйше и замирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было предложить ей свою руку: но она наотрѣзъ отказала, считая согласіе измѣной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторымъ таинственнымъ признакамъ, даже, можетъ быть, имѣлъ-бы нѣкоторое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ прелестной, но уже слишкомъ цѣломудренной и нѣжной вдовицѣ. Съумасшедшая шалость Коли, кажется, пробила ледъ, и Дарданелову, за его заступничество, сдѣланъ былъ намекъ о надеждѣ, правда отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ чистоты и деликатности, а потому съ него и того было покамѣстъ довольно для полноты его счастія. Мальчика онъ любилъ, хотя считалъ-бы унизительнымъ предъ нимъ заискивать, и относился къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля и самъ держалъ его на почтительномъ разстояніи, уроки готовилъ отлично, былъ въ классѣ вторымъ ученикомъ, обращался къ Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во всемірной исторіи Коля такъ силенъ, что «собьетъ» самого Дарданелова. И дѣйствительно Коля задалъ ему разъ вопросъ: Кто основалъ Трою? на что Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про народы, ихъ движенія и переселенія, про глубину временъ, про баснословіе, но на то, кто именно основалъ Трою, то есть какія именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ почему-то праздными и

несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и остались въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ кто основалъ Трою. Коля-же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Смарагдова, хранившагося въ шкапѣ съ книгами, который остался послѣ родителя. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ даже мальчиковъ стало, наконецъ, интересовать: кто-жь именно основалъ Трою, но Красоткинъ своего секрета не открывалъ, и слава знанія оставалась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Ѳедоровна (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сынка, то чуть не сошла съ ума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серіозно Коля, далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и поклялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Красоткина, причемъ мужественный Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчикъ отъ чувствъ, и мать и сынъ во весь тотъ день бросались другъ къ другу въ объятія и плакали сотрясаясь. На другой день Коля проснулся по прежнему "безчувственнымъ", однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе. Правда, мѣсяца чрезъ полтора онъ опять было попался въ одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ нашему мировому судьѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ родѣ, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ оказалось, совершилъ ее, а только очутился въ ней замѣшаннымъ. Но объ этомъ какъ нибудь послѣ. Мать продолжала трепетать и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе и болѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля понималъ и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и ужь, разумѣется, глубоко презиралъ его за его чувства; прежде даже имѣлъ деликатность выказывать это презрѣніе свое предъ матерью, отдаленно намекая ей, что понимаетъ чего добивается Дарданеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на этотъ счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не позволялъ, даже самыхъ отдаленныхъ, а о Дарданеловѣ при матери сталъ отзываться почтительнѣе, что тотчасъ-же съ безпредѣльною благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна Ѳедоровна, но зато при малѣйшемъ, самомъ нечаянномъ словѣ даже отъ постороняго какого нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при этомъ находился Коля, вдругъ вся вспыхивала отъ стыда какъ роза. Коля-же въ эти мгновенія или смотрѣлъ пахмурешно въ окно, или разглядывалъ не просятъ-ли у него сапоги каши, или свирѣпо звалъ Перезвона, лохматую, довольно большую и паршивую собаку, которую

съ мѣсяцъ вдругъ откуда-то пріобрѣлъ, втащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретѣ, въ комнатахъ, никому ее не показывая изъ товарищей. Тащилъ-же ужасно, обучая ее всякимъ штукамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную собаку до того, что та выла безъ него, когда онъ отлучался въ классы, а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала какъ полоумная, служила, валилась на землю и притворялась мертвою и проч., словомъ, показывала всѣ штуки, которымъ ее обучилъ, уже не по требованію, а единственно отъ пылкости своихъ восторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Кстати: я и забылъ упомянуть, что Коля Красоткинъ былъ тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже читателю мальчикъ Илюша, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Снѣгирева, ныряулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь за отца, котораго школьники задразнили «мочалкой».

II.

Дѣтвора.

Итакъ, въ то морозное и сверкое ноябрьское утро, мальчикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непремѣнно надо было идти со двора «по одному весьма важному дѣлу», а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его старшіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному обстоятельству, отлучились со двора. Въ домъ вдовы Красоткиной, чрезъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась еще одна и единственная въ домѣ квартира изъ двухъ маленькихъ комнатъ, въ наймы, и занимала ее докторша съ двумя малолѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной Ѳедоровной и большая ея пріятельница, самъ-же докторъ вотъ уже съ годъ забхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни слуху, ни духу, такъ что если-бы не дружба съ г-жою Красоткиной, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то она рѣшительно-бы истекла отъ этого горя слезами. И вотъ надобно-же было такъ случиться къ довершенію всѣхъ угнетеній судьбы, что въ эту-же самую ночь, съ субботы на воскресенье, Катерина, единственная служанка докторши, вдругъ и совсѣмъ неожиданно для своей барыни объявила ей, что

намѣрена родить къ утру ребеночка. Какъ случилось, что никто этого не замѣтилъ заранѣе, было для всѣхъ почти чудомъ. Поражённая докторша разсудила, пока есть еще время, свезти Катерину въ одно приспособленное къ подобнымъ случаямъ въ нашемъ городкѣ заведеніе у повивальной бабушки. Такъ какъ служанкою этой она очень дорожила, то немедленно и исполнила свой проэктъ, отвезла ее, и сверхъ того осталась тамъ при ней. Затѣмъ уже утромъ понадобилось почему-то все дружеское участіе и помощь самой г-жи Красоткиной, которая при этомъ случаѣ могла кого-то о чемъ-то попросить и оказать какое-то покровительство. Такимъ образомъ обѣ дамы были въ отлучкѣ, служанка-же самой г-жи Красоткиной, баба Агаѳья, ушла на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ, на время, хранителемъ и караульщикомъ «пузырей», то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одношеньками. Карауллить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому-же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой безъ движеній, и который именно поэтому каждый разъ, какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но увы, призывнаго свиста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что̀ смущало Колю, то единственно «пузыри». На нечаянное приключеніе съ Катериной онъ, разумѣется, смотрѣлъ съ самымъ глубокимъ презрѣніемъ, но оспротивившихъ пузырей онъ очень любилъ и уже снесъ имъ какую-то дѣтскую книжку. Настя, старшая дѣвочка, восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ, Костя, очень любилъ слушать, когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ-бы ихъ занять интереснѣе, то есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты, или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ прежде и не брезгалъ дѣлать, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было-бы позорно играть въ наши вѣки въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для «пузырей», потому что ихъ любитъ, а въ чувствахъ его никто не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали-же его оба пузыря. Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѳья, на которую можно-бы

было оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ чрезъ сѣни, отворялъ дверь къ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ «пузырей», которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая, что вотъ онъ войдетъ и сдѣлаетъ что нибудь прекрасное и забавное. Но Коля былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ, пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если черезъ десять минутъ «проклятая» Агаѳья не воротится, то онъ уйдетъ со двора, ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ «пузырей» слово, что они безъ него не струсятъ, не напалятъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, не смотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобъ онъ по «такому холоду», выходя со двора, надѣвалъ калошки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя черезъ переднюю и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ и даже испустилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хоть минуту, а выдержалъ его еще подъ лавкой, и, уже отворивъ только дверь въ сѣни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ, какъ съумасшедшій, и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ «пузырямъ». Оба по прежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили. Эти дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызывающихъ житейскихъ предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, всегда одерживала верхъ; Костя-же, если не соглашался съ нею, то всегда почти шелъ апеллировать къ Колѣ Красоткину, и ужъ какъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ абсолютнаго приговора для всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ споръ «пузырей» нѣсколько заинтересовалъ Красоткина, и онъ остановился въ дверяхъ послушать. Дѣтки видѣли, что онъ слушаетъ и тѣмъ еще съ бо́льшимъ азартомъ продолжали свое препираніе.

— Никогда, никогда я не повѣрю, горячо лепетала Настя, — что маленькихъ дѣтокъ повивальныя бабушки находятъ въ огородѣ между грядками съ капустой. Теперь ужъ зима, и никакихъ грядокъ нѣтъ, и бабушка не могла принести Катеринѣ дочку.

— Фью! присвистнулъ про себя Коля.

— Или вотъ какъ: онѣ приносятъ откуда нибудь, но только тѣмъ, которыя замужъ выходятъ.

Костя пристально смотрѣлъ на Настю, глубокомысленно слушалъ и соображалъ.

— Настя, какая ты дура, произнесъ онъ, наконецъ, твердо и не горячась,—какой-же можетъ быть у Катерины ребеночекъ, когда она не замужемъ?

Настя ужасно загорячилась.

— Ты ничего не понимаешь, раздражительно оборвала она,— можетъ, у нея мужъ былъ, но только въ тюрьмѣ сидитъ, а она вотъ и родила.

— Да развѣ у нея мужъ въ тюрьмѣ сидитъ? важно освѣдомился положительный Костя.

— Или вотъ что, стремительно перебила Настя, совершенно бросивъ и забывъ свою первую гипотезу: у нея нѣтъ мужа, это ты правъ, но она хочетъ выйдти замужъ, вотъ и стала думать, какъ выйдетъ замужъ, и все думала, все думала, и до тѣхъ поръ думала, что вотъ онъ у ней и сталъ, не мужъ, а ребеночекъ.

— Ну, развѣ такъ, согласился совершенно побѣжденный Костя,—а ты этого раньше не сказала, такъ какъ-же я могъ знать.

— Ну, дѣтвора, произнесъ Коля, шагнувъ къ нимъ въ комнату,—опасный вы, я вижу, народъ!

— И Перезвонъ съ вами? осклабился Костя и началъ пощелкивать пальцами и звать Перезвона.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ,— и вы должны мнѣ помочь: Агаѳья, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ-же необходимо со двора. Отпустите вы меня али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осклабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они, впрочемъ, еще не понимали вполнѣ чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на никанъ, не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я-бы вамъ зато могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ, прокатилъ онъ игрушку по столу,—и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стоитъ навести,—и Красоткинъ рас-

толковалъ куда положить порохъ, куда вкатить дробинку. показалъ на дырочку въ видѣ затравки и разсказалъ, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ просящею улыбкой.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь.

— Вотъ, только не было-бы тутъ огня, а то такъ и взорветъ и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившимъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась дробь.

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ.

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ-же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ — пока я приду. Итакъ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха.

— За-ла-чемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непремѣнно заплачемъ! подхватила пугливою скороговоркой и Настя.

— Охъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попросилъ Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Іеі, Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та представлять все что̀ знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняшку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвиз-

гивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія какъ мертвая. Во время этой послѣдней штуки отворилась дверь и Агаѳья, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показалась на порогѣ, возвратясь съ базара съ кулькомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѳьи, представленія не прервалъ и, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости что исполнила свой долгъ.

— Вишь, несъ! проговорила назидательно Агаѳья.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Что тебѣ что я опоздала, значитъ, такъ надо коли опоздала, бормотала Агаѳья, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ, а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, вставая съ дивана, Красоткинъ, — можешь ты мнѣ поклясться всѣмъ что есть святаго въ этомъ мірѣ и сверхъ того чѣмъ нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клястись стану? засмѣялась Агаѳья, — и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе какъ поклявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уѣду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ, — эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно-бы воротиться надо. Сверхъ того, дастъ вамъ позавтракать. Дашь чего нибудь имъ, Агаѳья?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ. А ты, бабуся, — вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя мимо Агаѳьи, — надѣюсь, не станешь имъ врать обычныя ваши бабьи глупости про Катерину, пощадишь дѣтскій возрастъ. Ici, Перезвонъ!

— И ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Агаѳья. — Смѣшной! Выпороть самого-то, вотъ что, за такія слова.

III.

Школьникъ.

Но Коля уже не слушалъ. Наконецъ-то онъ могъ уйдти. Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и, проговоривъ: «морозъ!» направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку къ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ карманка свистульку и свистнулъ изо всей силы, какъ-бы подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты, изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненькій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ, очевидно, выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву въ Илюшу, и который разсказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ, и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ.—Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя-ли-бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ,— вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая-же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ, - нельзя-ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ быть, и повѣритъ?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю-же. Но Перезвономъ его не утѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь что: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ-ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю, у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышетъ—дышетъ, нехорошо онъ дышетъ. Намедни, попросилъ, чтобъ его поводили, обули его въ сапожки, понесъ было, да и валится. Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что это у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было не ловко ходить. Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять богаты, у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря вообще, и ужь, разумѣется, въ частности. Я отрицаю медицину. Безполезное учрежденіе. Я, впрочемъ, все это изслѣдую. Что это у васъ тамъ за сентиментальности, однако, завелись? Вы тамъ всѣмъ классомъ, кажется, пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходитъ туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Карамазова: брата его завтра или послѣ завтра судятъ за такое преступленіе, а у него столько времени на сентиментальничанье съ мальчиками!

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья. Самъ-же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться? Смѣшное выраженіе. Я, впрочемъ, никому не позволяю анализировать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ идти? воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду самъ по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почемъ ты знаешь, я, можетъ, вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вовсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазовымъ. И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ коль умретъ Илюша. Онъ видитъ, что Илюша умретъ. А

намъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не прибавилъ. Спросилъ и замолчалъ. А отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный человѣкъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ отцеубійца виноватъ, что избилъ его тогда.

— А все-таки Карамазовъ для меня загадка. Я могъ-бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ, я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолкъ; Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется, благоговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. Теперь-же былъ ужасно заинтересованъ, потому что Коля объяснилъ, что идетъ самъ по себѣ, и была тутъ, стало быть, непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что Коля вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли по базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много пріѣзжихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія бабы торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и проч. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ городкѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году. Перезвонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь безпрестанно направо и налѣво гдѣ нибудь что нибудь понюхать. Встрѣчаясь съ другими собачонками, съ необыкновенною охотой съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ Коля.—Замѣтилъ ты, какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются? Тутъ какой-то общій у нихъ законъ природы.

— Да, какой-то смѣшной.

— То есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ ничего нѣтъ смѣшнаго, какъ-бы тамъ ни казалось человѣку съ его предразсудками. Если-бы собаки могли разсуждать и критиковать, то навѣрно-бы нашли столько-же для себя смѣшнаго, если не гораздо больше, въ соціальныхъ отношеніяхъ между собою людей, ихъ повелителей,— если не гораздо больше: это я повторяю потому, что я твердо увѣренъ, что глупостей у насъ гораздо больше. Это мысль Ракитина, мысль замѣчательная. Я соціалистъ, Смуровъ.

— А что такое соціалистъ? спросилъ Смуровъ.

Это коли всѣ равны, у всѣхъ одно общее имѣніе, нѣтъ браковъ, а религія и всѣ законы какъ кому угодно, ну и тамъ все остальное. Ты еще не дорось до этого, тебѣ рано. Холодно, однако.

— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на термометръ.

— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ серединѣ зимы, если градусовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не такъ холодно, какъ, напримѣръ, теперь, въ началѣ зимы, когда вдругъ нечаянно ударитъ морозъ какъ теперь въ двѣнадцать градусовъ, да еще когда снѣгу мало. Это значитъ люди еще не привыкли. У людей все привычка, во всемъ, даже въ государственныхъ и въ политическихъ отношеніяхъ. Привычка—главный двигатель. Какой смѣшной, однако, мужикъ.

Коля указалъ на рослаго мужика въ тулупѣ, съ добродушною физіономіей, который у своего воза похлопывалъ отъ холода ладонями въ рукавицахъ. Длинная русая борода его вся занидевѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! громко и задирчиво крикнулъ Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно и сентенціозно промолвилъ въ отвѣтъ мужикъ.

— Не задирай его, замѣтилъ Смуровъ.

— Ничего, не осердится, онъ хорошій. Прощай, Матвѣй.

— Прощай.

— А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

— Не зналъ; я наугадъ сказалъ.

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ небось?

— Въ школьникахъ.

— Что-жъ тебя порютъ?

— Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

— Не безъ того!

— Эхъ, жисть! вздохнулъ мужикъ отъ всего сердца.

— Прощай, Матвѣй.

— Прощай. Парнишка ты милый, вотъ что.

Мальчики пошли дальше.

— Это хорошій мужикъ, заговорилъ Коля Смурову.—Я люблю поговорить съ народомъ и всегда радъ отдать ему справедливость.

— Зачѣмъ ты ему совралъ, что у насъ сѣкутъ? спросилъ Смуровъ.

— Надо-же было его утѣшить!

— Чѣмъ это?

— Видишь, Смуровъ, не люблю я когда переспрашиваютъ, если не понимаютъ съ перваго слова. Иного и растолковать нельзя. По

вдѣ мужика, школьника порютъ и должны пороть: что, дескать, за школьникъ, если его не порютъ? И вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ, вѣдь онъ этимъ огорчится. А, впрочемъ, ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи говорить.

— Только не задирай, пожалуйста, а то опять выйдетъ исторія, какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься?

— Не смѣйся, Коля, я Богу молюсь. Отецъ ужасно разсердится. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ. Здравствуй, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговокъ подъ навѣсомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, рѣзко отвѣтила торговка, далеко еще не старая женщина.

— Это хорошо, что Марья, прощай.

— Ахъ ты пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда-же!

— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресенье разскажешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приставала, а не онъ къ ней.

— А что мнѣ тебѣ разсказывать въ воскресенье? Самъ привязался, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья,—выпороть тебя, вотъ что, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что!

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лоткахъ рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ-подъ аркады городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того, ни съ сего, одинъ раздраженный человѣкъ въ родѣ купеческаго приказчика, и не нашъ торговецъ, а изъ пріѣзжихъ, въ длиннополомъ синемъ кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ темнорусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, бѣлымъ, рябоватымъ лицомъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тотчасъ принялся грозить Колѣ кулакомъ.

— Я тебя знаю, воскликнулъ онъ раздраженно,—я тебя знаю!

Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ припомнить, когда онъ съ этимъ человѣкомъ могъ имѣть какую нибудь схватку. Но мало-ли у него было схватокъ на улицахъ, всѣхъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! нападалъ, какъ дуракъ, мѣщанинъ.

— Тебѣ-же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!

— Чего озорничаешь? закричалъ мѣщанинъ.—Ты опять озорничать? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озорничаю, произнесъ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Такъ, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это. братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не твое.

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ удивленіемъ, хотя все также горячась, уставился на Колю парень. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдругъ спросилъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ, оѣбинлъ немного парень.

— Сабанѣева знаешь? еще настойчивѣе и еще строже продолжалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣева? Нѣтъ, не знаю.

— Ну. и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдругъ Коля и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своею дорогой, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, который Сабанѣева даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣева? опомнился парень, весь опять заволновавшись.—Это онъ чего такого говорилъ? повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря на нихъ.

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣева? все неистово повторялъ парень, махая правою рукой.

— А это, надоть быть. Сабанѣева, который у Кузмичевыхъ служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна баба.

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми-чева? переговорила другая баба, да какой онъ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Трифономъ Никитычемъ называлъ, стало, не онъ.

— Это, вишь, не Трифонъ и не Сабанѣевъ, это Чижовъ. подхватила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серіозно слушавшая,—Алексѣй Иванычемъ звать его. Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Это такъ и есть что Чижовъ, настойчиво подтвердила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на другую.

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ зачѣмъ, люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи: Сабанѣева знаешь? А чортъ его знаетъ, какой онъ есть таковъ Сабанѣевъ?

— Безтолковый ты человѣкъ, говорятъ тѣ не Сабанѣевъ. а Чи-

жовъ, Алексѣй Ивановичъ Чижовъ, вотъ кто! внушительно крикнула ему одна торговка.

— Какой Чижовъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядь мнѣ твово Чижова, люди добрые, а?

— А я почемъ знаю на кой тѣ лядь Чижова.

— А кто тебя знаетъ, на что онъ тебѣ, подхватила другая,— самъ долженъ знать, на что его тебѣ надо, коли гадишь. Вѣдь онъ тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человѣкъ. Аль вправду не знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортъ его дери Чижова, съ тобой вмѣстѣ! Отколочу его, вотъ что! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты, вотъ что!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку отколочу, вотъ что! Давайте его давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагалъ уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричащую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ все еще опасался какъ-бы не попасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣева? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почемъ я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера крику будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ общества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣтъ себѣ, говорятъ: Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза , но и русская физіономія выдаетъ себя. Ну, не написано-ль у этого на лицѣ, что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его, Коля, пройдемъ мимо.

— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхалъ. Эй! здравствуй, мужикъ!

Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже, должно быть, вышивній, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бородой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, исторопливо проговорилъ онъ въ отвѣтъ.

— А коль шучу? засмѣялся Коля.

— А шутишь, такъ и шути. Богъ съ тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно, чтобъ пошутить.

— Виноватъ, братъ, пошутилъ.

— Ну и Богъ тѣ прости.
— Ты-то прощаешь-ли?
— Оченно прощаю. Ступай.
— Вишь вѣдь, да ты, пожалуй, мужикъ умный.
— Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно отвѣтилъ мужикъ.
— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.
— Вѣрно говорю.
— А пожалуй, что и такъ.
— То-то, братъ.
— Прощай, мужикъ.
— Прощай.

Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смурову послѣ нѣкотораго молчанія. -Почемъ-же я зналъ что нарвусь на умника. Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половину двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь до жилища штабсъ-капитана Снѣгирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойдти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ,—войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А то что-же на морозѣ знакомиться?

— Это ужь я знаю зачѣмъ мнѣ его надо сюда на морозъ, деспотически отрѣзалъ Коля (что ужасно любилъ дѣлать съ этими «маленькими»), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

IV.

Жучка.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ забору и сталъ ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно уже хотѣлось встрѣтиться. Онъ много наслышался о немъ отъ мальчиковъ, но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презрительно равнодушный видъ когда ему о немъ говорили, даже «критиковалъ» Алешу, выслушивая то что о немъ ему передавали. Но про себя очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ выслушанныхъ имъ разсказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная: во первыхъ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: «А то поду-

мастъ, что мнѣ тринадцать лѣтъ и приметъ меня за такого-же мальчишку какъ и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его когда сойдусь. Скверно однако-же то, что я такого маленькаго росту. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю что я мерзокъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то съ объятіями, онъ и подумаетъ... Тьфу, какая будетъ мерзость если подумаетъ!..»

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять самый независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько мерзкое лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять мѣриться: на сколько успѣлъ вырости? Но увы! Выростать онъ ужасно мало, и это приводило его порой просто въ отчаяніе. Что-же до лица, то было оно вовсе не мерзкое, напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, бѣдненькое, съ веснушками. Сѣрые, небольшіе, но живые глазки смотрѣли смѣло и часто загорались чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы маленькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій и рѣшительно вздернутый: «совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!» бормоталъ про себя Коля когда смотрѣлся въ зеркало, и всегда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. «Да вѣдь-ли и лицо умное?» подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ этомъ. Впрочемъ, не надо полагать, что забота о лицѣ и о ростѣ поглощали всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были минуты предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и даже надолго, весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни, какъ опредѣлялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ; за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши было какое-то совсѣмъ радостное лицо. Неужели такъ радъ мнѣ? съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ мы его оставили: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его красило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ

случаѣ рад познакомиться. Давно ждал случая и много слышал, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того-бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы запоздали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непремѣнно умретъ.

— Что вы! Согласитесь, что медицина подлость, Карамазовъ, съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Колѣ.— Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось-бы всѣмъ Жучку, слышалъ весь, загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я, главное, съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ онъ.—Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ приготовительный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный классъ: мальчишки, дѣтвора. Илюшу тотчасъ-же начали задирать. Я двумя классами выше и, разумѣется, смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они-то его пуще. Главное, у него тогда было платьишко скверное, штанишки на верхъ лѣзутъ, а сапоги какіе просятъ. Они его и за это. Уничтожаютъ. Нѣтъ, этого ужь я не люблю, тотчасъ-же заступился и экстраферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ, вы знаете-ли это, Карамазовъ?—экспансивно похвастался Коля.—Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и теперь на нетъ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня задержали. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что гордый, но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сначала ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ гимназіи смѣются, когда старшій сходится на такую ногу съ маленькимъ, но это предразсудокъ. Такова моя фантазія, и баста, не правда-ли? Я его учу, развиваю, почему, скажите, я не могу его развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ

вы-же, Карамазовъ, сошлись со всѣми этими нтенціями, значитъ, хотите дѣйствовать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ? И, признаюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ по наслышкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ, къ дѣлу: примѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ тому-же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски, — преданъ рабски, а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже согласиться со мной, споритъ, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ иногда разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а просто вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что я на его нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобъ его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду выколотить характеръ, выровнять, создать человѣка... ну и тамъ... вы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Думаю, что за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, то есть звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ, — взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть въ него булавку и бросить какой нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, гдѣ ее просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лаетъ. (Любите вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу). Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжитъ и все визжитъ, и нечезла, такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ — плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается: Бѣжитъ и визжитъ, бѣжитъ и визжитъ — только это и повторяетъ. Поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызенія совѣсти. Я принялъ серіозно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его проколотить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился, что въ такомъ негодованіи, какого, можетъ, и не было у меня вовсе: Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлецъ, я, конечно, не разлюблю, но пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной при-

нель и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду-ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя на вѣки, какъ подлеца . Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда-же почувствовалъ, что, можетъ быть, слишкомъ строго отнесся, но что̀ дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя, посылаю къ нему Смурова и чрезъ него передаю, что я съ нимъ больше не говорю , то есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать на фербантѣ всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но что̀-же вы думаете: выслушалъ онъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: Передай, закричалъ онъ,—отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ! А, думаю, больной дунокъ завелся, его надо выкурить , и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ тутъ происходитъ этотъ случай съ его отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ образомъ уже предварительно приготовленъ былъ къ страшному раздраженію. Мальчики, видя, что я его оставилъ, накинулись на него, дразнять: мочалка, мочалка . Вотъ тутъ-то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалѣю, потому что его, кажется, очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросается на всѣхъ на дворѣ, когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И, клянусь, я не помню, чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ тогда очень, очень стало жалко его, и еще мнѣ, и я-бы бросился его защищать. Но онъ вдругъ встрѣтилъ мой взглядъ: что̀ ему показалось — не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ, у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ-бы говоря взглядомъ: Не хочешь-ли, молъ, еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ услугамъ. . Но онъ другой разъ не нырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ голосъ и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и приказалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ только когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина. Потомъ слышу, въ тотъ-же день, онъ бросался камнями и вамъ палецъ укусилъ,—но, понимаете, въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну что̀ дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и вся эта исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша,— что я не зналъ вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то-бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите-ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я и не зналъ какъ вы ему дороги! И неужели, неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу разыскивали. Вѣрите-ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ уже повторялъ отцу: Это оттого я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ: не сбѣсись его съ этой мысли! И если-бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, онъ-бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой-же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то есть что именно я отыщу?—Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля, почему именно на меня разсчитывали, а не на другаго?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живаго зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка медвѣжскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще, кажется, вышло...

— Еще скажите, Карамазовъ: что такое этотъ отецъ? Я его знаю, но что онъ такое по вашему опредѣленію: шутъ, паяцъ?

— Ахъ, нѣтъ, есть люди глубоко чувствующіе, но какъ-то придавленные. Шутовство у нихъ въ родѣ злобной ироніи на тѣхъ, которымъ въ глаза они не смѣютъ сказать правды отъ долговременной униз ительной робости предъ ними. Повѣрьте. Красоткинъ, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично. У него все теперь, все на землѣ совокупилось въ Илюшѣ, и умри Илюша, онъ или съ ума сойдетъ съ горя, или лишитъ себя жизни. Я почти убѣжденъ въ этомъ, когда теперь на него смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ, я вижу, вы знаете человѣка, прибавилъ проникновенно Коля.

— А я какъ увидалъ васъ съ собакой, такъ и подумалъ, что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ быть, мы ее и отыщемъ, а эта —это Перезвонъ. Я внушу ее теперь въ комнату и, можетъ быть, развеселю Илюшу побольше, чѣмъ медвѣжскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже

мой, что-жь я васъ держу!—вскричалъ вдругъ стремительно Коля.— Вы въ одномъ сюртучкѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю; видите, видите, какой я эгоистъ! О, всѣ мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь, правда, холодно, но я не простужливъ. Пойдемте однако-же. Кстати: какъ ваше имя, я знаю что Коля, а дальше?

— Николай, Николай Ивановъ Красоткинъ, или, какъ говорятъ по казенному: сынъ Красоткинъ,—чему-то засмѣялся Коля, но вдругъ прибавилъ:

— Я, разумѣется, ненавижу мое имя Николай.

— Почему-же?

— Тривіально, казенно...

— Вамъ тринадцатый годъ? спросилъ Алеша.

— То есть четырнадцатый, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, весьма скоро. Признаюсь предъ вами заранѣе въ одной слабости, Карамазовъ, это ужь такъ предъ вами, для перваго знакомства, чтобы вы сразу увидѣли всю мою натуру: я ненавижу, когда меня спрашиваютъ про мои года, болѣе чѣмъ ненавижу... и, наконецъ... про меня, напримѣръ, есть клевета, что я на прошлой недѣлѣ съ приготовительными въ разбойники игралъ. То, что я игралъ—это дѣйствительность, но что я для себя игралъ, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣшительно клевета. Я имѣю основаніе думать, что до васъ это дошло, но я не для себя игралъ, а для дѣтворы игралъ, потому что они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у насъ всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетенъ, увѣряю васъ.

— А хоть-бы и для своего удовольствія игралъ, что-жь тутъ такого?

— Ну для себя... Не станете-же вы въ лошадки играть?

— А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша:—въ театръ, напримѣръ. Ѣздятъ-же взрослые, а въ театрѣ тоже представляютъ приключенія всякихъ героевъ, иногда тоже съ разбойниками и съ войной,—такъ развѣ это не тоже самое, въ своемъ, разумѣется, родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ рекреаціонное время, или тамъ въ разбойники,—это вѣдь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства въ юной душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе чѣмъ представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ театръ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Но это только естественно.

— Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально смотрѣлъ на него Коля.— Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали: я теперь приду домой и шевельну мозгами на этотъ счетъ.

Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно кой-чему поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ, проникновеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

— А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

Коля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что съ нимъ онъ въ высшей степени на равной ногѣ, и что тотъ говоритъ съ нимъ какъ съ «самымъ большимъ».

— Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже одно театральное представленіе, нервно засмѣялся онъ,—я съ тѣмъ и пришелъ.

— Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и проскользну въ пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: «ни, Перезвонъ, кушь и умри! — видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, высмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, свистну: "ни, Перезвонъ!" и вы увидите, онъ тотчасъ-же влетитъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужь я распоряжусь, и вы увидите фортель...

V.

У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обиталo семейство извѣстнаго намъ отставнаго штабсъ-капитана Снѣгирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ и Смуровъ, отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Алеша, но это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ, безъ «стеклянныхъ нѣжностей», а совсѣмъ какъ-бы не нарочно и нечаянно. Илюшѣ-же это принесло огромное облегченіе въ его страданіяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ всѣхъ этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ очень тронутъ. Одного только Красоткина не доставало, и это лежало въ его сердцѣ страннымъ гнетомъ. Если было въ горькихъ воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это именно весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ единственнымъ другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился

тогда съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуровъ (первый приведшій помириться съ Илюшей). Но самъ Красоткинъ, когда Смуровъ отдаленно сообщилъ ему, что Алеша хочетъ къ нему придти «по одному дѣлу», тотчасъ-же оборвалъ и отрѣзалъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить «Карамазову», что онъ самъ знаетъ какъ поступать, что совѣтовъ ни отъ кого не проситъ, и что, если пойдетъ къ больному, то самъ знаетъ когда пойдти, потому что у него «свой разсчетъ». Это было еще недѣли за двѣ до этого воскресенья. Вотъ почему Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ намѣревался. Впрочемъ, онъ хоть и подождалъ, но, однако-же, послалъ Смурова къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти раза Красоткинъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ отказомъ, передавъ Алешѣ, что, если тотъ придетъ за нимъ самъ, то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и чтобъ ему больше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня самъ Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ Илюшѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь со Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ждалъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Снѣгиревымъ, но чтобы не смѣлъ, однако-же, никого увѣдомлять о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти нечаянно. Смуровъ послушался. Мечта-же о томъ, что онъ приведетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разъ брошенныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что «послы они всѣ, коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива». Когда-же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей догадкѣ на счетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: «что я за оселъ, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, когда у меня свой Перезвонъ? И можно-ли мечтать, чтобы собака, проглотившая булавку, осталась жива? Телячьи нѣжности, больше ничего!»

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы-же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ тревожался надъ нимъ, переставалъ даже совсѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ, бывало, его по комнатѣ подъ руку и уложитъ опять въ постельку, — вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголъ, и, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то заливча-

тымъ, сотрясающимся плачемъ, давя свой голосъ, чтобы рыданія его не было слышно у Илюшечки.

Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ нибудь развлекать и утѣшать своего дорогаго мальчика, разсказывалъ ему сказки, смѣшные анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣчать, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ или кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ коверкался и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и старался не показывать, что ему это непріятно, но съ болью сердца сознавалъ, что отецъ въ обществѣ унижень, и всегда, неотвязно, вспоминалъ о мочалкѣ и о томъ страшномъ днѣ . Нина, безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже не любила, когда отецъ коверкался (что-же до Варвары Николаевны, то она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), зато полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердца смѣялась, когда ея супругъ начнетъ, бывало, что нибудь представлять или выдѣлывать какіе нибудь смѣшные жесты. Этимъ только ее и можно было утѣшить, во все-же остальное время она безпрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ ее забыли, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и проч., и проч. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ-бы вся перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на Илюшу и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, притихла и, если принималась плакать, то тихо, чтобы не слыхали. Штабсъ-капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ ней перемѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились и только сердили ее, но потомъ веселые крики и разсказы дѣтей стали развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, что перестань ходить эти мальчики, она-бы затосковала ужасно. Когда дѣти что разсказывали или начинали играть, она смѣялась и хлопала въ ладошки. Ихъ подзывала къ себѣ и цѣловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до штабсъ-капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, приходившихъ веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанетъ теперь тосковать и, можетъ быть, оттого скорѣе выздоровѣетъ. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго времени, не сомнѣвался, не смотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ маленькихъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживалъ, готовъ былъ ихъ на себѣ возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были оставлены. Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряничковъ, орѣшковъ, устраивалъ чаи, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить, что во все это время деньги

у него не переводились. Тогдашніе двѣсти рублей отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь въ точь по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, разузнавъ подробнѣе объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илюши, сама посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семействомъ и даже съумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитаншу. Съ тѣхъ поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-капитанъ, подавленный ужасомъ при мысли, что умретъ его мальчикъ, забылъ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подаяніе. Все это время докторъ Герценштубе, по приглашенію Катерины Ивановны, ѣздилъ постоянно и аккуратно черезъ день къ больному, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пичкалъ онъ его лѣкарствами ужасно. Но зато въ этотъ день, то есть въ это воскресенье утромъ у штабсъ-капитана ждали одного новаго доктора, пріѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ знаменитостью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы Катерина Ивановна за большія деньги,—не для Илюшечки, а для другой одной цѣли, о которой будетъ сказано ниже и въ своемъ мѣстѣ, но ужъ такъ какъ онъ пріѣхалъ, то и попросила его навѣстить и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капитанъ былъ заранѣе предувѣдомленъ. О пріѣзжемъ-же Колѣ Красоткина онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно желалъ, чтобы пріѣхалъ, наконецъ, этотъ мальчикъ, по которомъ такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе, когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больнаго и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго медвежескаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую медвежескую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства, что ради подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка, можетъ быть, только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою, бѣдненькою, высохшею ручкой: даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все-же не было, все-же это не Жучка, а вотъ если-бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда-бы было полное счастіе!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, маль-

чики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открылся всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился на встрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйте... дорогой гость! залепеталъ онъ ему, Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ...

Но Красоткинъ, на-скоро подавъ ему руку, мигомъ выказалъ и чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ-же и прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ супругѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была ужасно какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчики заслонили собою постельку Илюши и не даютъ ей поглядѣть на новую собачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею ножкой, а затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ дамѣ, такой-же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ на больную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго молодаго человѣка, громко произнесла она, разводя руками,—а то что прочіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ-же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это такъ? хоть и ласково, но опасаясь немного за мамочку, пролепеталъ штабсъ-капитанъ.

— А такъ и въѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ другому верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и въѣдетъ, сидя верхомъ. Какой-же это гость?

— Да кто-же, мамочка, такъ въѣзжалъ, кто-же?

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикѣ сегодня въѣхалъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной видимо побѣдѣлъ. Онъ приподнялся на кроваткѣ и пристально-пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горящіе въ лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышетъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и, почти совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну что, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣкся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказать слова.

Коля вдруг поднял руку и провел для чего-то своею ладонью по волосам Илюши.

— Ни-че-го! пролепетал он ему тихо,—не то ободряя его, не то сам не зная зачем это сказал. Съ минутку опять помолчали.

— Что это у тебя новый щенок? вдруг самым безчувственным голосом спросил Коля.

— Да-а-а! отвѣтил Илюша длинным шепотом, задыхаясь.

— Черный носъ, значит, изъ злыхъ, изъ лютыхъ, важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что онъ все еще изо всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ маленькій, и все еще не могъ побороть.—Подрастетъ, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю.

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ толпы.

— Извѣстно, медвѣжскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка, раздалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-капитанъ,—я нарочно отыскалъ такого, самаго-самаго злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ полу ростомъ... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданный... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хоть, можетъ быть, и приготовилъ дорогой съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь, Перезвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой.—оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ.—помнишь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колѣ украдкой, чтобы тотъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ-же... Жучка? надорваннымъ голосомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка—фью! Пропала твоя Жучка!

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда нибудь и пропала. Какъ не пропасть псу!

такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непремѣнно посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привелъ... такая-же лохматая, какъ и та... Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку? обратился онъ вдругъ къ госпожѣ Снѣгиревой въ какомъ-то совсѣмъ уже непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнула Илюша. Укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы-бы-съ... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ. — вы-бы-съ... въ другое-бы время-съ... пролепеталъ онъ. но Коля неудержимо настаивая и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: «Смуровъ, отвори дверь!» и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо предъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто никѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и, какъ-бы замирая, смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастія голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ. счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ приметы какъ ты мнѣ разсказалъ. Я его по этимъ приметамъ и розыскалъ! Тогда-же розыскалъ, въ скоросте. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья! поясняетъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Аленѣ и потомъ опять къ Илюшѣ, она была у Ѳедотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и розыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значитъ, не проглотила. Если-бы проглотила такъ ужъ, конечно-бы, померла, вѣдь ужъ конечно! Значитъ, успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а языкъ себѣ все-таки укусила, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка,

гораздо нѣжнѣе! восклицалъ нечестово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша-же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и побѣлѣвъ какъ полотно. И если-бы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больнаго мальчика, то ни за что-бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, лишь одинъ Алеша. Что-же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ-бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ плаксивымъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался! горестно воскликнулъ Смуровъ.—Ан да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашелъ!

— Вотъ и нашелъ! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали аплодировать.

— Да стойте, стойте, силился всѣхъ перекричать Красоткинъ: я вамъ разскажу какъ это было, штука въ томъ, какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его розыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ-же спряталъ, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ уже привести къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго: Вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь кусочка говядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете,—говядинки, кусочекъ, ну, неужели-же у васъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля-же, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, отчаянно свистнулъ, крикнулъ Перезвону: «Умри!» И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось, что умеръ Перезвонъ, «маменькѣ». Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что, побѣдоносно и справедливо гордясь, прокричалъ Коля,—хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Ici, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вобжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча?—торопливо и дѣловито освѣдомился Коля, принимая кусокъ,—нѣтъ, не горяча, а то собаки не любятъ горячаго. Смотрите-же всѣ. Илюшечка, смотри, да смотри-же, смотри, старикъ, что-же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собакѣ, положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ хозяинъ, не двинувшись, не шевельнувшись, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

И неужели, неужели вы изъ-за того только, чтобъ обучить собаку, все время не приходили! воскликнулъ съ невольнымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ!

— Перезвонъ! Перезвонъ! защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочитъ. Ici, Перезвонъ!—стукнулъ ладонью по постели Коля, и Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! воскликнулъ штабсъ-капитанъ. Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: Ахъ, какъ-бы и мнѣ ее посмотрѣть! Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужъ самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ-бы, когда пройдетъ эффектъ.

произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ. презирая всякую выдержку: ужъ и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!» Самъ ужъ онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ нашина шкапа: *Родственникъ Магомета или удивительное дурачество*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ-же и выстрѣлить, «если это только не обезпокоитъ дамъ». «Маменька» немедленно попросила, чтобъ ей дали побливже посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колесахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывшій военный человѣкъ, самъ распорядился зарядомъ, всыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь-же попросилъ отложить до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три горошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. Маменька вздрогнула было, но тотчасъ-же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! давно приготовилъ, повторилъ онъ еще разъ, въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше мнѣ! вдругъ точно маленькая начала просить «маменька». Лицо ея изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не подарятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мамочка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка, твоя, твоя, но пусть она будетъ у Илюши. потому что. ему подарили, но она все равно что твоя, Илюшечка всегда тебѣ дастъ поиграть, она у васъ пусть будетъ общая, общая...

— Нѣтъ, не хочу чтобъ общая, нѣтъ. чтобы совсѣмъ моя была,

а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь уже совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ, возьми себѣ! крикнулъ вдругъ Илюша.—Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обратился онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ-бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому даритъ.

— Совершенно возможно! тотчасъ-же согласился Красоткинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и передалъ ее съ самымъ вѣжливымъ поклономъ маменькѣ. Та даже расплакалась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ! умиленно воскликнула она и немедленно опять принялась катать пушку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцѣлую, подскочилъ къ ней супругъ и тотчасъ-же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человѣкъ, такъ вотъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благодарная дама, указывая на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно буду носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ составъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шесть березоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать въ мякоть и протереть черезъ барабанную шкуру—вотъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а только папа говоритъ, что это не настоящій порохъ, отозвался Илюша.

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля,—у насъ горитъ. Я, впрочемъ, не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что настоящій порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ-съ.

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной банкѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая сажа осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть черезъ шкуру... А, впрочемъ, вы лучше знаете, я не знаю... А Булкина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кроватью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говоритъ, можетъ. Да и высѣкъ его тутъ-же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого не пускаютъ.

Смурова тоже не пускають, у всѣхъ прославился, — говорятъ, что я отчаянный, презрительно усмѣхнулся Коля. — Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскликнулъ штабсъ-капитанъ, — какъ это вы тамъ пролежали? И неужели вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали подъ поѣздомъ. Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ предъ Колей.

— И-не особенно! небрежно отозвался Коля. — Репутацію мою нуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ — повернулся онъ опять къ Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, разсказывая, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и продолжалъ какъ-бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илюша: — мнѣ разсказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи судили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой цѣлаго слона по обыкновенію у насъ сочинили, началъ развязно Коля. — Это я разъ тутъ по площади шелъ, а какъ разъ пригнали гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ здѣшній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ разсыльнымъ служитъ, смотритъ на меня, да и говоритъ: Ты чего на гусей глядишь? Я смотрю на него: глупая, круглая харя, парню двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа. Я люблю съ народомъ... Мы отстали отъ народа — это аксіома — вы, кажется, изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ простодушнѣйшимъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля мигомъ ободрился.

— Моя теорія, Карамазовъ, ясна и проста, опять радостно забылъ онъ тотчасъ-же. — Я вѣрю въ народъ и всегда радъ отдать ему справедливость, но отнюдь не балуя его, это sine qua... Да, вѣдь я про гуся. Вотъ обращаюсь я къ этому дураку и отвѣчаю ему: А вотъ думаю о чемъ гусь думаетъ. Глядитъ онъ на меня совершенно глупо: А объ чемъ, говоритъ, гусь думаетъ? — А вотъ видишь, говорю, телѣга съ овсомъ стоитъ. Изъ мѣшка овесъ сыплется, а гусь шею протянулъ подъ самое колесо и зерно клюетъ — видишь? — Это я очень вижу, говоритъ. Ну такъ вотъ, говорю, если эту самую телѣгу чуточку теперь тронуть впередъ — перерѣжетъ гусю шею колесомъ или нѣтъ? Безпремѣнно, говоритъ, перерѣжетъ, а самъ ужъ ухмыляется во весь ротъ, такъ весь и растаялъ. Ну, такъ пойдемъ, говорю, парень, даваи. Даваи, говоритъ. И не долго намъ пришлось мастерить: онъ

этакъ непримѣтно около узды стать, а я сбоку чтобы гуся направить. А мужикъ на ту пору зазѣвался, говоритъ съ кѣмъ-то. такъ что совсѣмъ мнѣ и не пришлось направлять: прямо гусь самъ собой такъ и вытянулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу, подъ самое колесо. Я мигнулъ парню, онъ дернулъ и—к-какъ. такъ и переѣхало гусю шею пополамъ! И вотъ надо-жъ такъ, что въ ту-жъ секунду всѣ мужики увидали насъ, ну и загалдѣли разомъ: Это ты нарочно!—Нѣтъ, не нарочно-.— Нѣтъ. нарочно!- ну, галдятъ: Къ мировому! захватили и меня: И ты тутъ. дескать, былъ. ты подсобилъ. тебя весь базаръ знаетъ! А меня дѣйствительно почему-то весь базаръ знаетъ. — прибавилъ самолюбиво Коля.—Потянулись мы всѣ къ мировому. несутъ и гуся. Смотрю, а парень мой струсилъ и заревѣлъ. право, ревѣтъ какъ баба. А гуртовщикъ кричитъ: Этакимъ манеромъ ихъ. гусей, сколько угодно передавить можно! Ну, разумѣется, свидѣтели. Мировой мигомъ кончилъ: за гуся отдать гуртовщику рубль, а гуся пусть парень беретъ себѣ. Да впредь чтобы такихъ шутокъ отнюдь не позволять себѣ. А парень все ревѣтъ какъ баба: Это не я, говоритъ, это онъ меня научилъ —да на меня и показываетъ. Я отвѣчаю съ полнымъ хладнокровіемъ, что я отнюдь не училъ. что я только выразилъ основную мысль, и говорилъ лишь въ проектѣ. Мировой Нефедовъ усмѣхнулся, да и разсердился сейчасъ на себя за то что усмѣхнулся: Я васъ. говоритъ мнѣ. сейчасъ-же вашему начальству аттестую, чтобы вы въ такіе проекты впредь не пускались, вмѣсто того чтобы за книгами сидѣть и уроки ваши учить . Начальству-то онъ меня не аттестовалъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и достигло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно подялся классникъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ. А Колбасниковъ золъ теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый осель. Ты. Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Михайловыхъ приданаго тысячу рублей. а невѣста рыловоротъ первой руки и послѣдней степени. Третьеклассники тотчасъ-же эпиграмму сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ
Что женился неряха Колбасниковъ.

Ну, и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я про Дарданелова ничего не говорю: человѣкъ съ познаніями, съ рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не изъ-за того, что меня отстоялъ...

— Однако-жъ ты сбилъ его на томъ, кто основалъ Трою! вернулъ вдругъ Смуровъ. рѣшительно гордясь въ эту минуту Красоткинымъ. Очень ужъ ему понравился разсказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбылся? льстиво подхватилъ штабсъ-капитанъ;—это про то кто основалъ Трою-съ? Это мы уже слышали что сбылся. Илюшечка мнѣ тогда-же и разсказалъ-съ...

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ! подхватилъ и Илюшечка, — онъ вѣдь только прикидывается, что онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ предметамъ...

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну, это о Троѣ вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ считаю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля. Онъ уже успѣлъ вполнѣ войдти въ тонъ, хотя, впрочемъ, былъ и въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится въ большомъ возбужденіи и что о гусѣ, напримѣръ, разсказалъ слишкомъ ужь отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ все время разсказа и былъ серіозенъ, и вотъ самолюбивому мальчику мало по малу начало уже скрести по сердцу: «не оттого-ли-де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая, что я его похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается это думать, то я»...

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ онъ еще разъ горделиво.

— А я знаю кто основалъ Трою, вдругъ проговорилъ совсѣмъ неожиданно одинъ доселѣ ничего почти еще не сказавшій мальчикъ, молчаливый и видимо застѣнчивый, очень собою хорошенькій, лѣтъ одиннадцати, по фамиліи Карташовъ. Онъ сидѣлъ у самыхъ дверей. Коля съ удивленіемъ и важностію поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ, что вопросъ: Кто именно основалъ Трою?» рѣшительно обратился во всѣхъ классахъ въ секретъ, и чтобы проникнуть его надо было прочесть у Смарагдова. Но Смарагдова ни у кого кромѣ Коли не было. И вотъ разъ мальчикъ Карташовъ потихоньку, когда Коля отвернулся, поспѣшно развернулъ лежащаго между его книгами Смарагдова и прямо попалъ на то мѣсто, гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случилось это довольно уже давно, но онъ все какъ-то конфузился и не рѣшался открыть публично, что и онъ знаетъ, кто основалъ Трою, опасаясь чтобы не вышло чего нибудь и чтобы не сконфузилъ его какъ нибудь за это Коля. А теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и сказалъ. Да и давно ему хотѣлось.

Ну, кто-же основалъ? надменно и свысока повернулся къ нему Коля, уже по лицу угадавъ, что тотъ дѣйствительно знаетъ, и, разумѣется, тотчасъ-же приготовившись ко всѣмъ послѣдствіямъ. Въ общемъ настроеніи произошелъ, что̀ называется, диссонансъ.

— Трою основали Тевкръ, Дарданъ, Илосъ и Тросъ, разомъ отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь покраснѣлъ, такъ покраснѣлъ, что на него жалко стало смотрѣть. Но мальчики всѣ на

него глядѣли въ упоръ, глядѣли цѣлую минуту, и потомъ вдругъ всѣ эти глядящіе въ упоръ глаза разомъ повернулись къ Колѣ. Тотъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ все еще продолжалъ обмѣривать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То есть какъ-же это они основали? удостоилъ онъ, наконецъ, проговорить,—да и что значитъ вообще основать городъ или государство? Что-жь они: пришли и по кирпичу положили, что-ли?

Раздался смѣхъ. Виноватый мальчикъ изъ розоваго сталъ пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать. Коля выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Чтобы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ, какъ основаніе національности, надо, прежде всего, понимать, что это значитъ, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе.—Я, впрочемъ, не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и вообще всемірную исторію не весьма уважаю, прибавилъ онъ вдругъ небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какимъ-то вдругъ испугомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей человѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естественныя, сформулъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного мнѣнія онъ здѣсь и боялся. Но Алеша все молчалъ и былъ все по прежнему серіозенъ. Если-бы сказалъ что нибудь сейчасъ Алеша, на томъ-бы оно и покончилось. но Алеша смолчалъ, а молчаніе его могло быть презрительнымъ , и Коля раздражился уже совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно съумасшествіе и ничего больше... Вы опять, кажется, не согласны со мной, Карамазовъ?

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— Классическіе языки, если хотите все мое о нихъ мнѣніе — это полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены, мало по малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля, — они заведены потому, что скучны и потому что отупляютъ способности. Было скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать, чтобъ еще больше было скуки? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать, чтобы стало еще безтолковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое полное о нихъ мнѣніе и, надѣюсь, что я никогда не измѣню его, рѣзко закончилъ Коля. На обѣихъ щекахъ его показалось по красной точкѣ румянца.

— Это правда, звонкимъ и убѣжденнымъ голоскомъ согласился вдругъ прилежно слушавшій Смуровъ.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ изъ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ самъ говоритъ, а самъ у насъ первый по латинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Что-жъ такое? счелъ нужнымъ оборониться Коля, хотя ему очень пріятна была и похвала. — Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а, по моему, за что взялся, то ужь дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость... Не согласнатесь, Карамазовъ?

— Ну зачѣмъ-же «подлость?» усмѣхнулся опять Алеша.

— Да помилуйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, стало быть, вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ латынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія способностей. Какъ-же послѣ того не подлость?

— Ну кто васъ этому всему научилъ? воскликнулъ удивленный, наконецъ, Алеша.

— Во первыхъ, я и самъ могу понимать, безъ ученія, а во вторыхъ, знайте, вотъ это-же самое, что я вамъ сейчасъ толковалъ про переведенныхъ классиковъ, говорилъ вслухъ всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ...

— Докторъ пріѣхалъ! воскликнула вдругъ все время молчавшая Ниночка.

Дѣйствительно къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая госпожѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все утро доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать его. Маменька подобралась и напустила на себя важности. Алеша подошелъ къ Илюшѣ и сталъ оправлять ему подушку. Ниночка, изъ своихъ креселъ, съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ оправляетъ постельку. Мальчики торопливо стали прощаться, нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайдти вечеромъ. Коля крикнулъ Перезвона, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ поныхахъ Коля Илюшѣ,—я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уѣдетъ докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но уже докторъ входилъ—важная фигура въ медвѣжьей шубѣ, съ длинными темными бакенбардами и съ глянцовито выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ остановился, какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что онъ не туда зашелъ. Что это? Гдѣ я? пробормоталъ онъ, не сводя съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковымъ-же козырькомъ съ своей головы. Толпа, обширность комнаты, развѣшанное въ углу на веревкѣ

бѣлье, сбили его съ толку. Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно,—вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ...

— Снѣ-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ. — Господинъ Снѣгиревъ—это вы?

— Это я-съ?

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сбросилъ съ себя шубу. Ветхій въ глаза блеснулъ важный орденъ на шеѣ. Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ фуражку.

— Гдѣ-же пациентъ? спросилъ онъ громко и настоятельно.

VI.

Раннее развитіе.

Какъ вы думаете, что̀ ему скажетъ этотъ докторъ? скороговоркой проговорилъ Коля. — какая отвратительная, однако-же. харя, неправда-ли? Терпѣть не могу медицину!

— Илюша умретъ. Это, мнѣ кажется, ужъ навѣрно, грустно отвѣтилъ Алеша.

— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ, однако, что узналъ васъ, Карамазовъ. Я давно хотѣлъ васъ узнать. Жаль только, что мы такъ грустно встрѣтились...

Колѣ очень-бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще экспансивнѣе, но какъ будто что-то его коробило. Алеша это замѣтилъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо, пробормоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь.—Я слышалъ, вы мистикъ и были въ монастырѣ. Я знаю, что вы мистикъ, но... это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительности васъ излѣчитъ... Съ натурами какъ вы не бываетъ иначе.

— Что̀ вы называете мистикомъ? Отъ чего излѣчитъ? удивился немного Алеша.

— Ну, тамъ Богъ и прочее.

— Какъ, да развѣ вы въ Бога не вѣруете?

— Напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога. Конечно, Богъ есть только гипотеза... но... я признаю, что Онъ нуженъ, для порядка... для міроваго порядка и такъ далѣе... и если-бъ Его не

было, то надо-бы Его выдумать, прибавилъ Коля, начиная краснѣть. Ему вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ подумаетъ, что онъ хочетъ выставить свои познанія и показать какой онъ „большой“. „А я вовсе не хочу выставлять предъ нимъ мои познанія“, съ негодованіемъ подумалъ Коля. И ему вдругъ стало ужасно досадно.

— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти пренія, отрѣзалъ онъ,—можно вѣдь и не вѣруя въ Бога любить человѣчество, какъ вы думаете? Вольтеръ-же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество? (Опять, опять! подумалъ онъ про себя).

— Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало, и, кажется, мало любилъ и человѣчество,—тихо, сдержанно и совершенно натурально произнесъ Алеша, какъ-бы разговаривая съ себѣ равнымъ по лѣтамъ, или даже со старшимъ лѣтами человѣкомъ. Колю именно поразила эта какъ-бы неувѣренность Алеши въ свое мнѣніе о Вольтерѣ и что онъ какъ будто именно ему, маленькому Колѣ, отдаетъ этотъ вопросъ на рѣшеніе.

— А вы развѣ читали Вольтера? заключилъ Алеша.

— Нѣтъ, не то чтобы читалъ... Я, впрочемъ, *Кандида* читалъ, въ русскомъ переводѣ... въ старомъ, уродливомъ переводѣ, смѣшномъ... (Опять, опять!)

— И поняли?

— О, да, все... то есть... почему-же вы думаете, что я-бы не понялъ? Тамъ, конечно, много сальностей... Я, конечно, въ состояніи понять, что это романъ философскій, и написанъ, чтобы провести идею... запутался уже совсѣмъ Коля.—Я соціалистъ, Карамазовъ, я неисправимый соціалистъ, вдругъ оборвалъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Соціалистъ? засмѣялся Алеша,—да когда это вы успѣли? Вѣдь вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется?

Колю скрючило.

— Во первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, такъ и вспыхнулъ онъ,—а во вторыхъ, совершенно не понимаю, къ чему тутъ мои лѣта? „Дѣло въ томъ каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда-ли?

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами увидите какое значеніе имѣетъ на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показалось тоже, что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно отвѣтилъ Алеша, но Коля горячо его прервалъ.

— Помилуйте, вы хотите послушанія и мистицизма. Согласитесь въ томъ, что, напримѣръ, христіанская вѣра послужила лишь богатымъ и знатнымъ, чтобы держать въ рабствѣ низшій классъ, не правда-ли?

— Ахъ, я знаю гдѣ вы это прочли, и васъ непремѣнно кто нибудь научилъ! воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, зачѣмъ-же непремѣнно прочелъ? И никто ровно не научилъ. Я и самъ могу... И если хотите, я не противъ Христа. Это была вполнѣ гуманная личность, и живи Онъ въ наше время, Онъ-бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ быть, игралъ-бы видную роль... Это даже непремѣнно.

— Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались! Съ какимъ это дуракомъ мы связались? воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, по одному случаю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но... Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слышалъ отъ одного... впрочемъ, чортъ...

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите-ли... нѣтъ... я не совсѣмъ читалъ, но... мѣсто о Татьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ.

— Какъ не пошла съ Онѣгинымъ? Да развѣ вы это ужь... понимаете?

— Помилуйте, вы, кажется, принимаете меня за мальчика Смурова, раздражительно осклабился Коля.—Впрочемъ, пожалуйста, не думайте, что я ужь такой революціонеръ. Я очень часто несогласенъ съ господиномъ Ракитинымъ. Если я о Татьянѣ, то я вовсе не за эмансипацію женщинъ. Я признаю, что женщина есть существо подчиненное и должна слушаться. Les femmes tricottent, какъ сказалъ Наполеонъ,—усмѣхнулся почему-то Коля,—и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ я совершенно раздѣляю убѣжденіе этого псевдо-великаго человѣка. Я тоже, напримѣръ, считаю, что бѣжать въ Америку изъ отечества—низость, хуже низости—глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно много принести пользы для человѣчества? Именно теперь. Цѣлая масса плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ кто нибудь уже приглашалъ въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это, разумѣется, между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова. Это я вамъ только. Я совсѣмъ не желаю попасть въ лапки Третьяго Отдѣленія и брать уроки у Цѣпнаго Моста,

Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго Моста!

Помните? Великолѣпно! Чему вы смѣетесь? Ужь не думаете-ли

вы, что я вамъ все навралъ? (А что, если онъ узнаетъ, что у меня въ отцовскомъ шкапу всего только и есть одинъ этотъ нумеръ *Колокола*, а больше я изъ этого ничего не читалъ? мелькомъ, но съ содроганіемъ подумалъ Коля).

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ налгали. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все это, увы, сущая правда! Ну скажите, а Пушкина-то вы читали. *Онѣгина*-то... Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ предразсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту, и другую сторону. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете? отрѣзалъ вдругъ Коля и весь вытянулся предъ Алешей, какъ-бы ставъ въ позицію.—Сдѣлайте одолженіе, безъ обиняковъ.

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Алеша.— Да за что-же? Мнѣ только грустно, что прелестная натура какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодовольства перебилъ Коля,—а что я мнителенъ, то это такъ. Глупо мнителенъ, грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и показалось, что вы какъ будто...

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите чему я усмѣхнулся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного заграничнаго нѣмца, живнаго въ Россіи, объ нашей теперешней учащейся молодежи: «Покажите вы—онъ пишетъ—русскому школьнику карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра-же возвратитъ вамъ эту карту исправленною . Никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе—вотъ что хотѣлъ сказать нѣмецъ про русскаго школьника.

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохоталъ вдругъ Коля, —вѣрнѣйшимо, точь въ точь! Браво, нѣмецъ! Однако-жь чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны, а, какъ вы думаете? Самомнѣніе—это пусть, это отъ молодости, это исправится, если только надо чтобъ это исправилось, но за то и независимый духъ, съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжденія, а не духъ нхняго колбасническаго раболѣпства предъ авторитетами... Но все-таки нѣмецъ хорошо сказалъ! Браво, нѣмецъ! Хотя все-таки нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ наукахъ, а ихъ все-таки надо душить...

За что-же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну, я совралъ, можетъ быть, соглашаюсь. Я иногда ужасный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и готовъ наврать вздору. Слушайте, мы съ вами однако-же здѣсь болтаемъ о пустякахъ, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впрочемъ, онъ, можетъ, тамъ и маманю осмотритъ и эту Ниночку безногую. Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ прошептала, когда я выходилъ: «Зачѣмъ вы не приходили раньше?» И такимъ голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется, она ужасно добрая и жалкая.

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите что̀ это за существо. Вамъ очень полезно узнавать вотъ такія существа, чтобъ умѣть пѣнить и еще многое другое что̀ узнаете именно изъ знакомства съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша. — Это лучше всего васъ передѣлаетъ.

— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ раньше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.

— Да, очень жаль. Вы видѣли сами какое радостное вы произвели впечатлѣніе на бѣднаго малютку! И какъ онъ убивался васъ ожидая!

— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А, впрочемъ, мнѣ по-дѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгоистическаго самолюбія и подлаго самовластія, отъ котораго всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многомъ подлецъ, Карамазовъ!

— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная, и я слишкомъ понимаю почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого благороднаго и болѣзненно воспріимчиваго мальчика! горячо отвѣтилъ Алеша.

И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля, — а я, представьте, я думалъ, — я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ я здѣсь, думалъ, что вы меня презираете! Если-бъ вы только знали какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!

— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ лѣтахъ! Ну, представьте-же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ комнатѣ, глядя на васъ, когда вы разсказывали, что вы должны быть очень мнительны.

— Ужь и подумали? Какой, однако-же, у васъ глазъ, видите, видите! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда я про гуся разсказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообразилось, что вы меня глубоко презираете за то, что я стѣну выставиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ за это и началъ нести ахинею. Потомъ мнѣ вообразилось (это уже сейчасъ здѣсь) на томъ мѣстѣ, когда я говорилъ: Если-бы не было Бога, то Его

надо выдумать , что я слишкомъ торопился выставить мое образованіе, тѣмъ болѣе, что эту фразу я въ книгѣ прочелъ. Но клянусь вамъ, я торопился выставить не отъ тщеславія, а такъ, не знаю отчего, отъ радости, ей Богу какъ будто отъ радости... хотя это глубоко-постыдная черта, когда человѣкъ всѣмъ лѣзетъ на шею отъ радости. Я это знаю. Но я зато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это я самъ выдумалъ. О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я воображаю иногда Богъ знаетъ что̀, что надо мной всѣ смѣются, весь міръ, и я тогда, я просто готовъ тогда уничтожить весь порядокъ вещей.

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазовъ, скажите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте-же про это, не думайте объ этомъ совсѣмъ! воскликнулъ Алеша. Да и что̀ такое смѣшонъ? Мало-ли сколько разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человѣкъ? Притомъ-же нынѣче почти всѣ люди со способностями ужасно боятся быть смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ, что вы такъ рано стали ощущать это, хотя, впрочемъ, я давно уже замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынѣче даже почти дѣти начали ужъ этимъ страдать. Это почти съумасшествіе. Въ это самолюбіе воплотился чортъ и залѣзъ во все поколѣніе, именно чортъ, —прибавилъ Алеша вовсе не усмѣхнувшись, какъ подумалъ было глядѣвшій въ упоръ на него Коля.—Вы какъ и всѣ, заключилъ Алеша,—то есть какъ очень многіе, только не надо быть такимъ какъ всѣ, вотъ что̀.

— Даже не смотря на то, что всѣ такіе?

— Да, не смотря на то, что всѣ такіе. Одинъ вы и будьте не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой какъ всѣ: вы вотъ теперь не постыдились-же признаться въ дурномъ и даже въ смѣшномъ. А нынѣче кто въ этомъ сознается? Никто, да и потребность даже перестали находить въ самоосужденіи. Будьте-же не такой какъ всѣ; хотябы только вы одинъ оставались не такой, а все-таки будьте не такой.

— Великодѣшно! Я въ васъ не ошибся. Вы способны утѣшить. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ давно уже ищу встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже думали? Давеча вы говорили, что обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже думалъ... и если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это спросить, то это ничего.

— Знаете, Карамазовъ, наше объясненіе похоже на объясненіе въ любви, какимъ-то разслабленнымъ и стыдливымъ голосомъ проговорилъ Коля.—Это не смѣшно, не смѣшно?

— Совѣмъ не смѣшно, да хоть-бы и смѣшно, такъ это ничего, потому что хорошо, свѣтло улыбнулся Алеша.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ самимъ теперь немного со мною стыдно... Я вижу по глазамъ, какъ-то хитро, но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

Чего-же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали что я покраснѣлъ! засмѣялся Алеша, и дѣйствительно весь покраснѣлъ. Ну да, немного стыдно, Богъ знаетъ отчего, не знаю отчего... бормоталъ онъ почти даже сконфузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно за то, что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно я! въ рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля. Щеки его пылали, глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень несчастный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете напередъ! тотчасъ-же подтвердилъ Коля.

— Но въ цѣломъ всетаки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Карамазовъ. Знаете, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно какъ съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ, не ровня, вы выше! Но мы сойдемся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяцъ говорилъ себѣ: Или мы разомъ съ нимъ сойдемся друзьями на вѣки, или съ перваго-же разу разойдемся врагами до гроба!»

— И говоря такъ ужь, конечно, любили меня! весело смѣялся Алеша.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ! И какъ это вы знаете все напередъ? Ба, вотъ и докторъ. Господи, что-то скажетъ, посмотрите какое у него лицо!

VII.

Илюша.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу и съ фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брезгливое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мелькомъ окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на Алешу и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета, при-

везшая доктора, подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-капитанъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и согнувшись, почти извиваясь предъ нимъ, остановилъ его для послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взглядъ испуганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство... неужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь всплеснулъ руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбой смотря на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго слова доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и привычно внушительнымъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство... и скоро это, скоро?

— При-го-товь-тесь ко всему, отчеканилъ ударяя по каждому слогу докторъ, и, склонивъ взоръ, самъ приготовился было шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганно остановилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ,—ваше превосходительство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ничего теперь не спасетъ?..

— Не отъ меня теперь за-ви-сить, нетерпѣливо проговорилъ докторъ,—и однакоже, гм.—пріостановился онъ вдругъ, —если-бы вы, напримѣръ, могли... на-пра-вить... вашего паціента... сейчасъ и ни мало не медля (слова сейчасъ и ни мало не медля докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, такъ что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то... вслѣдствіе новыхъ благо-пріятныхъ кли-ма-ти-ческихъ условій... могло-бы, можетъ быть, про-и-зойдти...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ какъ-бы ничего еще не понимая.

— Сиракузы—это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громко Коля, для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію! Батюшка, ваше превосходительство, потерялся штабсъ-капитанъ,— да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ обѣими руками кругомъ, указывая на свою обстановку, —а маменька-то, а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство ваше на Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а супругу... продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея ревматизмовъ... немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ, въ лечебницу доктора спи-хі-атра Ле-пель-летье, я-бы могъ вамъ дать къ нему записку, и тогда... могло-бы, можетъ быть, произвошли...

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнулъ вдругъ

опять руками штабс-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя бревенчатыя стѣны сѣней.

— А, это ужь не мое дѣло. усмѣхнулся докторъ, — я лишь сказалъ то что могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о послѣднихъ средствахъ, а остальное... къ сожалѣнію моему...

— Не безпокойтесь, лѣкарь. моя собака васъ не укуситъ. громко отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ доктора на Перезвона. ставшаго на порогъ. Гнѣвная нотка прозвенѣла въ голосѣ Коли. Слово-же лѣкарь вмѣсто докторъ онъ сказалъ *нарочно* и, какъ самъ объявилъ потомъ, для оскорбленія сказалъ».

— Что та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уставившись на Колю. — Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, будто спрашивая у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкарь. не безпокойтесь о моей личности, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ. не понявъ что такое Перезвонъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣкарь, увидимся въ Сиракузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ. докторъ. онъ шалунъ, не обращайте вниманія. нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша. — Коля, молчите!—крикнулъ онъ Красоткину.—Не надо обращать вниманія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь надо, выс-сѣчь! затопалъ было ногами слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣкарь, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй, что и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голоскомъ, побѣлѣвъ и сверкнувъ глазами.—Ісі, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ вами разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкарь, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ приказывать Николая Красоткину, это вотъ этотъ человѣкъ (Коля указалъ на Алешу): ему повинуюсь. прощайте!

Онъ сорвался съ мѣста и. отворивъ дверь, быстро прошелъ въ комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ было еще секунды пять. какъ-бы въ столбнякѣ. смотря на Алешу, потомъ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко повторяя: «Этта, этта, этта, я не знаю. что этта!» Штабсъ-капитанъ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату вслѣдъ за Колей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши. Илюша держалъ его за руку и звалъ папу. Чрезъ минуту воротился и штабсъ-капитанъ.

— Папа. папа, поди сюда... мы... пролепетать было Илюша въ чрезвычайномъ возбужденіи. но, видимо не въ силахъ продолжать, вдругъ бросилъ свои объ исхудалыя ручки впередъ и крѣпко. какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ. и Колю и папу. соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись. Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся отъ безмолвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя. папа! горько простонялъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... будешь здоровъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было штабсъ-капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю что̀ тебѣ новый докторъ про меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша и опять крѣпко. изо всей силы прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ. спрятавъ на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты хорошаго мальчика, другаго... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хорошаго, назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ. выздоровѣешь! точно осердившись крикнулъ вдругъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, продолжалъ Илюша,— ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ что̀. папа, похорони ты меня у нашего большаго камня, къ которому мы съ тобой гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, вечеромъ... И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣкся, всѣ трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдругъ. увидавъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! воскликала она. Красоткинъ вдругъ высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай, старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, проговорилъ онъ скороговоркой.— Какъ жаль, что я ее не предувѣдомилъ! Очень будетъ безпокоиться... Но послѣ обѣда я тотчасъ къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ разскажу. столько разскажу! И Перезвона приведу, а теперь съ собою уведу, потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать будетъ; до свиданья!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но въ сѣняхъ онъ таки заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашелъ его Алеша.

— Коля, вы должны непремѣнно сдержать слово и придти. а то онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настоятельно проговорилъ Алеша.

— Непремѣнно! О. какъ я клянусь себя, что не приходилъ раньше,

плача и не конфузясь что плачетъ, пробормоталъ Коля. Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты штабсъ-капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его было изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ предъ обоими молодыми людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

— Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другаго мальчика! прошепталъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами,—аще забуду тебе Іерусалиме, да прильпнетъ...

Онъ не договорилъ, какъ-бы захлебнувшись, и опустился въ безсиліи предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоими кулаками свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвизгивая, изо всей силы крѣпясь, однако, чтобы не услышали его взвизговъ въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

— Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

— Вечеромъ непремѣнно буду.

— Что онъ это такое про Іерусалимъ... Это что еще такое?

— Это изъ Библіи: «Аще забуду тебе Іерусалиме»,—то есть если забуду все, что есть самаго у меня драгоцѣннаго, если промѣняю на что, то да поразитъ...

— Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Іси, Перезвонъ! совсѣмъ уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, скорыми шагами зашагалъ домой.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Братъ Иванъ Ѳедоровичъ.

I.

У Грушеньки.

Алеша направился къ Соборной площади, въ домъ купчихи Морозовой, къ Грушенькѣ. Та еще рано утромъ прислала къ нему Ѳеню съ настоятельною просьбой зайдти къ ней. Опросивъ Ѳеню, Алеша узналъ, что барыня въ какой-то большой и особливой тревогѣ еще со вчерашняго дня. Во весь эти два мѣсяца послѣ ареста Мити, Алеша часто захаживалъ въ домъ Морозовой и по собственному побужденію, и по порученіямъ Мити. Дня три послѣ ареста

Мити Грушенька сильно заболѣла и хворала чуть не пять недѣль. Одну недѣлю изъ этихъ пяти пролежала безъ памяти. Она сильно измѣнилась въ лицѣ, похудѣла и пожелтѣла, хотя вотъ уже почти двѣ недѣли какъ могла выходить со двора. Но на взглядъ Аленѣ лицо ея стало какъ-бы еще привлекательнѣе, и онъ любилъ, входя къ ней, встрѣчать ея взглядъ. Что-то какъ-бы укрѣпилось въ ея взглядѣ твердое и осмысленное. Сказывался нѣкоторый переворотъ духовный, являлась какая-то неизмѣнная, смиренная, но благая и безповоротная рѣшимость. Между бровями на лбу появилась небольшая вертикальная морщинка, придававшая милому лицу ея видъ сосредоточенной въ себѣ задумчивости, почти даже суровой на первый взглядъ. Прежней, напримѣръ, вѣтрености не осталось и слѣда. Странно было для Аленѣ и то, что не смотря на все несчастіе, постигшее бѣдную женщину, невѣсту жениха, арестованнаго по страшному преступленію, почти въ тотъ самый мигъ, когда она стала его невѣстой, не смотря потомъ на болѣзнь и на угрожающее впереди почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька все-таки не потеряла прежней своей веселости. Въ гордыхъ прежде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя... хотя, впрочемъ, глаза эти изрѣдка опять таки пламенѣли нѣкоторымъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя забота, не только незаглохнувшая, но даже и увеличившаяся въ ея сердцѣ.Предметъ этой заботы былъ все тотъ-же: Катерина Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала больная, помнила даже въ бреду. Алена понимала, что она страшно ревнуетъ къ ней Митю, арестанта Митю, не смотря на то, что Катерина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи, хотя-бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось для Аленѣ въ нѣкоторую трудную задачу, ибо Грушенька только одному ему довѣряла свое сердце и безпрерывно просила у него совѣтовъ; онъ-же иногда совсѣмъ ничего не въ силахъ былъ ей сказать.

Озабоченно вступилъ онъ въ ея квартиру. Она была уже дома; съ полчаса какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому движенію, съ которымъ она вскочила съ кресель изъ-за стола къ нему на встрѣчу, онъ заключилъ, что ждала она его съ большимъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана игра въ дурачки. На кожаномъ диванѣ съ другой стороны была постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатѣ и въ бумажномъ колпакѣ, Максимовъ, видимо больной и ослабѣвшій, хотя и сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ воротился тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Мокраго, такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно. Пріѣхавъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, онъ, промокшій и испуганный, сѣлъ на диванъ и

уставился на нее молча, съ робкою просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ и уже въ начинавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ первые полчаса по пріѣздѣ за разными хлопотами, — вдругъ какъ-то пристально посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихикнулъ ей въ глаза. Она кликнула Ѳеню и велѣла дать ему покушать. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не шелохнувшись; когда-же стемнѣло и заперли ставни, Ѳеня спросила барыню:

— Что-жь, барыня, развѣ они ночевать останутся?

— Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

Опросивъ его подробнѣе, Грушенька узнала отъ него, что дѣйствительно ему какъ разъ теперь некуда дѣться совсѣмъ, и что господинъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо мнѣ заявилъ-съ, что болѣе меня ужь не примутъ и пять рублей подарилъ. — Ну. Богъ съ тобой, оставайся ужь, рѣшила въ тоскѣ Грушенька, сострадательно ему улыбнувшись. Старика передернуло отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благодарнаго плача. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у нея считающійся приживальщикъ. Даже въ болѣзни ея онъ не ушелъ изъ дома. Ѳеня и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а продолжали его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Впослѣдствіи Грушенька даже привыкла къ нему и, приходя отъ Мити (къ которому, чуть оправившись, тотчасъ-же стала ходить, не успѣвъ даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, садилась и начинала разговаривать съ Максимушкой о всякихъ пустякахъ, только чтобы не думать о своемъ горѣ. Оказалось, что старичокъ умѣлъ иногда кое-что и порасказать, такъ что сталъ ей, наконецъ, даже и необходимъ. Кромѣ Алеши, заходившаго, однако, не каждый день, и всегда не на долго, Грушенька никого почти и не принимала. Старикъ-же ея, кунецъ, лежалъ въ это время уже страшно больной, «отходилъ», какъ говорили въ городѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя послѣ суда надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ близкій финалъ, онъ кликнулъ къ себѣ, наконецъ, на верхъ сыновей своихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не отходить отъ себя. Грушеньку-же съ этой самой минуты строго заказалъ слугамъ не принимать вовсе, а коли придетъ, то говорить ей: «Приказываетъ, дескать, вамъ долго въ весели жить, а ихъ совсѣмъ позабыть». Грушенька, однако-жь, посылала почти каждый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! крикнула она, бросивъ карты и радостно здороваясь съ Алешей, — а Максимушка такъ пугалъ, что, пожалуй, ужь и не придешь. Ахъ, какъ тебя нужно! Садись къ столу; ну, что тебѣ, кофею?

— А, пожалуй, сказалъ Алеша, подсаживаясь къ столу,—очень проголодался.

— То-то: Ѳеня, Ѳеня, кофею! крикнула Грушенька,—онъ у меня ужь давно кипитъ, тебя ждетъ, да пирожковъ принесн, да чтобы горячихъ. Нѣтъ, постой, Алеша, у меня съ этими пирогами сегодня громъ вышелъ. Понесла я ихъ къ нему въ острогъ, а онъ, вѣрншь-ли, назадъ мнѣ ихъ бросилъ, такъ и не ѣлъ. Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на полъ кинулъ и растоптать. Я и сказала: сторожу оставлю: коли не съѣшь до вечера, значитъ, тебя злость эхидная кормитъ!» съ тѣмъ и ушла. Опять вѣдь поссорились, вѣрнпь тому. Что ни приду, такъ и поссоримся.

Грушенька проговорила все это залюмъ, въ волненіи. Макенмовъ, тотчасъ-же оробѣвъ, улыбался, потупивъ глазки.

— Этотъ-то разъ за что-же поссорились? спросилъ Алеша.

— Да ужь совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, къ прежнему приревновалъ: Зачѣмъ, дескать, ты его содержишь. Ты его, значитъ, содержать начала? Все ревнуетъ, все меня ревнуетъ! И спитъ и ѣстъ ревнуетъ. Къ Кузьмѣ даже разъ на прошлой недѣлѣ приревновалъ.

— Да вѣдь онъ-же зналъ про «прежняго»-то?

— Ну вотъ поди. Съ самаго начала до самаго сегодня зналъ, а сегодня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать что говорилъ. Дуракъ! Ракитка къ нему пришелъ какъ я вышла. Можетъ, Ракитка-то его и усыкаетъ, а? Какъ ты думаешь? прибавила она какъ-бы разсѣянно.

— Любитъ онъ тебя, вотъ что, очень любитъ. А теперь какъ разъ и раздраженъ.

Еще-бы не раздраженъ, завтра судятъ. И шла съ тѣмъ, чтобъ объ завтрашнемъ ему мое слово сказать, потому, Алеша, страшно мнѣ даже и подумать что завтра будетъ! Ты вотъ говоришь, онъ раздраженъ, да я-то какъ раздражена. А онъ объ полякѣ! Экой дуракъ! Вотъ къ Максимушкѣ небось не ревнуетъ.

— Меня супруга моя очень тоже ревновала-съ, вставилъ свое словцо Макенмовъ.

— Ну ужь тебя-то, разсмѣялась нехотя Грушенька.—къ кому тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-съ.

— Э, молчи. Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже злость беретъ. На пирожки-то глазъ не имѣй, не дамъ, тебѣ вредно, и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ съ нимъ тоже возись; точно у меня домъ богадѣльный, право, разсмѣялась она.

— Я вашихъ благодѣяній не стою-съ, я ничтожень-съ. Прого-

ворилъ слезящимся голоскомъ Максимовъ.—Лучше-бы вы расточали благодѣянія ваши тѣмъ, которые нужнѣе меня-съ.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнать кто кого нужнѣй. Хоть-бы и не было этого поляка вовсе, Алеша, тоже вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ вотъ нарочно-же и ему пошлю пироговъ, я не посылала, а Митя обвинилъ что посылаю, такъ вотъ нарочно-же теперь пошлю. нарочно! Ахъ, вотъ и Ѳеня съ письмомъ! Ну, такъ и есть, опять отъ поляковъ, опять денегъ просятъ!

Панъ Мусяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычайно длинное и витіеватое по своему обыкновенію письмо, въ которомъ просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была приложена росписка въ полученіи, съ обязательствомъ уплатить въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; подъ роспиской подписался и панъ Врублевскій. Такихъ писемъ и все съ такими-же росписками Грушенька уже много получила отъ своего прежняго . Началось это съ самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Она знала, однако, что оба пана и во время болѣзни ея приходили навѣдываться о ея здоровьѣ. Первое письмо, полученное Грушенькой, было длинное, на почтовомъ листѣ большаго формата, запечатанное большою фамильною печатью и страшно темное и витіеватое, такъ что Грушенька прочла только половину и бросила, ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда было. За этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день второе. въ которомъ панъ Мусяловичъ просилъ ссудить его двумя тысячами рублей на самый короткій срокъ. Грушенька и это письмо оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ писемъ, по письму въ день, все такіе важныхъ и витіеватыхъ, но въ которыхъ сумма, просимая взаймы, постепенно спускаясь, дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рублей и, наконецъ, вдругъ Грушенька получила письмо, въ которомъ оба пана просили у ней одинъ только рубль и приложили росписку, на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало вдругъ жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ пану. Нашла она обоихъ поляковъ въ страшной бѣдности, почти въ нищетѣ, безъ кушанья, безъ дровъ, безъ папиросъ, задолжавшихъ хозяйкѣ. Двѣсти рублей, выигранные въ Мокромъ у Мити, куда-то быстро исчезли. Удивило, однако-же, Грушеньку, что встрѣтили ее оба пана съ запосчивою важностью и независимостью, съ величайшимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька только разсмѣялась и дала своему прежнему десять рублей. Тогда-же, смѣясь, разсказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не приревновалъ. Но съ тѣхъ поръ паны ухватились за Грушеньку и каждый день ее бом-

бардировали письмами съ просьбой о деньгахъ, а та каждый разъ посылала по немножку. И вотъ вдругъ сегодня Митя вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только на минутку, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлся тоже и онъ, панъ-то мой прежній, начала опять Грушенька, сустливо и торопясь, — смѣюсь я это и разсказываю Митѣ-то: представь, говорю, полякъ-то мой на гитарѣ прежнія пѣсни мнѣ вздумалъ пѣть, думаетъ, что я разчувствуюсь и за него пойду. А Митя-то какъ вскочитъ съ ругательствами... Такъ вотъ пѣть-же, пошлю напамъ пироговъ! Феня, что они тамъ дѣвчонку эту прислали? Вотъ, отдай ей три рубля, да съ десятокъ пирожковъ въ бумагу имъ уверни и вели снести, а ты, Алеша, непремѣнно разскажи Митѣ, что я имъ пироговъ послала.

— Ни за что не разскажу, проговорилъ, улыбнувшись, Алеша.

— Эхъ, ты думаешь, что онъ мучается; вѣдь онъ это нарочно приревновалъ, а ему самому все равно, горько проговорила Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глупый ты, Аленька, вотъ что, ничего ты тутъ не понимаешь при всемъ умѣ, вотъ что. Мнѣ не то обидно, что онъ меня, такую, приревновалъ, а то стало-бы мнѣ обидно, коли-бы вовсе не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у меня у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ то обидно, что онъ меня вовсе не любитъ, и теперь *нарочно* приревновалъ, вотъ что. Слѣпая я, что-ли, не вижу? Онъ мнѣ объ той, объ Катькѣ, вдругъ сейчасъ и говоритъ: такая-де она и сякая, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы спасти меня выписала, адвоката самаго перваго, самаго ученаго тоже выписала. Значитъ, ее любитъ, коли мнѣ въ глаза началъ хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виноватъ, такъ вотъ ко мнѣ и привязался, чтобы меня прежде себя виноватой сдѣлать, да на меня на одну и свалить: «ты, дескать, прежде меня съ поляшкомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Катькой и позволительно это стало». Вотъ оно что! На меня на одну всю вину свалить хочетъ. Нарочно онъ привязался, нарочно, говорю тебѣ, только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза платкомъ и ужасно разрыдалась.

— Онъ Катерину Ивановну не любитъ, твердо сказалъ Алеша.

— Ну, любитъ не любитъ, это я сама скоро узнаю, съ грозною ноткой въ голосѣ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ платокъ. Лицо ея исказилось. Алеша съ горестью увидѣлъ, какъ

вдругъ, изъ кроткаго и тихо-веселаго, лицо ея стало угрюмымъ и злымъ.

— Объ этихъ глупостяхъ полно! отрѣзала она вдругъ, — не затѣмъ вовсе и я звала тебя. Алеша, голубчикъ, завтра-то, завтра-то что будетъ? Вотъ вѣдь что меня мучитъ! Одну только меня и мучитъ! Смотрю на всѣхъ, никто-то объ томъ не думаетъ, никому-то до этого и дѣла нѣтъ никакого. Думаешь-ли хоть ты объ этомъ? Завтра вѣдь судятъ! Разскажи ты мнѣ, какъ его тамъ будутъ судить? Вѣдь это лакей, лакей убилъ, лакей! Господи! Неужто-жь его за лакея осудятъ, и никто-то за него не заступится? Вѣдь и не потревожили лакея-то вовсе, а?

— Его строго опрашивали, замѣтилъ Алеша задумчиво, — но всѣ заключили, что не онъ. Теперь онъ очень больной лежитъ. Съ тѣхъ поръ боленъ, съ той падучей. Въ самомъ дѣлѣ боленъ, прибавилъ Алеша.

— Господи, да сходилъ-бы ты къ этому адвокату самъ и разсказалъ-бы дѣло съ глазу на глазъ. Вѣдь изъ Петербурга за три тысячи, говорятъ, выписали.

— Это мы втроемъ дали три тысячи, я, братъ Иванъ и Катерина Ивановна, а доктора изъ Москвы выписала за двѣ тысячи ужь она сама. Адвокатъ Фетюковичъ больше-бы взялъ, да дѣло это получило огласку по всей Россіи, во всѣхъ газетахъ и журналахъ о немъ говорятъ, Фетюковичъ и согласился больше для славы пріѣхать, потому что ужь слишкомъ знаменитое дѣло стало. Я его вчера видѣлъ.

— Ну и что-жь? Говорилъ ему? вскинулась торопливо Грушенька.

— Онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Сказалъ что у него уже составилось опредѣленное мнѣніе. Но обѣщалъ мои слова взять въ соображеніе.

— Какъ это въ соображеніе! Ахъ они мошенники! Погубятъ они его! Ну, а доктора-то, доктора зачѣмъ та выписала?

— Какъ эксперта. Хотятъ вывести, что братъ съумасшедшій и убилъ въ помѣшательствѣ, себя не помня, тихо улыбнулся Алеша,— только братъ не согласится на это.

— Ахъ, да вѣдь это правда, если-бъ онъ убилъ! воскликнула Грушенька.—Помѣшанный онъ былъ тогда, совсѣмъ помѣшанный, и это я, я, подлая, въ томъ виновата! Только вѣдь онъ-же не убилъ, не убилъ! И всѣ-то на него, что онъ убилъ, весь городъ. Даже Феня, и та такъ показала, что выходитъ будто онъ убилъ. А въ лавкѣ-то, а этотъ чиновникъ, а прежде въ трактирѣ слышали! Всѣ, всѣ противъ него, такъ и галдятъ.

— Да, показанія ужасно умножились, угрюмо замѣтилъ Алеша.

— А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на своемъ, что дверь была отперта, ломитъ на своемъ, что видѣлъ, не собьешь его, я къ нему бѣгала, сама съ нимъ говорила. Ругается еще!

— Да, это, можетъ быть, самое сильное показаніе противъ брата, проговорилъ Алеша.

— А про то, что Митя помѣшанный, такъ онъ и теперь точно таковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таинственнымъ видомъ начала вдругъ Грушенька.—Знаешь, Алешенька, давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему каждый день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ ты думаешь: объ чемъ это онъ теперь началъ все говорить? Заговоритъ, заговоритъ—ничего понимать не могу, думаю, это онъ объ чемъ умномъ. Ну, я глупая, не понять мнѣ, думаю; только сталъ онъ мнѣ вдругъ говорить про дитё, то есть про дитятю какого-то, зачѣмъ, дескать, бѣдно дитё? За дитё-то это я теперь и въ Сибирь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Сибирь пойдти! Что это такое, какое такое дитё—ничевошеньки не поняла. Только разплакалась какъ онъ говорилъ, потому очень ужъ онъ хорошо это говорилъ, самъ плачетъ, и я заплакала, онъ меня вдругъ и поцѣловалъ и рукой перекрестилъ. Что это такое, Алеша, разскажи ты мнѣ, какое это дитё?..

— Это къ нему Ракитинъ почему-то повадился ходить, улыбнулся Алеша.—впрочемъ... это не отъ Ракитина. Я у него вчера не былъ, сегодня буду.

— Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Ѳедоровичъ смущаетъ, это онъ къ нему ходитъ, вотъ что... проговорила Грушенька и вдругъ какъ-бы осѣклась. Алеша уставился на нее какъ пораженный.

— Какъ ходитъ? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ самъ говорилъ, что Иванъ ни разу не приходилъ.

— Ну... ну, вотъ я какая! Проболталась! воскликнула Грушенька въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись.—Стой, Алеша, молчи, такъ и быть, коль ужъ проболталась, всю правду скажу: онъ у него два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда пріѣхалъ—тогда-же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и прискакалъ, я еще и слечь не успѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю назадъ. Митѣ-то онъ не велѣлъ объ томъ тебѣ сказывать, отнюдь не велѣлъ, да и никому не велѣлъ сказывать, потаенно приходилъ.

Алеша сидѣлъ въ глубокой задумчивости и что-то соображалъ. Извѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не говоритъ, проговорилъ онъ медленно.—да и вообще со мною онъ во всѣ эти

два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я приходилъ къ нему, то всегда бывалъ недоволенъ, что я пришелъ, такъ что я три недѣли къ нему уже не хожу. Гм. . Если онъ былъ недѣлю назадъ, то... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно произошла какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушенька.—У нихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ сказалъ, что секретъ и, знаешь, такой секретъ, что Митя и успокоиться не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и теперь веселый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой мотать, да по комнатѣ шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себѣ тутъ на вискѣ волосы теребитъ, то ужъ я и знаю, что у него что-то безпокойное на душѣ... я ужъ знаю!.. А то былъ веселый: да и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженъ?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раздраженъ, да на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять раздраженъ. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди такой страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ пустякамъ хохочетъ, точно самъ-то дитя.

— И это правда, что онъ тебѣ не велѣлъ говорить про Ивана? Такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, главное, и боится, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ, что секретъ... Алеша, голубчикъ, сходи, вывѣдай: какой это такой у нихъ секретъ, да и приди мнѣ сказать,—вскинулась и взмолилась вдругъ Грушенька,—порѣши ты меня бѣдную, чтобъ ужъ знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь, что это про тебя что нибудь? Такъ вѣдь тогда-бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ, мнѣ-то онъ и хочетъ сказать, да не смѣетъ. Предупреждаетъ. Секретъ, дескать, есть, а какой секретъ — не сказалъ.

— Ты сама-то что-же думаешь?

— А что думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что думаю. Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ Катька. Все это Катька, отъ нея и идетъ. «Такая она и сякая», значитъ, это я не такая. Это онъ впередъ говоритъ, впередъ меня предупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и весь тутъ секретъ! Втроемъ это и придумали —Митька, Катька, да Иванъ Ѳедоровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю назадъ онъ мнѣ вдругъ и открываетъ, что Иванъ влюбленъ въ Катьку, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ сказалъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюбленъ, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда-же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, безстыжій, вотъ что! И приревновалъ онъ теперь меня, чтобы потомъ на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ концовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой... Только я-жъ ему, я-жъ ему! Ты, говоритъ, вѣришь что я убилъ — это мнѣ-то онъ говоритъ, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ съ нимъ! Ну, постой, плохо этой Катькѣ будетъ отъ меня на судѣ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужь все скажу!

И опять она горько заплакала.

Вотъ что я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, сказалъ, вставая съ мѣста, Алеша: — первое то, что онъ тебя любитъ, любитъ больше всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты мнѣ вѣрь. Я знаю. Ужь я знаю. Второе то скажу тебѣ, что я секрета вымытывать отъ него не хочу, а если самъ мнѣ скажетъ сегодня, то прямо скажу ему, что тебѣ обѣщалася сказать. Тогда приду къ тебѣ сегодня-же и скажу. Только... кажется мнѣ... нѣтъ тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое про что нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже совсѣмъ чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А пока прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ видѣлъ, что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то ужь было ей хорошо, что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко ему было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ спѣшилъ. Предстояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ г-жи Хохлаковой, и онъ поспѣшилъ туда, чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоздать къ Митѣ. Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ прихварывала: у нея отчего-то вспухла нога, и она хоть не лежала въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ, но пристойномъ дезабильѣ полулежала у себя въ будуарѣ на кушеткѣ. Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною усмѣшкой, что г-жа Хохлакова, не смотря на болѣзнь свою, стала почти щеголять: явились какія-то наколочки, бантики, распашоночки, и онъ смекалъ почему это такъ. Хотя и гналъ эти мысли какъ праздныя. Въ послѣдніе два мѣсяца

г-жу Хохлакову стали посѣщать, между прочими ея гостями, молодой человѣкъ Перхотинъ. Алеша не заходилъ уже дня четыре, и, войдя въ домъ, посѣщалъ было прямо пройдти къ Лизѣ, ибо у него и было его дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему дѣвушку съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти по очень важному обстоятельству, что, по нѣкоторымъ причинамъ, заинтересовало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ докладывать, г-жа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его прибытіи и немедленно прислала попросить его къ себѣ на одну только минутку. Алеша разсудилъ, что лучше уже удовлетворить сперва просьбу мамаши, ибо та будетъ поминутно посылать къ Лизѣ пока онъ будетъ у той сидѣть. Г-жа Хохлакова лежала на кушеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо въ чрезвычайномъ нервическомъ возбужденіи. Алешу она встрѣтила криками восторга.

— Вѣка, вѣка, цѣлые вѣка не видала васъ! Цѣлую недѣлю, помилуйте, ахъ, впрочемъ, вы были всего четыре дня назадъ, въ среду. Вы къ Lise, я увѣрена, что вы хотѣли пройдти къ ней прямо на цыпочкахъ, чтобъ я не слыхала. Милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, если-бы вы знали какъ она меня безпокоитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это потомъ. Милый Алексѣй Ѳедоровичъ, я вамъ довѣряю мою Лизу вполнѣ. Послѣ смерти старца Зосимы — упокой Господи его душу! (она перекрестилась), послѣ него я смотрю на васъ какъ на схимника, хотя вы и прямо носите вашъ новый костюмъ. Гдѣ это вы достали здѣсь такого портнаго? Но нѣтъ, нѣтъ, это не главное, это потомъ. Простите что я васъ называю иногда Алешей, я старуха, мнѣ все позволено,—кокетливо улыбнулась она. — Но это тоже потомъ. Главное, мнѣ-бы не забыть про главное. Пожалуйста, напомните мнѣ сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: а главное? Ахъ, почему я знаю что теперь главное! — Съ тѣхъ поръ какъ Lise взяла у васъ назадъ свое обѣщаніе, — свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Ѳедоровичъ, — выйдти за васъ замужъ, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь дѣтская игривая фантазія больной дѣвочки долго просидѣвшей въ креслахъ, — слава Богу, она теперь уже ходитъ. Этотъ новый докторъ, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчастнаго вашего брата, котораго завтра... Ну что объ завтрашнемъ! Я умираю отъ одной мысли объ завтрашнемъ! Главное-же отъ любопытства... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ у насъ и видѣлъ Lise... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ заплатила. Но это все не то, опять не то. Видите, я ужъ совсѣмъ теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Я ужасно перестаю теперь знать. Для меня все смѣшалось въ какой-то комокъ. Я

боюсь, что вы возьмете и вырыгнете отъ меня отъ скуки, и я васъ только и видѣла. Ахъ, Боже мой! Что-же мы сидимъ, и во первыхъ,—кофе, Юлія, Глафира, кофе!

Алеша поспѣшно поблагодарилъ и объяснилъ, что онъ сейчасъ только пилъ кофе.

— У кого?

— У Аграѳены Александровны.

— Это... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила, а, впрочемъ, я не знаю, говорятъ, она стала святая, хотя и поздно. Лучше-бы прежде, когда надо было, а теперь что-жъ, какая-же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Ѳедоровичъ, потому что я столько хочу сказать, что, кажется, такъ ничего и не скажу. Этотъ ужасный процессъ... я непремѣнно побѣду, я готовлюсь, меня внесутъ въ креслахъ, и притомъ я могу сидѣть, со мной будутъ люди, и вы знаете, вѣдь я въ свидѣтеляхъ. Какъ я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю что̀ я буду говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ, этотъ дикій поступокъ, и потомъ всѣ идутъ въ Сибирь, другіе женятся, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и, наконецъ, ничего, всѣ старики и въ гробъ смотрятъ. Ну и пусть, я устала. Эта Катя—cette charmante personne, она разбила всѣ мои надежды: теперь она пойдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Сибирь, а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ сосѣднемъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это съ ума сводитъ, а, главное, эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ милліонъ разъ писали. Ахъ, да, представьте себѣ, и про меня написали, что я была «милымъ другомъ» вашего брата, я не хочу проговорить гадкое слово, представьте себѣ, ну, представьте себѣ!

— Этого быть не можетъ! Гдѣ-же и какъ написали?

— Сейчасъ покажу. Вчера получила — вчера и прочла. Вотъ здѣсь въ газетѣ *Слухи*, въ Петербургской. Эти *Слухи* стали издаваться съ нынѣшняго года, я ужасно люблю слухи, и подписалась, и вотъ себѣ на голову: вотъ они какіе оказались слухи. Вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мѣстѣ, читайте.

И она протянула Алешѣ газетный листокъ, лежавшій у ней подъ подушкой.

Она не то что была разстроена, она была какъ-то вся разбита и, дѣйствительно, можетъ быть, у ней все въ головѣ свернулось въ комокъ. Газетное извѣстіе было весьма характерное и, конечно,

должно было на нее очень щекотливо подѣйствовать, но она, къ своему счастью, можетъ быть, не способна была въ сію минуту сосредоточиться на одномъ пунктѣ, а потому черезъ минуту могла забыть даже и о газетѣ и перескочить совсѣмъ на другое. Про то-же, что повсемѣстно по всей Россіи уже прошла слава объ ужасномъ процессѣ. Алеша зналъ давно и, Боже, какія дикія извѣстія и корреспонденціи успѣлъ онъ прочесть за эти два мѣсяца, среди другихъ вѣрныхъ извѣстій, о своемъ братѣ, о Карамазовыхъ вообще и даже о себѣ самомъ. Въ одной газетѣ даже сказано было, что онъ отъ страху послѣ преступленія брата поехимился и затворился; въ другой это опровергали и писали, напротивъ, что онъ вмѣстѣ со старцемъ своимъ Зосимой взломали монастырскій ящикъ и утекли изъ монастыря. Теперешнее-же извѣстіе въ газетѣ *Слухи* озаглавлено было: Изъ Скотопригоньевска (увы, такъ называется нашъ городокъ, я долго скрывалъ его имя), къ процессу Карамазова. Оно было коротенькое, и о г-жѣ Хохлаковой прямо ничего не упоминалось, да и вообще всѣ имена были скрыты. Извѣщалось лишь, что преступникъ, котораго съ такимъ трескомъ собираются теперь судить, отставной армейскій капитанъ, нахальнаго поведенія, лѣтній и крѣпостникъ, то и дѣло занимался амурами и особенно вліялъ на нѣкоторыхъ скучающихъ въ одиночествѣ дамъ. Одна-де такая дама изъ скучающихъ вдовицъ, молодящаяся, хотя уже имѣющая взрослую дочь, до того имъ прельстилась, что всего только за два часа до преступленія предлагала ему три тысячи рублей съ тѣмъ, чтобъ онъ тотчасъ-же бѣжалъ съ нею на золотые пріиски. Но злодѣй предпочелъ-де лучше убить отца и ограбить его именно на три-же тысячи, разсчитывая сдѣлать это безнаказанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣтними прелестями своей скучающей дамы. Игривая корреспонденція эта, какъ и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодованіемъ на счетъ безнравственности отцеубійства и бывшаго крѣпостнаго права. Прочтя съ любопытствомъ, Алеша свернулъ листокъ и передалъ его обратно г-жѣ Хохлаковой.

— Ну какъ-же не я? залепетала она опять, — вѣдь это я, я почти за часъ предлагала ему золотые пріиски и вдругъ «сорокалѣтнія прелести!» Да развѣ я затѣмъ? Это онъ нарочно! Прости ему Вѣчный Судія за сорокалѣтнія прелести, какъ и я прощаю, но вѣдь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ Ракитинъ.

— Можетъ быть, сказалъ Алеша,—хотя я ничего не слыхалъ.

— Онъ, онъ, а не можетъ быть! Вѣдь я его выгнала... Вѣдь вы знаете всю эту исторію?

— Я знаю, что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь,

но за что̀ именно—этого я... отъ васъ, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ.

— А, стало быть, отъ него слышали! Что-жь онъ бранитъ меня, очень бранитъ?

— Да, онъ бранитъ, но вѣдь онъ всѣхъ бранитъ. Но за что̀ вы ему отказали—я и отъ него не слыхалъ. Да и вообще я очень рѣдко съ нимъ теперь встрѣчаюсь. Мы не друзья.

— Ну, такъ я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, покаюсь, потому что тутъ есть одна черта, въ которой я, можетъ быть, сама виновата. Только маленькая, маленькая черточка, самая маленькая, такъ что, можетъ быть, ея и нѣтъ вовсе. Видите, голубчикъ мой (г-жа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игривый видъ и на устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная улыбочка), видите, я подозрѣваю... вы меня простите, Алеша, я вамъ какъ мать... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь какъ къ моему отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ... Ну, все равно какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое вѣрное, это очень подходитъ: назвала-же я васъ давеча схимникомъ,—ну такъ вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, вашъ другъ Ракитинъ (о, Боже, я просто на него не могу сердиться! Я сержусь и злюсь, но не очень), однимъ словомъ, этотъ легкомысленный молодой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется, вздумалъ въ меня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только вдругъ примѣтила, но въ началѣ, то есть съ мѣсяцъ назадъ, онъ сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя и прежде мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдругъ меня какъ-бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, примѣчать. Вы знаете, я уже два мѣсяца тому назадъ начала принимать этого скромнаго, милаго и достойнаго молодаго человѣка, Петра Ильича Перхотина, который здѣсь служитъ. Вы столько разъ его встрѣчали сами. И не правда-ли, онъ достойный, серіозный. Приходитъ онъ въ три дня разъ, а не каждый день (хотя пусть-бы и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ. И вообще я люблю молодежь, Алеша, талантливую, скромную, вотъ какъ вы, а у него почти государственный умъ, онъ такъ мило говоритъ, и я непремѣнно, непремѣнно буду просить за него. Это будущій дипломатъ. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ смерти спасъ, придя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Ракитинъ приходитъ всегда въ такихъ сапогахъ и протянетъ ихъ по ковру... однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а вдругъ одинъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Только что онъ мнѣ пожалъ руку какъ вдругъ у меня разболѣлась нога. Онъ и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и, вѣрите-ли, все шипитъ его, все шипитъ, такъ и мычитъ на

него за что-то. Я только смотрю на нихъ обоихъ какъ они сойдутся, а внутри смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, то есть нѣтъ, я тогда ужь лежала, вдругъ я лежу одна. Михаилъ Ивановичъ и приходитъ и, представьте, приноситъ свои стишки, самые коротенькіе, на мою больную ногу, то есть описалъ въ стихахъ мою больную ногу. Постойте, какъ это:

Эта ножка, эта ножка
Разболѣлася немножко...

или какъ тамъ,—вотъ никакъ не могу стиховъ запомнить,- -у меня тутъ лежатъ, — ну я вамъ потомъ покажу, только прелесть, прелесть, и, знаете, не объ одной только ножкѣ, а и нравоучительное, съ прелестною идеей, только я ее забыла, однимъ словомъ, прямо въ альбомъ. Ну, я, разумѣется, поблагодарила, и онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарить, какъ вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михаилъ Ивановичъ вдругъ насупился какъ ночь. Я ужь вижу, что Петръ Ильичъ ему въ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михаилъ Ивановичъ непремѣнно что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я ужь предчувствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру Ильичу стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но я увѣрена, я увѣрена, что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ поръ не признается, а говоритъ, что не догадался; но это онъ нарочно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ критиковать:—дрянные, говоритъ, стишонки, какой нибудь семинаристъ написалъ, да, знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ азартомъ! Тутъ вашъ другъ вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, вдругъ совсѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала, они подерутся: Это я, говоритъ, написалъ. Я, говоритъ, написалъ въ шутку, потому что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои хороши. Вашему Пушкину за женскія ножки монументъ хотятъ ставить, а у меня съ направленіемъ, а вы сами, говоритъ, крѣпостникъ; вы, говоритъ, никакой гуманности не имѣете, вы никакихъ теперешнихъ просвѣщенныхъ чувствъ не чувствуете, васъ не коснулось развитіе, вы, говоритъ, чиновникъ и взятки берете!» Тутъ ужь я начала кричать и молить ихъ. А Петръ Ильичъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ принялъ самый благородный тонъ: смотритъ на него насмѣшливо, слушаетъ и извиняется: Я, говоритъ, не зналъ. Если-бъ я зналъ, я-бы не сказалъ, я-бы, говоритъ, похвалилъ... Поэты, говоритъ, всѣ такъ раздражительны ... Однимъ словомъ, такія насмѣшки подъ видомъ самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объяснилъ, что это все были насмѣшки, а я думала онъ и въ самомъ дѣлѣ. Только вдругъ я лежу, какъ вотъ

теперь предъ вами, и думаю: будетъ или не будетъ благородно, если я Михаила Ивановича вдругъ прогоню зато, что неприлично кричитъ у меня въ домѣ на моего гостя? И вотъ вѣрите-ли: лежу, закрыла глаза и думаю: будетъ или не будетъ благородно. и не могу рѣшить, и мучаюсь-мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть, аль не крикнуть? Одинъ голосъ говоритъ: кричи, а другой говоритъ: нѣтъ, не кричи! Только что этотъ другой голосъ сказалъ, я вдругъ и закричала и вдругъ упала въ обморокъ. Ну, тутъ, разумѣется, шумъ. Я вдругъ встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не желаю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ! Я сама знаю, что скверно сдѣлала, я все лгала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, главное вдругъ, показалось, что это будетъ такъ хорошо. эта сцена... Только вѣрите-ли, эта сцена все-таки была натуральна. потому что я даже расплакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала. а потомъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пересталъ ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто-жь онъ совсѣмъ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру приходятъ эти слухи . Прочла и ахнула, ну кто-же написалъ, это онъ написалъ, пришелъ тогда домой, сѣлъ —и написалъ; послалъ— и напечатали. Вѣдь это двѣ недѣли какъ было. Только, Алеша, ужасъ я что говорю, а вовсе не говорю объ чемъ надо? Ахъ, само говорится!

Мнѣ сегодня ужасно какъ нужно поспѣть во-время къ брату, пролепеталъ было Алеша.

— Именно. именно! Вы мнѣ все напомнили! Послушайте, что такое аффектъ?

— Какой аффектъ? удивился Алеша.

— Судебный аффектъ. Такой аффектъ, за который все прощаютъ. Что-бы вы ни сдѣлали—васъ сейчасъ простятъ.

— Да вы про что это?

— А вотъ про что: эта Катя... Ахъ, это милое, милое существо, только я никакъ не знаю въ кого она влюблена. Недавно сидѣла у меня, и я ничего не могла выпытать. Тѣмъ болѣе, что сама начинаетъ со мною теперь такъ поверхностно, однимъ словомъ, все объ моемъ здоровьѣ и ничего больше, и даже такой тонъ принимаетъ, а я и сказала себѣ: ну и пусть, ну и Богъ съ вами... Ахъ, да, ну такъ вотъ этотъ аффектъ: этотъ докторъ и пріѣхалъ. Вы знаете, что пріѣхалъ докторъ? Ну, какъ вамъ не знать, который узнаетъ съумасшедшихъ. вы-же и выписали. то есть не вы, а Катя. Все Катя! Ну, такъ видите: сидитъ человѣкъ совсѣмъ не съумасшедшій. только вдругъ у него аффектъ. Онъ и помнитъ себя

и знаетъ что̀ дѣлаетъ. а между тѣмъ онъ въ аффектѣ. Ну, такъ вотъ и съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ навѣрно былъ аффектъ. Это какъ новые суды открыли, такъ сейчасъ и узнали про аффектъ. Это благодѣяніе новыхъ судовъ. Докторъ этотъ былъ и разспрашиваетъ меня про тотъ вечеръ, ну. про золотые пріиски: каковъ, дескать. онъ тогда былъ? Какъ-же не въ аффектѣ: пришелъ и кричитъ: денегъ, денегъ. три тысячи, давайте три тысячи. а потомъ пошелъ и вдругъ убилъ. Не хочу, говоритъ, не хочу убивать, и вдругъ убилъ. Вотъ за это-то самое его и простятъ, что противился, а убилъ.

— Да вѣдь онъ-же не убилъ, немного рѣзко прервалъ Алеша. Безпокойство и нетерпѣніе одолѣвали его все больше и больше.

— Знаю, это убилъ тотъ старикъ Григорій...

— Какъ Григорій? вскричалъ Алеша.

— Онъ, онъ, это Григорій. Дмитрій Ѳедоровичъ какъ ударилъ его, такъ онъ лежалъ, а потомъ всталъ, видитъ дверь отворена, пошелъ и убилъ Ѳедора Павловича...

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?

— А получилъ аффектъ. Какъ Дмитрій Ѳедоровичъ ударилъ его по головѣ, онъ очнулся и получилъ аффектъ, пошелъ и убилъ. А что онъ говоритъ самъ, что не убилъ, такъ этого онъ, можетъ, и не помнитъ. Только видите-ли: лучше, гораздо лучше будетъ, если Дмитрій Ѳедоровичъ убилъ. Да это такъ и было, хоть я и говорю, что Григорій, но это навѣрно Дмитрій Ѳедоровичъ, и это гораздо, гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше, что сынъ отца убилъ, я не хвалю, дѣти, напротивъ, должны почитать родителей, а только все-таки лучше если это онъ, потому что вамъ тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ себя не помня, или, лучше сказать, все помня, но не зная, какъ это съ нимъ сдѣлалось. Нѣтъ, пусть они его простятъ; это такъ гуманно, и чтобы видѣли благодѣяніе новыхъ судовъ, а я-то и не знала, а, говорятъ, это уже давно, и какъ я вчера узнала, то меня это такъ поразило, что я тотчасъ-же хотѣла за вами послать; и потомъ, когда его простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обѣдать, а я созову знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не думаю, чтобъ онъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень много гостей, такъ что его можно всегда вывести, если онъ что нибудь, а потомъ онъ можетъ гдѣ нибудь въ другомъ городѣ быть мировымъ судьей или чѣмъ нибудь, потому что тѣ, которые сами перенесли несчастіе, всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто-жъ теперь не въ аффектѣ, вы, я, всѣ въ аффектѣ, и сколько примѣровъ: сидитъ человѣкъ. поетъ романсъ, вдругъ ему что нибудь не понравилось, взялъ пистолетъ и убилъ кого попало, а за-

тѣмъ ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ доктора подтвердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверждаютъ. Помилуйте, у меня Lise въ аффектѣ, я еще вчера отъ нея плакала, третьяго дня плакала, а сегодня и догадалась, что это у ней просто аффектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ! Я думаю, она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала? Она васъ позвала, или вы сами къ ней пришли?

— Да, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было рѣшительно Алеша.

— Ахъ, милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, тутъ-то, можетъ быть, и самое главное, вскрикнула госпожа Хохлакова, вдругъ заплакавъ.—Богъ видитъ, что я вамъ искренно довѣряю Lise, и это ничего, что она васъ тайкомъ отъ матери позвала. Но Ивану Ѳедоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу довѣрить дочь мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю считать его за самаго рыцарскаго молодаго человѣка. А представьте, онъ вдругъ и былъ у Lise, а я этого ничего и не знала.

— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Онъ ужъ не садился и слушалъ стоя.

— Я вамъ разскажу, я для этого-то, можетъ быть, васъ и позвала, потому что я ужъ и не знаю для чего васъ позвала. Вотъ что: Иванъ Ѳедоровичъ былъ у меня всего два раза по возвращеніи своемъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ какъ знакомый сдѣлать визитъ, а въ другой разъ, это уже недавно. Катя у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ что она у меня. Я, разумѣется, и не претендовала на его частые визиты, зная сколько у него теперь и безъ того хлопотъ, vous comprenez. cette affaire et la mort terrible de votre papa, только вдругъ узнаю, что онъ былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже дней шесть тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А узнала я про это цѣлыхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что это меня вдругъ фрапировало. Тотчасъ призываю Lise, а она смѣется: онъ, дескать, думалъ, что вы спите и зашелъ ко мнѣ спросить о вашемъ здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lise, Lise, о, Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ съ ней въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ того какъ вы въ послѣдній разъ были и ушли—вдругъ съ ней ночью припадокъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда не бываетъ истерики? Затѣмъ на другой день припадокъ, а потомъ и на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ аффектъ. А она мнѣ вдругъ кричитъ: Я ненавижу Ивана Ѳедоровича, я требую, чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ дома! Я обомлѣла при такой неожиданности и возражаю

ей: съ какой-же стати буду я отказывать такому достойному молодому человѣку и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьемъ, потому что вѣдь всѣ эти исторіи—вѣдь это несчастье, а не счастіе, не правда-ли? Она вдругъ расхохоталась надъ моими словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну, я рада, думаю, что разсмѣшила ее, и припадки теперь пройдутъ, тѣмъ болѣе, что я сама хотѣла отказать Ивану Ѳедоровичу за странные визиты безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только вдругъ сегодня утромъ Лиза проснулась и разсердилась на Юлію и, представьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монструозно, я съ моими дѣвушками на *вы*. И вдругъ чрезъ часъ она обнимаетъ и цѣлуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ-же прислала сказать, что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредь никогда не хочетъ ходить, а когда я сама къ ней потащилась, то бросилась меня цѣловать и плакать и, цѣлуя, такъ и выпихнула вонъ, ни слова не говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба всей моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойдти къ Lise, разузнать у ней все, какъ вы только одинъ умѣете это сдѣлать, и придти разсказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что, вы понимаете, я умру. я просто умру, если все это будетъ продолжаться, или убѣгу изъ дому. Я больше не могу, у меня есть терпѣніе. но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы. Ахъ, Боже мой, наконецъ-то, Петръ Ильичъ! вскрикнула, вся вдругъ просіявъ. госпожа Хохлакова, завидя входящаго Петра Ильича Перхотина. — Опоздали, опоздали! Ну что, садитесь, говорите, рѣшайте судьбу, ну что-жь этотъ адвокатъ? Куда же вы, Алексѣй Ѳедоровичъ?

— Я къ Lise.

— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ просила? Тутъ судьба, судьба!

— Конечно, не забуду если только можно... но я такъ опоздалъ, пробормоталъ поскорѣе ретируясь Алеша.

— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не «если можно», иначе я умру! прокричала вслѣдъ ему госпожа Хохлакова, но Алеша уже вышелъ изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ, онъ засталъ ее полулежащею въ ея прежнемъ креслѣ, въ которомъ ее возили когда она еще не могла ходить. Она не тронулась къ нему на встрѣчу. но зоркій, острый ея взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько воспаленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому, какъ она измѣнилась въ три дня. даже похудѣла. Она не протянула ему руки. Онъ самъ притронулся къ ея тонкимъ, длиннымъ пальчикамъ. неподвижно лежавшимъ на ея платьѣ, затѣмъ молча сѣлъ противъ нея.

— Я знаю, что вы спѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила Лиза,— а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня и про Юлію разсказала.

— Почему вы узнали? спросилъ Алеша.

— Я подслушивала. Чего вы на меня уставились? Хочу подслушивать и подслушиваю. ничего тутъ нѣтъ дурнаго. Прощенья не прошу.

— Вы чѣмъ-то разстроены?

— Напротивъ, очень рада. Только что сейчасъ разсуждала опять, въ тридцатый разъ: какъ хорошо, что я вамъ отказала и не буду вашею женой. Вы въ мужья не годитесь: я за васъ выйду, и вдругъ дамъ вамъ записку, чтобы снести тому, котораго полюблю послѣ васъ. вы возьмете и непремѣнно отнесете. да еще отвѣтъ принесете. И сорокъ лѣтъ вамъ придетъ, и вы все такіе будете мои такія записки носить.

Она вдругъ засмѣялась.

— Въ васъ что-то злобное и въ тоже время что-то простодушное,—улыбнулся ей Алеша.

— Простодушное это то, что я васъ не стыжусь. Мало того, что не стыжусь, да и не хочу стыдиться, именно предъ вами, именно васъ. Алеша, почему я васъ не уважаю? Я васъ очень люблю, но я васъ не уважаю. Если-бъ уважала. вѣдь не говорила-бы не стыдясь, вѣдь такъ?

— Такъ.

— А вѣрите вы, что я васъ не стыжусь?

— Нѣтъ, не вѣрю.

Лиза опять нервно засмѣялась; говорила она скоро, быстро.

— Я вашему брату Дмитрію Ѳедоровичу конфекты въ острогъ

послала. Алеша, знаете, какой вы хорошенькій! Я васъ ужасно буду любить за то, что вы такъ скоро позволили мнѣ васъ не любить.

— Вы для чего меня сегодня звали, Lise?

— Мнѣ хотѣлось вамъ сообщить одно мое желаніе. Я хочу, чтобы меня кто нибудь истерзалъ, женился на мнѣ, а потомъ истерзалъ, обманулъ, унесъ и уѣхалъ. Я не хочу быть счастливою!

— Полюбили безпорядокъ?

— Ахъ, я не хочу безпорядка. Я все хочу зажечь домъ. Я воображаю: какъ это я подойду и зажгу потихоньку, непремѣнно чтобы потихоньку. Они-то тушатъ, а онъ-то горитъ. А я знаю да молчу. Ахъ, глупости! И какъ скучно!

Она съ отвращеніемъ махнула ручкой.

— Богато живете,—тихо проговорилъ Алеша.

— Лучше, что-ль, бѣдной-то быть?

— Лучше.

— Это вамъ вашъ монахъ покойный наговорилъ. Это неправда. Пусть я богата, а всѣ бѣдные, я буду конфекты ѣсть и сливки пить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не говорите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывалъ), вы мнѣ ужь прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого нибудь убью,—да и богата если буду, можетъ быть, убью,—что сидѣть-то! А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы станьте мужикомъ, настоящимъ мужикомъ; у насъ жеребеночекъ, хотите? Вы Калганова знаете!

— Знаю.

— Онъ все ходитъ и мечтаетъ. Онъ говоритъ: зачѣмъ взаправду жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а жить скука. А вѣдь самъ скоро женится, онъ ужь и мнѣ объяснялся въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это онъ какъ кубарь: завертѣть его и спустить, и стегать, стегать, стегать кнутикомъ: выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь, что я не про святое говорю. Я не хочу быть святою. Что сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой грѣхъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудитъ, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я-бы пришла, а меня-бы и осудили, а я-бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему-же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцати, которымъ

очень хочется зажечь что нибудь и они зажигаютъ. Это въ родѣ болѣзни.

— Неправда, неправда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, въ этомъ ваша прежняя болѣзнь, можетъ быть, виновата.

— А вы таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать доброе, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ-бы хорошо, кабы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣлать ужасно много зла и всего скверного, и долго буду тихонько дѣлать, и вдругъ всѣ узнаютъ. Всѣ меня обступятъ и будутъ показывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это очень пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что нибудь хорошее, али вотъ, какъ вы говорили, зажечь. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю.

— Вѣрю.

— Ахъ, какъ я васъ люблю за то, что вы говорите: вѣрю. И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А, можетъ быть, вы думаете, что я вамъ все это нарочно, чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя, можетъ быть, и есть немного этой потребности.

— Немного есть. Никогда предъ вами не солгу, проговорила она со сверкнувшими какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серіозность: ни тѣни смѣшливости и шутливости не было теперь въ ея лицѣ, хотя прежде веселость и шутливость не покидали ея въ самыя «серіозныя» ея минуты.

— Есть минуты, когда люди любятъ преступленіе, — задумчиво проговорилъ Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ, и всегда любятъ, а не то что «минуты». Знаете, въ этомъ всѣ какъ будто когда-то условились лгать и всѣ съ тѣхъ поръ лгутъ. Всѣ говорятъ, что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ.

— А вы все по прежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку прячетъ, а я краду.

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчикъ, онъ подъ рельсами пролежалъ, когда надъ ними вагоны ѣхали. Счастливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ что онъ отца убилъ.

— Любятъ что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ, что это ужасно, но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды. Проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ Лиза, — это у монаха-то! Вы не повѣрите какъ я васъ уважаю, Алеша, за то что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой смѣшной сонъ разскажу: мнѣ иногда во снѣ снятся черти, будто ночь, я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во всѣхъ углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяютъ, а ихъ тамъ за дверями толпа и имъ хочется войдти и меня схватить. И ужъ подходятъ, ужъ хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и они всѣ назадъ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоятъ и по угламъ. жду̀тъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ начать Бога бранить, вотъ и начну бранить. а они-то вдругъ опять толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватаютъ меня опять, а вдругъ опять перекрещусь — а они всѣ назадъ. Ужасно весело, духъ замираетъ.

— И у меня бывалъ этотъ самый сонъ, вдругъ сказалъ Алеша.

— Неужто, вскрикнула Лиза въ удивленіи.—Послушайте, Алеша, не смѣйтесь. это ужасно важно: развѣ можно чтобъ у двухъ разныхъ былъ одинъ и тотъ-же сонъ?

— Вѣрно можно.

— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то чрезмѣрномъ уже удивленіи, продолжала Лиза. — Не сонъ важенъ, а то, что вы могли видѣть этотъ-же самый сонъ какъ и я. Вы никогда мнѣ не лжете, не лгите и теперь: это правда? Вы не смѣетесь?

— Правда.

Лиза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутку примолкла.

— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила она вдругъ молящимъ голосомъ.

— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ приходить, твердо отвѣтилъ Алеша.

— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза.—Я себѣ одной говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И вамъ охотнѣе чѣмъ самой себѣ говорю. И васъ совсѣмъ не стыжусь. Алеша. почему я васъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ? Алеша, правда-ли, что жиды на Пасху дѣтей крадутъ и рѣжутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судъ, и что жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ, прибилъ гвоздями и распялъ, и потомъ на судѣ сказалъ, что мальчикъ

умеръ скоро, чрезъ четыре часа. Эка скоро! Говоритъ: стоналъ, все стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?

Алеша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея вдругъ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про жида этого какъ прочла, то всю ночь такъ и тряслась въ слезахъ. Воображаю какъ ребеночекъ кричитъ и стонетъ (вѣдь четырехлѣтніе мальчики понимаютъ), а у меня все эта мысль про компотъ не отстаетъ. Утромъ я послала письмо къ одному человѣку, чтобы *непремѣнно* пришелъ ко мнѣ. Онъ пришелъ, а я ему вдругъ разсказала про мальчика и про компотъ, *все* разсказала, *все*, и сказала, что это хорошо. Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ хорошо. Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Презиралъ онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, презиралъ онъ меня или нѣтъ? выпрямилась она на кушеткѣ, засверкавъ глазами.

— Скажите, проговорилъ въ волненіи Алеша,—вы сами его позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ вошелъ, я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, всталъ и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо проговорилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣритъ ананасному компоту. Онъ тоже очень теперь боленъ, Lise.

— Да, вѣритъ! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша.—Онъ только никому не вѣритъ. Коль не вѣритъ, то, конечно, и презираетъ.

— Стало быть, и меня? Меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза.—Когда онъ вышелъ и засмѣялся, я почувствовала, что въ презрѣніи быть хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорошо, и въ презрѣніи быть хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Алешѣ въ глаза.

— Знаете, Алеша, знаете, я-бы хотѣла... Алеша, спасите меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ нему и крѣпко обхватила его руками.—Спасите меня,—почти простонала она.—Развѣ я кому нибудь въ мірѣ сказку что вамъ говорила? А вѣдь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя, потому что мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все гадко! Мнѣ все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня совсѣмъ, совсѣмъ не любите! закончила она въ изступленіи.

— Нѣтъ, люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.

— А будете обо мнѣ плакать, будете?

— Буду.

— Не за то что я вашею женой не захотѣла быть, а просто обо мнѣ плакать, просто?

— Буду.

— Спасибо! Мнѣ только вашихъ слезъ надо. А всѣ остальные пусть казнятъ меня и раздавятъ ногой, всѣ, всѣ, не исключая *никого!* Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го! Напротивъ, ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату! оторвалась она отъ него вдругъ.

— Какъ-же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ Алеша.

— Ступайте къ брату, острогъ запрутъ, ступайте, вотъ ваша пляна! Поцѣлуйте Митю, ступайте, ступайте!

И она съ силой почти вытолкнула Алешу въ двери. Тотъ смотрѣлъ съ горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувствовалъ въ своей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо сложенное и запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ адресъ: Ивану Ѳедоровичу Карамазову . Онъ быстро поглядѣлъ на Лизу. Лицо ея сдѣлалось почти грозно.

— Передайте, непремѣнно передайте! изступленно, всѣ сотрясаясь, приказывала она, —сегодня, сейчасъ! Иначе я отравлюсь! Я васъ затѣмъ и звала!

И быстро захлопнула дверь. Щелкнула щеколда. Алеша положилъ письмо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не заходя къ госпожѣ Хохлаковой, даже забывъ о ней. А Лиза, только что удалился Алеша, тотчасъ-же отворила щеколду, пріотворила капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, захлопнувъ дверь, изо всей силы придавила его. Секунду черезъ десять, высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, сѣла, всѣ выпрямившись, и стала пристально смотрѣть на свой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ-подъ ногтя кровь. Губы ея дрожали и она быстро-быстро шептала про себя:

— Подлая, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совѣмъ поздно (да и великъ-ли ноябрьскій день), когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже смеркаться. Но Алеша зналъ, что его пропустятъ къ Митѣ безпрепятственно. Все это у насъ, въ нашемъ городкѣ, какъ и вездѣ. Сначала, конечно, по заключеніи всего предварительнаго слѣдствія, допустивъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и съ нѣкоторыми другими все-же былъ оставленъ нѣкоторымъ необходимымъ формальностями, но впослѣдствіи формальности не то что ослабѣли, но для иныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ-то сами собой установились нѣкоторыя исключенія. До того, что иной разъ даже и свиданія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ, происходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ, такихъ лицъ было очень немного: всего только Грушенька, Алеша и Ракитинъ. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправникъ, Михаилъ Макаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его окрикъ на нее въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ измѣнилъ совѣмъ о ней свои мысли. И, странное дѣло: хотя былъ твердо убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени заключенія его, все какъ-то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него мягче: съ хорошею, можетъ быть, душой былъ человѣкъ, а вотъ пропалъ, какъ нынче, отъ пьянства и безпорядка! Прежній ужасъ смѣшался въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что-же до Алеши, то исправникъ очень любилъ его и давно уже былъ съ нимъ знакомъ, а Ракитинъ, повадившійся впослѣдствіи приходить очень часто къ заключенному, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ «неправильныхъ барышень», какъ онъ называлъ ихъ, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У смотрителя-же острога, благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго служаки, онъ давалъ въ домъ уроки. Алеша-же опять таки былъ особенный и стародавній знакомый и смотрителя, любившаго говорить съ нимъ вообще о «премудрости». Ивана Ѳедоровича, напримѣръ, смотритель не то что уважалъ, а даже боялся, главное, его сужденій, хотя самъ былъ большимъ философомъ, разумѣется, «своимъ умомъ дойдя». Но къ Алешѣ въ немъ была какая-то непобѣдимая симпатія. Въ послѣдній годъ старикъ какъ разъ засѣлъ за апокрифическія евангелія и помышлялъ сообщать о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде даже заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и съ іеромонахами по

нѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, если-бы даже онъ и запоздалъ въ острогъ, стоило пройдти къ смотрителю, и дѣло всегда улаживалось. Къ тому-же къ Алешѣ всѣ до послѣдняго сторожа въ острогѣ привыкли. Карауль-же, конечно, не стѣснялъ, было-бы лишь дозволеніе начальства. Митя изъ своей каморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ, въ мѣсто, назначенное для свиданій. Войдя въ комнату, Алеша какъ разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ Мити. Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то очень смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, особенно въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей, почти не говорилъ съ нимъ, даже и раскланивался съ нимъ. Завидя теперь входящаго Алешу, онъ особенно нахмурилъ брови и отвелъ глаза въ сторону, какъ-бы весь занятый застегиваніемъ своего большаго теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто. Потомъ тотчасъ-же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего-бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единственно чтобы что нибудь сказать.

— Ты чужаго-то чего не забудь! съострилъ Митя и тотчасъ-же самъ расхохотался своей остротѣ. Ракитинъ мигомъ вспылилъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомендуй, крѣпостничье ваше отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ, такъ и затрясшись отъ злости.

— Чего ты? Я пошутилъ! вскрикнулъ Митя,—фу, чортъ! Вотъ они всѣ таковы,—обратился онъ къ Алешѣ, кивая на быстро уходившаго Ракитина:—то все сидѣлъ, смѣялся и веселъ былъ, а тутъ вдругъ и вскинѣлъ! Тебѣ даже и головой не кивнулъ, совсѣмъ, что-ли, вы разссорились? Что ты такъ поздно? Я тебя не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну, да ничего! Наверстаемъ.

— Что онъ къ тебѣ такъ часто повадился? Подружился ты съ нимъ, что-ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь, въ которую убрался Ракитинъ.

— Съ Михаломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ. Да и чего, свинья! Считаетъ, что я... подлецъ. Шутки тоже не понимаютъ—вотъ что въ нихъ главное. Никогда не поймутъ шутки. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ я тогда къ острогу подъѣзжалъ и на острожныя стѣны смотрѣлъ. Но умный человѣкъ, умный. Ну, Алексѣй, пропала теперь моя голова!

Онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ съ собою рядомъ Алешу.

— Да, завтра судъ. Что-жъ, неужели-же ты такъ совсѣмъ не надѣешься, братъ? —съ робкимъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Ты это про что? какъ-то неопредѣленно глянулъ на него Митя, — ахъ, ты про судъ! Ну, чортъ! Мы до сихъ поръ все съ

тобой о пустякахъ говорили, вотъ все про этотъ судъ, а я объ самомъ главномъ съ тобою молчалъ. Да, завтра судъ, только я не про судъ сказалъ, что пропала моя голова. Голова не пропала, а то, что въ головѣ сидѣло, то пропало. Что ты на меня съ такою критикой въ лицѣ смотришь?

— Про что ты это, Митя?

— Идеи, идеи, вотъ что! Эѳика. Это что такое эѳика?

— Эѳика? удивился Алеша.

Да, наука, что-ли, какая?

Да, есть такая наука... только... я, признаюсь, не могу тебѣ объяснить какая наука.

— Ракитинъ знаетъ. Много знаетъ Ракитинъ, чортъ его дери! Въ монахи не пойдетъ. Въ Петербургъ собирается. Тамъ, говоритъ, въ отдѣленіе критики, но съ благороднымъ направленія. Что-жъ, можетъ пользу принесть и карьеру устроить. Ухъ, карьеру они мастера! Чортъ съ эѳикой. Я-то пропалъ, Алексѣй, я-то, Божій ты человѣкъ! Я тебя больше всѣхъ люблю. Сотрясается у меня сердце на тебя, вотъ что. Какой тамъ былъ Карлъ Бернаръ?

— Карлъ Бернаръ?—удивился опять Алеша.

— Нѣтъ, не Карлъ, постой, совралъ: Клодь Бернаръ. Это что такое? Химія, что-ли?

— Это, должно быть, ученый одинъ,—отвѣтилъ Алеша,—только, признаюсь тебѣ, и о немъ много не съумѣю сказать. Слышалъ только, ученый, а какой,—не знаю.

— Ну, и чортъ его дери, и я не знаю, обругался Митя.—Подлецъ какой нибудь, всего вѣроятнѣе, да и всѣ подлецы. А Ракитинъ пролѣзетъ. Ракитинъ въ щелку пролѣзетъ, тоже Бернаръ. Ухъ, Бернары! Много ихъ расплодилось!

— Да что съ тобою? настойчиво спросилъ Алеша.

— Хочетъ онъ обо мнѣ, объ моемъ дѣлѣ статью написать, и тѣмъ въ литературѣ свою роль начать, съ тѣмъ и ходитъ, самъ объяснялъ. Съ направленіемъ что-то хочетъ: дескать, нельзя было ему не убить, заѣденъ средой и прочее, объяснялъ мнѣ. Съ оттѣнкомъ соціализма, говоритъ, будетъ. Ну, и чортъ его дери, съ оттѣнкомъ, такъ съ оттѣнкомъ, мнѣ все равно. Брата Ивана не любитъ, ненавидитъ, тебя тоже не жалуетъ. Ну, а я его не гоню, потому что человѣкъ умный. Возносится очень, однако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: Карамазовы не подлецы, а философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди философы, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердъ . Смѣется, злобно такъ. А я ему: де мыслибусъ non est disputandum. хороша острота? Но краснѣй мѣры, и я въ классицизмъ вступилъ, захохоталъ вдругъ Митя.

— Отчего ты прозяблъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? перебилъ Алеша.

— Отчего прозябъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое взять— Бога жалко, вотъ отъ чего!

— Какъ Бога жалко?

— Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то есть тамъ въ мозгу эти нервы... (ну, чортъ ихъ возьми!) есть такіе этакіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики, ну. и какъ только они тамъ задрожатъ... то есть, видишь, я посмотрю на что нибудь глазами, вотъ такъ, и они задрожатъ, хвостики-то... а какъ задрожатъ, то и является образъ, и не сейчасъ является. а тамъ какое-то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой будто-бы мо-ментъ, то есть не моментъ,—чортъ его дери моментъ,—а образъ, то есть предметъ, али происшествіе, ну тамъ чортъ дери — вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я тамъ какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, мнѣ Михаилъ еще вчера объяснялъ, и меня точно обожгло. Великолѣпна, Алеша, эта наука! Новый человѣкъ пойдетъ, это-то я понимаю... А все-таки Бога жалко!

— Ну, и то хорошо, сказалъ Алеша.

— Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, ваше преподобіе, подвинтесь немножко, химія идетъ! А не любитъ Бога Ракитинъ, ухъ, не любитъ! Это у нихъ самое больное мѣсто у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляются. «Что-же, будешь это проводить въ отдѣленіи критики?» спрашиваю.— «Ну, явно-то не дадутъ», говоритъ. Смѣется.—«Только какъ-же? спрашиваю, послѣ того человѣкъ-то? Безъ Бога-то и безъ будущей жизни? Вѣдь это, стало быть, теперь все позволено, все можно дѣлать?»— «А ты и не зналъ?» говоритъ. Смѣется.— «Умному, говоритъ, человѣку все можно, умный человѣкъ умѣетъ раковъ ловить, ну, а вотъ ты, говоритъ, убилъ и попался, и въ тюрьмѣ гніешь!» Это онъ мнѣ-то говоритъ. Свинья естественная! Я этакихъ прежде вонъ вышвыривалъ, ну, а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говоритъ. Умно тоже пишетъ. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну началъ читать, я тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вотъ постой, вотъ здѣсь.

Митя, спѣша, вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и прочелъ:

«Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего поставить свою личность въ разрѣзъ со всею дѣйствительностію».

— Понимаешь ли нѣтъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ Митѣ и слушалъ его.

— И я не понимаю. Темно и не ясно, зато умно. Всѣ говорятъ, такъ теперь пишутъ, потому что такая ужъ среда ... Среды боятся. Стихи тоже пишетъ подлецъ, Хохлаковой ножку воспѣлъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стишонки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь, я тебѣ не разсказывалъ. тутъ цѣлая исторія. Шельма! Три недѣли назадъ меня дразнить вздумалъ: Ты, вотъ, говоритъ, влюбился, какъ дуракъ, изъ-за трехъ тысячъ, а я полтораста ихъ тяпну, на вдовицѣ одной женюсь и каменный домъ въ Петербургѣ куплю». И разсказалъ мнѣ, что строитъ куры Хохлаковой. а та и съ молоду ума не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ ума рѣшилась. «Да чувствительна, говоритъ, ужъ очень, вотъ я ее на томъ и добью. Женюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а тамъ газету издавать начну». И такая у него скверная сладострастная слюна на губахъ, — не на Хохлакову слюна, а на полтораста эти тысячъ. И увѣрилъ меня. увѣрилъ; все ко мнѣ ходитъ, каждый день: подается, говоритъ. Радостью сіялъ. А тутъ вдругъ его и выгнали: Перхотинъ Петръ Ильичъ взялъ верхъ, молодецъ! То есть такъ-бы и расцѣловалъ эту дурищу за то, что его прогнала! Вотъ онъ какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочинилъ эти стишонки. Въ первый разъ, говоритъ. руки мараю, стихи пишу, для обольщенія. значитъ, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ у дурищи, гражданскую пользу потомъ принести могу». У нихъ вѣдь всякой мерзости гражданское оправданіе есть! А все-таки, говоритъ, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ шутовской стишокъ съумѣлъ гражданскую скорбь всучить». Это что про Пушкина-то — я понимаю. Что-же если въ самомъ дѣлѣ способный былъ человѣкъ, а только ножки описывалъ. Да вѣдь гордился-то стишонками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! На выздоровленіе больной ножки моего предмета», это онъ такое заглавіе придумалъ. — рѣзвый человѣкъ!

Ужь какая-жь это ножка,
Ножка, вспухшая немножко!
Доктора къ ней ѣздятъ, лѣчатъ
И бинтуютъ и калѣчатъ.

— —

Не по ножкамъ я тоскую, —
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:

По головкѣ я тоскую
Что идей не понимаетъ.

—

Понимала ужь немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть-же вылѣчится ножка,
Чтобъ головка понимала.

Свинья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣйствительно гражданскую-то вспомнилъ. А какъ разсердился, когда его выгнали. Скрежеталъ!

— Онъ уже отмстилъ, сказалъ Алеша. — Онъ про Хохлакову корреспонденцію написалъ.

И Алеша разсказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ газетѣ *Слуги*.

— Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя, нахмурившись,— это онъ! Эти корреспонденціи... я вѣдь знаю... то есть сколько низостей было уже написано, про Грушу, напримѣръ!.. И про ту тоже, про Катю... Гм!

Онъ озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ, помолчавъ, Алеша. — Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судъ надъ тобой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и вмѣсто дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

— Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя. — Что-же мнѣ о смердящемъ этомъ нетъ говорить, что-ли? Объ убійцѣ? Довольно мы съ тобой объ этомъ переговорили. Не хочу больше о смердящемъ, сынѣ Смердящей! Его Богъ убьетъ, вотъ увидишь, молчи!

Онъ въ волненіи подошелъ къ Алешѣ и вдругъ поцѣловалъ его. Глаза его загорѣлись.

— Ракитинъ этого не пойметъ, началъ онъ, весь какъ-бы въ какомъ-то восторгѣ, — а ты, ты все поймешь. Оттого и жаждалъ тебя. Видишь, я давно хотѣлъ тебѣ многое здѣсь, въ этихъ обгорѣлыхъ стѣнахъ выразить, но молчалъ о главнѣйшемъ: время какъ будто все еще не приходило. Дождался теперь послѣдняго срока, чтобы тебѣ душу вылить. Братъ, я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ! Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда-бы не явился, если-бы не этотъ громъ. Страшно! И что мнѣ въ томъ, что въ рудникахъ буду двадцать лѣтъ молоткомъ руду выколачивать, — не боюсь я этого вовсе, а другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскресшій человѣкъ! Можно найдти и тамъ, въ рудникахъ, подъ землею, рядомъ съ собой, въ такомъ-же каторжномъ и убійцѣ человѣческое сердце, и сойдтись съ нимъ, потому что и тамъ можно

жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить въ этомъ каторжномъ человѣкѣ замершее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и вывести, наконецъ, изъ вертепа на свѣтъ уже душу высокую, страдальческое сознаніе, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось «дитё» въ такую минуту? «Отчего бѣдно дитё?» Это пророчество мнѣ было въ ту минуту! За «дитё» и пойду. Потому что всѣ за всѣхъ виноваты. За «всѣхъ» «дитё», потому что есть малыя дѣти и большія дѣти. Всѣ — «дитё». За всѣхъ и пойду, потому что надобно-же кому нибудь и за всѣхъ пойдти. Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойдти. Принимаю! Мнѣ это здѣсь все пришло... вотъ въ этихъ обглзлыхъ стѣнахъ. А ихъ вѣдь много, ихъ тамъ сотни, подземныхъ-то, съ молотками въ рукахъ. О, да, мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой человѣку жить невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это его привилегія, великая... Господи, петай человѣкъ въ молитвѣ! Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога? Вретъ Ракитинъ: если Бога съ земли изгонятъ, мы подъ землей его сѣтимъ! Каторжному безъ Бога быть невозможно, невозможнѣе даже, чѣмъ не каторжному! И тогда мы, подземные человѣки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость! Люблю Его!

Митя, произнося свою дикую рѣчь, почти задыхался. Онъ побѣдилъ, губы его вздрагивали, изъ глазъ катились слезы.

— Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ онъ опять. — Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я теперь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать, именно въ этихъ обглзлыхъ стѣнахъ, во мнѣ зародилась! Ракитинъ этого не понимаетъ, ему-бы только домъ выстроить да жильцовъ пустить, но я ждалъ тебя. Да и что такое страданіе? Не боюсь его, хотя-бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся. Знаешь, я, можетъ быть, не буду и отвѣчать на судѣ... И, кажется, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все побарю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ я есмь, въ пыткѣ корчусь — но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце — это уже вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ разныя философіи, чортъ ихъ дери! Братъ Иванъ...

— Что братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не разслышалъ.

Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не имѣлъ,

но все во мнѣ это таилось. Именно, можетъ. оттого, что идеи бушевали во мнѣ невѣстныя, я и пьянствовалъ, и дрался, и бѣсился. Чтобъ утолить въ себѣ ихъ дралея, чтобъ ихъ усмирить, сдавить. Братъ Иванъ не Ракитинъ. онъ такъ идею. Братъ Иванъ сфинксъ, и молчитъ, все молчитъ. А меня Богъ мучитъ. Одно только это и мучитъ. А что какъ Его нѣтъ? Что если правъ Ракитинъ, что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, міроздашія. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то? Вопросъ! Я все про это. Ибо кого-же онъ будетъ тогда любить, человѣкъ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то воспоетъ? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говоритъ, что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну, это смѣлокъ сопливый можетъ только такъ утверждать. а я понять не могу. Легко жить Ракитину: ты, говоритъ онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ правъ человѣка хлопочи лучше. али хоть о томъ, чтобы цѣна на говядину не возвысилась: этимъ проще и ближе человѣчеству любовь окажешь, чѣмъ философіями. Я ему на это и отмочилъ: А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну набьешь, коль подъ руку попадетъ, и наколотишь рубль на копѣйку. Разсердился. Ибо что такое добродѣтель? Отвѣчай ты мнѣ, Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца другая — вещь, значитъ, относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу, что я двѣ ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только тому, какъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. Суета! У Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ размѣрахъ. Но онъ молчитъ. Я думаю онъ масонъ. Я его спрашивалъ — молчитъ. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить — молчитъ. Одинъ только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли такъ? Онъ нахмурился: Оедоръ Павловичъ, говоритъ, папенька нашъ, былъ поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно. Вотъ вѣдь что отмочилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракитина.

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебя былъ?

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ не говорилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ до конца. Когда эта штука моя здѣсь кончится и скажутъ приговоръ, тогда тебѣ кое-что разскажу, все разскажу. Страшное тутъ дѣло одно... А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не начинай объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтрашнемъ, о судѣ, а вѣришь-ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

Что̀ адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая пельма, столичная. Бернаръ! Только не вѣритъ мнѣ ни на сломанный грошъ. Вѣрить, что я убилъ, вообрази себѣ,—ужь я вижу. Зачѣмъ-же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня защищать пріѣхали? Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписали, сумасшедшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катерина Ивановна «свой долгъ» до конца исполнить хочетъ. Съ натуги! (Митя горько усмѣхнулся). Кошка! Жестокое сердце! А вѣдь она знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что она: «великаго гнѣва» женщина! Передали. Да, показанія умножились какъ песокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ. Григорій честенъ, но дуракъ. Много людей честныхъ благодаря тому что дураки. Это—мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Иного выгодиѣе имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это про Катерину Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она на судѣ разскажетъ про земной поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца отплатить, послѣдній кадрантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ они меня на судѣ! Какъ-то вытерпимо. Сходи къ ней, Алеша, попроси ее, чтобы не говорила этого на судѣ. Ль нельзя? Да чортъ, все равно, вытерпимо! А ея не жаль. Сама желаетъ. По дѣломъ вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять горько усмѣхнулся). Только... только Груша-то, Груша-то. Господи! Она-то за что̀ такую муку на себя теперь приметъ?— воскликнулъ онъ вдругъ со слезами.—Убиваетъ меня Груша, мысль о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня...

— Она мнѣ разсказывала. Она очень была сегодня тобою огорчена.

— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ! Отпуская раскаялся, цѣловать ее. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда нибудь у любимой женщины за вину свою прощенія просить! У любимой особенно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ! Потому женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что̀ такое, ужь въ нихъ-то я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ ней сознаться въ винѣ, «виноватъ, дескать, прости, извини»: тутъ-то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что̀ не проститъ прямо и просто, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было, все возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда ужь только проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ! Послѣднія поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложитъ—такая, я тебѣ скажу, живодерность

въ нихъ сидитъ, во всѣхъ до единой, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу: всякій порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть у какой нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе: не убѣжденіе, а чувство. Мужчина долженъ быть великодушенъ, и мужчину это не замаретъ. Героя даже не замаретъ. Цезаря не замаретъ! Ну, а прощенія все-таки не проси, никогда и ни за что. Помни правило: преподалъ тебѣ его братъ твой Митя, отъ женщинъ погибшій. Нѣтъ, ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ нибудь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алеша, благоговѣю! Не видитъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И гонитъ она меня, любовью томитъ. Что прежде! Прежде меня только изгибы инфернальные томили, а теперь я всю ее душу въ свою душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Повѣнчаютъ-ли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и снится что нибудь каждый день... Что она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алеша повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. Митя выслушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался доволенъ.

— Такъ не сердится, что ревную, воскликнулъ онъ. —Прямо женщина! У меня у самой жестокое сердце. Ухъ, люблю такихъ, жестокихъ-то, хотя и не терплю когда меня ревнуютъ, не терплю! Драться будемъ. Но любитъ — любитъ ее буду безконечно. Повѣнчаютъ-ли насъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Вопросъ. А безъ нея я жить не могу...

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ становилось почти темно. Онъ вдругъ сталъ страшно озабоченъ.

— Такъ секретъ, говоритъ, секретъ? У меня, дескать, втроемъ противъ нея заговоръ, и Катька, дескать, замѣшана? Нѣтъ, братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ махну дала, своего глупенькаго женскаго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ, куда ни шло! Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Онъ оглянулся во всѣ стороны, быстро вплоть подошелъ къ стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ таинственнымъ видомъ, хотя, по настоящему, ихъ никто не могъ слышать: старикъ сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до караульныхъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ, сглына, Митя. Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя развѣ могу на что рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и говорю, что Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Только твое рѣшеніе рѣшитъ. Можетъ, ты-то и есть высшій человѣкъ, а не Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей совѣсти, —

тайна столь важная, что я справиться сам не смогу и все отложить до тебя. А все-таки теперь рано рѣшать, потому надо ждать приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь судьбу. Теперь не рѣшай; я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь, но не рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ только идею скажу, безъ подробностей, а ты молчи. Ни вопроса, ни движенія, согласенъ? А, впрочемъ, Господи, куда я дѣну глаза твои? Боюсь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хотя-бы ты и молчалъ. Ухъ, боюсь! Алеша, слушай: братъ Иванъ мнѣ предлагаетъ *бѣжать*. Подробностей не говорю: все предупреждено, все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай. Въ Америку, съ Грушей. Вѣдь я безъ Груши жить не могу! Ну какъ ее ко мнѣ тамъ не пустятъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Братъ Иванъ говоритъ, что нѣтъ. А безъ Груши что я тамъ подъ землей съ молоткомъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А съ другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ! Было указаніе отвергъ указаніе, былъ путь очищенія —повернулъ налѣво кругомъ. Иванъ говоритъ, что въ Америкѣ при добрыхъ наклонностяхъ можно больше пользы принести, чѣмъ подъ землей. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится? Америка что, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, я думаю, много въ Америкѣ-то. Отъ распятья убѣжалъ! Потому вѣдь говорю тебѣ, Алексѣй, что ты одинъ понять это можешь, а больше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то что я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ съ ума сошелъ, аль дуракъ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про гимнъ и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ, молчитъ. Гимну не вѣритъ. Не говори, не говори: я вѣдь вижу какъ ты смотришь: Ты ужь рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня, я безъ Груши жить не могу, подожди суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу обѣими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ жаждущимъ, воспаленнымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? повторилъ онъ въ третій разъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко былъ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ, — Иванъ очень настаиваетъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все не ходилъ, и вдругъ пришелъ, недѣлю назадъ, и прямо съ этого началъ. Страшно настаиваетъ. Не проситъ, а велитъ. Въ послушаніи не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце какъ тебѣ вывернулъ

и про гимн говорилъ. Онъ мнѣ разсказалъ какъ и устроитъ, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потомъ. До истерики хочетъ. Главное, деньги: десять тысячъ, говоритъ, тебѣ на побѣгъ, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, говоритъ, мы великолѣпный побѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова Алеша.

— Отнюдь, никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что! Боится вѣрно, что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори ему что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша. — рѣшить невозможно раньше приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ въ себѣ новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшитъ.

— Новаго человѣка, аль Бернара, тотъ и рѣшитъ по Бернаровски! Потому, кажется, я и самъ Бернаръ презрѣнный! горько осклабился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужь совсѣмъ не надѣешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отрицательно покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ заспѣшилъ онъ. — Смотритель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда будетъ. Намъ поздно, безпорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцѣлуй, перекрести меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Они обнялись и поцѣловались.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя, — бѣжать-то предложилъ, а самъ вѣдь вѣритъ, что я убилъ!

Грустная усмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣритъ онъ или нѣтъ? спросилъ Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ, силы не хватило. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну, прощай!

Еще разъ поцѣловались наскоро, и Алеша уже было вышелъ, какъ вдругъ Митя кликнулъ его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими руками за плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что почти въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекосились, взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду, какъ предъ Господомъ Богомъ: вѣришь ты, что я убилъ или не вѣришь? Ты-то, самъ-то ты, вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не лги! крикнулъ онъ ему изступленно.

Алешу какъ-бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, онъ слышалъ это, какъ-бы прошло что-то острое.

— Полно, что ты... пролепеталъ было онъ какъ потерянный.

— Всю правду, всю, не лги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрилъ, что ты убійца, вдругъ вырвалось дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеши, и онъ поднялъ правую руку вверхъ, какъ-бы призывая Бога въ свидѣтели своихъ словъ. Блаженство озарило мгновенно все лицо Мити.

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно испуская вздохъ послѣ обморока. — Теперь ты меня возродилъ... Вѣришь-ли: до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну, иди, иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ! Ну, ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Мити.

Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая степень мнительности Мити, такая степень недовѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ—все это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвыходнаго горя и отчаянія въ душѣ его несчастнаго брата, какой онъ и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе вдругъ охватило и измучило его мгновенно. Пронзенное сердце его страшно болѣло. «Люби Ивана!» вспомнились ему вдругъ сейчашнія слова Мити. Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще утромъ страшно надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя его мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданія съ братомъ, болѣе чѣмъ когда нибудь.

V.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома, въ которомъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ свѣтъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войдти. Катерину Ивановну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь пришло на умъ, что Иванъ, можетъ быть, сейчасъ у ней, особенно наканунѣ такого дня. Позвонивъ и войдя на лѣстницу, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося сверху человѣка, въ которомъ, поровнявшись, узналъ брата. Тотъ, стало быть, выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ, это только ты, сказалъ сухо Иванъ Ѳедоровичъ. — Ну, прощай. Ты къ ней?

— Да.

— Не совѣтую, она «въ волненіи», и ты еще пуще ее разстроишь.

— Нѣтъ, нѣтъ! прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отворившейся мигомъ двери. — Алексѣй Ѳедоровичъ. вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

— Мнѣ что нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша, и вы, Иванъ Ѳедоровичъ, непремѣнно, непремѣнно воротитесь. Слы-ши-те!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная нотка, что Иванъ Ѳедоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился. однако-же, подняться опять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно прошепталъ онъ про себя, но Алеша разслышалъ.

— Позвольте мнѣ остаться въ пальто. проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, вступая въ залу. — Я и не сяду. Я болѣе одной минуты не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Ѳедоровичъ. проговорила Катерина Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало за это время, но темные глаза ея сверкали злобнымъ огнемъ. Алеша помнилъ потомъ, что она показалась ему чрезвычайно хороша собой въ ту минуту.

— Что-жь онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо смотря ей въ лицо: — чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на судѣ о томъ (онъ нѣсколько замялся)... что было между вами... во время самаго перваго вашего знакомства... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватила она горько разсмѣявшись. — Что-жь, онъ за себя или за меня боится— а? Онъ сказалъ. чтобъ я щадила — кого-же? Его или себя? Говорите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорилъ онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вдругъ покраснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, грозно сказала она, — да и я еще не знаю себя. Можетъ быть, вы захотите меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете честно. сказалъ Алеша. — только этого и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она. — Я еще часъ тому думала, что мнѣ страшно дотронуться до этого изверга... какъ до гада... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня человѣкъ! Да убилъ-ли онъ? Онъ-ли убилъ? воскликнула она вдругъ истерически, быстро обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу. Алеша мигомъ понялъ, что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану Ѳедоровичу, можетъ, всего за минуту предъ его приходомъ, и не въ первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова... Это ты, ты убѣдилъ меня, что онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала она, все обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу. Тотъ какъ-бы съ натуги усмѣхнулся. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *ты*. Онъ и подозрѣвать не могъ такихъ отношеній.

— Ну, однако, довольно, отрѣзалъ Иванъ.—Я пойду. Приду завтра. И тотчасъ-же повернувшись, вышелъ изъ комнаты и прошелъ прямо на лѣстницу. Катерина Ивановна вдругъ съ какимъ-то повелительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.

— Ступайте за нимъ! Догоните его! Не оставляйте его одного ни минуты, быстро зашептала она.—Онъ помѣшанный. Вы не знаете, что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка! Мнѣ докторъ говорилъ, идите, бѣгите за нимъ...

Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Ѳедоровичемъ. Тотъ не успѣлъ отойдти и пятидесяти шаговъ.

— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя, что тотъ его догоняетъ:—велѣла тебѣ бѣжать за мной, потому что я съумасшедшій. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.

— Она, разумѣется, ошибается, но она права, что ты боленъ, сказалъ Алеша.—Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо: у тебя очень больное лицо, очень, Иванъ!

Иванъ шелъ не останавливаясь. Алеша за нимъ.

— А ты знаешь, Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ сходятъ съума? спросилъ Иванъ совсѣмъ вдругъ, тихимъ, совсѣмъ уже не раздражительнымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось самое простодушное любопытство.

— Нѣтъ, не знаю: полагаю, что много разныхъ видовъ съумасшествія.

— А надъ самимъ собой можно наблюдать, что сходишь съума?

— Я думаю нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ случаѣ, съ удивленіемъ отвѣчалъ Алеша. Иванъ на полминутки примолкъ.

— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемѣни, пожалуйста, тему, сказалъ онъ вдругъ.

— А вотъ, чтобы не забыть, къ тебѣ письмо, робко проговорилъ Алеша и, вынувъ изъ кармана, протянулъ къ нему письмо Лизы. Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ-же узналъ руку.

— А, это отъ того бѣсенка! разсмѣялся онъ злобно, и, не распечатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кусковъ и бросилъ на вѣтеръ. Клочья разлетѣлись.

— Шестнадцати лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и уже предлагается! презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагается? воскликнулъ Алеша.

— Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются.

— Что ты, Иванъ, что ты? горестно и горячо заступился Алеша.– Это ребенокъ, ты обижаешь ребенка! Она больна, она сама очень больна, она тоже, можетъ быть, съ ума сходитъ... Я не могъ тебѣ не передать ея письма... Я, напротивъ, отъ тебя хотѣлъ что услышать... чтобы спасти ее.

— Нечего тебѣ отъ меня слышать. Коль она ребенокъ, то я ей не нянька. Молчи, Алексѣй. Не продолжай. Я объ этомъ даже не думаю.

Помолчали опять съ минуту.

— Она теперь всю ночь молить Божію Матерь будетъ, чтобъ указала ей какъ завтра на судѣ поступить, рѣзко и злобно заговорилъ онъ вдругъ опять.

— Ты... ты объ Катеринѣ Ивановнѣ?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться? О томъ молить будетъ, чтобъ озарило ея душу. Сама еще, видите-ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже меня за няньку принимаетъ, хочетъ чтобъ я ее убаюкалъ!

— Катерина Ивановна любитъ тебя, братъ, съ грустнымъ чувствомъ проговорилъ Алеша

— Можетъ быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ-же ты ей говоришь... иногда... такія слова, что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ продолжалъ Алеша:— вѣдь я знаю, что ты ей подавалъ надежду, прости, что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвать и ей прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.—Надо подождать пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву съ ней теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра-же погубитъ этого негодяя на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что ненавидитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь-же, пока я съ ней не разорвалъ, она все еще надѣется и не станетъ губить этого звѣря, зная, какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И когда только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова убійца и звѣрь больно отозвались въ сердцѣ Алеши.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? спросилъ онъ, вдумываясь въ слова Ивана. —Что она можетъ показать такого, что прямо могло бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ одинъ документъ есть, собственноручный, Митенькинъ, математически доказывающій, что онъ убилъ Ѳедора Павловича.

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.

— Какъ не можетъ? Я самъ читалъ.

Такого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ Алеша.—Не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ убилъ отца, не онъ!

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ остановился.

— Кто-же убійца, по вашему, какъ-то холодно, повидимому, спросилъ онъ. и какая-то даже высокомѣрная нотка прозвучала въ топѣ вопроса.

— Ты самъ знаешь кто, тихо и проникновенно проговорилъ Алеша.

— Кто? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идіотѣ, эпилептикѣ? Объ Смердяковѣ?

Алеша вдругъ почувствовалъ, что весь дрожитъ.

— Ты самъ знаешь кто, безсильно вырвалось у него. Онъ задыхался.

— Да кто, кто? уже почти свирѣпо вскричалъ Иванъ. Вся сдержанность вдругъ исчезла.

— Я одно только знаю, все также почти шепотомъ проговорилъ Алеша:—убилъ отца *не ты*.

— «Не ты!» Что̀ такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.

— Не ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша.

Съ полминуты длилось молчаніе.

— Да я и самъ знаю, что не я, ты бредишь? блѣдно и искривленно усмѣхнувшись, проговорилъ Иванъ. Онъ какъ-бы впился глазами въ Алешу. Оба опять стояли у фонаря.

— Нѣтъ, Иванъ, ты самъ себѣ нѣсколько разъ говорилъ, что убійца ты.

— Когда я говорилъ? . Я въ Москвѣ былъ... Когда я говорилъ? совсѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.

— Ты говорилъ это себѣ много разъ, когда оставался одинъ въ эти страшные два мѣсяца, по прежнему тихо и раздѣльно продолжалъ Алеша. Но говорилъ онъ уже какъ-бы внѣ себя, какъ-бы не своею волей, повинуясь какому-то непреодолимому вѣянію.- -Ты обвинялъ себя и признавался себѣ, что убійца никто какъ ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца, слышишь меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.

Оба замолчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это молчаніе. Оба стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба были блѣдны. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко схватилъ Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! скрежещимъ шепотомъ проговорилъ онъ.—

Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ... Признавайся... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь... про Митю? въ недоумѣніи спросилъ Алеша.

— Не про него, къ чорту изверга! изступленно завопилъ Иванъ. Развѣ ты знаешь, что онъ ко мнѣ ходитъ? Какъ ты узналъ, говори!

— Кто *онъ*? Я не знаю про кого ты говоришь, пролепеталъ Алеша уже въ испугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь... иначе какже-бы ты... не можетъ быть, чтобы ты не зналъ...

Но вдругъ онъ какъ-бы сдержалъ себя. Онъ сталъ и какъ-бы что-то обдумывалъ. Странная усмѣшка кривила его губы.

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ опять Алеша,— я сказалъ тебѣ это потому, что ты моему слову повѣришь, я знаю это. Я тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: *не ты!* Слышишь, на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу тебѣ это сказать, хотя-бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣлъ меня...

Но Иванъ Ѳедоровичъ, повидимому, совсѣмъ уже успѣлъ овладѣть собой.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорилъ онъ съ холодною усмѣшкой, -я пророковъ и энтузіастовъ не терплю: посланниковъ Божіихъ особенно, вы это слишкомъ знаете. Съ сей минуты я съ вами разрываю и, кажется, навсегда. Прошу сей-же часъ, на этомъ-же перекресткѣ, меня оставить. Да вамъ и въ квартиру по этому проулку дорога. Особенно побеспокойтесь заходить ко мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо, не оборачиваясь.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша,—если что нибудь сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего обо мнѣ!..

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша сталъ на перекресткѣ у фонаря пока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ. Тогда онъ повернулся и медленно направился къ себѣ по переулку. И онъ, и Иванъ Ѳедоровичъ квартировали особо, на разныхъ квартирахъ: ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ опустѣвшемъ домѣ Ѳедора Павловича. Алеша нанималъ меблированную комнату въ семействѣ одинхъ мѣщанъ: Иванъ-же Ѳедоровичъ жилъ довольно отъ него далеко и занималъ просторное и довольно комфортное помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадлежавшаго одной небѣдной вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему въ цѣломъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая старушонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ вечера и вставшая въ шесть часовъ

утра. Иванъ Ѳедоровичъ сталъ до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень любилъ оставаться совсѣмъ одинъ. Даже комнату, которую занималъ, онъ самъ убиралъ, а въ остальныя комнаты своего помѣщенія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и уже взявшись за ручку звонка, онъ остановился. Онъ почувствовалъ, что весь еще дрожитъ злобною дрожью. Вдругъ онъ бросилъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро пошелъ опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ города, версты за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный, скосившійся, деревянный домикъ, въ которомъ квартировала Марья Кондратьевна, бывшая сосѣдка Ѳедора Павловича, приходившая къ Ѳедору Павловичу на кухню за супомъ, и которой Смердяковъ пѣлъ тогда свои пѣсни и игралъ на гитарѣ. Прежній домикъ свой она продала и теперь проживала съ матерью почти въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ самой смерти Ѳедора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-то и направился теперь Иванъ Ѳедоровичъ, влекомый одинмъ внезапнымъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

VI.

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

То уже въ третій разъ шелъ Иванъ Ѳедоровичъ говорить со Смердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Въ первый разъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ-же въ первый день своего пріѣзда, затѣмъ посѣтилъ его еще разъ, двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого втораго раза свиданія свои со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь слишкомъ мѣсяцъ какъ онъ уже не видалъ его и почти ничего не слыхалъ о немъ. Воротился-же тогда Иванъ Ѳедоровичъ изъ Москвы уже на пятый только день послѣ смерти родителя, такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе совершилось какъ разъ наканунѣ его пріѣзда. Причина замедленія Ивана Ѳедоровича заключалась въ томъ, что Алеша, не зная въ точности его московскаго адреса, прибѣгнулъ, для посылки телеграммы, къ Катеринѣ Ивановнѣ, а та, тоже въ невѣдѣніи настоящаго адреса, телеграфировала къ своей сестрѣ и теткѣ, разсчитывая, что Иванъ Ѳедоровичъ сейчасъ-же по прибытіи въ Москву къ нимъ зайдетъ. Но онъ къ нимъ зашелъ лишь на четвертый день по пріѣздѣ и, прочтя телеграмму, тотчасъ-же, конечно, сломя голову полетѣлъ къ намъ. У насъ перваго встрѣтилъ

Алешу, но, переговоривъ съ нимъ, былъ очень изумленъ, что тотъ даже и подозрѣвать не хочетъ Митю, а прямо указываетъ на Смердякова, какъ на убійцу, что было въ разрѣзъ всѣмъ другимъ мнѣніямъ въ нашемъ городѣ. Повидавъ затѣмъ исправника, прокурора, узнавъ подробности обвиненія и ареста, онъ еще болѣе удивился на Алешу и приписалъ его мнѣніе лишь возбужденному до послѣдней степени братскому чувству и состраданію его къ Митѣ, котораго Алеша, какъ и зналъ это Иванъ, очень любилъ. Кстати, промолвимъ лишь два слова разъ навсегда о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрію Ѳедоровичу: онъ его рѣшительно не любилъ и много-много что чувствовалъ къ нему иногда состраданіе, но и то смѣшанное съ большимъ презрѣніемъ, доходившимъ до гадливости. Митя весь, даже всею своею фигурой, былъ ему крайне несимпатиченъ. На любовь къ нему Катерины Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ негодованіемъ. Съ подсудимымъ Митей онъ, однако-же, увидѣлся тоже въ первый день своего прибытія, и это свиданіе не только не ослабило въ немъ убѣжденія въ его виновности, а даже усилило его. Брата онъ нашелъ тогда въ безпокойствѣ, въ болѣзненномъ волненіи. Митя былъ многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчивъ, говорилъ очень рѣзко, обвинялъ Смердякова и страшно путался. Болѣе всего говорилъ все про тѣ-же три тысячи, которыя «украли» у него покойникъ. «Деньги мои, онѣ были мои, твердилъ Митя; если-бъ я даже укралъ ихъ, то былъ-бы правъ». Всѣ улики, стоявшія противъ него, почти не оспаривалъ, и если толковалъ факты въ свою пользу, то опять-таки очень сбивчиво и нелѣпо,—вообще какъ будто даже и не желая оправдываться вовсе предъ Иваномъ или кѣмъ нибудь, напротивъ, сердился, горделиво пренебрегалъ обвиненіями, бранился и кичился. Надъ свидѣтельствомъ Григорія объ отворенной двери лишь презрительно смѣялся и увѣрялъ, что это «чортъ отворилъ». Но никакихъ связныхъ объясненій этому факту не могъ представить. Онъ даже успѣлъ оскорбить въ это первое свиданіе Ивана Ѳедоровича, рѣзко сказавъ ему, что не тѣмъ его подозрѣвать и допрашивать, которые сами утверждаютъ, что «все позволено». Вообще на этотъ разъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ очень недружелюбенъ. Сейчасъ послѣ этого свиданія съ Митей, Иванъ Ѳедоровичъ и направился тогда къ Смердякову.

Еще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смердякова и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозрительнымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю, Иванъ Ѳедоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все отложилъ до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда въ городской больницѣ.

Докторъ Герценштубе и встрѣтившійся Ивану Ѳедоровичу въ больницѣ врачъ Варвинскій на настойчивые вопросы Ивана Ѳедоровича, твердо отвѣчали, что падучая болѣзнь Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу: Не притворялся-ли онъ въ день катастрофы? Они дали ему понять, что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, продолжался и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь паціента была въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ принятыхъ мѣръ, можно уже сказать утвердительно, что больной останется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ докторъ Герценштубе), что разсудокъ его останется отчасти разстроенъ, если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное время». На нетерпѣливый вопросъ Ивана Ѳедоровича что, стало быть, онъ теперь съумасшедшій?» ему отвѣтили, что этого въ полномъ смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормальности . Иванъ Ѳедоровичъ положилъ самъ узнать какія это ненормальности. Въ больницѣ его тотчасъ-же допустили къ свиданію. Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ на койкѣ. Тутъ-же подлѣ него была еще койка, которую занималъ одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь распухшій отъ водяной, видимо готовый завтра или послѣзавтра умереть; разговору онъ помѣшать не могъ. Смердяковъ осклабился недовѣрчиво, завидѣвъ Ивана Ѳедоровича, и въ первое мгновеніе какъ будто даже сробѣлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мелькнуло у Ивана Ѳедоровича. Но это было лишь мгновеніе, напротивъ, во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его своимъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ Ѳедоровичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ болѣзненномъ его состояніи: онъ былъ очень слабъ, говорилъ медленно и какъ-бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Во всѣ минуты двадцати свиданія жаловался на головную боль и на ломъ во всѣхъ членахъ. Скопческое, сухое лицо его стало какъ будто такимъ маленькимъ, височки были включены, вмѣсто хохолка торчала вверхъ одна только тоненькая прядка волосковъ. Но прищуренный и какъ-бы на что-то намекающій, лѣвый глазокъ выдавалъ прежняго Смердякова. Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно . тотчасъ-же вспомнилось Ивану Ѳедоровичу. Онъ усѣлся у него въ ногахъ на табуретъ. Смердяковъ со страданіемъ повернувшійся всѣмъ тѣломъ на постели, но не заговорилъ первый, молчалъ да и глядѣлъ уже какъ-бы не очень любопытно.

— Можешь со мной говорить? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ,— очень не утомлю.

— Очень могу-съ, промямлилъ Смердяковъ слабымъ голосомъ.—

„Давно пріѣхать изволили? прибавилъ онъ снисходительно, какъ-бы поощряя сконфузившагося посѣтителя.

— „Да вотъ только сегодня... Каину вашу здѣшнюю расхлебывать.

Смердяковъ вздохнулъ.

— Чего вздыхаешь, вѣдь ты зналъ? прямо брякнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ солидно помолчалъ.

— Какъ-же это было не знать-съ? Напередъ ясно было. Только какъ-же было и знать-съ, что такъ поведутъ?

— Что поведутъ? Ты не виляй! Вѣдь вотъ ты-же предсказалъ, что съ тобой падучая будетъ тотчасъ, какъ въ погребъ полѣзешь? Прямо такъ на погребъ и указалъ.

— Вы это уже въ допросѣ показали? спокойно полюбопытствовалъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, еще не показалъ, но покажу непремѣнно. Ты мнѣ, братъ, многое разъяснить сейчасъ долженъ, и знай, голубчикъ, что я съ собой играть не позволю!

— А зачѣмъ-бы мнѣ такая игра-съ, когда на васъ все мое упованіе, единственно какъ на Господа Бога-съ! проговорилъ Смердяковъ, все также совсѣмъ спокойно и только на минутку закрывъ глазки.

— Во первыхъ, приступилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — я знаю, что падучую нельзя напередъ предсказать. Я справлялся, ты не виляй. День и часъ нельзя предсказать. Какъ-же ты мнѣ тогда предсказалъ и день, и часъ, и да еще и съ погребомъ? Какъ ты могъ напередъ узнать, что провалишься именно въ этотъ погребъ въ припадкѣ, если не притворился въ падучей нарочно?

— Въ погребъ надлежало и безъ того идти-съ, въ день по нѣскольку даже разъ-съ, не сѣня протянулъ Смердяковъ. — Такъ точно годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-съ. Безпремѣнно такъ, что падучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ, но предчувствіе всегда можно имѣть.

— А ты предсказалъ день и часъ!

— На счетъ моей болѣзни падучей-съ освѣдомьтесь всего лучше, сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная-ли была со мной, али не истинная, а мнѣ и говорить вамъ больше на сей предметъ нечего.

— А погребъ? Погребъ-то ты какъ предузналъ?

— Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ погребъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумлѣніи: потому больше

въ страхѣ, что быль васъ лишимшись и ни отъ кого уже защиты не ждалъ въ цѣломъ мірѣ. Ѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ и думаю: вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударитъ, провалюсь, али нѣтъ? и отъ самаго этого сумлѣнія вдругъ схватила меня въ горлѣ эта самая немшучая спазма-съ... ну и полетѣлъ. Все это самое и весь разговоръ нашъ предъидущій съ вами-съ, наканунѣ того дня вечеромъ у воротъ-съ, какъ я вамъ тогда мой страхъ сообщилъ, и про погребъ-съ — все это я въ подробности открылъ господину доктору Герценштубе и слѣдователю Николаю Парфеновичу, и все они въ протоколъ записали-съ. А здѣшній докторъ, господинъ Варвинскій, такъ предъ всѣми ими особо настаивали, что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ самой, то есть, той мнительности, что вотъ, дескать, упаду аль не упаду? А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-съ, что безпремѣнно этому такъ и надо было произойдти, отъ единаго, то есть, моего страху-съ.

Проговоривъ это, Смердяковъ, какъ-бы измученный утомленіемъ, глубоко перевелъ дыханіе.

— Такъ ты ужь это объявлялъ въ показаніи? спросилъ нѣсколько опѣшенный Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ именно хотѣлъ было пугнуть его тѣмъ, что объявитъ про ихъ тогдашній разговоръ, а оказалось, что тотъ ужь и самъ все объявилъ.

— Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запишутъ, твердо произнесъ Смердяковъ.

— И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова разсказалъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-съ.

— А что представляться въ падучей умѣешь, какъ хвастался мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-съ.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тогда въ Чермашню посылалъ?

— Боялся, что въ Москву уѣдете, въ Чермашню все-же ближе-съ.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: уѣзжайте, говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по единому къ вамъ дружеству и по сердечной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣду-съ, васъ жалѣючи. Только себя больше вашего сожалѣть-съ. Потому и говорилъ: уѣзжайте отъ грѣха, чтобы вы поняли, что дома худо будетъ и остались-бы родителя защитить.

— Такъ ты-бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вспыхнулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какъ-же-бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? Одинъ лишь страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли осердиться. Я, конечно, опасаться могъ, чтобы Дмитрій Ѳедоровичъ не сдѣлали какого скандалу, и самыя эти деньги не унесли, такъ какъ ихъ все равно что за свои почитали, а вотъ кто-же зналъ, что такимъ убійствомъ кончится? Думалъ, они просто только похитятъ эти три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ лежали-съ, въ пакетѣ-съ, а они вотъ убили-съ. Гдѣ-же и вамъ угадать было, сударь!

— Такъ если самъ говоришь, что нельзя было угадать, какъ-же я могъ догадаться и остаться? Что ты путаешь? вдумываясь проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— А потому и могли догадаться, что я васъ въ Германію направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять помолчалъ съ минуту.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ, что коли я васъ отъ Москвы въ Германію отклоняю, то, значитъ, присутствія вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва далеко, а Дмитрій Ѳедоровичъ, знамши что вы недалеко, не столь ободрены будутъ. Да и меня могли въ большей скорости, въ случаѣ чего, пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на болѣзнь Григорія Васильича къ тому-же указывалъ, да и то что падучей боюсь. А объяснивъ вамъ про эти стуки, по которымъ къ покойному можно было войдти, и что они Дмитрію Ѳедоровичу черезъ меня всѣ извѣстны, думалъ, что вы уже сами тогда догадаетесь, что они что нибудь непремѣнно совершатъ, и не то что въ Германію, а и вовсе останетесь.

Онъ очень связно говоритъ, подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ, хоть и мямлитъ: про какое-же Гриценштубе говорилъ разстройство способностей?»

— Хитришь ты со мной, чортъ тебя дери! воскликнулъ онъ, осердившись.

— А я, признаться, тогда подумалъ, что вы ужъ совсѣмъ догадались, съ самымъ простодушнымъ видомъ отпарировалъ Смердяковъ.

— Кабы догадался такъ остался-бы! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ опять вспыхнувъ.

— Ну-съ, а я-то думалъ, что вы обо всемъ догадавшись скорѣе какъ можно убѣжите лишь отъ грѣха одного, чтобы только убѣжать куда нибудь, себя спасая отъ страху-съ.

— Ты думалъ, что всѣ такіе-же трусы какъ ты?

— Простите-съ, подумалъ, что и вы какъ и я.

— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ, — да я и догадывался объ чемъ нибудь мерзкомъ съ твоей стороны... Только ты врешь, опять врешь, вскричалъ онъ вдругъ припомнивъ: — Помнишь какъ ты къ тарантасу тогда подошелъ и мнѣ сказалъ: съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно . Значитъ, радъ былъ, что я уѣзжаю коль похвалилъ?

Смердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ-бы показалась краска.

— Если былъ радъ, произнесъ онъ нѣсколько задыхаясь,—то тому единственно, что не въ Москву, а въ Чермашню согласились. Потому все-же ближе; а только я вамъ тѣ самыя слова не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не разобрали вы этого-съ.

— Въ какой попрекъ!

— А то что, предчувствуя такую бѣду, собственнаго родителя оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня за эти три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.

— Чортъ тебя дери! опять обругался Иванъ. — Стой: ты про знаки, про стуки эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?

— Все какъ есть объявилъ-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ онъ опять, — то это про мерзость какую нибудь единственно съ твоей стороны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ— я тогда не вѣрилъ... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Самъ-же ты мнѣ сказалъ, что притворяться въ падучей умѣешь, для чего ты это сказалъ?

— По единому моему простодушію. Да и никогда я въ жизни не представлялся въ падучей нарочно, а такъ только, чтобъ похвалиться предъ вами, сказалъ. Одна глупость-съ. Полюбилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей простотѣ.

— Братъ прямо тебя обвиняетъ, что ты убилъ и что ты укралъ.

— Да имъ что-же больше остается? горько ослабился Смердяковъ,—и кто-же имъ повѣритъ послѣ всѣхъ тѣхъ уликъ? Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-съ, послѣ этого какъ-же-съ. Да что ужь, Богъ съ ними! Себя спасая дрожать...

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ какъ-бы сообразивъ прибавилъ:

— Вѣдь вотъ-съ, опять это самое: они на меня свалить желаютъ, что это моихъ рукъ дѣло-съ,—это я уже слышалъ-съ. а вотъ хотъ-бы это самое, что я въ падучей представляться мастеръ: ну сказалъ-ли-бы я вамъ напередъ, что представляться умѣю, если-бъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ тогда былъ на родителя вашего? Коль такое убивство ужь я замыслилъ, то можно-ли быть столь дуракомъ, чтобы впередъ на себя такую улику сказать, да

сне сыну родному. помилуйте-съ?! Похоже это на вѣроятіе? Это, чтобъ это могло быть-съ, такъ, напротивъ, совсѣмъ никогда-съ. Вотъ теперь этого нашего съ вами разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого Провидѣнія-съ, а если-бы вы сообщили прокурору и Николаю Парфеновичу, такъ тѣмъ самымъ могли-бы меня въ конецъ защитить-съ: ибо что за злодѣи за такой коли заранѣе столь простодушенъ? Всѣ это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Ѳедоровичъ, пораженный послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ, — я тебя вовсе не подозрѣваю и даже считаю смѣшнымъ обвинять... напротивъ, благодаренъ тебѣ, что ты меня успокоилъ. Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай. Не нуждаешься-ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-съ. Марѳа Игнатьевна не забываетъ меня-съ и во всемъ способствуетъ, коли что мнѣ надо, по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрые люди.

— До свиданія. Я, впрочемъ, про то, что ты притворяться умѣешь не скажу... да и тебѣ совѣтую не показывать, проговорилъ вдругъ почему-то Иванъ.

— Очень понимаю-съ. А коли вы этого не покажете, то и я-съ всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не объявлю...

Тутъ случилось такъ, что Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ вышелъ и, только пройдя уже шаговъ десять по коридору, вдругъ почувствовалъ, что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался какой-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но это только мелькнуло, и проговоривъ: «глупости!» — онъ поскорѣе пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ, что дѣйствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ, что виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя казалось-бы должно было выйдти напротивъ. Почему такъ было—онъ не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе копаться въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣе хотѣлось какъ-бы что-то забыть. Затѣмъ въ слѣдующіе нѣсколько дней онъ уже совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и основательнѣе ознакомился со всѣми удручавшими того уликами. Были показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потрясающія, напримѣръ, Ѳени и ея матери. Про Перхотина, про трактиръ, про лавку Плотниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ и говорить было нечего. Главное, удручали подробности. Извѣстіе о тайныхъ «стукахъ» поразило слѣдователя и прокурора почти въ тои-же степени, какъ и показаніе Григорія объ отворенной двери. Жена Григорія, Марѳа Игнатьевна, на спросъ Ивана Ѳедоровича, прямо заявила ему, что Смердяковъ всю ночь лежалъ у нихъ за

перегородкой, «трехъ шаговъ отъ нашей постели не было», и что хоть и спала она сама крѣпко, но много разъ пробуждалась, слыша какъ онъ тутъ стонетъ: все время стоналъ, безпрерывно стоналъ». Поговоривъ съ Герценштубе и сообщивъ ему свое сомнѣніе о томъ, что Смердяковъ вовсе не кажется ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только вызвалъ у старика тоненькую улыбочку. «А вы знаете чѣмъ онъ теперь особенно занимается?» спросилъ онъ Ивана Ѳедоровича, — французскія вокабулы наизусть учитъ; у него подъ подушкой тетрадка лежитъ и французскія слова русскими буквами кѣмъ-то записаны, хе-хе-хе!» Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ, наконецъ, всѣ сомнѣнія. О братѣ Дмитріи онъ уже и подумать не могъ безъ омерзѣнія. Одно было все-таки странно: что Алеша упорно продолжалъ стоять на томъ, что убилъ не Дмитрій, а «по всей вѣроятности» Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ, что мнѣніе Алеши для него высоко, а потому теперь очень недоумѣвалъ на него. Странно было и то, что Алеша не искалъ съ нимъ разговоровъ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а лишь отвѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ. Впрочемъ, въ то время онъ очень былъ развлеченъ однимъ совсѣмъ посторонним обстоятельствомъ: пріѣхавъ изъ Москвы, онъ въ первые-же дни весь и безповоротно отдался пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ Ивановнѣ. Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Ивана Ѳедоровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это все могло-бы послужить канвой уже иного разсказа, другаго романа, который и не знаю предприму-ли еще когда нибудь. Но все-же не могу умолчать и теперь о томъ, что когда Иванъ Ѳедоровичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей отъ Катерины Ивановны, сказалъ ему: «я-то до нея не охотникъ»,—то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ ее, хотя правда и то, что временами ненавидѣлъ ее до того, что могъ даже убить. Тутъ сходилось много причинъ: вся потрясенная событіемъ съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся къ ней опять Ивану Ѳедоровичу какъ-бы къ какому своему спасителю. Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чувствахъ. И вотъ явился опять человѣкъ, который ее и прежде такъ любилъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ и сердце она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но строгая дѣвушка не отдала себя въ жертву всю, не смотря на весь Карамазовскій безудержъ желаній своего влюбленнаго и на все обаяніе его на нее. Въ тоже время мучилась безпрерывно раскаяніемъ, что измѣнила Митѣ, и въ грозныя, ссорныя минуты съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала это ему. Это-то и называлъ онъ, говоря съ Алешей: «ложью на

лжи». Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и это всего болѣе раздражало Ивана Ѳедоровича... но все это потомъ. Словомъ, онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И, однако, двѣ недѣли спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія, начали его опять мучить всѣ тѣ-же страшныя мысли, какъ и прежде. Довольно сказать, что онъ безпрерывно сталъ себя спрашивать: для чего онъ тогда, въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Ѳедора Павловича, предъ отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько какъ воръ на лѣстницу и прислушивался, что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ отвращеніемъ вспоминалъ это потомъ, почему на другой день утромъ въ дорогѣ такъ вдругъ затосковалъ, а, въѣзжая въ Москву, сказалъ себѣ: «я подлецъ!» И вотъ теперь ему однажды подумалось, что изъ-за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ, пожалуй, готовъ забыть даже и Катерину Ивановну, до того онѣ сильно имъ вдругъ опять овладѣли! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу на улицѣ. Онъ тотчасъ остановилъ его и вдругъ задалъ ему вопросъ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался въ домъ и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на дворѣ, что право желанія — оставляю за собой, — скажи, подумалъ ты тогда, что я желаю смерти отца или нѣтъ?

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно, впрочемъ, такъ и было, тутъ и угадывать было нечего. Но не подумалось-ли тебѣ тогда и то, что я именно желаю, чтобъ одинъ гадъ съѣлъ другую гадину, то есть чтобъ именно Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я поспособствовать даже не прочь?

Алеша слегка поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори-же! воскликнулъ Иванъ. — Я изо всей силы хочу знать что ты тогда подумалъ. Мнѣ надо: правду, правду! Онъ тяжело перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря на Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошепталъ Алеша и замолчалъ, не прибавивъ ни одного облегчающаго обстоятельства».

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро пошелъ своею дорогой. Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ, что братъ Иванъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ-бы не взлюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ ходить къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ встрѣчи, Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился опять къ Смердякову.

VII.

Второй визитъ къ Смердякову.

Смердяковъ къ тому времени выписался изъ больницы. Иванъ Ѳедоровичъ зналъ его новую квартиру: именно въ этомъ перекосившемся, бревенчатомъ, маленькомъ домикѣ въ двѣ избы, раздѣленныя сѣнями. Въ одной избѣ помѣстилась Марья Кондратьевна съ матерью, а въ другой Смердяковъ, особняво. Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ онъ у нихъ поселился: даромъ-ли проживалъ или за деньги? Впослѣдствіи полагали, что поселился онъ у нихъ въ качествѣ жениха Марьи Кондратьевны и проживалъ пока даромъ. И мать, и дочь его очень уважали и смотрѣли на него какъ на высшаго предъ ними человѣка. Достучавшись, Иванъ Ѳедоровичъ вступилъ въ сѣни, и, по указанію Марьи Кондратьевны, прошелъ прямо налѣво въ бѣлую избу, занимаемую Смердяковымъ. Въ этой избѣ печь стояла изразцовая и была сильно натоплена. По стѣнамъ красовались голубые обои, правда, всѣ изодранные, а подъ ними въ трещинахъ копошились тараканы-прусаки въ страшномъ количествѣ, такъ что стоялъ неумолкаемый шорохъ. Мебель была ничтожная: двѣ скамьи по обѣимъ стѣнамъ и два стула подлѣ стола. Столъ-же, хоть и просто деревянный, былъ накрытъ, однако, скатертью съ розовыми разводами. На двухъ маленькихъ окошкахъ помѣщалось на каждомъ по горшку съ геранями. Въ углу кіотъ съ образами. На столѣ стоялъ небольшой, сильно помятый, мѣдный самоварчикъ и подносъ съ двумя чашками. Но чай Смердяковъ уже отпилъ, и самоваръ погасъ... Самъ онъ сидѣлъ за столомъ на лавкѣ и, смотря въ тетрадь, что-то чертилъ перомъ. Пузырекъ съ чернилами находился подлѣ, равно какъ и чугунный низенькій подсвѣчникъ со стеариновою, впрочемъ, свѣчкой. Иванъ Ѳедоровичъ тотчасъ заключилъ по лицу Смердякова, что оправился онъ отъ болѣзни вполнѣ. Лицо его было свѣжее, полное, хохолокъ взбитъ, височки примазаны. Сидѣлъ онъ въ пестромъ ватномъ халатѣ, очень, однако, затасканномъ и порядочно истрепанномъ. На носу его были очки, которыхъ Иванъ Ѳедоровичъ не видывалъ у него прежде. Это пустѣйшее обстоятельство вдругъ какъ-бы вдвое даже озлило Ивана Ѳедоровича: этакая тварь, да еще въ очкахъ! Смердяковъ медленно поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ въ очки на вошедшаго: затѣмъ тихо ихъ снялъ и самъ приподнялся на лавкѣ, но какъ-то совсѣмъ не столь почтительно, какъ-то даже

лѣнивo, единственно чтобы соблюсти только лишь самую необходимѣйшую учтивость, безъ которой уже нельзя почти обойдтись. Все это мигомъ мелькнуло Ивану и все это онъ сразу обхватилъ и замѣтилъ, а главное—взглядъ Смердякова, рѣшительно злобный, непривѣтливый и даже надменный: чего, дескать, явился, обо всемъ вѣдь тогда сговорились, зачѣмъ-же опять пришелъ? Иванъ Ѳедоровичъ едва сдержалъ себя:

— Жарко у тебя, сказалъ онъ, еще стоя, и разстегнулъ пальто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, дрожащими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его къ столу и сѣлъ. Смердяковъ успѣлъ опуститься на свою лавку раньше его.

— Во первыхъ, одни-ли мы? строго и стремительно спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Не услышатъ насъ оттуда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Сами видѣли: сѣни.

— Слушай, голубчикъ: что ты такое тогда смолоду, когда я уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ, что ты мастеръ представляться въ падучей, то и ты-де не объявишь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? Что это такое *всего?* Что ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ, что-ли? Что я въ союзъ, что-ли, въ какой съ тобою вступалъ, боюсь тебя, что-ли?

Иванъ Ѳедоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости, видимо и нарочно давая знать, что презираетъ всякій обманъ и всякій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно сверкнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ-же, хотя по обычаю своему сдержанно и мѣрно, далъ и свой отвѣтъ: Хочешь, дескать, на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота:

— А то самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это произносилъ, что вы, зная напередъ про это убиство роднаго родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы не заключили послѣ сего люди чего дурнаго объ вашихъ чувствахъ, а, можетъ, и объ чемъ иномъ прочемъ, — вотъ что тогда обѣщался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не сильна и обладая собою, повидимому, но ужь въ голосѣ его даже послышалось нѣчто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко уставился онъ въ Ивана Ѳедоровича, а у того въ первую минуту даже въ глазахъ зарябило:

— Какъ? Что? Да ты въ умѣ, али нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я *знал*ъ тогда про убійство? вскричалъ, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу. — Что̀ значитъ: «объ чемъ иномъ прочемъ? —говори, подлецъ!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ-же наглымъ взглядомъ продолжалъ осматривать Ивана Ѳедоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ «иномъ прочемъ?» завопилъ тотъ.

— А объ томъ «иномъ прочемъ» я сею минутой разумѣлъ, что вы, пожалуй, и сами очень желали тогда смерти родителя вашего.

Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ и изо всей силы ударилъ его кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откачнулся къ стѣнѣ. Въ одинъ мигъ все лицо его облилось слезами; проговоривъ: Стыдно, сударь, слабаго человѣка бить! онъ вдругъ закрылъ глаза своимъ бумажнымъ съ синими клѣточками и совершенно засморканнымъ носовымъ платкомъ и погрузился въ тихій слезный плачъ. Прошло съ минуту.

— Довольно! Перестань! повелительно сказалъ, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, садясь опять на стулъ.—Не выводи меня изъ послѣдняго терпѣнія!

Смердяковъ отнялъ отъ глазъ свою тряпочку. Всякая черточка его сморщеннаго лица выражала только что перенесенную обиду.

— Такъ ты, подлецъ, подумалъ тогда, что я заодно съ Дмитріемъ хочу отца убить?

— Мыслей вашихъ я тогдашнихъ не зналъ-съ, обыкновенно проговорилъ Смердяковъ,—а потому и остановилъ васъ тогда какъ вы входили въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ пунктѣ испытать-съ.

— Что̀ испытать? Что̀?

— А вотъ именно это самое обстоятельство: хочется или не хочется вамъ, чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ?

Всего болѣе возмущалъ Ивана Ѳедоровича этотъ настойчивый наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердяковъ.

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. И думалъ я, что умному человѣку и говорить о семъ больше нечего.

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое на меня подозрѣніе?

— Какъ ужь извѣстно вамъ, отъ единаго страху-съ. Ибо въ такомъ былъ тогда положеніи, что, въ страхѣ сотрясаясь, всѣхъ подозрѣвалъ. Васъ тоже положилъ испытать-съ, ибо если и вы, думаю, того-же самаго желаете, что̀ и братецъ вашъ, то и конецъ тогда всякому этому дѣлу, а я самъ пропаду заодно какъ муха.

— Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.

— Тоже самое и въ больницѣ говоря съ вами разумѣлъ, а только полагалъ, что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и пря-маго разговора не желаете сами, какъ самый умный человѣкъ-съ.

— Нынь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего именно, чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе?

— Чтобъ убить—это вы сами ни за что не могли-съ, да и не хотѣли, а чтобы хотѣть, чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли.

— И какъ спокойно, какъ спокойно вѣдь говоритъ! Да съ чего мнѣ хотѣть, на кой лядь мнѣ было хотѣть?

— Какъ это такъ на кой ледь-съ? А наслѣдство-то-съ? ядо-вито и какъ-то даже отомстительно подхватилъ Смердяковъ: —Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на каждаго изъ трехъ братцевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись, а, можетъ, и того больше-съ, а женись тогда Ѳедоръ Павловичъ на этой самой госпожѣ-съ, Аграфенѣ Александровнѣ, такъ ужь та весь-бы капи-талъ тотчасъ-же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень не глупыя-съ, такъ что вамъ всѣмъ тремъ братцамъ и двухъ рублей не досталось-бы послѣ родителя. А много-ль тогда до вѣнца-то оставалось? Одинъ волосокъ-съ: стоило этой барынѣ вотъ такъ только мизинчикомъ предъ ними сдѣлать, и они-бы тотчасъ въ церковь за ними высуня языкъ побѣжали.

Иванъ Ѳедоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.

— Хорошо, проговорилъ онъ, наконецъ, — ты видишь, я не вскочилъ, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало быть, я, по твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на него и разсчитывалъ?

— Какъ-же вамъ на нихъ не разсчитывать было-съ: вѣдь убей они, то тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и иму-щества, и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-съ послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ оста-нется, по ровну-съ, значитъ, уже не по сороку, а по шестидесяти тысячъ вамъ пришлось-бы каждому-съ. Это вы на Дмитрія Ѳедоро-вича безпремѣнно тогда разсчитывали!

— Ну, терпло-же я отъ тебя! Слушай, негодяй: если-бъ я и разсчитывалъ тогда на кого нибудь, такъ ужь, конечно-бы, на тебя, а не на Дмитрія, и, клянусь, предчувствовалъ даже отъ тебя какой нибудь мерзости... тогда... я помню мое впечатлѣніе!

— И я тоже подумалъ тогда, минутку одну, что и на меня тоже разсчитываете, насмѣшливо осклабился Смердяковъ, — такъ

что тѣмъ самымъ еще болѣе тогда себя предо мной обличили, ибо если предчувствовали на меня и въ тоже самое время убѣжали, значитъ, мнѣ тѣмъ самымъ точно какъ-бы сказали: это ты можешь убить родителя, а я не препятствую.

— Подлецъ! Ты такъ понялъ!

— А все чрезъ эту самую Чермашню-съ. Помилосердуйте! Собираетесь въ Москву, и на всѣ просьбы родителя ѣхать въ Чермашню отказались-съ! И по одному только глупому моему слову вдругъ согласились-съ! И на что вамъ было тогда соглашаться на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Чермашню безъ причины, по одному моему слову, то, стало быть, чего-нибо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Иванъ.

— Какже это нѣтъ-съ? Слѣдовало, напротивъ, за такія мои тогдашнія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первымъ дѣломъ въ часть представить и выдрать-съ... но крайности по мордасамъ тутъ-же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйте-съ, напротивъ, ни мало не разсердились, тотчасъ дружелюбно исполняете въ точности по моему весьма глупому слову-съ и ѣдете, что было вовсе нелѣпо-съ, ибо вамъ слѣдовало оставаться чтобы хранить жизнь родителя... Какже мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ насупившись, конвульсивно оперлись обоими кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль что не отколотить тебя по мордасамъ, горько усмѣхнулся онъ. — Въ часть тогда тебя тащить нельзя было: кто-жь-бы мнѣ повѣрилъ и на что я могъ указать. Ну, а по мордасамъ... ухъ, жаль не догадался: хоть и запрещены мордасы, а сдѣлалъ-бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ онъ тѣмъ самодовольно-доктринерскимъ тономъ, съ которымъ спорилъ нѣкогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и дразнилъ его, стоя за столомъ Ѳедора Павловича, въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни мордасы хоть дѣйствительно запрещены по закону, и всѣ перестали бить-съ, ну, а въ отличительныхъ случаяхъ жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоша-бы самая полная французская республика, все одно продолжаютъ бить какъ и при Адамѣ и Евѣ-съ, да и никогда того не перестанутъ-съ, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣли-съ.

Что это ты французскія вокабулы учишь? кивнулъ Иванъ на тетрадку, лежавшую на столѣ.

— А почему-же-бы мнѣ ихъ не учить-съ, чтобы тѣмъ образо-

ванію моему способствовать, думая, что и самому мнѣ когда въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы, можетъ, придется быть.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь затрясся,— я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что хочешь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно потому, что подозрѣваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну къ суду. Я еще тебя обнаружу.

— А по моему лучше молчите-съ. Ибо что можете вы на меня объявить въ моей совершенной невинности. и кто вамъ повѣритъ? А только если начнете, то и я все разскажу-съ, ибо какъ-же-бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь, я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что вамъ теперь говорилъ, въ судѣ не повѣрятъ-съ, зато въ публикѣ повѣрятъ-съ, и вамъ стыдно станетъ-съ.

— Это значитъ опять таки что: съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно .—а? проскрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-съ. Умнымъ и будьте-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодованія, надѣлъ пальто, и, не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ его. На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и ощущеній кишѣлъ въ его душѣ. Идти объявить сейчасъ на Смердякова? Но что-же объявить: онъ все-таки невиненъ. Онъ, напротивъ, меня-же обвинитъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда поѣхалъ въ Чермашню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ. Да, конечно, я чего-то ожидалъ, и онъ правъ ... И ему опять въ сотый разъ припомнилось, какъ онъ въ послѣднюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но съ такимъ уже страданіемъ теперь припомнилось. что онъ даже остановился на мѣстѣ какъ пронзенный: Да, я этого тогда ждалъ, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хотѣлъ-ли я убійства. хотѣлъ-ли?.. Надо убить Смердякова!.. Если я не смѣю теперь убить Смердякова, то не стоитъ и жить!.. Иванъ Ѳедоровичъ. не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ и испугалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ какъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смердяковымъ, весь до черточки. Онъ не могъ успокоиться, сколько та ни уговаривала его, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ отрывисто, страшно. Наконецъ. сѣлъ, облокотился на столъ, уперъ голову въ обѣ руки и вымолвилъ страшный афоризмъ:

— Если-бъ убилъ не Дмитрій, а Смердяковъ, то, конечно, я тогда съ нимъ солидаренъ, ибо я подбивалъ его. Подбивалъ-ли я

его — еще не знаю. Но если только онъ убилъ, а не Дмитрій, то, конечно, убійца и я.

Выслушавъ это, Катерина Ивановна молча встала съ мѣста, пошла къ своему письменному столу, отперла стоявшую на немъ шкатулку, вынула какую-то бумажку и положила ее предъ Иваномъ. Эта бумажка была тотъ самый документъ, о которомъ Иванъ Ѳедоровичъ потомъ объявилъ Алешѣ какъ о «математическомъ доказательствѣ», что убилъ отца братъ Дмитрій. Это было письмо, написанное Митей въ пьяномъ видѣ къ Катеринѣ Ивановнѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда онъ встрѣтился въ полѣ съ Алешей, уходившимъ въ монастырь, послѣ сцены въ домѣ Катерины Ивановны, когда ее оскорбила Грушенька. Тогда, разставшись съ Алешей, Митя бросился было къ Грушенькѣ; неизвѣстно видѣлъ-ли ее, но къ ночи очутился въ трактирѣ «Столичный городъ», гдѣ какъ слѣдуетъ и напился. Пьяный онъ потребовалъ перо и бумагу и начерталъ важный на себя документъ. Это было изступленное, многорѣчивое и безсвязное письмо, именно «пьяное». Похоже было на то, когда пьяный человѣкъ, воротясь домой, начинаетъ съ необычайнымъ жаромъ разсказывать женѣ или кому изъ домашнихъ, какъ его сейчасъ оскорбили, какой подлецъ его оскорбитель, какой онъ самъ, напротивъ, прекрасный человѣкъ и какъ онъ тому подлецу задастъ— и все это длинно-длинно, безсвязно и возбужденно, со стукомъ кулаками по столу, съ пьяными слезами. Бумага для письма, которую ему подали въ трактирѣ, была грязненькій клочекъ обыкновенной письменной бумаги, плохаго сорта и на оборотной сторонѣ котораго былъ написанъ какой-то счетъ. Пьяному многорѣчію очевидно не достало мѣста, и Митя уписалъ не только всѣ поля, но даже послѣднія строчки были написаны накрестъ уже по написанному. Письмо было слѣдующаго содержанія: «Роковая Катя! Завтра достану деньги и отдамъ тебѣ твои три тысячи, и прощай великаго гнѣва женщина, но прощай и любовь моя! Кончимъ! Завтра буду доставать у всѣхъ людей, а не достану у людей, то даю тебѣ честное слово, пойду къ отцу и проломлю ему голову и возьму у него подъ подушкой, только-бы уѣхалъ Иванъ. Въ каторгу пойду, а три тысячи отдамъ. А сама прощай. Кланяюсь до земли, ибо предъ тобой подлецъ. Прости меня. Нѣтъ, лучше не прощай: легче и мнѣ и тебѣ! Лучше въ каторгу, чѣмъ твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишкомъ сегодня узнала, какъ-же ты можешь простить? Убью вора моего! Отъ всѣхъ васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. *Ее* тоже, ибо не ты одна мучительница, а и она. Прощай!

P. S. Проклятіе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ груди моей.

Осталась струна и звенитъ. Лучше сердце пополамъ! Убью себя, а сначала всетаки пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть подлецъ предъ тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ тюфякомъ, розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью. Катя, не гляди презрительно: Дмитріи не воръ, а убійца! Отца убилъ и себя погубилъ чтобы стоять и гордости твоей не выносить. И тебя не любить.

«PP. S. Ноги твои цѣлую, прощай!

PP. SS. Катя, моли Бога, чтобы дали люди деньги. Тогда не буду въ крови, а не дадутъ — въ крови! Убей меня!

«Рабъ и врагъ

«Д. Карамазовъ».

Когда Иванъ прочелъ «документъ», то всталъ убѣжденный. Значитъ, убилъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то, стало быть, и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ глазахъ его смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ виновности Мити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, подозрѣнія о томъ, что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ, у Ивана никогда не было, да это не вязалось и съ фактами. Иванъ былъ вполнѣ успокоенъ. На другое утро онъ лишь съ презрѣніемъ вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ его. Черезъ нѣсколько дней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно обидѣться его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и забыть. Такъ прошелъ мѣсяцъ. О Смердяковѣ онъ не разспрашивалъ больше ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что тотъ очень боленъ и не въ своемъ разсудкѣ. «Кончитъ съумасшествіемъ», сказалъ разъ про него молодой врачъ Варвинскій, и Иванъ это запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца Иванъ самъ началъ чувствовать себя очень худо. Съ пріѣхавшимъ предъ самымъ судомъ докторомъ изъ Москвы, котораго выписала Катерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И именно въ это-же время отношенія его къ Катеринѣ Ивановнѣ обострились до крайней степени. Это были какіе-то два влюбленные другъ въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны къ Митѣ, мгновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ совершенное изступленіе. Странно, что до самой послѣдней сцены, описанной нами у Катерины Ивановны, когда пришелъ къ ней отъ Мити Алеша, онъ, Иванъ, не слыхалъ отъ нея ни разу во весь мѣсяцъ сомнѣній въ виновности Мити, не смотря на всѣ ея «возвраты» къ нему, которые онъ такъ ненавидѣлъ. Замѣчательно еще и то, что онъ, чувствуя, что ненавидитъ Митю съ каждымъ днемъ все больше и больше, понималъ въ тоже время, что не за «возвраты» къ нему Кати ненавидѣлъ его, а именно *за то, что онъ убилъ отца!*

Онъ чувствовалъ и сознавалъ это самъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе дней за десять предъ судомъ онъ ходилъ къ Митѣ и предложилъ ему планъ бѣгства,—планъ, очевидно, еще задолго обдуманный. Тутъ, кромѣ главной причины, побудившей его къ такому шагу, виновата была и нѣкоторая незажившая въ сердцѣ его царапина отъ одного словечка Смердякова, что будто-бы ему, Ивану, выгодно чтобъ обвинили брата, ибо сумма по наслѣдству отъ отца возвысится тогда для него съ Алешей съ сорока на шестьдесятъ тысячъ. Онъ рѣшился пожертвовать тридцатью тысячами съ одной своей стороны, чтобъ устроить побѣгъ Мити. Возвращаясь тогда отъ него, онъ былъ страшно грустенъ и смущенъ: ему вдругъ начало чувствоваться, что онъ хочетъ побѣга не для того только, чтобы пожертвовать на это тридцать тысячъ и закрыть царапину, а и почему-то другому. «Потому-ли, что въ душѣ и я такой-же убійца?» спросилъ было онъ себя. Что-то отдаленное, но жгучее язвило его душу. Главное-же, во весь этотъ мѣсяцъ страшно страдала его гордость, но объ этомъ потомъ... Взявшись за звонокъ своей квартиры, послѣ разговора съ Алешей, и порѣшивъ вдругъ идти къ Смердякову, Иванъ Ѳедоровичъ повиновался одному особливому, внезапно вскипѣвшему въ груди его негодованію. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ Катерина Ивановна сейчасъ только воскликнула ему при Алешѣ: «Это ты, только ты одинъ увѣрилъ меня, что онъ (то есть Митя) убійца!» Вспомнивъ это, Иванъ даже остолбенѣлъ: никогда въ жизни не увѣрялъ онъ ее, что убійца Митя, напротивъ, еще себя подозрѣвалъ тогда предъ нею, когда воротился отъ Смердякова. Напротивъ, это *она*, она ему выпытала тогда «документъ» и доказала виновность брата! И вдругъ она-же теперь воскликаетъ: «Я сама была у Смердякова!» Когда была? Иванъ ничего не зналъ объ этомъ. Значитъ, она совсѣмъ не такъ увѣрена въ виновности Мити! И что могъ ей сказать Смердяковъ? Что, что именно онъ ей сказалъ? Страшный гнѣвъ загорѣлся въ его сердцѣ. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ полчаса назадъ пропустить ей эти слова и не закричать тогда-же. Онъ бросилъ звонокъ и пустился къ Смердякову. «Я убью его, можетъ быть, въ этотъ разъ», подумалъ онъ дорогой.

VIII.

Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ.

Еще на полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой-же какъ былъ въ этотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, сухой снѣгъ. Онъ падалъ на землю не прилипая къ ней, вѣтеръ крутилъ его, и вскорѣ поднялась совершенная метель. Въ той части города, гдѣ жилъ Смердяковъ, у насъ почти и нѣтъ фонарей. Иванъ Ѳедоровичъ шагалъ во мракѣ, не замѣчая метели, инстинктивно разбирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно стучало въ вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, были судороги. Нѣсколько не доходя до домика Марьи Кондратьевны Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянаго, маленькаго ростомъ мужичешка, въ заплатанномъ зипунишкѣ, шагавшаго зигзагами, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ бросавшаго браниться и начинавшаго сильнымъ пьянымъ голосомъ пѣсню:

Ахъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать!

Но онъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начиналъ кого-то бранить, затѣмъ опять вдругъ затягивалъ ту-же пѣсню. Иванъ Ѳедоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ нему ненависть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его осмыслилъ. Тотчасъ-же ему неотразимо захотѣлось пришибить сверху кулакомъ мужичешку. Какъ разъ въ это мгновеніе они поверстались рядомъ, и мужичешко, сильно качнувшись, вдругъ ударился изо всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. Мужичешко отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую землю, болѣзненно простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. Иванъ шагнулъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничь, совсѣмъ неподвижно, безъ чувствъ: замерзнетъ! подумалъ Иванъ и зашагалъ опять къ Смердякову.

Еще въ сѣняхъ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая отворить со свѣчкой въ рукахъ, зашептала ему, что Павелъ Ѳедоровичъ (то есть Смердяковъ) очень больны-съ, не то что лежать-съ, а почти какъ не въ своемъ умѣ-съ и даже чай велѣли убрать, пить не захотѣли.

— Что-жь онъ буянитъ, что-ли? грубо спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какое, напротивъ, совсѣмъ тихіе-съ, только вы съ ними не очень долго разговаривайте... попросила Марья Кондратьевна.

Иванъ Ѳедоровичъ отворилъ дверь и шагнулъ въ избу.

Натоплено было также, какъ и въ прежній разъ, но въ комнатѣ замѣтны были нѣкоторыя перемѣны: одна изъ боковыхъ лавокъ была вынесена и на мѣсто ея явился большой старый кожаный диванъ подъ красное дерево. На немъ была постлана постель съ довольно чистыми бѣлыми подушками. На постели сидѣлъ Смердяковъ все въ томъ-же своемъ халатѣ. Столъ перенесенъ былъ предъ диванъ, такъ что въ комнатѣ стало очень тѣсно. На столѣ лежала какая-то толстая въ желтой оберткѣ книга, но Смердяковъ не читалъ ея. онъ, кажется, сидѣлъ и ничего не дѣлалъ. Длиннымъ, молчаливымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ Ивана Ѳедоровича и, повидимому, нисколько не удивился его прибытію. Онъ очень измѣнился въ лицѣ, очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза впали, нижнія вѣки посинѣли.

— Да ты и впрямь боленъ? остановился Иванъ Ѳедоровичъ. — Я тебя долго не задержу и пальто даже не сниму. Гдѣ у тебя сѣсть-то?

Онъ занесъ съ другаго конца стола, придвинулъ къ столу стулъ и сѣлъ.

— Что смотришь и молчишь? Я съ однимъ только вопросомъ, и, клянусь, не уйду отъ тебя безъ отвѣта: была у тебя барыня, Катерина Ивановна?

Смердяковъ длинно помолчалъ, по прежнему все тихо смотря на Ивана, но вдругъ махнулъ рукой и отвернулъ отъ него лицо.

— Чего ты? воскликнулъ Иванъ.

— Ничего.

— Что ничего?

— Ну была, ну и все вамъ равно. Отстаньте-съ.

— Нѣтъ, не отстану! Говори, когда была?

— Да я и помнить объ ней забылъ, презрительно усмѣхнулся Смердяковъ, и вдругъ опять, оборотя лицо къ Ивану, уставился на него съ какимъ-то извстушенно-ненавистнымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на него въ то свиданіе, мѣсяцъ назадъ.

— Сами кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, проговорилъ онъ Ивану.

— Оставь мое здоровье, говори объ чемъ спрашиваютъ.

— А чего у васъ глаза пожелтѣли, совсѣмъ бѣлки желтые. Мучаетесь что-ли очень?

Онъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужъ разсмѣялся.

— Слушай. я сказалъ. что не уйду отъ тебя безъ отвѣта! въ страшномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.

Чего вы ко мнѣ пристаете-съ? Чего меня мучаете? со страданіемъ проговорилъ Смердяковъ.

— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣть на вопросъ и я тотчасъ уйду.

— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! опять потупился Смердяковъ.

— Увѣряю тебя, что я заставлю тебя отвѣчать!

— Чего вы все безпокоитесь? вдругъ уставился на него Смердяковъ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже гадливостью.—это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего вамъ не будетъ, увѣрьтесь-же, наконецъ! Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь.

— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно выговорилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то испугъ холодомъ пахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его глазами.

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно. — Охота-же умному человѣку этакую комедь изъ себя представлять!

Иванъ молча глядѣлъ на него. Одинъ ужь этотъ неожиданный тонъ, совсѣмъ какой-то небывало высокомѣрный, съ которымъ этотъ бывшій его лакей обращался теперь къ нему, былъ необыченъ. Такого тона всетаки не было даже и въ прошлый разъ.

— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не покажу, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-то ходятъ? Идите домой, *не вы убили*.

Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.

— Я знаю, что не я... пролепеталъ было онъ.

— Зна-е-те? опять подхватилъ Смердяковъ.

Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо:

— Говори все, гадина! Говори все!

Смердяковъ нисколько не испугался. Онъ только съ безумною ненавистью приковался къ нему глазами:

— Анъ вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошепталъ онъ ему.

Иванъ опустился на стулъ, какъ-бы что̀ разсудивъ. Онъ злобно усмѣхнулся.

— Это ты все про тогдашнее? Про то что̀ и въ прошлый разъ?

— Да и въ прошлый разъ стояли предо мной и все понимали, понимаете и теперь.

— Понимаю только, что ты сумасшедшій.

— Не надоѣстъ-же человѣку! Съ глазу на глазъ сидимъ, чего-бы, кажется, другъ-то друга морочить, комедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мнѣ-же въ глаза? Вы убили, вы главный убивецъ и есть, а я только вашимъ приспѣшникомъ

былъ, слугой Лягавой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

— Совершилъ? Да развѣ ты убилъ? похолодѣлъ Иванъ.

Что-то какъ-бы сотряслось въ его мозгу и весь онъ задрожалъ мелкою холодною дрожью. Тутъ ужъ Смердяковъ самъ удивленно посмотрѣлъ на него: вѣроятно, его, наконецъ, поразилъ своею искренностью испугъ Ивана.

— Да неужто-жъ вы вправду ничего не знали? пролепеталъ онъ недовѣрчиво, криво усмѣхаясь ему въ глаза.

Иванъ все глядѣлъ на него, у него какъ-бы отнялся языкъ.

«Ахъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать!»

прозвенѣло вдругъ въ его головѣ.

— Знаешь что: я боюсь, что ты сонъ, что ты призракъ предо мной сидишь? пролепеталъ онъ.

— Никакого тутъ призрака нѣтъ-съ, кромѣ насъ обоихъ-съ. да еще нѣкотораго третьяго. Безъ сумлѣнія тутъ онъ теперь, третій этотъ, находится, между нами двумя.

— Кто онъ? Кто находится? Кто третій? испуганно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, озираясь кругомъ и поспѣшно ища глазами кого-то по всѣмъ угламъ.

— Третій этотъ—Богъ-съ. самое это Провидѣніе-съ, тутъ оно теперь подлѣ насъ-съ, только вы не ищите его, не найдете.

— Ты солгалъ, что ты убилъ! бѣшено завопилъ Иванъ.—Ты или сумасшедшій, или дразнишь меня, какъ и въ прошлый разъ!

Смердяковъ, какъ и давеча, совсѣмъ не пугаясь, все пытливо слѣдилъ за нимъ. Все еще онъ никакъ не могъ побѣдить своей недовѣрчивости, все еще казалось ему, что Иванъ все знаетъ . а только такъ представляется, чтобъ ему-же въ глаза на него одного свалить».

— Подождите-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ, и вдругъ, вытащивъ изъ-подъ стола свою лѣвую ногу, началъ завертывать на ней на верхъ панталоны. Нога оказалась въ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торопясь Смердяковъ снялъ подвязку и запустилъ въ чулокъ глубоко свои пальцы. Иванъ Ѳедоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ затрясся въ конвульсивномъ испугѣ.

— Сумасшедшій! завопилъ онъ и. быстро вскочивъ съ мѣста. откачнулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ будто прильнулъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ безумномъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ ни мало не смутившись его испугомъ все еще копался въ чулкѣ, какъ будто все

силясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. Наконецъ, ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ, что это были какія-то бумаги или какая-то пачка бумагъ. Смердяковъ вытащилъ ее и положилъ на столъ.

— Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

— Что? отвѣтилъ трясясь Иванъ.

— Извольте взглянуть-съ, тихо произнесъ Смердяковъ.

Иванъ шагнулъ къ столу, взялся было за пачку и сталъ ее развертывать, но вдругъ отдернулъ пальцы какъ будто отъ прикосновенія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

— Пальцы-то у васъ все дрожать-съ, въ судорогѣ, замѣтилъ Смердяковъ и самъ, не сгибая, развернулъ бумагу. Подъ оберткой оказались три пачки сторублевыхъ радужныхъ кредитокъ.

— Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. Примите-съ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опустился на стулъ. Онъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ какъ-то странно ухмыляясь.

— Неужто-же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ еще разъ Смердяковъ.

— Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! Братъ! Ахъ! Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.— Слушай: ты одинъ убилъ? Безъ брата или съ братомъ?

— Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ убилъ-съ, а Дмитрій Ѳедоровичъ какъ есть безвинны-съ.

— Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу... Слова не могу выговорить.

— Все тогда смѣлы были-съ, все, дескать, позволено, говорили-съ, а теперь вотъ такъ испугались! проблеталъ дивясь Смердяковъ.—Лимонаду не хотите-ли, сейчасъ прикажу-съ. Очень освѣжить можетъ. Только вотъ это-бы прежде накрыть-съ.

И онъ опять кивнулъ на пачки. Онъ двинулся было встать кликнуть въ дверь Марью Кондратьевну, чтобы та сдѣлала и принесла лимонаду, но отыскивая чѣмъ-бы накрыть деньги, чтобы та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ какъ тотъ опять оказался совсѣмъ засморканнымъ, то взялъ со стола ту единственную лежавшую на немъ толстую желтую книгу, которую замѣтилъ вошедя Иванъ, и придавилъ ею деньги. Названіе книги было: *Святаго отца нашего Исаака Сирина слова*. Иванъ Ѳедоровичъ успѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ. - Обо мнѣ потомъ. Садись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы-бы пальто хоть сняли-съ, а то весь взопрѣете.

Иванъ Ѳедоровичъ, будто теперь только догадавшись, сорвалъ пальто и бросилъ его не сходя со стула на лавку.

— Говори-же, пожалуйста говори!

Онъ какъ-бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ, что Смердяковъ *все* теперь скажетъ.

— Объ томъ какъ это было сдѣлано-съ? вздохнулъ Смердяковъ.—Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-съ, съ вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иванъ, но уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и какъ-бы совсѣмъ овладѣвъ собою.—Разскажи только въ подробности какъ ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подробности, главное, подробности. Прошу.

— Вы уѣхали, я упалъ тогда въ погребъ-съ...

— Въ падучей или притворился?

— Понятно что притворился-съ. Во всемъ притворился. Съ лѣстницы спокойно сошелъ-съ, въ самый низъ-съ, и спокойно легъ-съ, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бился пока вынесли.

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все притворялся?

— Никакъ нѣтъ-съ. На другой-же день, на утро, до больницы еще, ударила настоящая и столь сильная, что уже много лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ безпамятствѣ.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положили меня на эту койку-съ, я такъ и зналъ что за перегородку-съ, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы какъ я болѣнъ всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя въ помѣщеніи клали-съ. Нѣжныя онѣ всегда ко мнѣ были съ самаго моего рожденія-съ. Ночью стонать-съ, только тихо. Все ожидать Дмитрія Ѳедоровича.

— Какъ ждалъ, къ себѣ?

— Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія для меня уже не было никакого въ томъ, что они въ эту самую ночь прибудутъ, ибо имъ, меня лишимшись и никакихъ свѣдѣній не имѣвши, безпремѣнно приходилось самимъ въ домъ влѣзть черезъ заборъ-съ, какъ они умѣли-съ, и что ни есть совершить.

— А если-бы не пришелъ?

— Тогда ничего-бы и не было-съ. Безъ нихъ не рѣшился-бы.

Хорошо, хорошо... говори понятнѣе, не торопись, главное—ничего не пропускай!

— Я ждалъ, что они Ѳедора Павловича убьютъ-съ... это на-

вѣрно-съ. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе дни-съ... а главное — тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней мнительности и ярости, что въ нихъ за эти дни накопилась, безпремѣнно черезъ знаки въ самый домъ должны были проникнуть-съ. Это безпремѣнно. Я такъ ихъ и ожидалъ-съ.

— Стой, прервалъ Иванъ, — вѣдь если-бъ онъ убилъ, то взялъ-бы деньги и унесъ: вѣдь ты именно такъ долженъ былъ разсуждать? Что-жь тебѣ-то досталось-бы послѣ него? Я не вижу.

— Такъ вѣдь деньги-то-бы они никогда и не нашли-съ. Это вѣдь ихъ только я научилъ, что деньги подъ тюфякомъ. Только это была не правда-съ. Прежде въ кватункѣ лежали, вотъ какъ было-съ. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ они мнѣ единственно во всемъ человѣчествѣ одному довѣрялн. научилъ пакетъ этотъ самый съ деньгами въ уголъ за образа перенесть, потому что тамъ совсѣмъ никто не догадается, особенно коли сѣна придетъ. Такъ онъ тамъ, пакетъ этотъ, у нихъ въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ и смѣшно-бы ихъ было держать вовсе, въ кватункѣ, по крайней мѣрѣ, подъ ключомъ. А здѣсь всѣ теперь повѣрили, что будто-бы подъ тюфякомъ лежали. Глупое разсужденіе-съ. Такъ вотъ если-бы Дмитрій Ѳедоровичъ совершили это самое убійство, то ничего не найдя или-бы убѣжали-съ поспѣшно, всякаго шороху боясь, какъ и всегда бываетъ съ убійцами, или-бы арестованы были-съ. Такъ я тогда всегда могъ-съ, на другой день, али даже въ ту-же самую ночь-съ за образа слазить и деньги эти самыя унести-съ, все-бы на Дмитрія Ѳедоровича и свалилось. Это я всегда могъ надѣяться.

— Ну, а если-бъ онъ не убилъ, а только избилъ?

— Если-бы не убилъ, то я-бы денегъ, конечно, взять не посмѣлъ и осталось-бы втунѣ. Но былъ и такой разсчетъ, что изобьютъ до безчувствія, а я въ то время и посиѣю взять, а тамъ потомъ Ѳедору-то Павловичу отлепартую, что это никто какъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ихъ избивши, деньги похитили.

— Стой... я путаюсь. Стало быть, все-же Дмитрій убилъ, а ты только деньги взялъ?

— Нѣтъ, это не они убили-съ. Что-жь, я-бы могъ вамъ и теперь сказать, что убійцы они... да не хочу я теперь предъ вами лгать, потому... потому что если вы дѣйствительно, какъ самъ вижу, не понимали ничего доселева и не притворялись предо мной, чтобъ явную вину свою на меня-же въ глаза свалить, то все-же вы виновны во всемъ-съ, ибо про убійство вы знали-съ и мнѣ убить поручили-съ, а сами все знавши уѣхали. Потому и хочу вамъ въ сей вечеръ это въ глаза доказать, что главный убійца во всемъ

здѣсь единый вы-сь, а я только самый не главный, хоть это и я убилъ. А вы самый законный убивецъ и есть!

— Почему, почему я убійца? О, Боже! не выдержалъ, наконецъ, Иванъ, забывъ, что все о себѣ отложилъ подъ конецъ разговора.— Это все та-же Чермашня-то? Стой, говори, зачѣмъ тебѣ было надо мое согласіе, если ужь ты принялъ Чермашню за согласіе? Какъ ты теперь-то растолкуешь?

— Увѣренный въ вашемъ согласіи я ужь зналъ-бы, что вы за потерянныя эти три тысячи, возвратясь, вопля не подымете, если-бы почему нибудь меня вмѣсто Дмитрія Ѳедоровича начальство заподозрило, али съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ въ товарищахъ; напротивъ, отъ другихъ защитили-бы... А наслѣдство получивъ, такъ и потомъ когда могли меня наградить, во всю слѣдующую жизнь, потому что все-же вы черезъ меня наслѣдство это получить изволили, а то женившись на Аграфенѣ Александровнѣ вышелъ-бы вамъ одинъ только шишъ.

— А! Такъ ты намѣревался меня и потомъ мучить, всю жизнь! проскрежеталъ Иванъ.—А что, если-бъ я тогда не уѣхалъ, а на тебя заявилъ?

— А что-же-бы вы могли тогда заявить? Что я васъ въ Чермашню-то подговаривалъ? Такъ вѣдь это глупости-съ. Къ тому-же вы послѣ разговора нашего поѣхали-бы али остались. Если-бъ остались, то тогда-бы ничего и не произошло, я-бы такъ и зналъ-съ, что вы дѣла этого не хотите, и ничего-бы не предпринималъ. А если ужь поѣхали, то ужь меня, значитъ, завѣрили въ томъ, что на меня въ судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ простите. Да и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе, потому что я тогда все и разсказалъ-бы на судѣ-съ, то есть не то, что я укралъ аль убилъ,—этого-бы я не сказалъ-съ, — а то, что вы меня сами подбивали къ тому, чтобъ украсть и убить, а я только не согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше согласіе, чтобы вы меня ничѣмъ не могли прижереть-съ, потому что гдѣ-же у васъ къ тому доказательство, я-же васъ всегда могъ прижереть-съ, обнаруживъ какую вы жажду имѣли къ смерти родителя, и вотъ вамъ слово — въ публикѣ всѣ-бы тому повѣрили и вамъ было-бы стыдно на всю вашу жизнь.

— Такъ имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскрежеталъ опять Иванъ.

— Несомнѣнно имѣли-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло молча тогда разрѣшили-съ, твердо поглядѣлъ Смердяковъ на Ивана. Онъ былъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но что-то внутреннее и затаенное подзадоривало его, у него очевидно было какое-то намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.

— Продолжай дальше, сказалъ онъ ему,—продолжай про ту ночь.

— Дальше что-же-съ! Вотъ я лежу и слышу какъ будто вскрикнулъ баринъ. А Григорій Васильичъ предъ тѣмъ вдругъ поднялись и вышли, и вдругъ завопили, а потомъ все тихо, мракъ. Лежу это я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ, наконецъ, и поползъ-съ. — вижу налѣво окно въ садъ у нихъ отперто, я и еще шагнулъ налѣво-то-съ, чтобы прислушаться, живы-ли они тамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу, что баринъ мечется и охаетъ, стало быть, живъ-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну, крикнулъ барину: Это я, дескать. А онъ мнѣ: Былъ, былъ, убѣжалъ! То есть Дмитрій Ѳедоровичъ, значитъ, были-съ.— Григорія убилъ! — Гдѣ? шепчу ему. — Тамъ въ углу, указываетъ, самъ тоже шепчетъ. — Подождите, говорю. Пошелъ я въ уголъ искать и у стѣны на Григорія Васильевича, лежащаго, и наткнулся, весь въ крови лежитъ, въ безчувствіи. Стало быть, вѣрно, что былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, вскочилъ мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ тутъ-же порѣшилъ все это покончить внезапно-съ, такъ какъ Григорій Васильевичъ если и живы еще, то лежа въ безчувствіи пока ничего не увидятъ. Одинъ только рискъ и былъ-съ, что вдругъ проснется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту минуту, только ужъ жажда эта меня всего захватила, аяно духъ занялся. Пришелъ опять подъ окно къ барину и говорю: Она здѣсь, пришла, Аграфена Александровна, пришла, проснися. Такъ вѣдь и вздрогнулъ весь какъ младенецъ: — Гдѣ здѣсь? Гдѣ? такъ и охаетъ, а самъ еще не вѣритъ.— Тамъ, говорю, стоитъ, отоприте! Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ, и не вѣритъ, а отпереть боится, это ужъ меня-то боится, думаю. И смѣшно-же: вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамѣ простучать, что Грушенька, дескать, пришла, при нихъ-же въ глазахъ: словамъ-то какъ-бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучалъ, такъ тотчасъ-же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я вошелъ было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего: — Гдѣ она, гдѣ она? смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, думаю: ужъ коль меня такъ боится — плохо! и тутъ у меня даже ноги ослабѣли отъ страху у самого, что не пуститъ онъ меня въ комнаты-то, или крикнетъ, или Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, или что ни есть выйдетъ. Я ужъ не помню тогда, самъ должно быть бѣсенъ предъ ними сталъ. Шепчу ему:— Да тамъ, тамъ она подъ окномъ, какъ-же вы, говорю, не видѣли? — А ты ее приведи, а ты ее приведи! — Да боится, говорю, крику испугалась, въ кусты спряталась, поднте, крикните, говорю, сами изъ кабинета. Побѣжалъ онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ: — Грушенька, кричитъ, Грушенька, здѣсь ты? Самъ-то это кричитъ, а въ окно-то напрутся

не хочетъ, отъ меня отойдти не хочетъ, отъ самаго этого страху, потому забоялся меня ужь очень, а потому отойдти отъ меня не смѣетъ. Да вотъ она, говорю (подошелъ я къ окну, самъ весь высунулся), вонъ она въ кустѣ-то, смѣется вамъ, видите?» Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, больно ужь они влюблены въ нее были-съ, да весь и высунулся въ окно. Я тутъ схватилъ это самое пресанье чугунное, на столѣ у нихъ, помните-съ, фунта три вѣдь въ немъ будетъ, размахнулся, да сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Только внизъ вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На третьемъ-то почувствовалъ, что проломилъ. Онъ вдругъ навзничь и повалились, лицомъ къ верху, весь-то въ крови. Осмотрѣлъ я: нѣтъ на мнѣ крови, не брызнуло, пресанье обтеръ, положилъ, за образа сходилъ, изъ пакета деньги вынулъ, а пакетъ бросилъ на полъ, и ленточку эту самую розовую подлѣ. Сошелъ въ садъ, весь трясусь. Прямо къ той яблонкѣ что съ дупломъ,—вы дупло-то это знаете, а я его ужь давно наглядѣлъ, въ немъ ужь лежала тряпочка и бумага, давно заготовлъ; обернулъ всю сумму въ бумагу, а потомъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ самимъ двѣ недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ ужь послѣ больницы вынулъ. Воротился къ себѣ на кровать, легъ, да и думаю въ страхѣ: вотъ коли убитъ Григорій Васильевичъ совсѣмъ, такъ тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойдти, а коли не убитъ и очнется, то очень хорошо это произойдетъ, потому они будутъ тогда свидѣтелемъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ приходили, а, стало быть, они и убили и деньги унесли-съ. Началъ я тогда отъ сумлѣнія и нетерпѣнія стонать, чтобы Мареу Игнатьевну разбудить поскорѣй. Встала она, наконецъ, бросилась было ко мнѣ, да какъ увидала вдругъ, что нѣтъ Григорія Васильевича—выбѣжала и слышу завопила въ саду. Ну, тутъ-съ все это и пошло на всю ночь, я ужь во всемъ успокоенъ былъ.

Разсказчикъ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ мертвенномъ молчаніи, не шевелясь, не спуская съ него глазъ. Смердяковъ-же, разсказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ, но больше косился въ сторону. Кончивъ разсказъ, онъ видимо самъ взволновался и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его показался потъ. Нельзя было, однако, угадать, чувствуетъ-ли онъ раскаяніе или что.

— Стой, подхватилъ соображая Иванъ. — А дверь-то? Если отворилъ онъ дверь только тебѣ, то какъ-же могъ видѣть ее прежде тебя Григорій отвореною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ прежде тебя?

Замѣчательно, что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ голо-

сомъ, даже совсѣмъ какъ будто другимъ тономъ, совсѣмъ не злобнымъ, такъ что если-бы кто нибудь отворилъ къ нимъ теперь дверь и съ порога взглянулъ на нихъ, то непремѣнно заключилъ-бы, что они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о какомъ нибудь обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.

На счетъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто-бы видѣлъ, что она отперта, то это ему только такъ почудилось, непривлекши усмѣхнулся Смердяковъ. — Вѣдь это, я вамъ скажу, не человѣкъ-съ, а все равно что упрямый меринъ: и не видалъ, а почудилось ему что видѣлъ—вотъ это ужъ и не собьете-съ. Это ужъ намъ съ вами счастье такое вышло, что онъ это придумалъ, потому что Дмитрія Ѳедоровича несомнѣнно послѣ того въ конецъ уличатъ.

— Слушай, проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, словно опять начиная теряться и что-то усиливаясь сообразить, —слушай... Я много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ... Я все забываю и путаюсь... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ ты пакетъ распечаталъ и тутъ-же на полу оставилъ? Зачѣмъ не просто въ пакетъ унесъ... Ты когда разсказывалъ, то мнѣ показалось, что будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ, что такъ и надо было поступить... а почему такъ надо—не могу понять...

— А это я такъ сдѣлалъ по нѣкоторой причинѣ-съ. Ибо будь человѣкъ знающій и привычный, вотъ какъ я, напримѣръ, который эти деньги самъ видѣлъ заранѣе и, можетъ, ихъ самъ-же въ тотъ пакетъ вертывалъ и собственными глазами смотрѣлъ какъ его запечатывали и надписывали, то такой человѣкъ-съ съ какой-же-бы стати, если-бы примѣрно это онъ убилъ, сталъ-бы тогда, послѣ убійства, этотъ пакетъ распечатывать, да еще въ такихъ потемкахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужъ навѣрно, что деньги эти въ томъ пакетѣ безпремѣнно лежатъ-съ? Напротивъ, будь это похититель какъ-бы я, напримѣръ, то онъ-бы просто сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распечатывая, и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ Дмитрій Ѳедоровичъ: они объ пакетъ только по наслышкѣ знали, его самого не видѣли, и вотъ какъ достали его, примѣрно, будто изъ подъ тюфяка, то поскорѣе и распечатали его тутъ-же чтобы справиться: есть-ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самыя деньги? А пакетъ тутъ-же бросили, уже не успѣвъ разсудить, что онъ уликой имъ послѣ ихъ останется, потому что они воръ непривычный-съ, и прежде никогда ничего явно не крали, ибо родовые дворяне-съ, а если теперь украсть и рѣшились, то именно какъ-бы не украсть, а свое собственное только взять обратно пришли, такъ какъ всему городу объ этомъ предва-

рительно повѣстили и даже похвалялись заранѣе всѣхъ предъ всѣми, что пойдутъ и собственность свою отъ Ѳедора Павловича отберутъ. Я эту самую мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно сказалъ, а, напротивъ, какъ будто намекомъ подвелъ-съ, точно какъ-бы самъ не понимаючи, и точно какъ-бы это они сами выдумали, а не я имъ подсказалъ-съ,—такъ у господина прокурора отъ этого самаго намека моего даже слюнки потекли-съ...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда-же такъ на мѣстѣ и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Ѳедоровичъ внѣ себя отъ удивленія. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испугѣ.

Помилосердуйте, да можно-ли это все выдумать въ такихъ попыхахъ-съ? Заранѣе все обдумано было.

— Ну... ну, тебѣ, значитъ .самъ чортъ помогалъ! воскликнулъ опять Иванъ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, ты не глупъ, ты гораздо умнѣй чѣмъ я думалъ...

Онъ всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройдтись по комнатѣ. Онъ былъ въ странной тоскѣ. Но такъ какъ столъ загораживалъ дорогу и мимо стола и стѣны почти приходилось пролѣзать, то онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. То что онъ не успѣлъ пройдтись, можетъ быть, вдругъ и раздражило его, такъ что онъ почти въ прежнемъ изступленіи вдругъ завопилъ:

— Слушай, несчастный, презрѣнный ты человѣкъ! Неужели ты не понимаешь, что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, то потому только, что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на судѣ. Богъ видитъ (поднялъ Иванъ руку къ верху) —можетъ быть, и я былъ виновенъ, можетъ быть, дѣйствительно я имѣлъ тайное желаніе, чтобъ... умеръ отецъ, но клянусь тебѣ, я не столь былъ виновенъ какъ ты думаешь и, можетъ быть, не подбивалъ тебя вовсе. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу на себя самъ. завтра-же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. Но мы явимся вмѣстѣ съ тобою! И что-бы ты ни говорилъ на меня на судѣ, что-бы ты ни свидѣтельствовалъ — принимаю и не боюсь тебя; самъ все подтвержу! Но и ты должень предъ судомъ сознаться! Должень, должень, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ!

Иванъ проговорилъ это торжественно и энергично, и видно было уже по одному сверкающему взгляду его, что такъ и будетъ.

— Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у васъ совсѣмъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ. но совсѣмъ безъ насмѣшки, даже какъ будто соболѣзнуя.

— Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ,— а не пойдешь. —все равно я одинъ сознаюсь.

Смердяковъ помолчалъ, какъ-бы вдумываясь.

— Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ онъ, наконецъ, безапелляціонно.

— Не понимаешь ты меня! укоризненно воскликнулъ Иванъ.

— Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ если на себя во всемъ признаетесь. А пуще того безполезно будетъ, совѣмъ-съ, потому я прямо вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ никогда. а что вы или въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), али ужь братца такъ своего пожалѣли, что собой пожертвовали, а на меня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за мошку считали всю вашу жизнь, а не за человѣка. Ну и кто-жь вамъ повѣритъ, ну и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты показалъ мнѣ теперь, конечно, чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ пачекъ Исаака Сирина и отложилъ въ сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, вздохнулъ Смердяковъ.

— Конечно, унесу! Но почему-же ты мнѣ отдаешь если изъ-за нихъ убилъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ Смердяковъ, махнувъ рукой. —Была такая прежняя мысль-съ, что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, али пуще того за границей, такая мечта была-съ, а пуще все потому, что все позволено. Это вы вправду меня учили-съ, ибо много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога безконечнаго нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперь, стало быть, въ Бога увѣровалъ, коли деньги назадъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ, не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте... нечего-съ! махнулъ опять Смердяковъ рукой. — Вы вотъ сами тогда все говорили что все позволено, а теперь-то почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себя даже хотите идти... Только ничего того не будетъ! Не пойдете показывать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньги любите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что очень горды, пре-

лесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться,—это пуще всего-съ. Не захотите вы жизнь на вѣки испортить, такой стыдъ на судѣ принявъ. Вы какъ Ѳедоръ Павловичъ, наиболѣе-съ. изо всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ ними душой-съ.

— Ты не глупъ, проговорилъ Иванъ какъ-бы пораженный: кровь ударила ему въ лицо:—я прежде думалъ, что ты глупъ. Ты теперь серіозенъ! замѣтилъ онъ какъ-то вдругъ по новому глядя на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали, что я глупъ. Примите деньги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три пачки кредитокъ и сунулъ въ карманъ не обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо деньги-то у васъ и своихъ теперь довольно, взяли изъ шкатулки да и принесли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста.

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно потому, что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что-жь, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ страшно проговорилъ Смердяковъ, страшно смотря на Ивана. Не посмѣете и этого-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись,—ничего не посмѣете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Постойте... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ поглядѣлъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте, проговорилъ онъ, махнувъ рукой. — Иванъ Ѳедоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ опять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ опять Иванъ, и вышелъ изъ избы. Метель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро, но вдругъ какъ-бы сталъ шататься. «Это что-то физическое», подумалъ онъ усмѣхнувшись. Какая-то словно радость сошла теперь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то безконечную твердость: конецъ колебаніямъ его столь ужасно его мучившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято «и уже не измѣнится», со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь, онъ разглядѣлъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужиченку, все также лежавшаго на томъ-же самомъ мѣстѣ, безъ чувствъ и безъ движенія. Метель уже за-

сынала ему почти все лицо. Иванъ вдругъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ домникѣ свѣтъ, подошелъ, постучалъ въ ставни, и откликнувшагося мѣщанина, которому принадлежалъ домишко, попросилъ помочь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ-же дать за то три рубля. Мѣщанинъ собрался и вышелъ. Не стану въ подробности описывать какъ удалось тогда Ивану Ѳедоровичу достигнуть цѣли и пристроить мужика въ части съ тѣмъ, что-бы сейчасъ-же учинить и осмотръ его докторомъ, причемъ онъ опять выдалъ и тутъ щедрою рукой на расходы. Скажу только, что дѣло взяло почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ Ѳедоровичъ остался очень доволенъ. Мысли его раскидывались и работали: «если-бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на завтра», подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ,—«то не остановился-бы я на цѣлый часъ пристраивать мужичонку, а прошелъ-бы мимо его и только плюнулъ-бы на то что онъ замерзнетъ... Однако, какъ я въ силахъ наблюдать за собой!» подумалъ онъ въ ту-же минуту еще съ бо́льшимъ наслажденіемъ: «а они-то рѣшили тамъ, что я съ ума схожу!» Дойдя до своего дома, онъ вдругъ остановился подъ внезапнымъ вопросомъ: «а не надо-ль сейчасъ, теперь-же, пойдти къ прокурору и все объявить?» Вопросъ онъ рѣшилъ, поворотивъ опять къ дому: «завтра все вмѣстѣ!» прошепталъ онъ про себя, и, странно, почти вся радость, все довольство его собою прошли въ одинъ мигъ. Когда-же онъ вступилъ въ свою комнату, что-то ледяное прикоснулось вдругъ къ его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, напоминаніе о чемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся именно въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывшемъ. Онъ устало опустился на свой диванъ. Старуха принесла ему самоваръ, онъ заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему: старуху отослалъ до завтра. Онъ сидѣлъ на диванѣ и чувствовалъ головокруженіе. Онъ чувствовалъ, что боленъ и безсиленъ. Сталъ было засыпать, но въ безпокойствѣ всталъ и прошелся по комнатѣ, чтобы прогнать сонъ. Мнутами мерещилось ему, что какъ будто онъ бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всего болѣе; усѣвшись опять, онъ началъ изрѣдка оглядываться кругомъ, какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ, взглядъ его пристально направился въ одну точку. Иванъ усмѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Онъ долго сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими руками голову и всетаки кося глазами на прежнюю точку, на стоявшій у противоположной стѣны диванъ. Его видимо что-то тамъ раздражало, какой-то предметъ, безпокоило, мучило.

IX.

Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича.

Я не докторъ, а между тѣмъ чувствую, что пришла минута, когда мнѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что нибудь въ свойствѣ болѣзни Ивана Ѳедоровича читателю. Забѣгая впередъ, скажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ, именно какъ разъ наканунѣ бѣлой горячки, которая, наконецъ, уже вполнѣ овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно сопротивлявшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ медицинѣ, рискну высказать предположеніе, что дѣйствительно, можетъ быть, ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ на время отдалить болѣзнь, мечтая, разумѣется, совсѣмъ преодолѣть ее. Онъ зналъ что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хотѣлось быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія роковыя минуты его жизни, когда надо было быть на лицо, высказать свое слово смѣло и рѣшительно и самому «оправдать себя предъ собою». Онъ, впрочемъ, сходилъ однажды къ новому прибывшему изъ Москвы доктору, выписанному Катериной Ивановной вслѣдствіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоминалъ выше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ, что у него въ родѣ даже какъ-бы разстройства въ мозгу, и нисколько не удивился нѣкоторому признанію, которое тотъ съ отвращеніемъ, однако, сдѣлалъ ему. «Галлюцинаціи въ вашемъ состояніи очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо-бы ихъ и провѣрить... вообще-же необходимо начать лѣченіе серіозно, не теряя ни минуты, не то будетъ плохо». Но Иванъ Ѳедоровичъ, выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и лечь лѣчиться пренебрегъ: «Хожу вѣдь, силы есть пока, свалюсь — дѣло другое, тогда пусть лѣчитъ кто хочетъ», рѣшилъ онъ махнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь почти сознавая самъ, что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно приглядывался къ какому-то предмету у противоположной стѣны на диванѣ. Тамъ вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ вошедшій, потому что его еще не было въ комнатѣ, когда Иванъ Ѳедоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ нее. Это былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, извѣстнаго сорта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, qui frisait la cinquantaine, какъ говорятъ французы, съ не очень сильною просѣдью въ темныхъ, довольно длинныхъ и густыхъ еще волосахъ и въ стриженой бородкѣ клиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ

какой-то коричневый пиджакъ, очевидно, отъ лучшаго портнаго, но уже поношенный. сшитый примѣрно еще третьяго года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ что изъ свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года никто не носитъ. Бѣлье, длинный галстукъ въ видѣ шарфа, все было такъ какъ и у всѣхъ шиковатыхъ джентльменовъ, но бѣлье, если вглядѣться ближе, было грязновато, а широкій шарфъ очень потертъ. Клѣтчатыя панталоны гостя сидѣли превосходно, но были опять таки слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки, какъ теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая пуховая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притащилъ съ собою гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то, что джентльменъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-помѣщиковъ, процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидно, видавшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то связи и сохранившій ихъ, пожалуй, и до сихъ поръ, но, мало по малу, съ обѣдненіемъ послѣ веселой жизни въ молодости и недавней отмѣны крѣпостнаго права, обратившійся въ родъ какъ-бы въ приживальщика хорошаго тона, считающагося по добрымъ старымъ знакомымъ, которые принимаютъ его за уживчивый складной характеръ, да еще и въ виду того, что все-же порядочный человѣкъ, котораго даже и при комъ угодно можно посадить у себя за столъ, хотя, конечно, на скромное мѣсто. Такіе приживальщики, складнаго характера джентльмены, умѣющіе поразсказать, составить партію въ карты и рѣшительно не любящіе никакихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ,- -обыкновенно одинокіе, или холостяки, или вдовцы, можетъ быть, и имѣющіе дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко, у какихъ нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда почти не упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ-бы нѣсколько стыдясь такого родства. Отъ дѣтей-же отвыкаетъ мало по малу совсѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ и къ Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отвѣчая на нихъ. Физіономія неожиданнаго гостя была не то чтобы добродушная, а опять таки складная и готовая, судя по обстоятельствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ не было, но былъ черепаховый лорнетъ на черной лентѣ. На среднемъ пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перстень съ недорогимъ опаломъ. Иванъ Ѳедоровичъ злобно молчалъ и не хотѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣть какъ приживальщикъ, только что сошедшій съ верху изъ отведенной ему комнаты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смиренно молчавшій въ виду того, что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то пасмурно думаетъ; готовый,

однако, ко всякому любезному разговору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его выразило какъ-бы нѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Ѳедоровичу,—ты извини, я только чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ тѣмъ чтобъ узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ ней не узнавъ, вѣрно забылъ...

— Ахъ, да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачилось заботой,—,да, я забылъ... Впрочемъ, теперь все равно, все до завтра, пробормоталъ онъ про себя.—А ты, раздражительно обратился онъ къ гостю,—это я самъ сейчасъ долженъ былъ вспомнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты выскочилъ, такъ я тебѣ и повѣрю, что это ты подсказалъ, а не я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково усмѣхнулся джентльменъ.—Что за вѣра насильемъ? Притомъ-же въ вѣрѣ никакія доказательства не помогаютъ, особенно матеріальныя. Ѳома повѣрилъ не потому, что увидѣлъ воскреснаго Христа, а потому что еще прежде желалъ повѣрить. Вотъ, напримѣръ, спириты... я ихъ очень люблю... вообрази, они полагаютъ, что полезны для вѣры, потому что имъ черти съ того свѣта рожки показываютъ. Это, дескать, доказательство уже, такъ сказать, матеріальное, что есть тотъ свѣтъ . Тотъ свѣтъ и матеріальныя доказательства. ай люли! И. наконецъ, если доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно, доказанъ-ли Богъ? Я хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у нихъ буду дѣлать: дескать, реалистъ, а не матеріалистъ, хе-хе!»

— Слушай, всталъ вдругъ изъ-за стола Иванъ Ѳедоровичъ.—Я теперь точно въ бреду... и ужь, конечно, въ бреду... ври что хочешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе какъ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу ходить по комнатѣ... Я тебя иногда не вижу и голоса твоего даже не слышу, какъ въ прошлый разъ, но всегда угадываю то что ты молчишь, потому что *это я, я самъ говорю, а не ты!* Не знаю только, спалъ-ли я въ прошлый разъ или видѣлъ тебя на яву? Вотъ я обмочу полотенце холодною водой и приложу къ головѣ и авось ты испаришься.

Иванъ Ѳедоровичъ прошелъ въ уголъ, взялъ полотенце, исполнилъ какъ сказалъ и съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мнѣ нравится, что мы съ тобой прямо стали на *ты*, началъ было гость.

— ,Дуракъ, засмѣялся Иванъ,—что-жь я *вы* что-ли стану тебѣ говорить. Я теперь веселъ, только въ вискъ болитъ... и темя...

только пожалуйста не философствуй какъ въ прошлый разъ. Если не можешь убраться, то ври что нибудь веселое. Сплетничай, вѣдь ты приживальщикъ, такъ сплетничай. Навяжется-же такой кошмаръ! Но я не боюсь тебя. Я тебя преодолѣю. Не свезутъ въ съумасшедшій домъ!

— C'est charmant приживальщикъ. Да я именно въ своемъ видѣ. Кто-жъ я на землѣ какъ не приживальщикъ? Кстати, я вѣдь слушаю тебя и немножко дивлюсь: ей Богу ты меня какъ будто уже начинаешь по маленьку принимать за нѣчто и въ самомъ дѣлѣ, а не за твою только фантазію, какъ стоялъ на томъ въ прошлый разъ...

— Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, какъ-то яростно даже вскричалъ Иванъ. Ты ложь, ты болѣзнь моя, ты призракъ. Я только не знаю чѣмъ тебя истребить и вижу, что нѣкоторое время надобно пострадать. Ты моя галлюцинація. Ты воплощеніе меня самого, только одной, впрочемъ, моей стороны... моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ. Съ этой стороны ты могъ-бы быть даже мнѣ любопытенъ, если-бы только мнѣ было время съ тобой возиться...

— Позволь, позволь, я тебя уличу: давеча у фонаря, когда ты вскинулся на Алешу и закричалъ ему: ты отъ *него* узналъ! Почему ты узналъ, что *она* ко мнѣ ходитъ?.. Это вѣдь ты про меня вспоминалъ. Стало быть, одно маленькое мгновеньице вѣдь вѣрилъ-же, вѣрилъ, что я дѣйствительно семь, мягко засмѣялся джентльменъ.

— Да, это была слабость природы... но я не могъ тебѣ вѣрить. Я не знаю спалъ-ли я или ходилъ прошлый разъ. Я, можетъ быть, тогда тебя только во снѣ видѣлъ, а вовсе не на яву...

— А зачѣмъ ты давеча съ нимъ такъ сурово, съ Алешей-то? Онъ милый; я предъ нимъ за старца Зосиму виноватъ.

— Молчи про Алешу! Какъ ты смѣешь, лакей! опять засмѣялся Иванъ.

— Бранишься, а самъ смѣешься,—хорошій знакъ. Ты, впрочемъ, сегодня гораздо со мной любезнѣе чѣмъ въ прошлый разъ, и я понимаю отчего: это великое рѣшеніе...

— Молчи про рѣшеніе! свирѣпо вскричалъ Иванъ.

— Понимаю, понимаю. c'est noble, c'est charmant, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя въ жертву... c'est chevaleresque.

— Молчи, я тебѣ пшиковъ надаю!

— Отчасти буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута: коли пшики, значитъ, вѣришь въ мой реализмъ, потому что призраку не даютъ пшиковъ. Шутки въ сторону: мнѣ вѣдь все равно, бранишь коли хочешь, но все-же лучше быть хоть капельку повѣж-

лишѣе, хотя-бы даже со мной. А то дуракъ, да лакей, ну что за слова!

— Брани тебя—себя браню! опять засмѣялся Иванъ, ты —я, самъ я, только съ другою рожей. Ты именно говоришь то что я уже мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго!

— Если я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ мнѣ только честь, съ деликатностью и достоинствомъ проговорилъ джентльменъ.

— Только все скверныя мои мысли берешь, а главное—глупыя. Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ. Нѣтъ, я тебя не вынесу! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! проскрежеталъ Иванъ.

— Другъ мой, я, вестаки, хочу быть джентльменомъ и чтобы меня такъ и принимали,—въ припадкѣ нѣкоторой чисто прижизненской и уже впередъ уступчивой и добродушной амбиціи началъ гость.—Я бѣденъ, но... не скажу что очень честенъ, но... обыкновенно въ обществѣ принято за аксіому, что я падшій ангелъ. Ей Богу, не могу представить какимъ образомъ я могъ быть когда нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ давно, что не грѣшно и забыть. Теперь я дорожу лишь репутаціей порядочнаго человѣка и живу какъ придется, стараясь быть пріятнымъ. Я людей люблю искренно,—о, меня во многомъ оклеветали! Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя жизнь протекаетъ въ родѣ чего-то какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ, и это мнѣ болѣе всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты-же, страдаю отъ фантастическаго, а потому и люблю ваше земной реализмъ. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ все какія-то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому-же на землѣ я становлюсь суевѣренъ,—не смѣйся, пожалуйста: мнѣ именно это-то и нравится, что я становлюсь суевѣренъ. Я здѣсь всѣ ваши привычки принимаю: я въ баню торговую полюбилъ ходить, можешь ты это представить, и люблю съ купцами и попами напиться. Моя мечта это- —воплотиться, но чтобъ ужь окончательно, безвозвратно, въ какую нибудь толстую семнупудовую купчиху и всему повѣрить во что она вѣритъ. Мой идеалъ -войдти въ церковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца, ей Богу такъ. Тогда предѣлъ моимъ страданіямъ. Вотъ тоже лѣчиться у васъ полюбилъ: весной осна пошла, я пошелъ и въ воспитательномъ домѣ себѣ осну привилъ,—если-бъ ты зналъ какъ я былъ въ тотъ день доволенъ: на братьевъ славянъ десять рублей пожертвовалъ!.. Да ты не слушаешь. Знаешь, ты что-то очень сегодня не по себѣ, помолчалъ немного джентльменъ.—Я знаю, ты ходилъ вчера къ тому доктору... ну, какъ твое здоровье? Что тебѣ докторъ сказалъ?

— Дуракъ! отрѣзалъ Иванъ.

— Зато ты-то какъ уменъ. Ты опять браннишься? Я вѣдь не то чтобъ изъ участія, а такъ. Пожалуй не отвѣчай. Теперь вотъ ревматизмы опять пошли...

— Дуракъ, повторилъ опять Иванъ.

— Ты все свое, а я вотъ такой ревматизмъ прошлаго года схватилъ, что до сихъ поръ вспоминаю.

— У чорта ревматизмъ?

— Почему-же и нѣтъ, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, такъ и принимаю послѣдствія. Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto.

— Какъ, какъ? Сатана sum et nihil humanum... это не глупо для чорта!

— Радъ что, наконецъ, угодилъ.

— А вѣдь это ты взялъ не у меня, остановился вдругъ Иванъ какъ-бы пораженный, — это мнѣ никогда въ голову не приходило, это странно...

— C'est du nouveau n'est ce pas? На этотъ разъ я поступилъ честно и объясню тебѣ. Слушай: въ снахъ, и особенно въ кошмарахъ, ну, тамъ отъ разстройства желудка или чего нибудь, иногда видитъ человѣкъ такіе художественные сны, такую сложную и реальную дѣйствительность, такія событія или даже цѣлый міръ событій, связанный такою интригой, съ такими неожиданными подробностями, начиная съ высшихъ вашихъ проявленій до послѣдней пуговицы на манишкѣ, что, клянусь тебѣ, Левъ Толстой не сочинитъ, а между тѣмъ видятъ такіе сны иной разъ вовсе не сочинители, совсѣмъ самые заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы... На счетъ этого даже цѣлая задача: одинъ министръ такъ даже мнѣ самъ признавался, что всѣ лучшія идеи его приходятъ къ нему когда онъ спитъ. Ну вотъ такъ и теперь. Я хоть и твоя галлюцинація, но, какъ и въ кошмарѣ, я говорю вещи оригинальныя, какія тебѣ до сихъ поръ въ голову не приходили, такъ что уже вовсе не повторяю твоихъ мыслей, а между тѣмъ я только твой кошмаръ и больше ничего.

— Діэнь. Твоя цѣль именно увѣрить, что ты самъ по себѣ, а не мой кошмаръ, и вотъ ты теперь подтверждаешь самъ, что ты сонъ.

— Другъ мой, сегодня я взялъ особую методу, я потомъ тебѣ растолкую. Постой, гдѣ-же я остановился? Да, вотъ я тогда простудился, только не у васъ, а еще тамъ...

— Гдѣ тамъ? Скажи, долго-ли ты у меня пробудешь, не можешь уйдти? почти въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ. Онъ оставилъ

ходить, сѣсть на диванъ, опять облокотился на столъ и стиснулъ обѣими руками голову. Онъ сорвалъ съ себя мокрое полотенце и съ досадой отбросилъ его: очевидно, не помогало.

— У тебя разстроены нервы, замѣтилъ джентльменъ съ развязно-небрежнымъ, но совершенно дружелюбнымъ, однако, видомъ. — Ты сердишься на меня даже за то, что я могъ простудиться, а между тѣмъ произошло оно самымъ естественнымъ образомъ. Я тогда поспѣшалъ на одинъ дипломатическій вечеръ къ одной высшей петербургской дамѣ, которая мѣтила въ министры. Ну, фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки, и, однако, я былъ еще Богъ знаетъ гдѣ, и чтобы попасть къ вамъ на землю предстояло еще перелетѣть пространство... конечно, это одинъ только мигъ, но вѣдь и лучъ свѣта отъ солнца идетъ цѣлыхъ восемь минутъ, а тутъ, представь, во фракѣ и въ открытомъ жилетѣ. Духи не замерзаютъ, но ужь когда воплотился, то... словомъ, свѣтреничалъ, и пустился, а вѣдь въ пространствахъ-то этихъ, въ эѳирѣ-то, въ водѣ-то этой, вѣкъ бы надъ твердію,— вѣдь это такой морозъ... то есть какое морозъ, — это ужь и морозомъ назвать нельзя, можешь представить: сто пятьдесятъ градусовъ ниже нуля! Извѣстна забава деревенскихъ дѣвокъ: на тридцати-градусномъ морозѣ предлагаютъ новичку лизнуть топоръ: языкъ мгновенно примерзаетъ и олухъ въ кровь сдираетъ съ него кожу; такъ вѣдь это только на тридцати градусахъ, а на ста-то пятидесяти, да тутъ только палецъ, я думаю, приложить къ топору, и его какъ не бывало, если-бы... только тамъ могъ случиться топоръ...

— А тамъ можетъ случиться топоръ? — разсѣянно и гадливо перебилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, чтобы не повѣрить своему бреду и не впасть въ безуміе окончательно.

— Топоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну да, что станется тамъ съ топоромъ? съ какимъ-то свирѣпымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Что станется въ пространствѣ съ топоромъ? Quelle idée! Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, летать вокругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ спутника. Астрономы вычислятъ восхожденіе и захожденіе топора, Гатцукъ внесетъ въ календарь, вотъ и все.

Ты глупь, ты ужасно глупь! строптиво сказалъ Иванъ. — Ври умнѣе, а то я не буду слушать. Ты хочешь побороть меня реализмомъ, увѣрить меня, что ты есь, но я не хочу вѣрить, что ты есь! Не повѣрю!!

Да я и не вру, все правда; къ сожалѣнію, правда почти всегда бываетъ неостроумна. Ты, я вижу, рѣшительно ждешь отъ меня чего-то великаго, а, можетъ быть, и прекраснаго. Это очень жаль, потому что я даю лишь то, что̀ могу...

— Не философствуй, оселъ!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторона отнялась, кряхчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать умѣютъ отлично, всю болѣзнь разскажутъ тебѣ какъ по пальцамъ, ну, а вылѣчить не умѣютъ. Студентикъ тутъ одинъ случился восторженный: „если вы, говоритъ, и умрете, то зато будете вполнѣ знать отъ какой болѣзни умерли!“ Опять таки эта ихъ манера отсылать къ спеціалистамъ: мы, дескать, только распознаемъ, а вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ ужъ вылѣчитъ. Совсѣмъ, совсѣмъ, я тебѣ скажу, исчезъ прежній докторъ, который ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одни спеціалисты и все въ газетахъ публикуются. Заболи у тебя носъ, тебя шлютъ въ Парижъ: тамъ, дескать, европейскій спеціалистъ носы лѣчитъ. Пріѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ: я вамъ, скажетъ, только правую ноздрю могу вылѣчить, потому что лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность, а поѣзжайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ вамъ особый спеціалистъ лѣвую ноздрю долѣчитъ. Что̀ будешь дѣлать? Прибѣгнулъ къ народнымъ средствамъ, одинъ нѣмецъ-докторъ посовѣтовалъ въ банѣ на полкѣ медомъ съ солью вытереться. Я единственно, чтобы только въ баню лишній разъ сходить, попробовалъ: вынячкался весь, и никакой пользы. Съ отчаянія графу Маттеи въ Миланъ написалъ; прислалъ книгу и капли, Богъ съ нимъ. И вообрази: малыщъ-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, выпилъ полторы стклянки, и хоть танцовать, все какъ рукой сняло. Непремѣнно положилъ ему спасибо въ газетахъ напечатать, чувство благодарности заговорило, и вотъ, вообрази, тутъ уже другая исторія пошла: ни въ одной-то редакціи не принимаютъ! „Ретроградно очень будетъ, говорятъ, никто не повѣритъ, le diable n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно“. Ну какое-же „спасибо» если анонимно. Смѣюсь съ конторщиками: „это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить, и вѣдь я чортъ, въ меня можно“.— Понимаемъ, говорятъ, кто-же въ чорта не вѣритъ, а все-таки нельзя, направленію повредитъ можетъ. Развѣ въ видѣ шутки?“ Ну, въ шутку-то, подумалъ, будетъ неостроумно. Такъ и не напечатали. И, вѣришь-ли, у меня даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои, какъ, напримѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены единственно соціальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію въѣхалъ? ненавистно проскрежеталъ Иванъ.

Боже меня убереги, но вѣдь нельзя-же иногда не пожаловаться. Я человѣкъ оклеветанный. Вотъ ты помнишь мнѣ, что я глупъ. Такъ и видно молодаго человѣка. Другъ мой, не въ одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и веселое, я вѣдь тоже разные водевильчики... Ты, кажется, рѣшительно принимаешь меня за посѣдѣлаго Хлестакова, и, однако, судьба моя гораздо серіознѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ назначеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣленъ «отрицать», между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію совсѣмъ неспособенъ. «Нѣтъ, стунай отрицать, безъ отрицанія-де не будетъ критики, а какой-же журналъ, если нѣтъ «отдѣленія критики»? Безъ критики будетъ одна «осанна». Но для жизни мало одной «осанны», надо, чтобъ «осанна»-то эта переходила черезъ горнило сомнѣній, ну и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Я, впрочемъ, во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ отвѣтѣ. Ну, и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ отдѣленіи критики, и получилась жизнь. Мы эту комедію понимаемъ: я, напримѣръ, прямо и просто требую себѣ уничтоженія. Нѣтъ, живи, говорятъ, потому что безъ тебя ничего не будетъ. Если-бы на землѣ было все благоразумно, то ничего-бы и не произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій, а надо, чтобы были происшествія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, чтобы были происшествія, и творю не разумное по приказу. Люди принимаютъ всю эту комедію за нѣчто серіозное, даже при всемъ своемъ безспорномъ умѣ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Ну, и страдаютъ, конечно, но... все-же зато живутъ, живутъ реально, не фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія какое было-бы въ ней удовольствіе; все обратилось-бы въ одинъ безконечный молебенъ: оно свято, но скучновато. Ну, а я? Я страдаю, а все-же не живу. Я «гдѣ» въ неопредѣленномъ уравненіи. Я какой-то призракъ, который потерялъ всѣ концы и начала, и даже самъ позабылъ, наконецъ, какъ и назвать себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты опять сердишься. Ты вѣчно сердишься, тебѣ-бы все только ума, а я опять таки повторю тебѣ, что я отдалъ-бы всю эту надзвѣздную жизнь, всѣ чины и почести за то только, чтобы вошлотиться въ душу семнадцатой кухчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужь и ты въ Бога не вѣришь? ненавистно усмѣхнулся Иванъ.

— То есть какъ тебѣ это сказать, если ты только серіозно...

— Есть Богъ или нѣтъ? — опять со свирѣпою настойчивостью крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серіозно? Голубчикъ мой, ей Богу не знаю, вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ по себѣ,

ты *я*, ты есть *я* и болѣе ничего! Ты дрянь, ты моя фантазія!

— То есть, если хочешь, я одной съ тобой философіи, вотъ это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю навѣрно, остальное-же все, что̀ кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ и даже самъ сатана, — все это для меня не доказано, существуетъ-ли оно по себѣ, или есть только одна моя эманація, послѣдовательное развитіе моего *я*, существующаго довременно и единолично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчасъ драться вскочишь.

Лучше-бы ты какой анекдотъ! болѣзненно проговорилъ Иванъ.

— Анекдотъ есть и именно на нашу тему, то есть, это не анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ невѣріи: «видишь-де, а не вѣришь». Но, другъ мой, вѣдь не я-же одинъ таковъ, у насъ тамъ всѣ теперь помутились, и все отъ вашихъ наукъ. Еще пока были атомы, пять чувствъ, четыре стихіи, ну тогда все кое-какъ клеилось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были. А вотъ какъ узнали у насъ, что вы тамъ открыли у себя «химическую молекулу», да «протоплазму», да чортъ знаетъ что̀ еще, такъ у насъ и подкали хвосты. Просто сумбуръ начался; главное суевѣріе, сплетни: сплетенъ вѣдь и у насъ столько-же, сколько у васъ, даже капельку больше, а, наконецъ, и доносы, у насъ вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе, гдѣ принимаютъ извѣстныя «свѣдѣнія». Такъ вотъ эта дикая легенда, еще среднихъ нашихъ вѣковъ, — не вашихъ, а нашихъ, — и никто-то ей не вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семинудовыхъ кунчихъ, то есть опять-таки не вашихъ, а нашихъ кунчихъ. Все что̀ у васъ есть — есть и у насъ. это я ужь тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу открываю, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ васъ. Былъ, дескать, здѣсь у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, все отвергалъ, законы, совѣсть, вѣру, а главное — будущую жизнь. Померъ, думалъ что прямо во мракъ и смерть, анъ передъ нимъ — будущая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: «Это, говоритъ, противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ». Вотъ его за это и присудили... то есть, видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ что̀ слышалъ, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы прошелъ во мракъ квадрилліонъ километровъ (у насъ вѣдь теперь на километры), и когда кончитъ этотъ квадрилліонъ, то тогда ему отворятъ райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадрилліона? съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какія муки? Ахъ, и не спрашивай: прежде было и такъ и

сякъ, а нынѣ все больше нравственныя пошли, «угрызенія совѣсти» и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось, отъ «смягченія вашихъ нравовъ». Ну, и кто-же выигралъ, выиграли одни безсовѣстные, потому, что̀-жь ему за угрызенія совѣсти, когда и совѣсти-то нѣтъ вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь... То-то вотъ реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанныя съ чужихъ учрежденій,— одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то лучше-бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадрилліонъ постоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: «не хочу идти, изъ принципа не пойду!» Возьми душу русскаго просвѣщеннаго атеиста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во чревѣ китовѣ три дня и три ночи,— вотъ тебѣ характеръ этого улегшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ-же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешься?

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ-же странномъ оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то неожиданнымъ любопытствомъ.— Ну, что̀-жь, и теперь лежитъ?

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ пролежалъ почти тысячу лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ оселъ-то! воскликнулъ Иванъ нервно захохотавъ, все какъ-бы что-то усиленно соображая.— Не все-ли равно лежать-ли вѣчно или идти квадрилліонъ верстъ? Вѣдь это билліонъ лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только нѣтъ карандашика и бумажки, а то-бы разсчитать можно. Да вѣдь онъ давно уже дошелъ, и тутъ-то и начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ-жь онъ билліонъ лѣтъ взялъ?

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну отживала, леденѣла, трескалась, разсыпалась, разлагалась на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,— вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая...

— Ну-ну, что̀-же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступилъ, то не пробывъ еще двухъ секундъ—и это по часамъ, по часамъ (хотя часы его, по моему, давно должны были-бы разложиться на составные элементы у него въ карманѣ дорогой)—не пробывъ двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ секунды не только квадрилліонъ, но квадрилліонъ квадрилліоновъ пройдти можно, да еще возвысивъ въ квадрилліонную степень! Словомъ, пропѣлъ «осанну», да и пересо-

лиль, такъ что иные тамъ, съ образомъ мыслей поблагороднѣе, такъ даже руки ему не хотѣли подать на первыхъ порахъ: слишкомъ-де ужъ стремительно въ консерваторы перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда. За что̀ купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ у насъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то почти дѣтскою радостью, какъ-бы уже окончательно что-то припомнивъ: этотъ анекдотъ о квадриліонѣ лѣтъ, — это я самъ сочинилъ! Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназіи... и этотъ анекдотъ тогда сочинилъ и разсказалъ одному товарищу, фамилія его Коровкинъ, это было въ Москвѣ... Анекдотъ этотъ такъ характеренъ, что я не могъ его ни откуда взять. Я его было забылъ... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно, — мнѣ самому, а не ты разсказалъ! Какъ тысячи вещей припоминаются иногда безсознательно даже когда казнить везутъ... во снѣ припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не существуешь!

— По азарту, съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся дьяволенокъ, — я убѣждаюсь, что ты всетаки въ меня вѣришь.

— Ни мало! На сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь самыя, можетъ быть, сильныя. Признайся, что вѣришь, ну на десятитысячную...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ.—Я, впрочемъ, желалъ-бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! Вотъ, однако, признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ помогу. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно тебѣ твой-же анекдотъ разсказалъ, который ты уже забылъ, чтобы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня, что ты есть.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба вѣры и невѣрія,— это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго человѣка, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная, что ты капельку вѣришь въ меня, поддустилъ тебѣ невѣрія уже окончательно, разсказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу между вѣрой и безвѣріемъ попеременно, и тутъ у меня своя цѣль. Новая метода-съ: Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣришься, то тотчасъ меня же въ глаза начнешь увѣрять, что я не сонъ, а семь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужъ знаю; вотъ я тогда и достигну цѣли. А цѣль моя благородная. Я въ тебя только крохотное сѣмячко вѣры брошу, а изъ него вырастетъ дубъ,—да еще такой дубъ, что ты, сидя на дубѣ-то, въ отцы пустынники и въ жены непорочныя пожелаешь вступить;

ибо тебѣ очень, очень того въ тайнѣ хочется, акриды кушать будешь, спасаться въ пустыню потащишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моей души стараешься?

— Надо-же хоть когда нибудь доброе дѣло сдѣлать. Злишься-то ты, злишься, какъ я погляжу!

— Шутъ! А некушалъ ты когда нибудь вотъ этакихъ-то, вотъ что̀ акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ голой пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ и міры забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что брилліантъ-то ужъ очень драгоцѣненъ: одна вѣдь такая душа сто̀итъ иной разъ цѣлаго созвѣздія,—у насъ вѣдь своя ариѳметика. Нобѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, не ниже тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же моментъ, что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волосокъ—и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ актеръ Горбуновъ.

— Ну и что̀-жъ, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость,—съ носомъ все-же лучше отойдти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ недавно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть, спеціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу-іезуиту. Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, говоритъ, мой носъ! И бьетъ себя въ грудь.— Сынъ мой, вѣщаетъ патеръ, но неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполняется и видимая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носа, то выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь не осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ».— Отецъ святой, это не утѣшеніе! воскликаетъ отчаянный,— я былъ-бы, напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставаться съ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ!»— Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя требовать разомъ и это уже роптать на Провидѣніе, которое даже и тутъ не забыло васъ; ибо если вы вспомните, какъ возопили сейчасъ, что съ радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и тутъ уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя развеселить, но, клянусь, это настоящая іезуитская казуистика, и, клянусь, все это случилось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ недавній и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человѣкъ, возвра-

тясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился: я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до неповѣдальныхъ этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое милое мое развлеченіе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ случай, совсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику батюшкѣ блондиночка, порманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, натура — сливки текутъ. Нагнулась, шепчетъ батюшкѣ въ дырочку свой грѣхъ. — Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?.. восклицаетъ батюшка. О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ тѣмъ. Но долгъ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно! — Ah mon père, отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ слезахъ:— Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine! Ну, представь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужъ я и отступился: это крикъ самой природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я тутъ-же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-же принужденъ былъ и воротиться: слышу, батюшка въ дырочку ей назначаетъ вечеромъ свиданіе, — а вѣдь старикъ—кремень, и вотъ палъ въ одно мгновеніе! Природа-то, правда-то природы взяла свое! Что, опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю ужъ чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный кошмаръ, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ видѣніемъ,—мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Я-бы много далъ если-бы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня всего великаго и прекраснаго, и увидишь какъ мы дружно съ тобой ужившемся, внушительно проговорилъ джентльменъ.—Во истину ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ нибудь въ красномъ сіяніи, гремя и блистая, съ опаленными крыльями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбленъ, во первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во вторыхъ, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому человѣку могъ войдти такой пошлый чортъ? Итакъ, въ тебѣ таки есть эта романтическая струнка, столь осмѣянная еще Бѣлинскимъ. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча, собираясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, со звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, потому ты избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить на фракъ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, Полярную Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ. Но, Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. Мефистофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Ну, это какъ ему

угодно. я-же совершенно напротивъ. Я, можетъ быть, единственный человѣкъ во всей природѣ, который любитъ истину и искренно желаетъ добра. Я былъ при томъ когда умершее на крестѣ Слово восходило въ небо, неся на переяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ радостные взвизги херувимовъ, поющихъ и воспоющихъ: «осанна», и громовый вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потряслось небо и все мірозданіе. И вотъ, клянусь-же всѣмъ что̀ есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми «осанна!» Уже слетало, уже рвалось изъ груди... я вѣдь, ты знаешь, очень чувствителенъ и художественно воспріимчивъ. Но здравый смыслъ,—о, самое несчастное свойство моей природы,—удержалъ меня и тутъ въ должныхъ границахъ, и я пропустилъ мгновеніе! Ибо что-же, подумалъ я въ ту-же минуту,—что-же-бы вышло послѣ моей-то «осанны?» Тотчасъ-бы все угасло на свѣтѣ и не стало-бы случаться никакихъ проишествій. И вотъ, единственно по долгу службы и по соціальному моему положенію я принужденъ былъ задавить въ себѣ хорошій моментъ и остаться при накостяхъ. Честь добра кто-то береть всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только пакости. Но я не завидую чести жить на шаромыжку, я не честолюбивъ. Почему изо всѣхъ существъ въ мірѣ только я лишь одинъ обреченъ на проклятія ото всѣхъ порядочныхъ людей и даже на пинки сапогами, ибо, воплощаясь, должень принимать иной разъ и такія послѣдствія? Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что̀ не хотятъ открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну «осанну», и тотчасъ исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во всемъ мірѣ благоразуміе, а съ нимъ, разумѣется, и конецъ всему, даже газетамъ и журналамъ, потому что кто-жъ на нихъ тогда станетъ подписываться. Я вѣдь знаю, въ концѣ концовъ, я помирюсь, дойду и я мой квадрилліонъ, и узнаю секретъ. Но пока это произойдетъ, будируя, и, скрѣпя сердце, исполняю мое назначеніе: губить тысячи, чтобы спасся одинъ. Сколько, напримѣръ, надо было погубить душъ и опозорить честныхъ репутацій, чтобы получить одного только праведнаго Іова, на которомъ меня такъ зло подцѣли во время оно! Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, чужая, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно, которая будетъ почище... Ты заснулъ?

— Еще-бы, злобно простоналъ Иванъ,—все что̀ ни есть глупаго въ природѣ моей, давно уже пережитаго, перемолотаго въ умѣ моемъ, отброшеннаго какъ падаль,—ты мнѣ-же подносишь какъ какую-то новость!

Не потрафилъ и тутъ! А я-то думалъ тебя даже литера-

турнымъ изложеніемъ прельстить: эта осанна-то въ небѣ, право, недурно вѣдь у меня вышло? Затѣмъ сейчасъ этотъ саркастическій топъ à la Гейне, а, не правда-ли?

— Нѣтъ, я никогда не былъ такимъ лакеемъ! Почему-же душа моя могла породить такого лакея какъ ты?

— Другъ мой, я знаю одного прелестнѣйшаго и милѣйшаго русскаго барченка: молодаго мыслителя и большаго любителя литературы и изящныхъ вещей, автора поэмы которая обѣщаетъ, подъ названіемъ: Великій Инквизиторъ ... Я его только и имѣлъ въ виду!

— Я тебѣ запрещаю говорить о Великомъ Инквизиторѣ, воскликнулъ Иванъ, весь покраснѣвъ отъ стыда.

— Ну, а геологическій-то переворотъ? Помнишь? Вотъ это такъ ужь поэмка!

— Молчи, или я убью тебя!

— Это меня-то убьешь? Нѣтъ, ужь извини, выскажу. Я и пришелъ чтобъ угостить себя этимъ удовольствіемъ. О, я люблю мечты пылкихъ, молодыхъ, трепещущихъ жаждой жизни друзей моихъ! Тамъ новые люди-, рѣшилъ ты еще прошлою весной, сюда собираясь, они полагаютъ разрушить все и начать съ антропофагіи. Глупцы, меня не спросились! По моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло! Съ этого, съ этого надобно начинать,—о, слѣпцы, ничего не понимающіе! Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю, что этотъ періодъ, параллель геологическимъ періодамъ, совершится), то само собою, безъ антропофагіи, падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди совокупятся чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастія и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, человѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновеніе и возлюбитъ брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять лишь мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную ... ну и прочее, и прочее, въ томъ-же родѣ. Премило!

Иванъ сѣлъ, зажавъ себѣ уши руками и смотря въ землю, но началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Голосъ продолжалъ.

— Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель: возможно-ли, чтобы такой періодъ наступилъ когда нибудь или нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему «все позволено». Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя-бы одному въ цѣломъ мірѣ, и, ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ — тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ-же будетъ первое мѣсто... все дозволено и шабашъ! Все это очень мило; только если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ-бы еще, кажется, санкція истины? Но ужь таковъ нашъ русскій современный человѣчекъ: безъ санкціи и смошенничать не рѣшится, до того ужь истину возлюбилъ...

Гость говорилъ, очевидно, увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдругъ схватилъ со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ оратора.

— Ah, mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскакивая съ дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю, — вспомнилъ Лотерову чернильницу! Самъ-же меня считаетъ за сонъ и кидается стаканами въ сонъ! Это по женски! А вѣдь я такъ и подозрѣвалъ, что ты дѣлалъ только видъ, что заткнулъ свои уши, а ты слушалъ...

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и настойчивый стукъ. Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость, — это братъ твой Алеша съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстіемъ, ужь я тебѣ отвѣчаю!

— Молчи, обманщикъ, я прежде тебя зналъ, что это Алеша, я его предчувствовалъ, и, ужь конечно, онъ не даромъ, конечно, съ «извѣстіемъ!..» воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри-же, отопри ему. На дворѣ метель, а онъ братъ твой. M-r, sait-il le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors...

Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну; но что-то какъ-бы вдругъ связало ему руки и ноги. Изо всѣхъ силъ онъ напрягался какъ-бы порвать свои путы, но тщетно. Стукъ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ, вдругъ порвались путы и Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ на диванъ. Онъ дико осмотрѣлся. Объ свѣчки почти догорѣли, стаканъ, который онъ только что бросилъ въ своего гостя, стоялъ предъ нимъ на столѣ, а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ въ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не такъ громко какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, напротивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все сейчасъ было! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, бросился къ окну и отворилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крикнулъ онъ брату. — Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ словахъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со двора Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, и пошелъ отворять Алешѣ.

X.

«Это онъ говорилъ!»

Алеша, войдя, сообщилъ Ивану Ѳедоровичу, что часъ съ небольшимъ назадъ, прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондратьевна и объявила, что Смердяковъ лишилъ себя жизни. Вхожу эта къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ виситъ». На вопросъ Алеши: «заявила-ль она кому слѣдуетъ?» отвѣтила, что никому не заявляла, а «прямо бросилась къ вамъ къ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ». Она была какъ помѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ. Когда-же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то засталъ Смердякова все еще впѣвшимъ. На столѣ лежала записка: «Истребляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы никого не винить». Алеша такъ и оставилъ эту записку на столѣ и пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заявилъ, «а оттуда прямо къ тебѣ», заключилъ Алеша, пристально вглядываясь въ лицо Ивана. И все время пока онъ разсказывалъ, онъ не отводилъ отъ

него глазъ какъ-бы чѣмъ-то очень пораженный въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ, — ты вѣрно ужасно болѣнъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь что̀ я говорю.

— Это хорошо что ты пришелъ, проговорилъ какъ-бы задумчиво Иванъ и какъ-бы вовсе не слыхавъ восклицанія Алеши. — А вѣдь я зналъ, что онъ повѣсился.

— Отъ кого-же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ-ли я? Да, онъ мнѣ сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ...

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все также задумчиво и смотря въ землю.

— Кто *онъ?* спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись кругомъ.

— Онъ улизнулъ.

Иванъ поднялъ голову и тихо улыбнулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты чистый херувимъ. Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовый вопль восторга серафимовъ! Что̀ такое серафимъ? Можетъ быть, цѣлое созвѣздіе. А можетъ быть, все-то созвѣздіе есть всего только какая нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе Льва и Солнца, не знаешь-ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ испугѣ, — сядь, ради Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вотъ такъ. Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ, лучше станетъ?

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда бросилъ.

— Тутъ нѣтъ его. Не безпокойся, я знаю гдѣ лежитъ; вотъ оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у туалетнаго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употребленное полотенце. Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; память какъ-бы въ мигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана, — я давеча, часъ назадъ, это самое полотенце взялъ оттуда-же и смочилъ водой. Я прикладывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какже оно сухое? Другаго не было.

— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ Алеша.

— Да, и ходилъ по комнатѣ, часъ назадъ... Почему такъ свѣчки сгорѣли? Который часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ, — это былъ не сонъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вонъ на томъ диванѣ. Когда ты стучалъ въ окно, я бросилъ въ него стаканъ... вотъ этотъ... Постой, я и прежде зналъ, но этотъ сонъ не сонъ. И прежде было.

У меня, Алеша, теперь бываютъ сны... но они не сны, а на яву. я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ сидѣлъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно глупъ, Алеша, ужасно глупъ, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать по комнатѣ.

— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо спросилъ Алеша.

— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти три. Онъ дразнилъ меня тѣмъ, будто я сержусь, что онъ просто чортъ, а не сатана съ опаленными крыльями, въ громѣ и блескѣ. Но онъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ самозванецъ. Онъ просто чортъ, дряхлой, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣнь его и навѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій какъ у датской собаки, въ аршинъ длиной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу былъ, хочешь чаю? Что? Холодный? Хочешь велю поставить? C'est à ne pas mettre un chien dehors...

Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомойнику, намочилъ полотенце, уговорилъ Ивана опять сѣсть и обложилъ ему мокрымъ полотенцемъ голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.

— Что ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ. (Онъ становился очень словоохотливъ). — Мнѣ нравится Лиза. Я сказалъ про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нравится... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За будущее. Она завтра броситъ меня и растопчетъ ногами. Она думаетъ, что я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ! Такъ вотъ нѣтъ-же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не повѣшусь. Знаешь-ли ты, что я никогда не могу лишить себя жизни, Алеша! Отъ подлости, что-ли? Я не трусъ. Отъ жажды жить! Почему это я зналъ, что Смердяковъ повѣсился? Да, это *онъ* мнѣ сказалъ...

— И ты твердо увѣренъ, что кто-то тутъ сидѣлъ? спросилъ Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты-бы его прогналъ. Да ты-же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я люблю твое лицо, Алеша. Знаешь-ли ты, что я люблю твое лицо? А *онъ* — это я, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и презрѣнное! Да, я романтикъ, онъ это подмѣтилъ... хоть это и клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этимъ береть. Онъ хитеръ, животно хитеръ, онъ зналъ чѣмъ взбѣсить меня. Онъ все дразнилъ меня, что я въ него вѣрю и тѣмъ заставилъ меня его слушать. Онъ надулъ меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ про меня много правды. Я-бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знаешь, Алеша, знаешь, ужасно серіозно и какъ-бы конфиденціально прибавилъ

Иванъ, — я-бы очень желалъ, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ *онъ*, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ состраданіемъ смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И, знаешь, ловко, ловко: «Совѣсть! Что̀ совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ-же я мучаюсь? По привычкѣ. Но всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги». — Это онъ говорилъ, это онъ говорилъ!

— А не ты, не ты? ясно смотря на брата, неудержимо вскричалъ Алеша. — Ну и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пусть онъ уйдетъ съ собою все, что̀ ты теперь проклинаешь и никогда не приходитъ.

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ былъ дерзокъ, Алеша, съ содроганіемъ обиды проговорилъ Иванъ.—Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Лгалъ мнѣ-же на меня-же въ глаза. «О, ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, объявишь, что убилъ отца, что лакей по твоему наущенію убилъ отца»...

— Братъ, прервалъ Алеша, удержись: не ты убилъ. Это неправда!

— Это онъ говоритъ, онъ, а онъ это знаетъ. «Ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и не вѣришь — вотъ что̀ тебя злитъ и мучаетъ, вотъ отчего ты такой мстительный». — Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ что̀ говоритъ...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ Алеша,— и говоришь въ болѣзни, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ что̀ говоритъ. Ты, говоритъ, изъ гордости идешь, ты станешь и скажешь: «это я убилъ, и чего вы корчитесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ вашъ презираю». — Это онъ про меня говоритъ. И вдругъ говоритъ: «А знаешь, тебѣ хочется, чтобъ они тебя похвалили: преступникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чувства, брата спасти захотѣлъ и признался!» Вотъ это такъ ужь ложь, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, засверкавъ глазами.—«Я не хочу, чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша, солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и онъ расшибся объ его морду.

— Братъ, успокойся, перестань! упрашивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ не слушая Иванъ. — «Я всегда предчувствовалъ зачѣмъ онъ приходитъ. Пусть, говоритъ, ты шелъ изъ гордости, но вѣдь все-же была и

надежда, что уличатъ Смердякова и сошлютъ въ каторгу, что Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно*—(слышишь, онъ тутъ смѣялся!)—а другіе такъ и похвалятъ. Но вотъ умеръ Смердяковъ, повѣсился,—ну и кто-жъ тебѣ тамъ на судѣ теперь-то одному повѣритъ? А вѣдь ты идешь, идешь, ты все-таки пойдешь, ты рѣшилъ что пойдешь. Для чего-же ты идешь послѣ этого? Это страшно, Алеша, я не могу выносить такихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы?»

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще какъ-бы надѣясь образумить Ивана,—какъ-же могъ онъ говорить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще никто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Онъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, не допуская и сомнѣнія. Онъ только про это и говорилъ, если хочешь. «И добро-бы ты, говоритъ, въ добродѣтель вѣрилъ: пусть не повѣрятъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ, какъ Ѳедоръ Павловичъ, и что тебѣ добродѣтель? Для чего-же ты туда потанцуешься, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? А потому что ты самъ не знаешь для чего идешь! О, ты-бы много далъ, чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣшился? Ты еще не рѣшился? Ты всю ночь будешь сидѣть и рѣшать: идти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь, что пойдешь, самъ знаешь, что какъ-бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе ужъ не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не пойдти. Почему не смѣешь,—это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ загадка!» Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а онъ ушелъ. Онъ меня трусомъ назвалъ, Алеша! Le mot de l'enigme, что я трусъ! «Не такимъ орламъ воспарять надъ землей!» Это онъ прибавилъ, это онъ прибавилъ! И Смердяковъ это-же говорилъ. Его надо убить! Катя меня презираетъ, я уже мѣсяцъ это вижу, да и Лиза презирать начнетъ! «Идешь, чтобъ тебя похвалили»,—это звѣрская ложь! И ты уже презираешь меня, Алеша. Теперь я тебя опять возненавижу! И изверга ненавижу, и изверга ненавижу! Не хочу спасать изверга, пусть сгніетъ въ каторгѣ! Гимнъ запѣлъ! О, завтра я пойду, стану предъ ними, и плюну имъ всѣмъ въ глаза!

Онъ вскочилъ въ исступленіи, сбросилъ съ себя полотенце и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша вспомнилъ давнишія слова: «Какъ будто я сплю на яву... Хожу, говорю и вижу, а сплю». Именно какъ будто это совершалось теперь. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула было у него мысль бѣжать къ доктору и привесть того, но онъ побоялся оставить брата одного: поручить его совсѣмъ некому было. Наконецъ, Иванъ, мало по

малу, сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ все продолжалъ говорить, говорилъ не умолкая, но уже совсѣмъ несладно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно покачнулся на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Больной спалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взялъ подушку и легъ на диванѣ, не раздѣваясь. Засыпая, помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: «Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!» Богъ которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться. «Да,—неслось въ головѣ Алеши, уже лежавшей на подушкѣ,—да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ!» Алеша тихо улыбнулся: «Богъ побѣдитъ!» подумалъ онъ. «Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя себѣ и всѣмъ за то, что послужилъ тому во что̀ не вѣритъ», горько прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Судебная Ошибка.

I.

Роковой день.

На другой день послѣ описанныхъ мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда и начался судъ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не считаю себя въ силахъ передать все то, что̀ произошло на судѣ, и не только въ надлежащей полнотѣ, но даже и въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется, что если-бы все припомнить и все какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуется цѣлая книга и даже пребольшая. А потому пусть не посѣтуютъ на меня, что я передамъ лишь то, что̀ меня лично поразило и что̀ я особенно запомнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже совсѣмъ упустить самыя рѣзкія необходимѣйшія черты... А, впро-

чемъ. вижу, что лучше не извиняться. Сдѣлаю какъ умѣю, и читатели сами поймутъ, что я сдѣлалъ лишь какъ умѣлъ.

II. во первыхъ. прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда. упомяну о томъ что̀ меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ, удивило не одного меня, а, какъ оказалось впослѣдствіи, и всѣхъ. Именно: всѣ знали, что дѣло это заинтересовало слишкомъ многихъ, что всѣ сгорали отъ нетерпѣнія, когда начнется судъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, восклицали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже, что дѣло это получило всероссійскую огласку, но, всѐтаки, не представляли себѣ, что оно до такой уже жгучей, до такой раздражительной степени потрясло всѣхъ и каждаго, да и не у насъ только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ судѣ въ этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости не только изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ Россіи, а, наконецъ, изъ Москвы и изъ Петербурга. Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ лицъ, а также и дамы. Всѣ билеты были расхватаны. Для особенно почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ отведены были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сзади стола, за которымъ помѣщался судъ; тамъ появился цѣлый рядъ занятыхъ разными особами креселъ, чего никогда у насъ прежде не допускалось. Особенно много оказалось дамъ, — нашихъ и пріѣзжихъ, я думаю, даже не менѣе половины всей публики. Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказалось такъ много, что даже не знали ужъ гдѣ ихъ и помѣстить, такъ какъ всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и вымолены. Я видѣлъ самъ какъ въ концѣ залы, за эстрадой, была временно и наскоро устроена особая загородка, въ которую впустили всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они почли себя даже счастливыми, что могли тутъ хоть стоять, потому что стулья, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки совсѣмъ вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все дѣло густо сомкнувшеюся кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя изъ дамъ, особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хорахъ залы чрезвычайно разряженныя, но большинство дамъ даже и о нарядахъ забыло. На ихъ лицахъ читалось истерическое. жадное, болѣзненное почти любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей всего этого собравшагося въ залѣ общества. и которую необходимо отмѣтить. состояла въ томъ. что, какъ и оправдалось потомъ по многимъ наблюденіямъ. почти всѣ дамы. по крайней мѣрѣ. огромнѣйшее большинство ихъ. стояли за Митю и за оправданіе его. Можетъ быть. главное, потому. что о немъ составилось представленіе какъ о покорителѣ женскихъ сердецъ. Знали, что явятся двѣ женщины-соперницы. Одна

изъ нихъ, то есть Катерина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала: про нее разсказывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про ея страсть къ Митѣ, не смотря даже на его преступленіе. разсказывались удивительные анекдоты. Особенно упоминалось объ ея гордости (она почти никому въ нашемъ городѣ не сдѣлала визитовъ) объ «аристократическихъ связяхъ». Говорили, что она намѣрена просить правительство, чтобъ ей позволили сопровождать преступника на каторгу и обвѣнчаться съ нимъ гдѣ нибудь въ рудникахъ подъ землей. Съ неменьшимъ волненіемъ ожидали появленія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ивановны. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ судомъ двухъ соперницъ—аристократической гордой дѣвушки и «гетеры»; Грушенька, впрочемъ, была извѣстна нашимъ дамамъ чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, «погубительницу Ѳедора Павловича и несчастнаго сына его», видали наши дамы и прежде, и всѣ, почти до единой, удивлялись какъ въ такую «самую обыкновенную, совсѣмъ даже не красивую собой русскую мѣщанку» могли до такой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было много. Мнѣ положительно извѣстно, что собственно въ нашемъ городѣ произошло даже нѣсколько серіозныхъ семейныхъ ссоръ изъ-за Мити. Многія дамы горячо поссорились со своими супругами за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и естественно послѣ того, что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу суда уже не только нерасположенными къ подсудимому, но даже озлобленными противъ него. И вообще положительно можно было сказать, что, въ противоположность дамскому, весь мужской элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Видѣлись строгія, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и это во множествѣ. Правда и то, что Митя многихъ изъ нихъ съумѣлъ оскорбить лично во время своего у насъ пребыванія. Конечно, иные изъ посѣтителей были почти даже веселы и весьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все-же опять-таки не къ разсматривавшемуся дѣлу: всѣ были заняты исходомъ его, и большинство мужчинъ рѣшительно желало кары преступнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не нравственная сторона дѣла, а линія, такъ сказать, современно-юридическая. Всѣхъ волновалъ пріѣздъ знаменитаго Ѳетюковича. Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не въ первый разъ, что онъ являлся въ провинціи защищать громкія уголовныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда становились знаменитыми на всю Россію и надолго памятными. Ходило нѣсколько анекдотовъ и о нашемъ прокурорѣ и о предсѣдателѣ суда. Разсказывалось, что нашъ прокуроръ трепеталъ встрѣчи съ Ѳетюковичемъ, что это были старинные враги

еще съ Петербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый панъ Иполитъ Кириловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-то обиженнымъ еще съ Петербурга, за то, что не были надлежаще оцѣнены его таланты, воскресъ было духомъ надъ дѣломъ Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣломъ свое увядшее поприще, но что пугалъ его лишь Фетюковичъ. Но на счетъ трепета предъ Фетюковичемъ сужденія были не совсѣмъ справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ характеровъ, которые падаютъ духомъ предъ опасностью, а, напротивъ, изъ тѣхъ чье самолюбіе вырастаетъ и окрыляется именно по мѣрѣ возрастанія опасности. Вообще-же надо замѣтить, что прокуроръ нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспріимчивъ. Въ иное дѣло онъ клалъ всю свою душу и велъ его такъ, какъ-бы отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его достояніе. Въ юридическомъ мірѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялись, ибо нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ заслужилъ даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣстно, то гораздо бо́льшую чѣмъ можно было предположить въ виду его скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись надъ его страстью къ психологіи. По моему, всѣ ошибались: нашъ прокуроръ, какъ человѣкъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ гораздо серіознѣе чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужъ такъ не умѣлъ поставить себя этотъ болѣзненный человѣкъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣмъ и во всю свою жизнь.

Что-же до предсѣдателя нашего суда, то о немъ можно сказать лишь то, что это былъ человѣкъ образованный, гуманный, практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ идей. Былъ онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очень заботился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ, чтобы быть передовымъ человѣкомъ. Притомъ имѣлъ связи и состояніе. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, онъ смотрѣлъ довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его занимало явленіе, классификація его, взглядъ на него, какъ на продуктъ нашихъ соціальныхъ основъ, какъ на характеристику русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному-же характеру дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ участвующихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ отнесился довольно безразлично и отвлеченно, какъ, впрочемъ, можетъ быть, и слѣдовало.

Задолго до появленія суда зала была уже набита биткомъ. У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая, звучная. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на нѣкоторомъ возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда креселъ для присяжныхъ за-

сѣдателей. Налѣво было мѣсто подсудимаго и его защитника. На срединѣ залы, близъ помѣщенія суда стоялъ столъ съ «вещественными доказательствами». На немъ лежали окровавленный шелковый бѣлый халатъ Ѳедора Павловича, роковой мѣдный пестикъ, коимъ было совершено предполагаемое убійство, рубашка Мити съ запачканнымъ кровью рукавомъ, его сюртукъ весь въ кровавыхъ пятнахъ сзади на мѣстѣ кармана, въ который онъ сунулъ тогда свой, весь мокрый отъ крови платокъ, самый платокъ, весь заскорузлый отъ крови, теперь уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолетъ, заряженный для самоубійства Митей у Перхотина и отобранный у него тихонько въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надписью, въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три тысячи и розовая тоненькая ленточка, которою онъ былъ обвязанъ, и прочіе многіе предметы, которыхъ и не упомню. На нѣкоторомъ разстояніи дальше, въ глубь залы, начинались мѣста для публики, но еще предъ баллюстрадой стояло нѣсколько креселъ для тѣхъ свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые будутъ оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появился судъ въ составѣ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго мироваго судьи. Разумѣется, тотчасъ-же появился и прокуроръ. Предсѣдатель былъ плотный, коренастый человѣкъ, ниже средняго роста, съ геморроидальнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ темными съ просѣдью волосами, коротко обстриженными, и въ красной лентѣ —не помню ужь какого ордена. Прокуроръ-же показался мнѣ, –да и не мнѣ, а всѣмъ, очень ужь какъ-то блѣднымъ, почти съ зеленымъ лицомъ, почему-то какъ-бы внезапно похудѣвшимъ въ одну, можетъ быть, ночь, потому что я всего только третьяго дня видѣлъ его совсѣмъ еще въ своемъ видѣ. Предсѣдатель началъ съ вопроса судебному приставу: «всѣ-ли явились присяжные засѣдатели?.. Вижу, однако, что такъ болѣе продолжать не могу, уже потому даже, что многаго не разслышалъ, въ другое пропустилъ вникнуть, третье забылъ упомнить, а, главное, потому, что какъ уже и сказалъ я выше, если все припоминать что̀ было сказано и что̀ произошло, то буквально не достанетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только, что присяжныхъ засѣдателей, тою и другою стороной, то есть защитникомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Составъ-же двѣнадцати присяжныхъ запомнилъ: четыре нашихъ чиновника, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего города. У насъ въ обществѣ, я помню, еще за долго до суда, съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дамы: «Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дѣло будетъ отдано на роковое рѣшеніе какимъ-то чиновникамъ и, наконецъ, мужикамъ, и что̀-де поймутъ тутъ какой нибудь чиновникъ, тѣмъ болѣе мужикъ?» Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти

четыре чиновника, попавшіе въ составъ присяжныхъ, были люди мелкіе, малочиновные, сѣдые,—одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько помоложе,—въ обществѣ нашемъ малоизвѣстные, прозябавшіе на мелкомъ жалованьѣ, имѣвшіе, должно быть, старыхъ женъ, которыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ быть, даже босоногихъ. много-много что развлекавшіе свой досугъ гдѣ нибудь картинками и, ужь разумѣется, никогда не прочитавшіе ни одной книги. Два-же купца имѣли хоть и степенный видъ, но были какъ-то странно молчаливы и неподвижны: одинъ изъ нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по нѣмецки; другой, съ сѣденькою бородкой, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, какую-то медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши скотопригоньевскіе мѣщане почти тѣ-же крестьяне, даже пашутъ. Двое изъ нихъ были тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то, можетъ быть, грязнѣе и непригляднѣе на видъ чѣмъ остальные четверо. Такъ что дѣйствительно могла зайдти мысль, какъ зашла и мнѣ, напримѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: что могутъ такіе постичь въ такомъ дѣлѣ? Тѣмъ не менѣе лица ихъ производили какое-то странное внушительное и почти грозящее впечатлѣніе, были строги и нахмурены.

Наконецъ, предсѣдатель объявилъ къ слушанію дѣло объ убійствѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Ѳедора Павловича Карамазова. не помню вполнѣ какъ онъ тогда выразился. Судебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и вотъ появился Митя. Все затихло въ залѣ, муху можно было услышать. Не знаю какъ на другихъ, но видъ Мити произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужаснымъ франтомъ, въ новомъ съ иголочки сюртукѣ. Я узналъ потомъ, что онъ нарочно заказалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ Москвѣ, прежнему портному, у котораго сохранилась его мѣрка. Былъ онъ въ новенькихъ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ и въ щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными аршинными шагами, прямо, до неподвижности, смотря передъ собою, и сѣлъ на свое мѣсто съ самымъ безтрепетнымъ видомъ. Тутъ-же, сейчасъ-же явился и защитникъ, знаменитый Фетюковичъ, и какъ-бы какой-то подавленный гулъ пронесся въ залѣ. Это былъ длинный, сухой человѣкъ, съ длинными, тонкими ногами, съ чрезвычайно длинными, бѣлыми, тонкими пальцами, съ обритымъ лицомъ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, тонкими, изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то улыбкой, губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его было-бы и пріятнымъ, если-бы не глаза его, сами по себѣ не большіе и не выразительные, но до рѣдкости близко одинъ отъ другого поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна тонкая косточка его

продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физіономія эта имѣла въ себѣ что-то рѣзко птичье, что поражало. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый опросъ Мити предсѣдателемъ, то есть объ имени, званіи и проч. Митя отвѣтилъ рѣзко, но какъ-то неожиданно громко, такъ что предсѣдатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ, вызванныхъ къ судебному слѣдствію, то есть свидѣтелей и экспертовъ. Списокъ былъ длинный: четверо изъ свидѣтелей не явились: Міусовъ, бывшій въ настоящее время уже въ Парижѣ, по показаніе котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, г-жа Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смердяковъ за внезапною смертью, причемъ было представлено свидѣтельство отъ полиціи. Извѣстіе о Смердяковѣ вызвало сильное шевеленіе и шепотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще вовсе не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но что особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только что донесли о Смердяковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста воскликнулъ на всю залу:

— Собакѣ собачья смерть!

Помню какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ предсѣдатель обратился къ нему съ угрозой принять строгія мѣры, если еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отрывисто и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаиваясь, нѣсколько разъ повторилъ вполголоса защитнику:

— Не буду, не буду! Сорвалось! Больше не буду!

И, уже конечно, этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не въ его пользу во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялся характеръ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ.

Онъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались лишь главнѣйшія причины почему привлеченъ такой-то, почему его должно было предать суду, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ четко, звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ-бы вновь появилась предъ всѣми выпукло, концентрично, освѣщенная роковымъ неумолимымъ свѣтомъ. Помню какъ сейчасъ-же по прочтеніи предсѣдатель громко и внушительно спросилъ Митю:

Подсудимый, признаете-ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ, воскликнулъ онъ какимъ-то опять таки неожиданнымъ, почти изступленнымъ голосомъ, въ лѣни и дебоширствѣ. Хотѣлъ стать на вѣки

честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду, когда подѣйкла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отца —не виновенъ! Но въ ограбленіи его —нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ, да и не могу быть виновнымъ: „Дмитрій Карамазовъ подлецъ, но не воръ!

Прокричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто, видимо весь дрожа. Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но назидательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на вопросы, а не вдаваться въ посторонніе и изступленные восклицанія. Затѣмъ велѣлъ приступить къ судебному слѣдствію. Ввели всѣхъ свидѣтелей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Впрочемъ, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству безъ присяги. Послѣ увѣщанія священника и предсѣдателя, свидѣтелей увели и разсадили по возможности порознь. Затѣмъ стали вызывать ихъ по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю были-ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты раздѣлены предсѣдателемъ какъ нибудь на группы и въ какомъ именно порядкѣ предположено было вызывать ихъ. Должно быть, все это было. Знаю только, что первыми стали вызывать свидѣтелей прокурорскихъ. Повторяю, я не намѣренъ описывать всѣ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому-же, мое описаніе вышло-бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ прокурора и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и смыслъ всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены какъ-бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніемъ, а эти двѣ замѣчательныя рѣчи я, по крайней мѣрѣ, мѣстами записалъ въ полнотѣ и передамъ въ свое время, равно какъ и одинъ чрезвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса, разыгравшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно повліявшій на грозный и роковой исходъ его. Замѣчу только, что съ самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко нѣкоторая особая характерность этого „дѣла“, всѣми замѣченная, именно: необыкновенная сила обвиненія сравнительно со средствами, какія имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ, когда въ этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, группироваться факты и стали постепенно выступать весь этотъ ужасъ и вся эта кровь наружу. Всѣмъ, можетъ быть, стало понятно еще съ самыхъ первыхъ шаговъ, что это совсѣмъ даже и не спорное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности никакихъ-бы и преній не надо,

что пренія будутъ лишь только для формы, а что преступникъ виновенъ, виновенъ явно, виновенъ окончательно. Я думаю даже, что и всѣ дамы, всѣ до единой, съ такимъ нетерпѣніемъ жаждавшія оправданія интереснаго подсудимаго, были въ то-же время совершенно увѣрены въ полной его виновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ-бы даже огорчились, если-бы виновность его не столь подтвердилась, ибо тогда не было-бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправдаютъ преступника. А что его оправдаютъ — въ этомъ, странное дѣло, всѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самой послѣдней минуты: — виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности, изъ новыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли — и проч., и проч. Для того-то онѣ и сбѣжались сюда съ такимъ нетерпѣніемъ. Мужчины-же наиболѣе интересовались борьбой прокурора и славнаго Ѳетюковича. Всѣ удивлялись и спрашивали себя: что̀ можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла, изъ такого выѣденнаго яйца даже и такой талантъ какъ Ѳетюковичъ? а потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили шагъ за шагомъ за его подвигами. Но Ѳетюковичъ до самаго конца, до самой рѣчи своей остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди предчувствовали, что у него есть система, что у него уже нѣчто составилось, что впереди у него есть цѣль, но какая она — угадать было почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣянность бросались, однако-же, въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удовольствіемъ сейчасъ-же замѣтили, что онъ, въ такое краткое пребываніе у насъ, всего въ какіе нибудь три дня, можетъ быть, съумѣлъ удивительно ознакомиться съ дѣломъ и — до тонкости изучилъ его —. Съ наслажденіемъ разсказывали, напримѣръ, потомъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей съумѣлъ во-время — подвести — и по возможности сбить, а, главное, подмарать ихъ нравственную репутацію, а, стало быть, само собой подмарать и ихъ показанія. Полагали, впрочемъ, что онъ дѣлаетъ это много-много что для игры, такъ сказать, для нѣкотораго юридическаго блеска, чтобъ ужъ ничего не было забыто изъ принятыхъ адвокатскихъ пріемовъ: ибо всѣ были убѣждены, что какой нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣми этими — подмарываніями — не могъ достичь, и, вѣроятно это самъ лучше всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасѣ, какое-то еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и обнаружитъ, когда придетъ срокъ. Но пока всетаки сознавая свою силу, онъ какъ-бы игралъ и рѣзвился. Такъ, напримѣръ, когда опрашивали Григорія Васильева, бывшаго камердинера Ѳедора Павловича, дававшаго самое капитальное показаніе объ «отворенной въ садъ двери», защитникъ такъ и впѣнился въ него, когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы. Надо

замѣтить, что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу не смутившись ни мало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ огромной слушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и чуть не величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣренностью, какъ если-бы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марѳой Игнатьевной, только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно. Его сначала долго разспрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробностяхъ семейства Карамазовыхъ. Семейная картина ярко выставилась наружу. Слышалось, видѣлось, что свидѣтель былъ простодушенъ и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почтительности къ памяти своего бывшаго барина, онъ всетаки, напримѣръ, заявилъ, что тотъ былъ къ Митѣ несправедливъ и не такъ воспиталъ дѣтей. Его, малаго мальчика, безъ меня вши-бы заѣли, прибавилъ онъ, повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. Тоже не годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ, обижать. На вопросъ-же прокурора о томъ, какія у него основанія утверждать, что Ѳедоръ Павловичъ обидѣлъ въ разсчетѣ сына, Григорій Васильевичъ, къ удивленію всѣхъ, основательныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но всетаки стоялъ на томъ, что разсчетъ съ сыномъ былъ неправильный, и что это точно ему нѣсколько тысячъ слѣдовало доплатить. Замѣчу кстати, что этотъ вопросъ дѣйствительно-ли Ѳедоръ Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ особенною настойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ, которымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни Ивана Ѳедоровича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ никакого точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ представить хоть сколько нибудь яснаго доказательства. Послѣ того какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался Дмитрій Ѳедоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убить его, мрачное впечатлѣніе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе, что старый слуга разсказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, своеобразнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За обиду свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ его съ ногъ, онъ замѣтилъ, что не сердится и давно простилъ. О покойномъ Смердяковѣ выразился, перекрестясь, что малый былъ со способностью, да глупъ и болѣзнью угнетенъ, а пуще безбожникъ, и что его безбожеству Ѳедоръ Павловичъ и старшій сынъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ жаромъ и тутъ-же передалъ, какъ Смердяковъ, во время оно, найдя оброненныя барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ барину, и тотъ ему за это золотой подарилъ и впредь во всемъ довѣрять началъ. Отворенную-же дверь въ садъ подтвердилъ съ упорною настойчивостью. Впрочемъ, его такъ много разспрашивали, что я всего и

припомнить не могу. Наконецъ, вопросы перешли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать о пакетѣ, въ которомъ будто-бы спрятаны были Ѳедоромъ Павловичемъ три тысячи рублей для извѣстной особы. Видѣли-ли вы его сами вы, столь многолѣтне-приближенный къ вашему барину человѣкъ? Григорій отвѣтилъ, что не видѣлъ, да и не слыхалъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить. Этотъ вопросъ о пакетѣ Ѳетюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ, кого могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою-же настойчивостью, какъ и прокуроръ свой вопросъ о раздѣлѣ имѣнія, и отъ всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто не видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчивость защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили.

— Теперь могу-ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если только позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Ѳетюковичъ, изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или такъ сказать та настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, передъ сномъ, какъ извѣстно изъ предварительнаго слѣдствія, вытерли вашу страдающую поясницу, надѣясь тѣмъ излѣчиться?

Григорій тупо посмотрѣлъ на опросчика и, помолчавъ нѣсколько, пробормоталъ: «былъ шалфей положенъ».

— Только шалфей? Не припомните-ли еще чего нибудь?

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ, можетъ быть? любопытствовалъ Ѳетюковичъ.

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши спину, вы вѣдь остальное содержаніе бутылки, съ нѣкоею благочестивою молитвой, извѣстной лишь вашей супругѣ, изволили выпить, вѣдь такъ?

— Выпилъ.

— Много-ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, другую?

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ быть, и полтора стаканчика?

Григорій замолкъ. Онъ какъ-бы что-то понялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику оно вѣдь очень недурно, какъ вы думаете? Можно и райскія двери отворзты увидѣть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ залѣ. Предсѣдатель пошевелился.

— Не знаете-ли вы навѣрно, вникался все болѣе и болѣе Ѳетюковичъ — почивали вы или нѣтъ въ ту минуту, когда увидѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство, что не почивали (еще и еще смѣшокъ въ залѣ). Могли-ли, напримѣръ, отвѣтить въ ту минуту, если-бы васъ кто спросилъ о чемъ, - ну, напримѣръ, о томъ, который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рождества Христова, не знаете-ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря на своего мучителя. Странно это, казалось, повидимому, что онъ дѣйствительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ быть, знаете, однако, сколько у васъ на рукѣ пальцевъ?

— Я человѣкъ подневольный, вдругъ громко и раздѣльно проговорилъ Григорій, — коли начальству угодно надо мною надсмѣхаться, такъ я снести долженъ.

Ѳетюковича какъ-бы немножко осадило, но ввязался и предсѣдатель и назидательно напомнилъ защитнику, что слѣдуетъ задавать болѣе подходящіе вопросы. Ѳетюковичъ, выслушавъ, съ достоинствомъ поклонился и объявилъ, что разспросы свои кончилъ. Конечно, и въ публикѣ, и у присяжныхъ могъ остаться маленькій червячекъ сомнѣнія въ показаніи человѣка, имѣвшаго возможность видѣть раскрытыя двери въ извѣстномъ состояніи дѣченія, и кромѣ того даже невѣдующаго какой нынѣче годъ отъ Рождества Христова: такъ что защитникъ своей цѣли все-таки достигъ. Но предъ уходомъ Григорія произошелъ еще эпизодъ. Предсѣдатель, обратившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣетъ-ли онъ чего замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери, во всемъ правду сказалъ, громко крикнулъ Митя.- Что вины мнѣ вычесывать благодарю, что побои мнѣ простилъ благодарю: старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣренъ отцу какъ семьсотъ пуделей.

Подсудимый, выбирайте ваши слова, строго проговорилъ предсѣдатель.

— Я не пудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну, такъ это я пудель, я! крикнулъ Митя. — Коли общую, то на себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ звѣрь и съ нимъ жестокъ! Съ Езопомъ тоже былъ жестокъ.

Съ какимъ Езопомъ? строго поднялъ опять предсѣдатель.

— Ну, съ Ильею... съ отцемъ, съ Ѳедоромъ Павловичемъ.

Предсѣдатель опять и опять внушительно и строжайше уже подтвердилъ Митѣ, чтобъ онъ осторожнѣе выбиралъ свои выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣніи судей вашихъ.

Точно также весьма ловко распоряжался защитникъ и при спросѣ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу, что Ракитинъ былъ изъ самыхъ важныхъ свидѣтелей, и которымъ несомнѣнно дорожилъ прокуроръ. Оказалось, что онъ все зналъ, удивительно много зналъ, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то видѣлъ, со всѣми-то говорилъ, подробнѣйшимъ образомъ зналъ біографію Ѳедора Павловича и всѣхъ Карамазовыхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами тоже слышалъ лишь отъ самого Мити. Зато подробно описалъ подвиги Мити въ трактирѣ Столичный городъ , всѣ компрометирующія того слова и жесты и передалъ исторію о мочалкѣ штабсъ-капитана Снѣгирева. На счетъ-же того особаго пункта, остался-ли что нибудь долженъ Ѳедоръ Павловичъ Митѣ при разсчетѣ по имѣнію — даже самъ Ракитинъ не могъ ничего указать и отдѣлался лишь общими мѣстами презрительнаго характера: кто, дескать, могъ-бы разобрать изъ нихъ виноватаго и сосчитать кто кому остался долженъ при безтолковой Карамазовщинѣ, въ которой никто себя не могъ ни понять, ни опредѣлить? Всю трагедію судимаго преступленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженной въ безпорядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ этого процесса господинъ Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтенъ: прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ статью о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи своей (что увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значитъ, уже былъ съ нею знакомъ. Картина изображенная свидѣтелемъ была мрачною и роковою и сильно подкрѣпила обвиненіе . Вообще-же изложеніе Ракитина нѣкоею нуждою независимостію мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два — три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ, все-же какъ молодой человѣкъ, сдѣлалъ маленькій промахъ, которымъ тотчасъ-же отмѣнно успѣлъ воспользоваться защитникъ. Отвѣчая на извѣстные вопросы на счетъ Грушеньки, онъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, который, конечно, уже самъ сознавалъ, и тою высотой благородства, на которую вспарилъ, позволилъ себѣ выразиться объ Аграфенѣ Александровнѣ нѣсколько презрительно, какъ о содержанкѣ купца Самсонова . Дорого далъ-бы онъ потомъ, чтобы воротить свое словечко, ибо на

немъ-то и понимать его тотчасъ-же Фетюковичъ. И все потому что Ракитинъ совсѣмъ не разсчитывалъ, что тотъ въ такой короткій срокъ могъ до такихъ интимныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою любезною и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему въ свою очередь задавать вопросы. Вы, конечно, тотъ самый и есть господинъ Ракитинъ, котораго брошюру, изданную епархіальнымъ начальствомъ, *Нѣчто о Богѣ почившаго старца отца Зосимы*, полную глубокихъ и религіозныхъ мыслей, съ превосходнымъ и благочестивымъ посвященіемъ преосвященному, я недавно прочелъ съ такимъ удовольствіемъ.

— Я написалъ не для печати... это потомъ напечатали, пробормоталъ Ракитинъ какъ-бы вдругъ чѣмъ-то опѣшенный и почти со стыдомъ.

О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можетъ и даже долженъ относиться весьма широко ко всякому общественному явленію. Покровительствомъ преосвященнаго ваша полезнѣйшая брошюра разошлась и доставила относительную пользу... Но я вотъ о чемъ, главное, желалъ-бы у васъ полюбопытствовать: вы только что заявили, что были весьма близко знакомы съ госпожой Свѣтловой? (Nota bene. Фамилія Грушеньки оказалась Свѣтлова. Это я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во время хода процесса).

— Я не могу отвѣчать за всѣ мои знакомства... Я молодой человѣкъ... и кто-же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ кого встрѣчаетъ, такъ и вспыхнулъ весь Ракитинъ.

Понимаю, слишкомъ понимаю! воскликнулъ Фетюковичъ какъ-бы самъ сконфуженный и какъ-бы стремительно спѣша извиниться. — Вы, какъ и всякій другой, могли быть въ свою очередь заинтересованы знакомствомъ молодой и красивой женщины, охотно принимавшей къ себѣ въ гостиной молодежи. Но... я хотѣлъ лишь освѣдомиться: намъ извѣстно, что Свѣтлова, мѣсяца два назадъ, чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ Карамазовымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, и только зато, чтобы вы привели его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ, монастырскомъ костюмѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять рублей, только что вы его къ ней приведете. Это, какъ и извѣстно, состоялось именно въ вечеръ того дня который закончился трагическою катастрофой, послужившею основаніемъ настоящему дѣлу. Вы привели Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой и получили вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ Свѣтловой, вотъ что я желалъ-бы отъ васъ услышать?

— Это была шутка... Я не вижу почему васъ это можетъ интересовать. Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать...

— Стало быть, взялъ. Но вѣдь не отдали-же и до сихъ поръ... или отдали?

Это пустое... бормоталъ Ракитинъ, — я не могу на этакіе вопросы отвѣчать... Я, конечно, отдамъ.

Вступился предсѣдатель, но защитникъ возвѣстилъ, что онъ свои вопросы господину Ракитину кончилъ. Господинъ Ракитинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаленный. Впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было-таки испорчено, и Өетюковичъ, провожая его глазами, какъ-бы говорилъ, указывая публикѣ: вотъ, дескать, каковы ваши благородные обвинители! Помню, не прошло и тутъ безъ эпизода со стороны Мити: взбѣшенный тономъ съ какимъ Ракитинъ выразился о Грушенькѣ, онъ вдругъ закричалъ со своего мѣста: Бернаръ! Когда-же предсѣдатель, по окончаніи всего опроса Ракитина, обратился къ подсудимому: не желаетъ-ли онъ чего замѣтить со своей стороны, то Митя зычно крикнулъ:

— Онъ у меня уже у подсудимаго деньги таскалъ взаймы! Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣруетъ, пресвященнаго надулъ!

Митю, конечно, опять образумили за неистовство выраженій, но господинъ Ракитинъ былъ докончилъ. Не повезло и свидѣтельству штабсъ-капитана Сибирева, но уже совсѣмъ отъ другой причины. Онъ предсталъ весь изорванный, въ грязной одеждѣ, въ грязныхъ сапогахъ, и не смотря на всѣ предосторожности и предварительную экспертизу, вдругъ оказался совсѣмъ пьянешенькимъ. На вопросы объ обидѣ нанесенной ему Митей вдругъ отказался отвѣчать.

— Богъ съ ними-съ. Илюшечка не велѣлъ. Мнѣ Богъ тамъ заплатитъ-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы упоминаете?

— Илюшечка, сыночекъ мой: Папочка, папочка, какъ онъ тебя унизилъ! У камушка произнесъ. Теперь помираетъ-съ...

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ размаху бухнулся въ ноги предсѣдателю. Его поскорѣе вывели, при смѣхѣ публики. Подготовленное прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось вовсе.

Защитникъ-же продолжалъ пользоваться всѣми средствами и все болѣе и болѣе удивлять своимъ ознакомленіемъ съ дѣломъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, показаніе Трифона Борисовича произвело было весьма сильное впечатлѣніе и хотя, конечно, было чрезвычайно неблагопріятно для Мити. Онъ именно, чуть не по пальцамъ, высчиталъ, что Митя, въ первый пріѣздъ

свои въ Мокрое, за мѣсяцъ почти предъ катастрофой, не могъ истратить менѣе трехъ тысячъ или развѣ безъ самаго только малаго. На одинъ этихъ цыганокъ сколько раскидано! Нашимъ-то, нашимъ-то вшивымъ мужикамъ не то что полтиною по улицѣ кидали, а по меньшей мѣрѣ двадцатипяти-рублевыми бумажками дарили, меньше не давали. А сколько у нихъ тогда просто украли-съ! Вѣдь кто украдетъ, тотъ руки своей не оставитъ, гдѣ-же его понимать, вора-то-съ, когда сами зря разбрасывали! Вѣдь у насъ народъ разбойникъ, душу свою не хранятъ. А дѣвкамъ-то, дѣвкамъ-то нашимъ деревенскимъ что пошло! Разбогатѣли у насъ съ тои поры, вотъ что-съ, прежде бѣдность была. Словомъ, онъ припомнилъ всякую издержку и вывелъ все точно на счетахъ. Такимъ образомъ предположеніе о томъ, что истрачены были лишь полторы тысячи, а другія отложены въ ладонку, становилось немыслимымъ. Самъ видѣлъ, въ рукахъ у нихъ видѣлъ три тысячи какъ одну копѣечку. Глазами созерцалъ, ужь намъ-ли счету не понимать-съ! восклицалъ Трифонъ Борисовичъ, изо всѣхъ силъ желая угодить начальству. Но когда опросъ перешелъ къ защитнику, тотъ, почти и не пробуя опровергать показаніе, вдругъ завелъ рѣчь о томъ, что ямщикъ Тимофей и другой мужикъ Акимъ подняли въ Мокромъ, въ этотъ первый кутежъ, еще за мѣсяцъ до ареста, сто рублей въ сѣняхъ на полу, оброненные Митей въ хмѣльномъ видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ далъ имъ за это по рублю. «Ну, такъ возвратили вы тогда эти сто рублей господину Карамазову или нѣтъ?» Трифонъ Борисовичъ какъ ни вилялъ, но послѣ допроса мужиковъ въ нашедшей сторублевой сознался, прибавивъ только, что Дмитрію Ѳедоровичу тогда-же свято все возвратилъ и вручилъ по самой честности, и что вотъ только они сами будучи въ то время совсѣмъ пьяными-съ вряди-ли это могутъ припомнить. Но такъ какъ онъ вскорѣ до призыва свидѣтелей-мужиковъ въ находкѣ ста рублей отрекался, то и показаніе его о возвратѣ суммы хмѣльному Митѣ естественно подверглось большому сомнѣнію. Такимъ образомъ одинъ изъ опаснѣйшихъ свидѣтелей, выставленныхъ прокуратурой, унесъ опять такое заподозрѣннымъ и въ репутаціи своей сильно ослабленнымъ. Тоже приключилось и съ поляками: тѣ явились горды и независимо. Громко засвидѣтельствовали, что, во первыхъ, оба служили корнетъ и что панъ Митя предлагалъ имъ три тысячи, чтобы купить ихъ честь, и что они сами видѣли большія деньги въ рукахъ его. Панъ Мусяловичъ вставлялъ страшно много польскихъ словъ въ свои фразы и видя, что это только возвышаетъ его въ глазахъ предсѣдателя и прокурора, возвысилъ, наконецъ, свой духъ окончательно и сталъ уже

совѣмъ говорить по польски. Но Фетюковичъ поймалъ и ихъ въ свои тенета: какъ ни вилялъ позванный опять Трифонъ Борисовичъ, а все-таки долженъ былъ сознаться, что его колода картъ была подмѣнена паномъ Врублевскимъ своею, а что панъ Мусяловичъ, мечая банкъ, передернулъ карту. Это уже подтвердилъ Калгановъ, давая въ свою очередь показаніе, и оба пана удалились съ нѣкоторымъ срамомъ, даже при смѣхѣ публики.

Затѣмъ точно такъ произошло почти со всѣми наиболѣе опасными свидѣтелями. Каждаго-то изъ нихъ съумѣлъ Фетюковичъ нравственно размарать и отпустить съ нѣкоторымъ носомъ. Любители и юристы только любовались и лишь недоумѣвали опять таки къ чему такому большому и окончательному все это могло-бы послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимость обвиненія, все болѣе и трагичнѣе нараставшаго. Но по увѣренности великаго мага видѣли, что онъ былъ спокоенъ, и ждали: не даромъ-же пріѣхалъ изъ Петербурга «таковъ человѣкъ», не таковъ и человѣкъ, чтобы ни съ чѣмъ назадъ воротиться.

III.

Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла подсудимому. Да и самъ Фетюковичъ, кажется, не очень на нее разсчитывалъ, что̀ и оказалось впослѣдствіи. Въ основаніи своемъ она произошла единственно по настоянію Катерины Ивановны, вызвавшей нарочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита, конечно, ничего не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ могла что нибудь и выиграть. Впрочемъ, отчасти вышло даже какъ-бы нѣчто комическое, именно по нѣкоторому разногласію докторовъ. Экспертами явились — пріѣхавшій знаменитый докторъ, затѣмъ нашъ докторъ Герценштубе и, наконецъ, молодой врачъ Варвинскій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто свидѣтели вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ качествѣ эксперта докторъ Герценштубе. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, сѣдой и плѣшивый, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Его всѣ у насъ въ городѣ очень любили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый, какой-то гернгутеръ или Моравскій братъ — ужь не знаю навѣрно. Жилъ у насъ уже очень давно и держалъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ,

лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставлялъ деньги на лекарство, но притомъ былъ и упрямъ какъ мулъ. Сбить его съ его идеи, если она засѣла у него въ головѣ, было невозможно. Кстати, уже всѣмъ почти было извѣстно въ городѣ, что пріѣзжій знаменитый врачъ въ какіе нибудь два — три дня своего у насъ пребыванія позволилъ себѣ нѣсколько чрезвычайно обидныхъ отзывовъ на счетъ дарованій доктора Герценштубе. Дѣло въ томъ, что хоть московскій врачъ и бралъ за визиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все-же нѣкоторые въ нашемъ городѣ обрадовались случаю его пріѣзда, не пожалѣли денегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ больныхъ лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ знаменитый врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ его лѣченіе. Подъ конецъ даже, являясь къ больному, прямо спрашивалъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!» Докторъ Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три врача появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герценштубе прямо заявилъ, что «ненормальность умственныхъ способностей подсудимаго усматривается сама собой». Затѣмъ, представивъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ прибавилъ, что ненормальность эта усматривается, главное, не только изъ прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ сію даже минуту, и когда его попросили объяснить въ чемъ-же усматривается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со всею прямотой своего простодушія указалъ на то, что подсудимый, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по обстоятельствамъ видъ, шагалъ впередъ какъ солдатъ и держалъ глаза впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣрнѣе было ему смотрѣть налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ большой любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много думать о томъ, что̀ теперь о немъ скажутъ дамы», заключилъ старичокъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что онъ говорилъ по русски много и охотно, но какъ-то у него каждая фраза выходила на нѣмецкій манеръ, что̀, впрочемъ, никогда не смущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою русскую рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у русскихъ», и даже очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя каждый разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія изо всѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разговорѣ, отъ разсѣянности-ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то у него изъ ума выскакивали. Тоже самое, впрочемъ, бывало, когда онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ

рукой предъ лицомъ своимъ. какъ-бы ища ухватить потерянное словечко, и ужъ никто не могъ-бы принудить его продолжать начатую рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова. Замѣчаніе его на счетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ былъ-бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шепотъ въ публикѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали тоже, что онъ, холостой всю жизнь человѣкъ, благочестивый и цѣломудренный, на женщинъ смотрѣлъ какъ на высшія и идеальныя существа. А потому неожиданное замѣчаніе его всѣмъ показалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь, рѣзко и настойчиво подтвердилъ, что считаетъ умственное состояніе подсудимаго за ненормальное, даже въ высшей степени. Онъ много и умно говорилъ про аффектъ и манію и выводилъ, что по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ своимъ арестомъ, за нѣсколько еще дней, находился въ несомнѣнномъ болѣзненномъ аффектѣ. И если совершилъ преступленіе, то хотя и сознавая его, но почти невольно, совсѣмъ не имѣя силъ бороться съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ, имъ овладѣвшимъ. Но кромѣ аффекта, докторъ усматривалъ и манію, что̀ уже пророчило впередъ, по его словамъ, прямую дорогу къ совершенному уже помѣшательству. (NB. Я передаю своими словами, докторъ-же изъяснялся очень ученымъ и спеціальнымъ языкомъ). Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыслу и логикѣ, продолжалъ онъ, — Уже не говорю о томъ чего не видалъ, то есть о самомъ преступленіи и всемъ этомъ катастрофѣ, но даже третьяго дня, во время разговора со мной, у него былъ необъяснимый неподвижный взглядъ. Неосмысленный смѣхъ когда вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе, странныя слова: Варвара, зонка и другія, которыхъ не надо. Но особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ, что подсудимый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячахъ рублей, въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого-то необычайнаго раздраженія, тогда какъ обо всѣхъ другихъ неудачахъ и обидахъ своихъ говоритъ и вспоминаетъ довольно легко. Наконецъ, по справкамъ, онъ точно такое и прежде, всякій разъ когда касалось этихъ трехъ тысячъ, приходилъ въ какое-то почти изступленіе, а между тѣмъ свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ безкорыстенъ и нестяжателенъ. На счетъ-же мнѣнія ученаго собрата моего, іронически присовокупилъ московскій докторъ, заканчивая свою рѣчь, что подсудимый, входя въ залу, долженъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою, скажу лишь то, что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, оно сверхъ того и радикально ошибочно: ибо, хотя я вполнѣ соглашаюсь, что подсудимый,

входя въ залу суда, въ которой рѣшается его участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть предъ собой и что это дѣйствительно могло-бы считаться признакомъ его ненормальнаго душевнаго состоянія въ данную минуту. Но въ тоже время я утверждаю, что онъ долженъ былъ смотрѣть не налѣво на даму, а напротивъ, именно направо, на глаза своего защитника, въ помощи котораго вся его надежда и отъ защиты котораго зависитъ теперь вся его участь. Мнѣніе свое докторъ выразилъ рѣшительно и настоятельно. Но особенный комизмъ разногласію обоихъ ученыхъ экспертовъ придалъ неожиданный выводъ врача Варвинскаго, спрошеннаго послѣ всѣхъ. На его взглядъ, подсудимый, какъ теперь, такъ и прежде, находился въ совершенно нормальномъ состояніи, и хотя дѣйствительно онъ долженъ былъ предъ арестомъ находиться въ положеніи нервномъ и чрезвычайно возбужденномъ, но это могло происходить отъ многихъ самыхъ очевидныхъ причинъ: отъ ревности, гнѣва, безпрерывно пьянаго состоянія и проч. Но это нервное состояніе не могло заключать въ себѣ никакого особеннаго аффекта, о которомъ сейчасъ говорилось. Что-же до того, налѣво или направо долженъ былъ смотрѣть подсудимый входя въ залу, то, по его скромному мнѣнію, подсудимый именно долженъ былъ, входя въ залу, смотрѣть прямо предъ собой, какъ и смотрѣлъ въ самомъ дѣлѣ, ибо прямо предъ нимъ сидѣли предсѣдатель и члены суда, отъ которыхъ зависитъ теперь вся его участь. Такъ что, смотря прямо предъ собой, онъ именно тѣмъ самымъ и доказалъ совершенно нормальное состояніе своего ума въ данную минуту. Съ нѣкоторымъ жаромъ заключилъ молодой врачъ свое скромное показаніе.

— Браво, лѣкарь! крикнулъ Митя со своего мѣста, — именно такъ!

Митю, конечно, остановили, но мнѣніе молодаго врача имѣло самое рѣшительное дѣйствіе какъ на судъ, такъ и на публику, ибо, какъ оказалось потомъ, всѣ съ нимъ согласились. Впрочемъ, докторъ Герценштубе, спрошенный уже какъ свидѣтель, совершенно неожиданно вдругъ послужилъ въ пользу Мити. Какъ старожилъ города, издавна знающій семейство Карамазовыхъ, онъ далъ нѣсколько показаній весьма интересныхъ для обвиненія, и вдругъ, какъ-бы что-то сообразивъ, присовокупилъ:

— И, однако, бѣдный молодой человѣкъ могъ получить безъ сравненія лучшую участь, ибо былъ хорошаго сердца и въ дѣтствѣ и послѣ дѣтства, ибо я знаю это. Но русская пословица говоритъ: «если есть у кого одинъ умъ, то это хорошо, а если придетъ въ гости еще умный человѣкъ, то будетъ еще лучше, ибо тогда будетъ два ума, а не одинъ только ...

— Умъ хорошо, а два—лучше, въ нетерпѣніи подсказалъ прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимымъ впечатлѣніемъ и тѣмъ, что заставляетъ себя ждать, а, напротивъ, еще весьма цѣня свое тугое, картофельное и всегда радостно-самодовольное нѣмецкое остроуміе. Старичокъ-же любилъ острить.

— О, д-да, и я тоже говорю, упрямо подхватилъ онъ:—одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему другой съ умомъ не пришелъ, а онъ и свой пустилъ... Какъ это, куда онъ его пустилъ? Это слово куда онъ пустилъ свой умъ, я забылъ,—продолжалъ онъ вертя рукой предъ своими глазами, ахъ да, шпациренъ.

— Гулять?

— Ну да, гулять, и я тоже говорю. Вотъ умъ его и пошелъ прогуливаться и пришелъ въ такое глубокое мѣсто, въ которомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ, это былъ благодарный и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ и съ панталончиками на одной пуговкѣ...

Какая-то чувствительная и проникновенная нотка послышалась вдругъ въ голосѣ честнаго старичка. Ѳетюковичъ такъ и вздрогнулъ, какъ-бы что-то предчувствуя, и мигомъ привязался.

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человѣкъ... Мнѣ... ну да, мнѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ, а я только-что сюда пріѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль мальчика, и я спросилъ себя: почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фунтъ? Я забылъ, какъ это называется... фунтъ того что̀ дѣти очень любятъ, какъ это, ну, какъ это...—замахалъ опять докторъ руками,—это на деревѣ ростетъ, и его собираютъ и всѣмъ дарятъ...

— Яблоки?

— О, н-нѣ-ѣ-ѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ, а не фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькіе, кладутъ въ ротъ и кр-р-рахъ!..

— Орѣхи?

— Ну да, орѣхи, и я тоже говорю, самымъ спокойнымъ образомъ, какъ-бы вовсе и не искалъ слова, подтвердилъ докторъ,—и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо мальчику никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я поднялъ мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, онъ засмѣялся и говоритъ: Gott der Vater.—Gott der Sohn. Онъ еще засмѣялся и лепеталъ: Gott der Sohn.—Gott der heilige Geist. Тогда онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ: Gott der heilige Geist. А я ушелъ. На третій день иду мимо, а онъ кричитъ мнѣ самъ: Дядя, Gott der

Vater, Gott der Sohn, и только забылъ Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ опять стало очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его. И вотъ прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist! Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ васъ благодарить за фунтъ орѣховъ: ибо мнѣ никто никогда не покупалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ фунтъ орѣховъ . И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ, и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ. И я обнялъ его и благословилъ. И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо русскій весьма часто смѣется тамъ гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!..

— И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человѣкъ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

Какъ-бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ публикѣ нѣкоторое благопріятное впечатлѣніе. Но главный эффектъ въ пользу Мити произведенъ былъ показаніемъ Катерины Ивановны, о которомъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начались свидѣтели à decharge, то есть вызванные защитникомъ, то судьба какъ-бы вдругъ и даже серіозно улыбнулась Митѣ и что̀ всего замѣчательнѣе — неожиданно даже для самой защиты. Но еще прежде Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который вдругъ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ будто положительнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго пункта обвиненія.

IV.

Счастье улыбается Митѣ.

Случилось это вовсе нечаянно даже для самаго Алеши. Онъ вызванъ былъ безъ присяги, и я помню, что къ нему всѣ стороны отнеслись съ самыхъ первыхъ словъ допроса чрезвычайно мягко и симпатично. Видно было, что ему предшествовала добрая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, но въ показаніяхъ его явно прорывалась горячая симпатія къ несчастному брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характеръ брата какъ человѣка, мо-

жетъ быть, и нечестнаго и увлеченнаго страстями. но тоже и благороднаго. гордаго и великодушнаго, готоваго даже на жертву. если-бъ отъ него потребовали. Сознавался, впрочемъ. что братъ былъ въ послѣдніе дни, изъ-за страсти къ Грушенькѣ. изъ-за соперничества съ отцомъ, въ положеніи невыносимомъ. Но онъ съ негодованіемъ отвергъ даже предположеніе о томъ, что братъ могъ убить съ цѣлью грабежа. хотя и сознался, что эти три тысячи обратились въ умѣ Мити въ какую-то почти манію. что онъ считалъ ихъ за недоданное ему. обманомъ отца, наслѣдство, и что. будучи вовсе не корыстолюбивымъ. даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тысячахъ безъ negодованія и бѣшенства. Про соперничество-же двухъ особъ . какъ выразился прокуроръ. то есть Грушеньки и Кати, отвѣчалъ уклончиво и даже на одинъ или два вопроса совсѣмъ не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ-ли вамъ, по крайней мѣрѣ, братъ вашъ, что намѣренъ убить своего отца? спросилъ прокуроръ Вы можете не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ,—отвѣтилъ Алеша.

— Какъ-же? Косвенно?

- Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ отцу и что боится, что... въ крайнюю минуту... въ минуту омерзѣнія... можетъ быть, и могъ-бы убить его.

— И вы услышавъ повѣрили тому?

— Боюсь сказать, что повѣрилъ. Но я всегда былъ убѣжденъ. что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ роковую минуту, какъ и спасло въ самомъ дѣлѣ, потому что *не онъ* убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу. Прокуроръ вздрогнулъ какъ боевой конь заслышавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены. что я совершенно вѣрю самой полной искренности убѣжденія вашего. не обусловливая и не ассимилируя его нисколько съ любовью къ вашему несчастному брату. Своеобразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ. разыгравшійся въ вашемъ семействѣ. уже извѣстенъ намъ по предварительному слѣдствію. Не скрою отъ васъ, что онъ въ высшей степени особливъ и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ показаніямъ, полученнымъ прокуратурою. А потому и нахожу нужнымъ спросить васъ уже съ настойчивостью: какія именно данныя руководили мысль вашу и направили ее на окончательное убѣжденіе въ невиновности брата вашего. и, напротивъ. въ виновности другаго лица. на котораго вы уже указали прямо на предварительномъ слѣдствіи?

— На предварительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на вопросы.

тихо и спокойно проговорилъ Алеша,—а не шелъ самъ съ обвиненіемъ на Смердякова.

— И все-же на него указали?

— Я указалъ со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до допроса разсказали о томъ что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ показалъ тогда на Смердякова. Я вѣрю вполнѣ, что братъ невиновенъ. А если убилъ не онъ, то...

— То Смердяковъ? Почему-же именно Смердяковъ? И почему именно вы такъ окончательно убѣдились въ невиновности вашего брата?

— Я не могъ не повѣрить брату. Я знаю, что онъ мнѣ не солжетъ. Я по лицу его видѣлъ, что онъ мнѣ не лжетъ.

— Только по лицу? Въ этомъ всѣ ваши доказательства?

— Болѣе не имѣю доказательствъ.

— И о виновности Смердякова тоже не основываетесь ни на маломъ иномъ доказательствѣ кромѣ лишь словъ вашего брата и выраженія лица его?

— Да, не имѣю иного доказательства.

На этомъ прокуроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши произвели было на публику самое разочаровывающее впечатлѣніе. О Смердяковѣ у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-то что-то слышалъ, кто-то на что-то указывалъ, говорили про Алешу, что онъ имѣетъ какія-то чрезвычайныя доказательства въ пользу брата и въ виновности лакея, и вотъ — ничего, никакихъ доказательствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣжденій, столь естественныхъ въ его качествѣ роднаго брата подсудимаго.

Но началъ спрашивать и Фетюковичъ. На вопросъ о томъ: когда именно подсудимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей ненависти къ отцу и о томъ, что онъ могъ-бы убить его, и что слышалъ-ли онъ это отъ него, напримѣръ, при послѣднемъ свиданіи предъ катастрофой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ-бы вздрогнулъ, какъ-бы нѣчто, только теперь, припомнивъ и сообразивъ:

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о которомъ я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было мнѣ такъ не ясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченіемъ, видимо самъ только что теперь внезапно попавъ на идею, припомнилъ какъ въ послѣднемъ свиданіи съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дорогѣ къ монастырю, Митя, ударяя себя въ грудь, въ верхнюю часть груди, нѣсколько разъ повторилъ ему, что у него есть средство возстановить свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ, на его груди... Я подумалъ тогда, что онъ, ударяя себя въ грудь, говорилъ о своемъ сердцѣ, про-

должалъ Алеша, — о томъ что въ сердцѣ своемъ могъ-бы отыскать силы, чтобы выйдти изъ одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ ему и о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Признаюсь, я именно подумалъ тогда, что онъ говоритъ объ отцѣ и что онъ содрогается какъ отъ позора при мысли пойдти къ отцу и совершить съ нимъ какое нибудь насиліе, а между тѣмъ онъ именно тогда какъ-бы на что-то указывалъ на своей груди, такъ что, помню, у меня мелькнула именно тогда-же какая-то мысль, что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а ниже, а онъ ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ ниже шеи, и все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ показалась тогда глупою, а онъ именно, можетъ быть, тогда указывалъ на эту ладонку, въ которой зашиты были эти полторы тысячи!..»

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста. Это такъ, Алеша, такъ, я тогда объ нее стучалъ кулакомъ!

Өетюковичъ бросился къ нему виноватъ, умоляя успокоиться, и въ тотъ-же мигъ такъ и вцѣпился въ Алешу. Алеша, самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо высказалъ свое предположеніе, что позоръ этотъ вѣроятнѣе всего состоялъ именно въ томъ, что, имѣя на себѣ эти тысячу пятьсотъ рублей, которые-бы могъ возвратить Катеринѣ Ивановнѣ, какъ половину своего ей долга, онъ все-таки рѣшилъ не отдать ей этой половины и употребить на другое, то есть на увозъ Грушеньки, если-бъ она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во внезапномъ возбужденіи Алеша, — брать именно восклицалъ мнѣ тогда, что половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ выговорилъ: *половину!*), онъ могъ-бы сейчасъ снять съ себя, но что до того несчастенъ слабостью своего характера, что этого не сдѣлаетъ... знаетъ заранѣе, что этого не можетъ и не въ силахъ сдѣлать!

— И вы твердо, ясно помните, что онъ ударялъ себя именно въ это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Өетюковичъ.

— Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда: зачѣмъ это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и мнѣ тогда-же показалась моя мысль глупою... я это помню, что показалась глупою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ теперь и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ этихъ поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ какъ на то, что у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы тысячи! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ, — я это знаю, мнѣ передавали, — что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ всей своей жизни, что, имѣя средства отдать половину (именно половину!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не воромъ, онъ все-таки не рѣ-

нился отдать и лучше захотѣлъ остаться въ ея глазахъ воромъ чѣмъ разстаться съ деньгами! А какъ онъ мучился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончилъ, восклицая, Алеша.

Разумѣется, ввязался и прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу еще разъ описать какъ это все было, и нѣсколько разъ настаивалъ, спрашивая: точно-ли подсудимый, бія себя въ грудь, какъ-бы на что-то указывалъ? Можетъ быть, просто билъ себя кулакомъ по груди?

— Да и не кулакомъ! восклицалъ Алеша, — а именно указывалъ пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я могъ это такъ совсѣмъ забыть до самой этой минуты!

Предсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что можетъ онъ сказать на счетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ, что именно все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои полторы тысячи, бывшія у него на груди, сейчасъ пониже шеи, и что, конечно, это былъ позоръ, — позоръ, отъ котораго не отрекаюсь, позорнѣйшій актъ во всей моей жизни! вскричалъ Митя. Я могъ отдать и не отдалъ. Захотѣлъ лучше остаться въ ея глазахъ воромъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ былъ въ томъ, что и впередъ зналъ, что не отдамъ! Правъ, Алеша! Спасибо, Алеша!

Тѣмъ кончился допросъ Алеши. Важно и характерно было именно то обстоятельство, что отыскался хоть одинъ лишь фактъ, хоть одно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти только намекъ на доказательство, но которое все-же хоть капельку свидѣтельствовало, что дѣйствительно существовала эта ладонка, что были въ ней полторы тысячи, и что подсудимый не лгалъ на предварительномъ слѣдствіи, когда въ Мокромъ объявилъ, что эти полторы тысячи были мои. Алеша былъ радъ; весь раскраснѣвшись, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣсто. Онъ долго еще повторялъ про себя: Какъ это я забылъ? Какъ могъ я это забыть! И какъ это такъ вдругъ только теперь припомнилось!»

Начался допросъ Катерины Ивановны. Только что она появилась, въ залѣ произошло нѣчто необыкновенное. Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились, иные вставали съ мѣстъ, чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждали потомъ, что Митя вдругъ побѣлѣлъ какъ платокъ только что она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко приблизилась она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать по лицу ея, что она была взволнована, но рѣшимость сверкала въ ея темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо замѣтить, потомъ весьма многіе утверждали, что она была удивительно хороша собой въ ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу. Выражалась чрезвычайно спокойно или, по крайней мѣрѣ, усиливаясь быть спокойною. Предсѣдатель началъ

вопросы свои осторожно, чрезвычайно почтительно, какъ-бы боясь коснуться «иныхъ струнъ» и уважая великое несчастіе. Но Катерина Ивановна сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявила на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ, что она была помолвленною невѣстой подсудимаго «до тѣхъ поръ, пока онъ самъ меня не оставилъ»... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ тысячахъ, ввѣренныхъ Митѣ для отсылки на почту ея родственникамъ, она твердо проговорила: «Я дала ему не прямо на почту: я тогда предчувствовала, что ему очень нужны деньги... въ ту минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ, чтобъ онъ отославъ ихъ, если хочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно онъ такъ потомъ себя мучилъ изъ-за этого долга»...

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ ея отвѣтовъ, я только передаю существенный смыслъ ея показаній.

«Я твердо была увѣрена, что онъ всегда успѣетъ переслать эти три тысячи, только что получитъ отъ отца, продолжала она, отвѣчая на вопросы. «Я всегда была увѣрена въ его безкорыстіи и въ его честности... высокой честности... въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что получитъ отъ отца три тысячи рублей и нѣсколько разъ мнѣ говорилъ про это. Я знала, что у него съ отцомъ распря, и всегда была и до сихъ поръ тоже увѣрена, что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я не помню никакихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не говорилъ, никакихъ угрозъ. Если-бъ онъ пришелъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила-бы его тревогу изъ-за должныхъ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ не приходилъ ко мнѣ болѣе... а я сама... я была поставлена въ такое положеніе... что не могла его звать къ себѣ... да я и никакого права не имѣла быть къ нему требовательною за этотъ долгъ, — прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло въ ея голосѣ, — я сама однажды получила отъ него денежное одолженіе еще большее чѣмъ въ три тысячи, и приняла его не смотря на то, что и предвидѣть еще тогда не могла, что хоть когда нибудь въ состояніи буду заплатить ему долгъ мой...

Въ тонѣ голоса ея какъ-бы почувствовался какой-то вызовъ. Именно въ эту минуту вопросы перешли къ Фетюковичу.

— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства? осторожно подхода подхватилъ Фетюковичъ, въ мигъ запредчувствовавъ нѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ, что онъ, не смотря на то что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и самою Катериною Ивановной, все-таки не зналъ ничего объ эпизодѣ о пяти тысячахъ данныхъ ей Митей еще въ томъ городѣ и о «земномъ поклонѣ». Она этого не сказала ему и скрыла! И это было удиви-

тельно. Можно съ увѣренностію предположить, что она сама, до самой послѣдней минуты, не знала: разскажетъ она этотъ эпизодъ на судѣ или нѣтъ, и ждала какого-то вдохновенія).

— Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она начала разсказывать, она *все* разсказала, весь этотъ эпизодъ, повѣданный Митей Алешѣ, и «земной поклонъ», и причины, и про отца своего, и появленіе свое у Мити, и ни словомъ, ни единымъ намекомъ не упомянула о томъ, что Митя, чрезъ сестру ея, самъ предложилъ «прислать къ нему Катерину Ивановну за деньгами». Это она великодушно утаила и не устыдилась выставить наружу, что это она, она сама, прибѣжала тогда къ молодому офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-то... чтобы выпросить у него денегъ. Это было нѣчто потрясающее. Я холодѣлъ и дрожалъ, слушая, зала замерла, ловя каждое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже и отъ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ она, почти невозможно было ожидать такого высоко-откровеннаго показанія, такой жертвы, такого самозаклапія. И для чего, для кого? Чтобы спасти своего извѣчника и обидчика, чтобы послужить хоть чѣмъ нибудь, хоть малымъ, къ спасенію его, произведя въ его пользу хорошее впечатлѣніе! И въ самомъ дѣлѣ: образъ офицера отдающаго свои послѣднія пять тысячъ рублей,— все что у него оставалось въ жизни,- и почтительно преклонившагося предъ невинною дѣвушкой, выставился весьма симпатично и привлекательно, но... у меня больно сжалось сердце! Я почувствовалъ, что можетъ выйдти потомъ (да и вышла потомъ, вышла!) клевета! Съ злобнымъ смѣшкомъ говорили потомъ во всемъ городѣ, что разсказъ, можетъ быть, не совсѣмъ былъ точенъ, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ офицеръ отпустилъ отъ себя дѣвицу «будто-бы только съ почтительнымъ поклономъ». Намекали, что тутъ нѣчто «пропущено». Да если-бъ и не было пропущено, если-бъ и все правда была, говорили даже самыя почтенныя наши дамы,—то и тогда еще неизвѣстно: очень-ли благородно такъ поступить было дѣвушкѣ, даже хоть-бы спасая отца? И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея болѣзненною проницательностью, не предчувствовала заранѣе, что такъ заговорятъ? Непремѣнно предчувствовала, и вотъ рѣшилась-же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязненькія сомнѣнія въ правдѣ разсказа начались лишь потомъ, а въ первую минуту все и всѣ были потрясены. Что-же до членовъ суда, то Катерину Ивановну выслушали въ благоговѣйномъ, такъ сказать, даже стыдливомъ молчаніи. Прокуроръ не позволилъ себѣ ни единаго дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Фетюковичъ глубоко поклонился ей. О, онъ почти торжествовалъ. Многое было пріобрѣ-

тено: человѣкъ отдающій, въ благородномъ порывѣ, послѣднія пять тысячъ, и потомъ тотъ-же человѣкъ убивающій отца ночью съ цѣлью ограбить его на три тысячи, это было нѣчто отчасти и несвязуемое. Но крайней мѣрѣ, хоть грабежъ-то могъ теперь устранить Фетюковичъ. Дѣло вдругъ обвилось какимъ-то новымъ свѣтомъ. Что-то симпатичное пронеслось въ пользу Мити. Онъ-же... про него разсказывали, что онъ разъ или два во время показанія Катерины Ивановны вскочилъ было съ мѣста, потомъ упалъ опять на скамью и закрылъ обѣими ладонями лицо. Но когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ воскликнулъ, простирая къ ней руки:

— Катя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ, мигомъ сдержалъ себя и опять прокричалъ:

— Теперь я приговоренъ!

А затѣмъ какъ-бы закоченѣлъ на мѣстѣ, стиснувъ зубы и сжавъ крестомъ на груди руки. Катерина Ивановна осталась въ залѣ и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла потупившись. Разсказывали бывшіе близъ нея, что она долго вся дрожала какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.

Я подхожу близко къ той катастрофѣ, которая, разразившись внезапно, дѣйствительно, можетъ быть, погубила Митю. Ибо я увѣренъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы послѣ такъ говорили, что не явись этого эпизода, преступнику, по крайней мѣрѣ, дали-бы снисхожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о Грушенькѣ.

Она явилась въ залу тоже вся одѣтая въ черное, въ своей прекрасной черной шали на плечахъ. Плавно, своею несравненною походкой, съ маленькою раскачкой, какъ ходятъ иногда полныя женщины, приблизилась она къ балюстрадѣ, пристально смотря на предсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налѣво. По моему, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе не блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже, что у ней было какое-то сосредоточенное и злое лицо. Я думаю только, что она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презрительно-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей публики. Это былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ такихъ, которые, чуть лишь заподозрятъ отъ кого презрѣніе—тотчасъ воспламеняются гнѣвомъ и жаждой отпора. При этомъ была, конечно, и робость, и внутренній стыдъ за эту робость, такъ что не мудрено, что разговоръ ея былъ неровенъ,—то гнѣвливъ, то презрителенъ и усиленно грубъ, то вдругъ звучала искренняя сердечная нотка само-

осужденія, самообвиненія. Иногда-же говорила такъ, какъ будто летѣла въ какую-то пропасть: «все-де равно, что-бы ни вышло, а я, все-таки, скажу»... На счетъ знакомства своего съ Ѳедоромъ Павловичемъ она рѣзко замѣтила: «Все пустяки, развѣ я виновата, что онъ ко мнѣ привязался? А потомъ черезъ минуту прибавила: «Я во всемъ виновата, я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ, и надъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ-за меня все произошло». Какъ-то коснулось дѣло до Самсонова: «Какое кому дѣло,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ-же огрызнулась она, онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босоногую взялъ, когда меня родные изъ избы вышвырнули». Предсѣдатель, впрочемъ, весьма вѣжливо, напомнилъ ей, что надо отвѣчать прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности. Грушенька покраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видала, а только слыхала отъ злодѣя, что есть у Ѳедора Павловича какой-то пакетъ съ тремя тысячами. Только это все глупости, я смѣялась, и ни за что-бы туда не пошла»...

— Про кого вы сейчасъ упомянули какъ о злодѣѣ? освѣдомился прокуроръ.

— А про лакея, про Смердякова, что барина своего убилъ, а вчера повѣсился.

Конечно, ее мигомъ спросили: какія-же у ней основанія для такого рѣзкаго обвиненія, но основаній не оказалось тоже и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Ѳедоровичъ мнѣ самъ говорилъ, ему и вѣрьте. Разлучница его погубила, вотъ что, всему одна она причиной, вотъ что,—вся какъ будто содрогаясь отъ ненависти прибавила Грушенька и злобная нотка зазвенѣла въ ея голосѣ.

Освѣдомились на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Ивановну. Къ себѣ меня тогда звала, шоколадомъ подчивала, прельстить хотѣла. Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что...

Тутъ предсѣдатель уже строго остановилъ ее, прося умѣрить свои выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгорѣлось, она готова была полетѣть хоть въ бездну...

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припомнивая спросилъ прокуроръ, всѣ видѣли и слышали какъ вы, выбѣжавъ изъ другой комнаты, закричали: «Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ каторгу пойдемъ!» Стало быть, была уже и у васъ въ ту минуту увѣренность, что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила Грушенька,-

всѣ тогда закричали, что онъ отца убилъ, я и почувствовала, что это я виновата, и что изъ-за меня онъ убилъ. А какъ онъ сказалъ, что неповиненъ, я ему тотчасъ повѣрила, и теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить: не таковъ человѣкъ чтобы солгалъ.

Вопросы перешли къ Өетюковичу. Между прочимъ, я помню, онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать пять рублей за то что привелъ къ вамъ Алексѣя Ѳедоровича Карамазова.

— А что-жь удивительнаго, что онъ деньги взялъ, съ презрительною злобой усмѣхнулась Грушенька. онъ и все ко мнѣ приходилъ деньги канючить, рублей по тридцати. бывало, въ мѣсяцъ выберетъ, все больше на баловство: шить-бить ему было на что и безъ моего.

На какомъ-же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ракитину? подхватилъ Өетюковичъ, не смотря на то, что предсѣдатель сильно пошевелился.

Да вѣдь онъ-же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать съ его матерью родныя сестры. Онъ только все молилъ меня никому про то здѣсь не сказывать, стыдился меня ужь очень.

Этотъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью для всѣхъ. никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ городѣ, даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Разсказывали, что Ракитинъ побагровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Грушенька еще до входа въ залу какъ-то узнала, что онъ показалъ противъ Мити. а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь господина Ракитина. все благородство ея, всѣ выходки на крѣпостное право, на гражданское неустроиство Россіи,—все это уже окончательно на этотъ разъ было похерено и уничтожено въ общемъ мнѣніи. Өетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шапку послалъ. Вообще-же Грушеньку допрашивали не очень долго, да и не могла она, конечно, сообщить ничего особенно новаго. Оставила она въ публикѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Сотни презрительныхъ взглядовъ устремились на нее. когда она, кончивъ показаніе, усѣлась въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ивановны. Все время, пока ее спрашивали. Митя молчалъ, какъ-бы окаменѣвъ, опустивъ глаза въ землю.

Появился свидѣтелемъ Иванъ Ѳедоровичъ.

V.

Внезапная катастрофа.

Замѣчу, что его вызвали было еще до Алеши. Но судебный приставъ доложилъ тогда предсѣдателю, что, по внезапному нездоровью или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться сейчасъ, но только что справится, то когда угодно готовъ будетъ дать свое показаніе. Этого, впрочемъ, какъ-то никто не слыхалъ и узнали уже впослѣдствіи. Появленіе его въ первую минуту было почти не замѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ соперницы, были уже допрошены; любопытство было пока удовлетворено. Въ публикѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло еще выслушать нѣсколько свидѣтелей, которые, вѣроятно, ничего особеннаго не могли сообщить въ виду всего, что было уже сообщено. Время-же уходило. Иванъ Ѳедоровичъ приблизился какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и опустивъ даже голову, точно о чемъ-то пасмурно соображая. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, но лицо его на меня, по краней мѣрѣ, произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лицѣ что-то какъ-бы тронутое землей, что-то похожее на лицо помирающаго человѣка. Глаза были мутны: онъ поднялъ ихъ и медленно обвелъ ими залу. Алеша вдругъ вскочилъ было со своего стула и простоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто уловилъ.

Предсѣдатель началъ было съ того, что онъ свидѣтель безъ присяги, что онъ можетъ показывать или умолчать, но что, конечно, все показанное должно быть по совѣсти, и т. д., и т. д. Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него: но вдругъ лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и только что предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, кончилъ говорить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну и что-же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ-бы почувствовалось. Предсѣдатель забезпокоился.

— Вы... можетъ быть, еще не такъ здоровы? проговорилъ онъ было, ища глазами судебнаго пристава.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоровъ и могу вамъ кое-что разсказать любопытное, отвѣтилъ вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы имѣете предъявить какое нибудь особое сообщеніе? все еще съ недовѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

Иванъ Ѳедоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько секундъ и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ-бы запинаясь:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ какъ-то нехотя, какъ-то усиленно кратко. съ какимъ-то даже отвращеніемъ, все болѣе и болѣе наростающимъ. хотя, впрочемъ, отвѣчалъ все-таки толково. На многое отговорился незнаніемъ. Про счеты отца съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ ничего не зналъ. И не занимался этимъ , произнесъ онъ. Объ угрозахъ убить отца слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышалъ отъ Смердякова...

Все одно и тоже, прервалъ онъ вдругъ съ утомленнымъ видомъ:—я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства... началъ было предсѣдатель.

Онъ обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защитнику. приглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ. предложить вопросы. какъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ изнеможеннымъ голосомъ попросилъ:

Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую себя очень нездоровымъ.

И съ этимъ словомъ, не дождавшись позволенія, вдругъ самъ повернулся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя шага четыре, остановился какъ-бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся и воротился опять на прежнее мѣсто.

Я, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка... знаете, какъ это: Захочу вскочу, захочу нѣ вскочу. за ней ходятъ съ сарафаномъ, али съ панёвой. что-ли, чтобъ она вскочила, чтобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: Захочу—вскочу, захочу нѣ вскочу ... Это въ какой-то нашей народности...

— Что вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ предсѣдатель.

А вотъ, вынулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ пачку денегъ, вотъ деньги... тѣ самыя, которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ (онъ кивнулъ на столъ съ вещественными доказательствами) и изъ-за которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судебный приставъ, передайте.

Судебный приставъ взялъ всю пачку и передалъ предсѣдателю.

— Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ... если это тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ предсѣдатель.

— Получилъ отъ Смердякова, отъ убійцы, вчера... Былъ у него передъ тѣмъ какъ онъ повѣсился. Убилъ отца онъ. а не братъ. Онъ убилъ, а я его научилъ убить... Кто не желаетъ смерти отца?..

Вы въ умѣ- или нѣтъ? вырвалось невольно у предсѣдателя.

То-то и есть что въ умѣ... и въ подломъ умѣ, въ такомъ-же какъ и вы, какъ и всѣ эти... р-рожи! обернулся онъ вдругъ на публику. — Убили отца, а притворяются что испугались, — проскрежеталъ онъ съ яростнымъ презрѣніемъ. — Другъ предъ другомъ кривляются. Іуды! Всѣ желаютъ смерти отца. Одинъ гадъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства — всѣ-бы они разсердились и разошлись злые... Зрѣлищъ! Хлѣба и зрѣлищъ! Впрочемъ, вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ, дайте напиться, Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился. Алеша вдругъ вскочилъ и закричалъ: Онъ боленъ, не вѣрьте ему, онъ въ бѣлой горячкѣ! Катерина Ивановна стремительно встала со своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на Ивана Ѳедоровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искривленною улыбкой жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, я только убійца! началъ опять Иванъ. — Съ убійцы нельзя-же спрашивать краснорѣчія... прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засмѣялся.

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ предсѣдателю. Члены суда суетливо шептались между собою. Ѳетюковичъ весь навострилъ уши, прислушиваясь. Зала замерла въ ожиданіи. Предсѣдатель вдругъ какъ-бы опомнился.

— Свидѣтель, ваши слова непонятны и здѣсь невозможны. Успокойтесь, если можете, и разскажите... если вправду имѣете что сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе... если вы только не бредите?

— То-то и есть что не имѣю свидѣтелей. Собака Смердяковъ не пришлетъ съ того свѣта вамъ показаніе... въ пакетѣ. Вамъ-бы все пакетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣтелей... Кромѣ только развѣ одного, — задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по формѣ будетъ! Le diable n'existe point! Не обращайте вниманія, дрянной, мелкій чортъ, — прибавилъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться и какъ-бы конфиденціально: — онъ навѣрно здѣсь гдѣ нибудь, вотъ подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, гдѣ-жъ ему сидѣть какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: я ему сказалъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій переворотъ... глупости! Ну, освободите-же изверга... онъ гимнъ запѣлъ, это потому что ему легко! Все равно что пьяная каналья загорланитъ какъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ, а я за двѣ секунды радости отдалъ-бы квадриліонъ квадрильоновъ. Не знаете вы меня! О, какъ это все у васъ глупо!

Ну, берите-же меня вмѣсто него! Для чего-же нибудь я пригодился... Отчего, отчего это все что̀ ни есть такъ глупо?..

И онъ опять сталъ медленно и какъ-бы въ задумчивости оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша кинулся было къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже схватилъ Ивана Ѳедоровича за руку.

Это что̀ еще такое? вскричалъ тотъ, вглядываясь въ упоръ въ лицо пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно ударилъ объ полъ. Но стража уже подоспѣла, его схватили и тутъ онъ завопилъ нечеловѣческимъ воплемъ. И все время, пока его уносили, онъ вопилъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

Поднялась суматоха. Я не упомню всего въ порядкѣ, самъ былъ взволнованъ и не могъ усмѣдить. Знаю только, что потомъ, когда уже все успокоилось и всѣ поняли въ чемъ дѣло, судебному приставу таки досталось, хотя онъ и основательно объяснилъ начальству, что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ докторъ, когда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота, но что до входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что предвидѣть было ничего невозможно: что онъ самъ, напротивъ, настаивалъ и непремѣнно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ хоть сколько нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ-же вслѣдъ за этою сценой разразилась и другая: съ Катериной Ивановной сдѣлалась истерика. Она, громко взвизгивая, зарыдала, но не хотѣла уйдти, рвалась, молила, чтобъ ее не уводили и вдругъ закричала предсѣдателю:

— Я должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... немедленно!.. Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, скорѣе! Это письмо этого звѣря, вотъ этого, этого! она указывала на Митю. Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ, онъ мнѣ писалъ какъ онъ убьетъ отца! А тотъ больной, больной, тотъ въ бѣлой горячкѣ! Я уже три дня вижу, что онъ въ горячкѣ!

Такъ вскрикивала она внѣ себя. Судебный приставъ взялъ бумагу, которую она протягивала предсѣдателю, а она, упавъ на свой стулъ и закрывъ лицо, начала конвульсивно и беззвучно рыдать, вся сотрясаясь и подавляя малѣйшій стонъ въ боязни что ее выведутъ изъ залы. Бумага поданная ею была то самое письмо Мити изъ трактира «Столичный Городъ», которое Иванъ Ѳедоровичъ называлъ математической важности документомъ. Увы, за нимъ именно признали эту математичность, и, не будь этого письма, можетъ быть, и не погибъ-бы Митя, или, по крайней мѣрѣ, не погибъ-бы такъ ужасно! Повторяю, трудно было усмѣдить за подробностями. Мнѣ и теперь все это представляется въ такой суматохѣ.

„Должно быть, председатель тут-же сообщилъ новый „документъ суду, прокурору, защитнику, присяжнымъ. Я помню только какъ свидѣтельницу начали спрашивать. На вопросъ: успокоилась-ли она? мягко обращенный къ ней председателемъ, Катерина Ивановна стремительно воскликнула:

— Я готова, готова! Я совершенно въ состояніи вамъ отвѣчать. прибавила она. видимо все еще ужасно боясь, что ее почему нибудь не выслушаютъ. Ее попросили объяснить подробнѣе: какое это письмо и при какихъ обстоятельствахъ она его получила?

— Я получила его наканунѣ самаго преступленія. а писалъ онъ его еще за „день изъ трактира, стало быть, за „два „дня „до своего преступленія, — посмотрите, оно написано на какомъ-то счетѣ! — прокричала она задыхаясь. — Онъ меня тогда ненавидѣлъ, потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ за этою тварью... и потому еще, что долженъ былъ мнѣ эти три тысячи... О, ему было обидно за эти три тысячи изъ-за своей-же низости! Эти три тысячи вотъ какъ были — я васъ прошу, я васъ умоляю меня выслушать: еще за три недѣли до того какъ убить отца, онъ принесъ ко мнѣ утромъ. Я знала что ему надо „деньги и знала на что. Вотъ, вотъ именно на то чтобы соблазнить эту тварь и увезти съ собой. Я знала тогда. что ужъ онъ мнѣ измѣнилъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула тогда ему эти „деньги. сама предложила будто-бы для того чтобъ отослать моей сестрѣ въ Москвѣ, — и когда отдавала, то посмотрѣла ему въ лицо и сказала. что онъ можетъ когда хочетъ послать. хоть еще черезъ мѣсяцъ. Ну какъ-же, какъ-же-бы онъ не понялъ. что я въ глаза ему прямо говорила: тебѣ надо „денегъ для измѣны мнѣ съ твоею тварью, такъ вотъ тебѣ эти „деньги, я сама тебѣ ихъ „даю, возьми, если ты такъ безчестенъ что возьмешь! ... Я унизить его хотѣла, и что-же? Онъ взялъ. онъ ихъ взялъ и унесъ. и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ. въ одну ночь... Но онъ понялъ, онъ понялъ. что я все знаю. увѣряю васъ, что онъ тогда понялъ и то что я. отдавая ему „деньги. только пытаю его: будетъ-ли онъ такъ безчестенъ. что возьметъ отъ меня, или нѣтъ? Въ глаза ему глядѣла. и онъ мнѣ глядѣлъ въ глаза и все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и унесъ мои деньги!

— Правда. Катя! завопилъ вдругъ Митя. — въ глаза смотрѣлъ и понималъ, что безчестишь меня, и все-таки взялъ твои „деньги! Презирайте подлеца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ председатель, еще слово — я васъ велю вывесть.

— Эти „деньги его мучили, продолжала судорожно торопясь

Катя, — онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это правда, но ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ и убилъ отца, а денегъ все-таки мнѣ не отдалъ, а уѣхалъ съ ней въ ту деревню гдѣ его схватили. Тамъ онъ опять прокутилъ эти деньги, которыя укралъ у убитаго имъ отца. А за день до того какъ убилъ отца, и написалъ мнѣ это письмо, написалъ пьяный, я сейчасъ тогда увидѣла, написалъ изъ злобы и зная, наверно зная, что я никому не покажу этого письма, даже если-бъ онъ и убилъ. А то-бы онъ не написалъ. Онъ зналъ, что я не захочу ему мстить и его погубить! Но прочтите, прочтите внимательно, пожалуйста, внимательнѣе и вы увидите, что онъ въ письмѣ все описалъ, все заранѣе: какъ убьетъ отца и гдѣ у того деньги лежатъ. Посмотрите, пожалуйста, не пропустите, тамъ есть одна фраза: «убью, только-бы уѣхалъ Иванъ». Значитъ, онъ заранѣе ужъ обдумалъ какъ онъ убьетъ, — злорадно и ехидно подсказывала суду Катерина Ивановна. О, видно было, что она до тонкости вчиталась въ это роковое письмо и изучила въ немъ каждую черточку. — Не пьяный онъ-бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, тамъ все описано впередъ, все точь въ точь, какъ онъ потомъ убилъ, вся программа!

Такъ восклицала она внѣ себя и ужъ, конечно, презирая всѣ для себя послѣдствія, хотя, разумѣется, ихъ предвидѣла еще, можетъ, за мѣсяцъ тому, потому что и тогда еще, можетъ быть, содрагаясь отъ злобы, мечтала: не прочесть-ли это суду? Теперь-же какъ-бы полетѣла съ горы. Помню, кажется, именно тутъ-же письмо было прочитано всѣхъ секретаремъ, и произвело потрясающее впечатлѣніе. Обратились къ Митѣ съ вопросомъ: признаетъ-ли онъ это письмо?

— Мое, мое! воскликнулъ Митя.—Не пьяный-бы не написалъ!.. За многое мы другъ друга ненавидѣли. Катя, но, клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любилъ, а ты меня—нѣтъ!

Онъ упалъ на свое мѣсто, ломая руки въ отчаяніи. Прокуроръ и защитникъ стали предлагать перекрестные вопросы, главное, въ томъ смыслѣ: «что, дескать, побудило васъ давеча утаить такой документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ духѣ и тонѣ?

— Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и совѣсти, но я хотѣла давеча спасти его, потому что онъ меня такъ ненавидѣлъ и такъ презиралъ, какъ безумная воскликнула Катя. О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда, и, знаете, знаете онъ презиралъ меня съ самой той минуты, когда я ему тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. Я увидала это... Я сейчасъ, тогда-же это почувствовала, но я долго себѣ не вѣрила. Сколько разъ я

читала въ глазахъ его: все-таки ты сама тогда ко мнѣ пришла. О, онъ не понялъ, онъ не понялъ ничего. зачѣмъ я тогда прибѣжала. онъ способенъ подозрѣвать только низость! Онъ мѣритъ на себя. онъ думалъ, что и всѣ такіе. какъ онъ, - яростно проскрежетала Катя. совсѣмъ уже въ изступленіи. — А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому только. что я получила наслѣдство. потому, потому! Я всегда подозрѣвала, что потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ, что я всю жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то, что тогда приходила. и что онъ можетъ вѣчно за это презирать меня, а потому первенствовать. Вотъ почему онъ на мнѣ захотѣлъ жениться! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдить его моею любовью, любовью безъ конца, даже измѣну его хотѣла снести. но онъ ничего, ничего не понялъ. Да развѣ онъ можетъ что нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила только на другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а еще утромъ, еще утромъ въ тотъ день, я хотѣла было все простить ему, все, даже его измѣну!

Конечно, предсѣдатель и прокуроръ ее успокоивали. Я увѣренъ, что имъ всѣмъ было даже, можетъ быть, самимъ стыдно такъ пользоваться ея изступленіемъ и выслушивать такія признанія. Я помню, я слышалъ какъ они говорили ей: Мы понимаемъ какъ вамъ тяжело. повѣрьте, мы способны чувствовать , и проч., и проч., а показанія-то все-таки вытянули отъ обезумѣвшей женщины въ истерикѣ. Она, наконецъ, описала съ чрезвычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгновенно, мелькаетъ даже въ минуты такого напряженнаго состоянія, какъ Иванъ Ѳедоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти два мѣсяца на томъ, чтобы спасти изверга и убійцу», своего брата.

Онъ себя мучилъ, восклицала она, -онъ все хотѣлъ уменьшить его вину, признаваясь мнѣ, что онъ и самъ не любилъ отца и, можетъ быть, самъ желалъ его смерти. О, это глубокая, глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Онъ все мнѣ открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ со мной каждый день, какъ съ единственнымъ другомъ своимъ. Я имѣю честь быть его единственнымъ другомъ! воскликнула она вдругъ, точно какъ-бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкавъ глазами. Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: если убилъ не братъ, а Смердяковъ (потому что эту басню изустили здѣсь всѣ, что убилъ Смердяковъ), то, можетъ быть, виновенъ и я, потому что Смердяковъ зналъ что я не люблю отца и, можетъ быть, думалъ, что я желаю смерти отца. Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужъ совсѣмъ убѣдился, что убилъ братъ, и

это уже совсѣмъ сразило его. Онъ не могъ снести, что его родной братъ — отцеубійца! Еще недѣлю назадъ я видѣла, что онъ отъ этого болѣнъ. Въ послѣдніе дни онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла, что онъ мѣшается въ умѣ. Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Пріѣзжій докторъ, по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и сказалъ мнѣ, что онъ близокъ къ горячкѣ. — Все чрезъ него, все чрезъ изверга! А вчера онъ узналъ, что Смердяковъ умеръ —это его такъ поразило, что онъ сошелъ съ ума... И все отъ изверга, все на томъ чтобы спасти изверга!

О, разумѣется, такъ говорить и такъ признаваться можно только какой нибудь разъ въ жизни, — въ предсмертную минуту, напримѣръ, восходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ характерѣ и въ своей минутѣ. Это была та-же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику, чтобы спасти отца: та-же самая Катя, которая давеча, предъ всею этою публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и дѣвичій стыдъ свои въ жертву, разсказавъ про благородный поступокъ Мити, чтобы только лишь сколько нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вотъ теперь точно также она тоже принесла себя въ жертву, но уже за другаго, и, можетъ быть, только лишь теперь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмысливъ вполнѣ, какъ дорогъ ей этотъ другой человѣкъ! Она пожертвовала собою въ испугѣ за него, вдругъ вообразивъ, что онъ погубилъ себя своимъ показаніемъ, что это онъ убилъ, а не братъ, пожертвовала, чтобы спасти его, его славу, его репутацію! И, однако, промелькнула страшная вещь: лгала-ли она на Митю, описывая бывшія свои къ нему отношенія,— вотъ вопросъ. Нѣтъ, нѣтъ, она не клеветала намѣренно, крича, что Митя презиралъ ее за земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко убѣждена, съ самаго, можетъ быть, этого поклона, что простодушный, обожавшій ее еще тогда Митя смѣется надъ ней и презираетъ ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему тогда любовью, истерическою и надорванною, изъ уязвленной гордости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщеніе. О, можетъ быть, эта надорванная любовь и выродилась-бы въ настоящую, можетъ, Катя ничего и не желала, какъ этого, но Митя оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не простила. Минута-же мщенія слетѣла нежданно, и все такъ долго и больно скоплявшееся въ груди обиженной женщины разомъ, и опять такъ неожиданно, вырвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И, разумѣется, только что успѣла высказаться, напряженіе порвалось, и стыдъ подавилъ ее. Опять началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли. Въ ту минуту, когда ее

выносили, съ воплемъ бросилась къ Митѣ Грушенька со своего мѣста такъ, что ее и удержать не успѣли:

— Митя! завопила она, — погубила тебя твоя змѣя! Вотъ она вамъ себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы, суду. По мановенію предсѣдателя ее схватили и стали выводить изъ залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ. Митя завопилъ и тоже рванулся къ ней. Имъ овладѣли.

Да, полагаю, что наши зрительницы дамы остались довольны: зрѣлище было богатое. Затѣмъ, помню какъ появился пріѣзжій московскій докторъ. Кажется, предсѣдатель еще и прежде того посылалъ пристава, чтобы распорядиться оказать Ивану Ѳедоровичу пособіе. Докторъ доложилъ суду, что больной въ опасномъ припадкѣ горячки и что слѣдовало-бы немедленно его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтвердилъ, что паціентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что онъ предрекъ ему тогда-же скорую горячку, но что лѣчиться онъ не захотѣлъ. Былъ-же онъ положительно не въ здравомъ состояніи ума, самъ мнѣ признавался, что на яву видитъ видѣнія, встрѣчаетъ на улицѣ разныхъ лицъ, которыя уже померли, и что къ нему каждый вечеръ ходитъ въ гости сатана», заключилъ докторъ. Давъ свое показаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленное Катериной Ивановной письмо было присоединено къ вещественнымъ доказательствамъ. По совѣщаніи судъ постановилъ: продолжать судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя показанія (Катерины Ивановны и Ивана Ѳедоровича) занести въ протоколъ.

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебнаго слѣдствія. Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характерными особенностями. Но повторяю, все сведется въ одну точку въ рѣчи прокурора, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ возбужденіи, всѣ были наэлектризованы послѣдней катастрофой и со жгучимъ нетерпѣніемъ ждали поскорѣе лишь развязки, рѣчей сторонъ и приговора. Ѳетюковичъ былъ видимо потрясенъ показаніями Катерины Ивановны. Зато торжествовалъ прокуроръ. Когда кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ засѣданія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ, предсѣдатель открылъ судебныя пренія. Кажется, было ровно восемь часовъ вечера когда нашъ прокуроръ, Ипполитъ Кириловичъ, началъ свою обвинительную рѣчь.

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

Началъ Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь, весь сотрясаясь нервною дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ потомъ на лбу и вискахъ, чувствуя озноб и жаръ во всемъ тѣлѣ попеременно. Онъ самъ такъ потомъ разсказывалъ. Онъ считалъ эту рѣчь за свой chef d'oeuvre, за chef d'oeuvre всей своей жизни, за лебединую пѣснь свою. Правда, девять мѣсяцевъ спустя онъ и померъ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказалось, имѣлъ-бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою послѣднюю пѣснь, если-бы предчувствовалъ свой конецъ заранѣе. Въ эту рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у него ума и неожиданно доказалъ, что въ немъ таились и гражданское чувство, и «проклятые» вопросы, по крайней мѣрѣ, поскольку нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить въ себѣ. Главное, тѣмъ взяло его слово, что было искренно: онъ искренно вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по должности только обвинялъ его, и, взывая къ «отмщенію», дѣйствительно сотрясался желаніемъ «спасти общество». Даже дамская наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Кирилловичу, сознавалась, однако, въ чрезвычайномъ вынесенномъ впечатлѣніи. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, но потомъ очень скоро голосъ его окрѣпъ и зазвенѣлъ на всю залу, и такъ до конца рѣчи. Но только что кончилъ ее, то чуть не упалъ въ обморокъ.

«Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель, — настоящее дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему-бы, кажется, удивляться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то особенно? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ и ужасъ нашъ, что такія мрачныя дѣла почти перестали для насъ быть ужасными! Вотъ чему надо ужасаться, привычкѣ нашей, а не единичному злодѣянію того или другаго индивидуума. Гдѣ-же причины нашего равнодушія, нашего чуть тепленькаго отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ времени, пророчествующимъ намъ незавидную будущность? Въ цинизмѣ-ли нашемъ, въ раннемъ-ли истощеніи ума и воображенія столь молодаго еще нашего общества, но столь безвременно одряхлѣвшаго? Въ распатанныхъ-ли до основанія нравственныхъ началахъ нашихъ, или въ томъ, наконецъ, что

этихъ нравственныхъ началъ, можетъ быть, у насъ совсѣмъ даже и не имѣется. Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не менѣе они мучительны, и всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страдать ими. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказала уже, однако, обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда-бы мы безъ нея не узнали, сколько нибудь въ полнотѣ, про тѣ ужасы разнузданной воли и нравственнаго паденія, которые безпрерывно передаетъ она на своихъ страницахъ уже всѣмъ, не однимъ только посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго намъ въ настоящее царствованіе. И что̀-же мы читаемъ почти повседневно? О, про такія вещи поминутно, предъ которыми даже теперешнее дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обыкновеннымъ. Но важнѣе всего то, что множество нашихъ русскихъ, національныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ именно о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившейся съ нами, и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже трудно бороться. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго общества, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, въ тиши, безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ мелкаго чиновника, отчасти бывшаго своего благодѣтеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документъ, а вмѣстѣ и остальныя денежки чиновника: «пригодятся-де для великосвѣтскихъ моихъ удовольствій и для карьеры моей впереди». Зарѣзавъ обоихъ, уходитъ, подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Тамъ, молодой герой, обвѣшанный крестами за храбрость, разбойнически умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и благодѣтеля, и, подговаривая своихъ товарищей, увѣряетъ, что «она любитъ его какъ роднаго сына и потому послѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ и не приметъ предосторожностей». Пусть это извергъ, но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать, что это только единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ и почувствуетъ точно также какъ онъ, въ душѣ своей безчестенъ точно также какъ онъ. Въ тиши, наединѣ со своею совѣстью, можетъ быть, спрашиваетъ себя: «Да что̀ такое честь и не предразсудокъ-ли кровь?» Можетъ быть, крикнутъ противъ меня и скажутъ, что я человѣкъ болѣзненный, истерическій, клевещу чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть,—и, Боже, какъ-бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, считайте меня за больнаго, но всетаки запомните слова мои: вѣдь если только хоть десятая, хоть двадцатая доля въ словахъ моихъ правда,—то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмотрите какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ малѣйшихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: «Что̀ будетъ *тамъ?*» безъ признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта

статья о духѣ нашемъ и о всемъ, что̀ ждетъ насъ за гробомъ, давно похерена въ ихъ природѣ, похоронена и пескомъ засыпана. Посмотрите, наконецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ. Ѳедоръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть предъ иными изъ нихъ почти невинный младенецъ. А вѣдь мы всѣ его знали, «онъ между нами жилъ»... Да, психологіей русскаго преступленія займутся, можетъ быть, когда нибудь первенствующіе умы, и наши и европейскіе, ибо тема сто̀итъ того. Но это изученіе произойдетъ когда нибудь послѣ, уже на досугѣ, и когда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей минуты отойдетъ на болѣе отдаленный планъ, такъ что ее уже можно будетъ разсмотрѣть и умнѣе, и безпристрастнѣе чѣмъ, напримѣръ, люди какъ я могутъ сдѣлать. Теперь-же мы или ужасаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напротивъ, смакуемъ зрѣлище какъ любители ощущеній сильныхъ, эксцентрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнивую праздность, или, наконецъ, какъ малыя дѣти, отмахиваемъ отъ себя руками страшные призраки и прячемъ голову въ подушку пока пройдетъ страшное видѣніе съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ-же забыть его въ веселіи и играхъ. Но когда нибудь надо-же и намъ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо-же и намъ бросить взглядъ на себя какъ на общество, надо-же и намъ хоть что нибудь въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или только хоть начать осмысленіе наше. Великій писатель предшествовавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведеній своихъ, олицетворяя всю Россію въ видѣ скачущей къ невѣдомой цѣли удалой русской тройки, восклицаетъ: «Ахъ тройка, птица тройка, кто тебя выдумалъ!» — и въ гордомъ восторгѣ прибавляетъ, что предъ скачущею сломя голову тройкой почтительно сторонятся всѣ народы. Такъ, господа, это пусть, пусть сторонятся, почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ геніальный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ младенчески невиннаго прекрасномыслія, или просто боясь тогдашней цензуры. Ибо, если въ его тройку впрячь только его-же героевъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого-бы ни посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ коняхъ не доѣдешь! А это только еще прежніе кони, которымъ далеко до теперешнихъ, у насъ почище»...

Здѣсь рѣчь Ипполита Кирилловича была прервана рукоплесканіями. Либерализмъ изображенія русской тройки понравился. Правда, сорвалось лишь два — три клака, такъ что предсѣдатель не нашелъ даже нужнымъ обратиться къ публикѣ съ угрозою «очистить залу» и лишь строго поглядѣлъ въ сторону клакеровъ. Но Ипполитъ Кирилловичъ былъ ободренъ: никогда-то ему до сихъ поръ не апило-

дировали! Человѣка столько лѣтъ не хотѣли слушать и вдругъ возможность на всю Россію высказаться!

Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, что такое это семейство Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную извѣстность по всей даже Россіи? Можетъ быть, я слишкомъ преувеличиваю, но мнѣ кажется, что въ картинѣ этой семейки какъ-бы мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашего современнаго интеллигентнаго общества,—о, не всѣ элементы, да и мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ, какъ солнце въ малой каплѣ водѣ, но все-же нѣчто отразилось, все-же нѣчто сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, развуздданнаго и развратнаго старика, этого отца семейства, столь печально покончившаго свое существованіе. Родовой дворянинъ, начавшій карьеру объѣдѣнькомъ прихвальщикомъ, чрезъ нечаянную и неожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшой капиталъчикъ, въ началѣ мелкій плутъ и льстивый шутъ, съ зародышемъ умственныхъ способностей, довольно, впрочемъ, не слабыхъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то есть съ нарощеніемъ капиталъчика, онъ ободряется. Приниженность и заискиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой цинизмъ и сладострастникъ. Духовная сторона вся похерена, а жажда жизни чрезвычайная. Свелось на то что кромѣ сладострастныхъ наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ учитъ и дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какихъ нибудь обязанностей никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспитываетъ своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ что ихъ отъ него увозятъ. Забываетъ объ нихъ даже вовсе. Всѣ нравственныя правила старика — après moi le déluge. Все что есть обратнаго понятію о гражданинѣ, полнѣйшее, даже враждебное отъединеніе отъ общества: Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, было-бы одному мнѣ хорошо. И ему хорошо, онъ вполнѣ доволенъ, онъ жаждетъ прожить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. Онъ обсчитываетъ роднаго сына, и на его-же деньги, на наслѣдство матери его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваетъ у него, у сына-же своего, любовницу. Нѣтъ, я не хочу уступать защиту подсудимаго высокоталантливому защитнику прибывшему изъ Петербурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму негодованія, которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но довольно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ получилъ свою мзду. Вспомнимъ однако, что это отецъ и одинъ изъ современныхъ отцовъ. Обижу-ли я общество сказавъ, что это одинъ даже изъ многихъ современныхъ отцовъ? Увы, столь многіе изъ современныхъ отцовъ лишь не высказываются столь цинически какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы, а въ сущности—

почти такой-же какъ и онъ философіи. Но пусть я пессимистъ, пусть. Мы ужъ условились, что вы меня прощаете. Уговоримся заранѣе: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я буду говорить, а вы не вѣрьте. Но всетаки дайте мнѣ высказаться, всетаки кое-что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ, однако, дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ нами на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про другихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій — есть одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ образованіемъ, съ умомъ довольно сильнымъ, уже ни во что̀, однако, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни отвергшимъ и похерившимъ, точь въ точь какъ и родитель его. Мы всѣ его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ дружелюбно. Мнѣній своихъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ, совсѣмъ напротивъ, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость говорить теперь о немъ нѣсколько откровенно, конечно, не какъ о частномъ лицѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ вчера, самоубійствомъ, на краю города, одинъ болѣзненный идіотъ, сильно привлеченный къ настоящему дѣлу, бывшій слуга и, можетъ быть, побочный сынъ Ѳедора Павловича, Смердяковъ. Онъ съ истерическими слезами разсказывалъ мнѣ на предварительномъ слѣдствіи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ужаснулъ его своимъ духовнымъ безудержемъ: «Все, дескать, по ихнему, позволено что̀ ни есть въ мірѣ, и ничего впредь не должно быть запрещено, — вотъ они чему меня все учили». Кажется, идіотъ на этомъ тезисѣ, которому обучили его, и сошелъ съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умственное разстройство его и падучая болѣзнь, и вся эта страшная, разразившаяся въ ихъ домѣ катастрофа. Но у этого идіота промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе, сдѣлавшее-бы честь и поумнѣе его наблюдателю, вотъ почему даже я объ этомъ и заговорилъ: «Если есть, сказалъ онъ мнѣ, который изъ сыновей болѣе похожій на Ѳедора Павловича по характеру, такъ это онъ, Иванъ Ѳедоровичъ!» На этомъ замѣчаніи я прерываю начатую характеристику, не считая деликатнымъ продолжать далѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заключеній и какъ воронъ каркать молодой судьбѣ одну только гибель. Мы видѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосредственная сила правды еще живетъ въ его молодомъ сердцѣ, что еще чувства семейной привязанности не заглушены въ немъ безвѣріемъ и нравственнымъ цинизмомъ, пріобрѣтеннымъ больше по наслѣдству, чѣмъ истиннымъ страданіемъ мысли. Затѣмъ другой сынъ, о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ противоположность мрачному растлѣвающему міровоззрѣнію его брата, ищущій прилѣпиться,

такъ сказать, къ «народнымъ началамъ», или къ тому что у насъ называютъ этимъ мудренымъ словечкомъ въ иныхъ теоретическихъ углахъ мыслящей интеллигенціи нашей. Онъ, видите-ли, прильнулся къ монастырю: онъ чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ, кажется мнѣ, какъ-бы безсознательно, и такъ рано, выразилось то робкое отчаяніе, съ которымъ столь многіе теперь въ нашемъ обѣдномъ обществѣ, убоясь нигилизма и разврата его, и, ошибочно приписывая все зло европейскому просвѣщенію, бросаются, какъ говорятъ они, къ «родной почвѣ», такъ сказать, въ материнскія объятія родной земли, какъ дѣти напуганныя призраками и у нѣсохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя-бы только спокойно заснуть и даже всю жизнь проспать, лишь-бы не видѣть ихъ пугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны я желаю доброму и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю чтобъ его юное прекрасодушіе и стремленіе къ «народнымъ началамъ» не обратилось впослѣдствіи, какъ столь часто оно случается, со стороны нравственной въ мрачный мистицизмъ, а со стороны гражданской въ тупой «нигилизмъ» — два качества, грозящія, можетъ быть, еще бо́льшимъ зломъ нашимъ, чѣмъ даже раннее растлѣніе отъ ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго просвѣщенія, какимъ страдаетъ старшій братъ его.

За «нигилизмъ» и «мистицизмъ» опять раздались было два три клака. И ужь, конечно, Ипполитъ Кириловичъ увлекся, да и все это мало подходило къ настоящему дѣлу, не говоря уже о томъ, что вышло довольно неясно. Но ужь слишкомъ захотѣлось выказаться чахоточному и озлобленному человѣку хоть разъ въ своей жизни. У насъ потомъ говорили, что въ характеристикѣ Ивана Ѳедоровича онъ руководился чувствомъ даже неделикатнымъ, потому что тотъ разъ или два публично осадилъ его въ спорахъ, и Ипполитъ Кириловичъ, помня это, захотѣлъ теперь отомстить. Но не знаю можно-ли было такъ заключить. Во всякомъ случаѣ все это было только введеніемъ, затѣмъ рѣчь пошла прямѣе и ближе къ дѣлу.

«Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, продолжалъ Ипполитъ Кириловичъ, онъ на скамьѣ подсудимыхъ, онъ передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла его: принесъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ противоположность «европеизму» и «народнымъ началамъ» братьевъ своихъ, онъ какъ-бы изображаетъ собою Россію непосредственную, — о, не всю, не всю, и Боже сохрани, если-бы всю! И, однако-же, тутъ она, наша Россюшка, пахнетъ сю, слышится она, матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи мы любители просвѣщенія и Шиллера, и въ тоже время мы буяемъ по

трактирамъ и вырываемъ у пьяничекъ, собутыльниковъ нашихъ, бородёнки. О, и мы бываемъ хороши и прекрасны, но только тогда когда намъ самимъ хорошо и прекрасно. Напротивъ, мы даже обуреваемы, — именно, обуреваемы, — благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ чтобъ они достигались сами собою, упадали-бы къ намъ на столъ съ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего не платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получать очень любимъ, и это во всемъ. О, дайте, дайте намъ всевозможныя блага жизни (именно, всевозможныя, денегъ не помиримся) и особенно не препятствуйте нашему праву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ, что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нѣтъ, но, однако-же, подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ можно больше денегъ, и вы увидите какъ великодушно, съ какимъ презрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбросаемъ ихъ въ одну ночь въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы покажемъ какъ мы ихъ съумѣемъ достать, когда намъ очень того захочется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежде всего предъ нами обѣдный заброшенный мальчикъ, на заднемъ дворѣ безъ сапожекъ, какъ выразился давеча нашъ почтенный и уважаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще разъ повторю,—никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвинитель, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы человѣки, и мы съумѣемъ взвѣсить то какъ могутъ повліять на характеръ первыя впечатлѣнія дѣтства и роднаго гнѣздышка. Но вотъ мальчикъ уже юноша, уже молодой человѣкъ, офицеръ; за буйные поступки и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной Россіи. Тамъ онъ служитъ, тамъ и кутитъ, и, конечно — большому кораблю большое и плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде всего, и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ на послѣднихъ шести тысячахъ рублихъ и ихъ ему высылаютъ. Замѣтьте, онъ выдалъ документъ и существуетъ письмо его, въ которомъ онъ отъ остальнаго почти отрекается и этими шестью тысячами прекращаетъ съ отцомъ по наслѣдству оканчиваетъ. Тутъ происходитъ его встрѣча съ молодою, высокаго характера и развитія дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, вы ихъ только что слышали: тутъ честь, тутъ самопожертвованіе, и я умолкаю. Образъ молодаго человѣка, легкомысленнаго и развратнаго, но склонившагося предъ истиннымъ благородствомъ, предъ высшею идеей, мелькнулъ предъ нами чрезвычайно симпатично. Но вдругъ послѣ того, въ этой-же самой залѣ суда послѣдовала совсѣмъ неожиданно и оборотная сторона медали. Опять-таки

не смѣю пускаться въ догадки и удержусь анализировать—почему такъ поступило. Но, однако, были-же причины почему такъ поступило. Эта-же самая особа, вся въ слезахъ негодованія, долго таившаяся, объявляетъ намъ, что онъ-же, онъ-же первый и презиралъ ее за ея неосторожный, безудержный, можетъ быть, порывъ, но все-же возвышенный, все-же великодушный. У него-же, у женишка этотъ дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ та насмѣшливая улыбка, которую она лишь отъ него одного не могла снести. Зная, что онъ уже измѣнилъ ей (измѣнилъ въ убѣжденіи, что она уже все должна впредь сносить отъ него, даже измѣну его), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рублей и ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять, что предлагаетъ ему деньги на измѣну ей-же: «Что-жь, примешь или нѣтъ, будешь-ли столь ничтоженъ», говоритъ она ему молча своимъ судящимъ и испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, понимаетъ ея мысли совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при васъ, что онъ все понималъ) и безусловно присвоятъ себѣ эти три тысячи и прокучиваетъ ихъ въ два дня со своею новою возлюбленной! Чему-же вѣрить? Первой-ли легендѣ — порыву-ли высокаго благородства, отдающаго послѣднія средства для жизни и преклоняющагося предъ добродѣтелью, или оборотной сторонѣ медали, столь отвратительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при двухъ противоположностяхъ правду надо искать по серединѣ; въ настоящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятнѣе всего, что въ первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ случаѣ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому, что мы натуры широкія, Карамазовскія, — я вѣдь къ тому и веду, — способныя вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низкаго и зловоннаго паденія. Вспомните блестящую мысль, высказанную давеча молодымъ наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью Карамазовыхъ, господиномъ Ракитинымъ: «Ощущеніе низости паденія также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ натурамъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства». — И это правда: именно имъ нужна эта нестественная смѣсь постоянно и безпрерывно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ-же моментъ, — безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существованіе наше не полно. Мы широки, широки какъ вся наша матушка Россія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ ужившемся! Кстати, господа присяжные засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ тысячъ рублей. И я позволю себѣ нѣсколько забѣгать впередъ. Вообразите только, что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти

деньги, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой позоръ, чрезъ послѣдней степени униженіе.—Вообразите только, что онъ въ тотъ-же день возмогъ будто-бы отдѣлить изъ нихъ половину, зашить въ ладонку и цѣлый мѣсяцъ потомъ имѣть твердость носить ихъ у себя на шеѣ, не смотря на всѣ соблазны и чрезвычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни тогда, когда ему пришлось летѣть изъ города доставать Богъ знаетъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увезть свою возлюбленную отъ соблазновъ соперника отца своего.—онъ не осмѣливается притронуться къ этой ладонкѣ. Да хоть именно для того только, чтобы не оставлять свою возлюбленную на соблазны старика, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ-бы былъ распечатать свою ладонку и остаться дома неотступнымъ сторожемъ своей возлюбленной, ожидая той минуты, когда она скажетъ ему, наконецъ: Я твоя -, чтобъ летѣть съ нею куда нибудь подальше, изъ теперешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не касается своего талисмана и подъ какимъ-же предлогомъ? Первоначальный предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ, что когда ему скажутъ: «я твоя, вези меня куда хочешь». - то было-бы на что увезти. Но этотъ первый предлогъ, по собственнымъ словамъ подсудимаго, побѣдилъ передъ вторымъ. Поколь, дескать, я ношу на себѣ эти деньги— я подлецъ, но не воръ -, ибо всегда могу пойдти къ оскорбленной мною невѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту половину всей обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей сказать: Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ тѣмъ, что я слабый и безнравственный человѣкъ и, если хочешь, подлецъ (я выражаюсь языкомъ самого подсудимаго). Но, хоть и подлецъ, а не воръ, ибо если-бы былъ воромъ, то не принесъ-бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ-бы и ее какъ и первую половину . Удивительное объясненіе факта! Этотъ самый обыкновенный, но слабый человѣкъ, не могшій отказаться отъ соблазна принять три тысячи рублей при такомъ позорѣ, этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ такую стоическую твердость и носитъ на своей шеѣ тысячи рублей, не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно-ли это хоть сколько нибудь съ разбираемымъ нами характеромъ? Нѣтъ, и я позволю себѣ вамъ разсказать, какъ-бы поступилъ въ такомъ случаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, если-бы даже и въ самомъ дѣлѣ рѣшился зашить свои деньги въ ладонку. При первомъ-же соблазнѣ, ну хоть чтобъ опять чѣмъ потѣшить ту-же новую возлюбленную, съ которой уже прокутилъ первую половину этихъ-же денегъ, онъ-бы распоролъ свою ладонку и отдѣлилъ отъ нея, ну, положимъ, на первый случай хоть только сто рублей,—ибо къ

чему-де непремѣнно относить половину, то есть полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей: — вѣдь все тоже выйдетъ: подлецъ, дескать, а не воръ, потому что все-же хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а воръ-бы всѣ взялъ и ничего не принесъ». Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени опять расшилъ-бы ладонку и опять вынулъ уже вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не далѣе какъ къ концу мѣсяца вынулъ-бы, наконецъ, предпослѣднюю сотню: дескать, и одну сотню принесу назадъ все тоже вѣдь выйдетъ: «подлецъ, а не воръ. Двадцать девять сотенъ прокутилъ, а все-же одну возвратилъ, воръ-бы и ту не возвратилъ». И, наконецъ, уже прокутивъ эту предпослѣднюю сотню, посмотрѣлъ-бы на послѣднюю и сказалъ-бы себѣ: «А вѣдь и впрямь не стòитъ относить одну сотню,— давай и ту прокучу! Вотъ какъ-бы поступилъ настоящій Дмитрій Карамазовъ, какого мы знаемъ! Легенда-же объ ладонкѣ — это такое противорѣчіе съ дѣйствительностью, какого болѣе и представить нельзя. Можно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вернемся.

Обозначивъ въ порядкѣ все, чтò извѣстно было судебному слѣдствію объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отношеніяхъ отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведя заключеніе, что, по извѣстнымъ даннымъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить въ этомъ вопросѣ о дѣлежѣ наслѣдства кто кого обсчиталъ или кто на кого насчиталъ, Ипполитъ Кирилловичъ по поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мити какъ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VII.

Обзоръ историческій.

Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ, что подсудимый не въ своемъ умѣ и маньякъ. Я утверждаю, что онъ именно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ-бы не въ своемъ, то оказался-бы, можетъ быть, гораздо умнѣе. Чтò-же до того, что онъ маньякъ, то съ этимъ я-бы и согласился, но именно въ одномъ только пунктѣ, въ томъ самомъ, на который и экспертиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три тысячи, будто-бы недоплаченныя ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть, можно найдти несравненно ближайшую точку зрѣнія, чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго по поводу этихъ денегъ, чѣмъ наклонность его къ помѣшательству. Съ своей стороны, я вполнѣ согла-

сенъ съ мнѣніемъ молодаго врача, находившаго, что подсудимый пользуется и пользовался полными и нормальными умственными способностями, а былъ лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не въ трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключался предметъ постояннаго и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ томъ, что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ. Причина эта—ревность!»

Здѣсь Ипполитъ Кириловичъ пространно развернулъ всю картину роковой страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. Началъ онъ съ самаго того момента, когда подсудимый отправился къ молодой особѣ, чтобъ избить ее,—выражаясь его собственными словами, пояснилъ Ипполитъ Кириловичъ,—но вмѣсто того, чтобъ избить, остался у ногъ ея. Вотъ начало этой любви. Въ тоже время просилъ взглянуть на ту-же особу и старикъ, отецъ подсудимаго,—совпаденіе удивительное и роковое, ибо оба сердца закипѣли вдругъ, въ одно время, хотя прежде и тотъ и другой знали-же и встрѣчали эту особу,—и закипѣли эти оба сердца самою безудержною, самою Карамазовскою страстью. Тутъ мы имѣемъ ея собственное признаніе: Я, говоритъ она, смѣялась надъ тѣмъ и другимъ. Да, ей захотѣлось вдругъ посмѣяться надъ тѣмъ и другимъ: прежде не хотѣлось, а тутъ вдругъ взбрело ей въ умъ это намѣреніе. И кончилось тѣмъ, что оба пали передъ ней побѣжденные. Старикъ, поклонявшійся деньгамъ какъ Богу, тотчасъ-же приготовилъ три тысячи рублей лишь за то только, чтобъ она посѣтила его обитель, но вскорѣ доведенъ былъ и до того, что за счастье почелъ-бы положить къ ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь-бы согласилась стать законною супругой его. На это мы имѣемъ свидѣтельства твердыя. Что-же до подсудимаго, то трагедія его очевидна, она предъ нами. Но такова была игра молодой особы. Несчастному молодому человѣку обольстительница не подавала даже и надежды, ибо надежда, настоящая надежда была ему подана лишь только въ самый послѣдній моментъ, когда онъ, стоя передъ своею мучительницей на колѣняхъ, простиралъ къ ней уже обагренныя кровью своего отца и соперника руки: въ этомъ именно положеніи онъ и былъ арестованъ.

Меня, меня вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу пошлите, я его до того довела, я больше всѣхъ виновата! воскликнула эта женщина сама, уже въ искреннемъ раскаяніи, въ минуту его ареста. Талантливый молодой человѣкъ, взявшій на себя описать настоящее дѣло, все тотъ-же господинъ Ракитинъ, о которомъ я уже упоминалъ, въ нѣсколькихъ сжатыхъ и характерныхъ фразахъ опредѣляетъ характеръ этой героини: Раннее разочарованіе, ранній обманъ и паденіе, измѣна обольстителя жениха, ее бросившаго, затѣмъ бѣдность, про-

клятіе честной семьи и, наконецъ, покровительство одного богатаго старика, котораго она, впрочемъ, сама считаетъ и теперь своимъ благодѣтелемъ. Въ молодомъ сердцѣ, можетъ быть, заключавшемъ въ себѣ много хорошаго, затаился гибѣлъ еще слишкомъ съ ранней поры. Образовался характеръ разсчетливый, копящій капиталъ. Образовалась насмѣшливость и мстительность обществу . Послѣ этой характеристики понятно, что она могла смѣяться надъ тѣмъ и другимъ единственно для игры, для злобной игры. И вотъ въ этотъ мѣсяцъ безнадежной любви, нравственныхъ паденій, измѣны своей невѣстѣ, присвоенія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ ея чести, подсудимый кромѣ того доходитъ почти до изступленія, до бѣшенства, отъ безпрерывной ревности, и къ кому-же, къ своему отцу! И главное, безумный старикъ сманиваетъ и прельщаетъ предметъ его страсти — этими-же самыми тремя тысячами, которыя сынъ его считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ матери, въ которыхъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было тяжело перенести! Тутъ могла явиться даже и мания. Не въ деньгахъ было дѣло, а въ томъ, что этими-же деньгами съ такимъ омерзительнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!

Затѣмъ Ипполитъ Кириловичъ перешелъ къ тому, какъ постепенно зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства и прослѣдилъ ее по фактамъ.

Сначала мы только кричимъ по трактирамъ, весь этотъ мѣсяцъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ-же сообщать этимъ людямъ всѣ, даже самыя инфернальныя и опасныя наши идеи. Мы любимъ дѣлиться съ людьми, и, неизвѣстно почему, тутъ-же, сейчасъ-же и требуемъ, чтобъ эти люди тотчасъ-же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей, входили во всѣ наши заботы и тревоги, намъ подлаживали и праву нашему не препятствовали. Не то мы озлимся и разнесемъ весь трактиръ. (Слѣдовалъ анекдотъ о штабсъ-капитанѣ Снѣгиревѣ). Видѣвшіе и слышавшіе подсудимаго въ этотъ мѣсяцъ почувствовали, наконецъ, что тутъ уже могутъ быть не одни крики и угрозы отцу, но что при такомъ изступленіи угрозы, пожалуй, перейдутъ и въ дѣло. (Тутъ прокуроръ описалъ семейную встрѣчу въ монастырѣ, разговоры съ Алешей и безобразную сцену насилія въ домѣ отца, когда подсудимый ворвался къ нему послѣ обѣда). Не думаю настойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ Кириловичъ, что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и предумышленно положилъ покончить съ отцомъ своимъ убійствомъ его. Тѣмъ не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла ему и онъ обдуманно созерцалъ ее — на это мы имѣемъ факты, свидѣтелей и собственное сознаніе его. Признаюсь, господа присяжные засѣдатели, присовокупилъ Ипполитъ Кириловичъ, я

даже до сегодня колебался оставить за подсудимым полное и сознательное предумышленіе направлявшагося къ нему преступленія. Я твердо былъ убѣжденъ, что душа его уже многократно созерцала роковой моментъ впереди, но лишь созерцала, представляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не опредѣляла ни срока исполненія, ни обстоятельствъ. Но я колебался лишь до сегодня, до этого роковаго документа, представленнаго сегодня суду госпожею Верховцевой. Вы сами слышали, господа, ея восклицаніе: Это планъ, это программа убійства! Вотъ какъ опредѣляла она несчастное пьяное письмо несчастнаго подсудимаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значеніе программы и предумышленія. Оно написано за двое сутокъ до преступленія,—и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь извѣстно, что за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго замысла, подсудимый съ клятвою объявилъ, что если не достанетъ завтра денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ чтобы взять у него деньги изъ-подъ подушки въ пакетѣ съ красною ленточкой, только-бы уѣхалъ Иванъ . Слышите: только-бы уѣхалъ Иванъ , — тутъ, стало быть, уже все обдумано, обстоятельства взвѣшены. — И что-же: все потомъ и исполнено какъ по писаному! Предумышленность и обдуманность несомнѣнны, преступленіе должно было совершиться съ цѣлью грабежа, это прямо объявлено, это написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи не отрекается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не уменьшаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ то, что задумалъ въ трезвомъ. Не было-бы задумано въ трезвомъ, не написалось-бы въ пьяномъ. Скажутъ, пожалуй: къ чему-же онъ кричалъ о своемъ намѣреніи по трактирамъ? Кто на такое дѣло рѣшается *предумышленно*, тотъ молчитъ и таитъ про себя. Правда, но кричалъ онъ тогда, когда еще не было плановъ и предумышленія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стремленіе. Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричитъ. Въ тотъ вечеръ, когда было написано это письмо, напившись въ трактирѣ Столичный Городъ , онъ, противъ обыкновенія, былъ молчаливъ, не игралъ на бильярдѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и лишь согналъ съ мѣста одного здѣшняго купеческаго приказчика, но это уже почти безсознательно, по привычкѣ къ сору, безъ котораго, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ обойтись. Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ, подсудимому должно-же было придти въ голову опасеніе, что онъ слишкомъ много накричалъ по городу предварительно и что это можетъ весьма послужить къ его уличенію и его обвиненію, когда онъ исполнитъ задуманное. Но узнь что-же дѣлать, фактъ огласки былъ совершенъ, его не воротишь, и, наконецъ, вывозила-же прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звѣзду свою надѣялись, господа!

Я должен къ тому-же признаться, что онъ много сдѣлалъ, чтобъ обощли роковую минуту, что онъ употребилъ весьма много усилій, чтобъ избѣжать кроваваго исхода. Буду завтра просить три тысячи у всѣхъ людей, какъ пишетъ онъ своимъ своеобразнымъ языкомъ, а не дадутъ люди, то прольется кровь . Опять-таки въ пьяномъ видѣ написано и опять-таки въ трезвомъ видѣ какъ по писанному исполнено!»

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ приступилъ къ подробному описанію всѣхъ стараній Мити добыть себѣ деньги, чтобъ избѣжать преступленія. Онъ описалъ его похожденія у Самсонова, путешествіе къ Лягавому — все по документамъ. Измученный, осмѣянный, голодный, продавшій часы на это путешествіе (имѣя, однако, на себѣ полторы тысячи рублей — и будто, о, будто!), мучаясь ревностью по оставленному въ городѣ предмету любви, подозрѣвая, что она безъ него уйдетъ къ Ѳедору Павловичу, онъ возвращается, наконецъ, въ городъ. Слава Богу! Она у Ѳедора Павловича не была. Онъ-же самъ ее и провожаетъ къ ея покровителю Самсонову. (Странное дѣло, къ Самсонову мы не ревнивы и это весьма характерная психологическая особенность въ этомъ родѣ!) Затѣмъ стремится на наблюдательный постъ на задахъ и тамъ — и тамъ узнаетъ, что Смердяковъ въ падучей, что другой слуга болѣнъ ноле чисто, а знаки въ рукахъ его — какой соблазнъ! Тѣмъ не менѣе онъ всетаки сопротивляется: онъ идетъ къ высокоуважаемой всѣми нами временной здѣшней жительницѣ г-жѣ Хохлаковой. Давно уже сострадающая его судьбѣ, эта дама предлагаетъ ему благоразумнѣйшій изъ совѣтовъ: бросить весь этотъ кутежъ, эту безобразную любовь, эти праздношатанія по трактирамъ, безплодную трату молодыхъ силъ и отправиться въ Сибирь на золотые пріиски: тамъ исходъ вашимъ бушующимъ силамъ, вашему романическому характеру, жаждущему приключеній. Описавъ исходъ бесѣды и тотъ моментъ, когда подсудимый вдругъ получилъ извѣстіе о томъ, что Грушенька совсѣмъ не была у Самсонова, описавъ мгновенно изступленіе несчастнаго, измученнаго нервами ревниваго человѣка при мысли, что она именно обманула его и теперь у него, у Ѳедора Павловича. Ипполитъ Кирилловичъ заключилъ, обращая вниманіе на роковое значеніе случая: успѣй ему сказать служанка, что возлюбленная его въ Мокромъ, съ прежнимъ и безспорнымъ — ничего-бы и не было. Но она опѣшила отъ страха, заикалась-заболталась, и, если подсудимый не убилъ ее тутъ-же, то это потому, что сломя голову пустился за своей измѣнницей. Но замѣтьте: какъ ни былъ онъ внѣ себя, а захватилъ таки съ собою мѣдный пестикъ. Зачѣмъ именно пестикъ, зачѣмъ не другое какое оружіе? Но, если

мы уже цѣлый мѣсяцъ созерцали эту картину и къ ней приготовились, то чуть мелькнуло намъ что-то въ видѣ оружія, мы и схватываемъ его какъ оружіе. А о томъ, что какой нибудь предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружіемъ, — это мы уже цѣлый мѣсяцъ представили себѣ. Потому-то такъ мгновенно и безспорно и признали его за оружіе! А потому все-же не безсознательно, все-же не невольно схватилъ онъ этотъ роковой пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду — поле чисто, свидѣтелей нѣтъ, глубокая ночь, мракъ и ревность. Подозрѣніе, что она здѣсь, съ нимъ, съ соперникомъ его, въ его объятіяхъ, и, можетъ быть, смѣется надъ нимъ въ эту минуту — захватываетъ ему духъ. Да и не подозрѣніе только, какія уже теперь подозрѣнія, обманъ явенъ, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ этой комнатѣ откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами, — и вотъ несчастный подкрадывается къ окну, почтительно въ него заглядываетъ, благонравно смиряется и благоразумно уходитъ, поскорѣе вонъ отъ бѣды, чтобы чего не произошло, опаснаго и безнравственнаго и насъ въ этомъ хотятъ увѣрить, насъ, знающихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ въ какомъ онъ былъ состояніи духа, въ состояніи намъ извѣстномъ по фактамъ, а, главное, обладая знаками, которыми тотчасъ-же могъ отпереть домъ и войти! Здѣсь, по поводу знаковъ, Иполитъ Кириловичъ оставилъ на время свое обвиненіе и нашелъ необходимымъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ, чтобъ уже совершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о подозрѣніи Смердякова въ убійствѣ и покончить съ этою мыслію разъ на всегда. Сдѣлалъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣ поняли, что не смотря на все выказываемое имъ презрѣніе къ этому предположенію, онъ все-таки считалъ его весьма важнымъ.

VIII.

Трактатъ о Смердяковѣ.

О первыхъ, откуда взялась возможность подобнаго подозрѣнія? началъ съ этого вопроса Иполитъ Кириловичъ. Первый, крикнувшій что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсудимый въ минуту своего ареста и, однако, не представившій съ самаго перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни единаго факта въ подтвержденіе своего обвиненія, — и не только факта, но даже сколько нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ намека на какой нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвиненіе это только

три лица: оба брата подсудимаго и г-жа Свѣтлова. Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе только сегодня, въ болѣзни, въ припадкѣ безпорнаго умопомѣшательства и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ положительно это извѣстно, совершенно раздѣлялъ убѣжденіе о виновности своего брата, даже не искалъ возражать противъ этой идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ младшій братъ подсудимаго намъ объявляетъ далѣе самъ, что фактовъ въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердякова не имѣетъ никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ лишь со словъ самого подсудимаго и по выраженію его лица—да, это колоссальное доказательство было дважды произнесено далѣе его братомъ. Г-жа-же Свѣтлова выразилась далѣе, можетъ быть, и еще колоссальнѣе: «Что подсудимый вамъ скажетъ, тому и вѣрьте, не таковъ человѣкъ чтобы солгать». Вотъ всѣ фактическія доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слишкомъ заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И, между тѣмъ, обвиненіе на Смердякова ходило и держалось, и держится,—можно этому повѣрить, можно это представить?»

Тутъ Ипполитъ Кириловичъ нашелъ нужнымъ слегка очертить характеръ покойнаго Смердякова, —прекратившаго жизнь свою въ припадкѣ болѣзненнаго умопомѣшательства и помѣшательства». Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачаткомъ нѣкотораго смутнаго образованія, сбитаго съ толку философскими идеями не подъ силу его уму и испугавшагося иныхъ современныхъ ученій о долгѣ и обязанности, широко преподанныхъ ему —практически-безнравственною жизнію покойнаго его барина, а, можетъ быть, и отца—Ѳедора Павловича, а теоретически—разными странными философскими разговорами съ старшимъ сыномъ барина, Иваномъ Ѳедоровичемъ, охотно позволявшимъ себѣ это развлеченіе,—вѣроятно, отъ скуки, или отъ потребности насмѣшки, не напередъ лучшаго приложенія. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ послѣдніе дни своего пребыванія въ домѣ своего барина,—пояснилъ Ипполитъ Кириловичъ, —но свидѣтельствуютъ о томъ-же и другіе: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій, т. е. всѣ тѣ, которые должны были знать его весьма близко. Кромѣ того, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ «струсивъ какъ курица». Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цѣловалъ мои ноги», сообщалъ намъ самъ подсудимый въ ту минуту когда еще не сознавалъ нѣкоторой для себя невыгоды въ такомъ сообщеніи, —«это курица въ падучей болѣзни», выразился онъ про него своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ его-то подсудимый (о чемъ и самъ свидѣтельствуетъ) выбираетъ въ свои довѣренные и запугиваетъ на-

столько, что тотъ согласится, наконецъ, служить ему шпіономъ и переносчикомъ. Въ этомъ качествѣ домашняго соглядатая онъ измѣняетъ своему барину, сообщаетъ подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про знаки, по которымъ можно проникнуть къ барину,—да и какъ-бы онъ могъ не сообщить! Убьютъ-съ, видѣлъ прямо что убьютъ меня-съ,— говорилъ онъ на слѣдствіи, трясясь и трепеща даже передъ нами, не смотря на то, что запугавшій его мучитель былъ уже самъ тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказать его. Подозрѣвали меня всякую минуту-съ, самъ въ страхѣ и трепетѣ, чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, снѣшилъ сообщать имъ всякую тайну-съ, чтобы тѣмъ самымъ невинность мою передъ ними видѣть могли-съ, и живаго на показаніе отпустили-съ. Вотъ собственныя слова его, я ихъ записалъ и запомнилъ: Какъ закричитъ, бывало, на меня, я такъ на колѣни передъ ними и паду . Будучи высокочестнымъ отъ природы своей молодымъ человѣкомъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, отличившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратилъ ему потерянныя имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо думать, страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ своему барину, котораго любилъ какъ своего благодѣтеля. Сильно страдающіе отъ падучей болѣзни, по свидѣтельству глубочайшихъ психіатровъ, всегда наклонны къ безпрерывному и, конечно, болѣзненному самообвиненію. Они мучаются отъ своей виновности въ чемъ-то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрызеніями совѣсти, часто даже безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами выдумываютъ на себя разныя вины и преступленія. И вотъ подобный-то субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступнымъ отъ страху и отъ запугиванія. Кромѣ того, онъ сильно предчувствовалъ, что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятельствъ можетъ выйдти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Ѳедора Павловича, Иванъ Ѳедоровичъ, передъ самою катастрофой уѣзжалъ въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не смѣя, однако-же, по трусливому обычаю своему, высказать ему всѣ опасенія свои въ видѣ ясномъ и категорическомъ. Онъ лишь удовольствовался намеками, но намековъ не понялъ. Надо замѣтить, что въ Иванѣ Ѳедоровичѣ онъ видѣлъ какъ бы свою защиту, какъ-бы гарантію въ томъ, что пока тотъ дома, то не случится бѣды. Вспомните выраженіе въ письмѣ Дмитрія Карамазова: убью старика если только увидетъ Иванъ , стало быть, присутствіе Ивана Ѳедоровича казалось всѣмъ какъ-бы гарантіей тишины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смердяковъ тотчасъ-же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодаго барина, упадаетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно понятно. Здѣсь надо упо-

мянуть, что, у прученный страхами и своего рода отчаяніемъ. Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ себѣ возможность приближенія припадковъ падучей, которая и прежде всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго напряженія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать, конечно, нельзя, но расположеніе къ припадку каждый эпилептикъ ощутитъ въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина. И вотъ, только что съѣзжаетъ со двора Иванъ Ѳедоровичъ, какъ Смердяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего, такъ сказать, сиротства и своей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ, спускается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: будетъ или не будетъ припадокъ, а что коль сейчасъ придетъ?—И вотъ именно отъ этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопросовъ и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествующая падучей, и онъ летитъ стремглавъ, безъ сознанія, на дно погреба. И вотъ, въ этой самой естественной случайности, ухищряются видѣть какое-то подозрѣніе, какое-то указаніе, какой-то намекъ на то что онъ *нарочно* притворился больнымъ! Но если нарочно, то является тотчасъ вопросъ: для чего-же? Изъ какого разсчета, съ какою-же цѣлью? Я уже не говорю про медицину: наука, дескать, лжетъ, наука ошибается, доктора не съумѣли отличить истины отъ притворства,—пусть, пусть, но отвѣтьте-же мнѣ, однако, на вопросъ: для чего ему было притворяться? Не для того-ли чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя случившимся припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманіе въ домѣ? Видите-ли, господа присяжные засѣдатели, въ домъ Ѳедора Павловича, въ ночь преступленія было и перебывало пять человѣкъ: во первыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ-же убилъ себя, это ясно: во вторыхъ, слуга его Григорій, но вѣдь того самого чуть не убили,—въ третьихъ, жена Григорія, служанка Марѳа Игнатьевна, но представить ее убійцей своего барина просто стыдно. Остается, стало быть, на виду два человѣка: подсудимый и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ, что убилъ не онъ, то, стало быть, долженъ былъ убить Смердяковъ, другаго выхода нѣтъ, ибо никого другаго нельзя найдти, никакого другаго убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ, стало быть, откуда произошло это «хитрое» и колоссальное обвиненіе на несчастнаго, вчера покончившаго съ собою, идіота! Именно только потому одному, что другаго некого подобрать! Будь хоть тѣнь, хоть подозрѣніе на кого другаго, на какое нибудь шестое лицо, то, я убѣжденъ, что даже самъ подсудимый постыдился-бы показать тогда на Смердякова, а показалъ-бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть совершенный абсурдъ.

Господа, оставимъ психологію, оставимъ медицину, оставимъ

даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ однимъ только фактамъ и посмотримъ что скажутъ намъ факты. Убилъ Смердяковъ, но какъ? Одинъ или въ сообществѣ съ подсудимымъ? Разсмотримъ сперва первый случай. То есть, что Смердяковъ убилъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для чего-же нибудь, изъ какой нибудь выгоды. Но, не имѣя ни тѣни мотивовъ къ убійству изъ такихъ какіе имѣлъ подсудимый, то есть ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ, безъ сомнѣнія, могъ убить только лишь изъ-за денегъ, чтобы присвоить себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ-же видѣлъ какъ баринъ его укладывалъ въ пакетъ. И вотъ, замысливъ убійство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу,— и къ тому-же въ высочайшей степени заинтересованному лицу, именно подсудимому,— всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ лежитъ пакетъ, что именно на пакетѣ написано, чѣмъ онъ обернутъ, а главное, главное сообщаетъ про эти знаки, которыми къ барину можно проникнуть. Что-жъ онъ прямо, чтобы выдать себя, это дѣлаетъ? Или чтобы нашелъ себѣ соперника, который, пожалуй, и самъ пожелаетъ войдти и пріобрѣсть пакетъ? Да, скажутъ мнѣ, но вѣдь онъ сообщилъ отъ страху. Но какъ-же это? Человѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и звѣрское дѣло и потомъ исполнить его, сообщаетъ такія извѣстія, которыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которыхъ, если-бы только онъ о нихъ умолчалъ, никто и не догадался-бы никогда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужъ какъ-бы ни былъ трусливъ человѣкъ, а ужъ если такое дѣло задумалъ, то ни за что-бы не сказалъ никому, по крайней мѣрѣ, про пакетъ и про знаки, ибо это значило-бы впередъ всего себя выдать. Что нибудь выдумалъ-бы нарочно, что нибудь наплелъ-бы другое, если ужъ отъ него непремѣнно требовали извѣстія, а ужъ объ этомъ-бы умолчалъ! Напротивъ, повторяю это, если-бъ онъ промолчалъ хоть только объ деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги себѣ, то никто-бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить его, по крайней мѣрѣ, въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ этихъ вѣдь никто кромѣ него не видалъ, никто не зналъ, что онѣ существуютъ въ домѣ. Если-бы даже и обвинили его, то непремѣнно сочли-бы что онъ изъ другаго какого нибудь мотива убилъ. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предварительно не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ барину любимъ, почтенъ бариновою довѣренностью, то, конечно-бы, его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили-бы прежде всего такого, который-бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ, что имѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми обнаруживалъ, однимъ словомъ заподозрили-бъ сына убитаго, Дмитрія Ѳедоровича. Смер-

ляковъ-бы убилъ и ограбилъ, а сына-бы обвинили,—вѣдь Смердякову убійцъ, ужь конечно, было-бы это выгодно? Ну, такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію Смердяковъ, замысливъ убійство, и сообщаетъ впередъ про деньги, про пакетъ и про знаки,— какъ это логично, какъ это ясно!

Приходитъ день замышленнаго Смердяковымъ убійства, и вотъ онъ летитъ съ ногъ, *притворившись*, въ припадкѣ падучей болѣзни, для чего? Ужь конечно, для того, чтобы, во первыхъ, слуга Григорій, замысливши свое дѣяніе и, видя, что совершенно некому стеречь домъ, можетъ быть, отложилъ-бы свое дѣяніе и съ караулить. Во вторыхъ, конечно, для того, чтобы самъ баринъ, видя, что его никто не караулитъ и страшно опасаясь прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою недовѣрчивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, конечно, для того, чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ, тотчасъ-же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото всѣхъ ночевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ, въ другой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обоимъ за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной постели, какъ всегда это бывало, съ покоя въка, чуть только его разбивала падучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной Марѳы Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ вѣроятнѣе всего, чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ, начнетъ, конечно, стонать, то есть будитъ ихъ всю ночь—(какъ и было по показанію Григорія и жены его),—и все это, все это для того, чтобъ тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, онъ именно притворился, чтобы на него, какъ на больнаго, не подумали, а подсудимому сообщилъ про деньги и про знаки именно для того, чтобъ тотъ соблазнился и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видите-ли, тотъ, убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ, покалуй, напачкаетъ, нагремитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда, видите-ли, встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ,— ну, что-же дѣлать пойдетъ? А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и въ другой разъ унести уже унесенныя деньги. Господа, вы смѣетесь? Мнѣ самому стыдно дѣлать такія предположенія, а между тѣмъ, представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это самое и утверждаетъ: послѣ меня, дескать, когда я уже вышелъ изъ дому, поваливъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ всталъ, пошелъ, убилъ и ограбилъ. Ужь я и не говорю про то какъ-бы могъ Смердяковъ разсчитать все заранѣе и все предузнать какъ по пальцамъ, то есть, что раздраженный и обиженный сынъ придетъ единственно для того только, чтобы почтительно заглянуть въ окно, и, обладая знаками, отретироваться,

оставивъ ему, Смердякову, всю добычу! Господа, я серіозно ставлю вопросъ: гдѣ тотъ моментъ, когда Смердяковъ совершилъ свое преступленіе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя обвинять.

А, можетъ быть, падучая была настоящая. Больной вдругъ очнулся, услыхалъ крикъ, вышелъ,—ну, и что-же? Посмотрѣлъ, да и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ узналъ, что тутъ было, что тутъ происходило, вѣдь онъ до сихъ поръ лежалъ въ безпамятствѣ? А, впрочемъ, господа, есть предѣлъ и фантазіямъ.

Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну какъ оба были въ согласіи, а ну какъ это они оба вмѣстѣ убили и денежки подѣлили, ну тогда какже?

Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и во первыхъ—тотчасъ-же колоссальныя улики, его подтверждающія: одинъ убиваетъ и береть всѣ труды на себя, а другой сообщникъ лежитъ на боку, притворившись въ падучей,—именно для того, чтобы предварительно возбудить во всѣхъ подозрѣніе, тревогу въ баринѣ, тревогу въ Григоріи. Любопытно, изъ какихъ мотивовъ оба сообщника могли-бы выдумать именно такой съумасшедшій планъ? Но, можетъ быть, это было вовсе не активное сообщество со стороны Смердякова, а, такъ сказать, пассивное и страдальческое: можетъ быть, запуганный Смердяковъ согласился лишь не сопротивляться убійству и, предчувствуя, что его-же вѣдь обвинятъ, что онъ далъ убить барина, не кричалъ, не сопротивлялся,—заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе пролежать это время какъ-бы въ падучей, а ты тамъ убивай себѣ какъ угодно, моя изба съ краю. Но если и такъ, то такъ какъ и опять-таки эта падучая должна была произвести въ домѣ переполохъ, предвидя это, Дмитрій Карамазовъ ужъ никакъ не могъ-бы согласиться на такой уговоръ. Но я уступаю, пусть онъ согласился: такъ вѣдь, все-таки, вышло-бы тогда, что Дмитрій Карамазовъ—убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а Смердяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, а лишь попуститель отъ страха и противъ воли, вѣдь суть-то это-бы уже непремѣнно могъ развлечь, и вотъ что-же мы видимъ? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ многимъ сваливаетъ все на одного Смердякова и его *одного* обвиняетъ. Не въ сообщничествѣ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ, дескать, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рукъ дѣло! Ну что это за сообщники, которые тотчасъ-же начинаютъ говорить одинъ на другаго. Да этого никогда не бываетъ. И, замѣтьте, какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а тотъ неглавный, тотъ только попуститель и пролежалъ за перегородкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ,

лежачій-то, могъ разсердиться, и изъ-за одного только самосохраненія поскорѣе объявить правду истинную: оба, дескать, участвовали, только я не убивалъ, а лишь дозволилъ и попустилъ, отъ страху. Вѣдь онъ-же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ тотчасъ-бы различилъ степень его виновности, а, стало быть, могъ и разсчитать, что если его и накажутъ, то несравненно ничтожнѣе чѣмъ того, главнаго убійцу, желающаго все свалить на него. Но тогда, стало быть, ужь по неволѣ сдѣлалъ-бы признаніе. Этого мы, однако-же, не видали. Смердяковъ и не заикнулся о сообщничествѣ, не смотря на то, что убійца твердо обвинялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу единственнаго. Мало того: Смердяковъ-же и открылъ слѣдствію, что о пакетѣ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому *онъ самъ*, и что безъ него тотъ и не узналъ-бы ничего. Если-бъ онъ былъ дѣйствительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ-ли-бы онъ такъ легко объ этомъ слѣдствію, то есть что это все онъ самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ-бы запираться и ужь непремѣнно искажать факты и уменьшать ихъ. Но онъ не искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только невинный, не боящійся, что его обвинятъ въ сообщничествѣ. И вотъ онъ, въ припадкѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей падучей и отъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣсился. Повѣсившись, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ слогомъ: «Истребляю себя своею волей и охотой, чтобы никого не винить». Ну, чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца я, а не Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно совѣсти хватило, а на другое нѣтъ?

И что̀-же: давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги, три тысячи рублей, — тѣ самыя, дескать, которыя лежали вотъ въ этомъ самомъ пакетѣ, что̀ на столѣ съ вещественными доказательствами, получилъ, дескать, вчера отъ Смердякова». Но вы, господа присяжные засѣдатели, сами помните грустную давешнюю картину. Я не возобновлю подробностей, однако-же, позволю себѣ сдѣлать лишь два—три соображенія, выбирая изъ самыхъ незначительнѣйшихъ, — именно потому, что онѣ незначительны, а, стало быть, не всякому придутъ въ голову и забудутся. Во первыхъ, и опять-таки: отъ угрызенія совѣсти Смердяковъ вчера отдалъ деньги и самъ повѣсился. (Ибо безъ угрызеній совѣсти онъ-бы денегъ не отдалъ). И ужь, конечно, только вчера вечеромъ въ первый разъ признался Ивану Карамазову въ своемъ преступленіи, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазовъ, иначе зачѣмъ-бы онъ молчалъ до сихъ поръ? Итакъ, онъ признался, почему-же, опять повторю это, въ предсмертной запискѣ не объявилъ намъ всей правды, зная что завтра-же

для безвиннаго подсудимаго страшный судъ? Одинъ деньги въдь не доказательство. Мнѣ, напримѣръ, и еще двумъ лицамъ въ этотъ залъ совершенно случайно стало извѣстенъ, еще недѣлю назадъ, одинъ фактъ, именно, что Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ посылалъ въ губернскій городъ для размѣна два пятипроцентные билета по пяти тысячъ каждый, всего, стало быть, на десять тысячъ. Я только къ тому, что деньги у всѣхъ могутъ случиться къ данному сроку и что, принеся три тысячи, нельзя доказать непремѣнно, что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно изъ того самаго ящика или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазовъ, получивъ вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убійцы, пребываетъ въ покоѣ. Но почему-бы ему не заявить объ этомъ тотчасъ-же? Почему онъ отложилъ все до утра? Полагаю, что имѣю право догадываться почему: уже недѣлю какъ разстроенный въ своемъ здоровьѣ, самъ признававшійся доктору и близкимъ своимъ, что видитъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ людей, наканунѣ бѣлой горячки, которая сегодня именно и поразила его, онъ, внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ себѣ слѣдующее разсужденіе: Человѣкъ мертвъ, на него сказать можно, а брата спасу. Деньги-же есть у меня: возьму пачку и скажу, что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ. Вы скажете, это нечестно, хоть на мертваго, но нечестно-же лгать, даже и для спасенія брата? Такъ, ну, а что если онъ солгалъ безсознательно, если онъ самъ вообразилъ, что такъ и было, именно окончательно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ этой внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, видѣли въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ. Онъ стоялъ на ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ показаніемъ горячечнаго послѣдовалъ документъ, письмо подсудимаго къ г-жѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совершенія преступленія, съ подробною программой преступленія впередъ. Ну, такъ чего-же мы ищемъ программу и ея составителей? Точь въ точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось ни кѣмъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяжные засѣдатели, совершилось какъ по писаному! И вовсе, вовсе мы не обѣкали почтительно и боязливо отъ отцова окошка, да еще въ твердой увѣренности, что у того теперь наша возлюбленная. Нѣтъ, это нелѣпо и неправдоподобно. Онъ вошелъ и покончилъ дѣло. Вѣроятно, онъ убилъ въ раздраженіи, разгорѣвшись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника и соперника, но убивъ, что сдѣлалъ, можетъ быть, однимъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ пестомъ, и убѣдившись затѣмъ уже послѣ подробнаго обыска, что ея тутъ нѣтъ, онъ, однако-же, не забылъ засунуть руку подъ подушку и достать кон-

вертѣ съ деньгами. разорванная оболокка котораго лежитъ теперь здѣсь на столѣ съ вещественными доказательствами. Я говорю къ тому. чтобы вы замѣтили одно обстоятельство. по моему. прехарактерное. Будь это опытный убійца и именно убійца съ цѣлью одного грабежа. Ну. оставилъ-ли-бы онъ оболокку конверта на полу. въ томъ видѣ какъ нашли ее подлѣ трупа? Ну. будь это. напримѣръ. Смердяковъ. убивающій для грабежа. да онъ-бы просто унесъ весь пакетъ съ собой. Вовсе не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей: такъ какъ знать навѣрно. что въ пакетѣ есть деньги. вѣдь при немъ-же ихъ вкладывали и запечатывали. -а вѣдь унести онъ пакетъ совсѣмъ и тогда становится неизвѣстнымъ существовало-ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю. Господа присяжные, поступилъ-ли-бы такъ Смердяковъ. оставилъ-ли-бы онъ конвертъ на полу? Нѣтъ. именно такъ долженъ былъ поступить убійца изступленный. уже плохо разсуждающій. убійца не воръ и никогда ничего до тѣхъ поръ не укравшій. да и теперь-то вырвавшій изъ-подъ постели деньги не какъ воръ укравшій. а какъ свою-же вещь у вора украденную унесшій. ибо таковы именно были идеи Дмитрія Карамазова объ этихъ трехъ тысячахъ. доведшія въ немъ до мани. И вотъ. захвативъ пакетъ. котораго онъ прежде никогда не видалъ. онъ и рветъ оболокку чтобъ удостовѣриться. есть-ли деньги. затѣмъ бѣжитъ съ деньгами въ карманѣ. даже и подумать забывъ. что оставляетъ на полу колоссальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорванной оболокки. Все потому. что Карамазовъ. а не Смердяковъ. не подумалъ. не сообразилъ. да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ. онъ слышитъ вопль настигающаго его слуги. слуга хватаетъ его. останавливаетъ и нападаетъ. пораженный мѣднымъ пестомъ. Подсудимый соскакиваетъ къ нему внизъ изъ жалости. Представьте. онъ вдругъ увѣряетъ насъ. что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ изъ жалости. изъ состраданія. чтобы посмотрѣть. не можетъ-ли ему чѣмъ помочь. Ну, такова-ли эта минута. чтобы выказать подобное состраданіе? Нѣтъ. онъ соскочилъ именно для того. чтобъ убѣдиться: живъ-ли единственный свидѣтель его злодѣянія? Всякое другое чувство, всякій другой мотивъ были-бы неестественны! Замѣтьте. онъ надъ Григоріемъ трудится. обтираетъ ему платкомъ голову и. убѣдясь. что онъ мертвъ. какъ потерянный. весь въ крови. прибѣгаетъ опять туда. въ домъ своей возлюбленной. Какъ-же не подумалъ онъ. что онъ весь въ крови и что его тотчасъ изобличатъ? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ. что онъ даже и вниманія не обратилъ что весь въ крови: это допустить можно, это очень возможно. это всегда бываетъ въ такія минуты съ преступниками. На одно дѣло имѣетъ разсчетъ. а на другое не хватаетъ соображенія. Но онъ думалъ въ ту минуту лишь

о томъ, гдѣ *она*. Ему надо было поскорѣе узнать гдѣ она, и вотъ онъ прибѣгаетъ въ ея квартиру и узнаетъ неожиданное и колоссальнѣйшее для себя извѣстіе: она уѣхала въ Мокрое со своимъ «прежнимъ», безспорнымъ!»

IX.

Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора.

Дойдя до этого момента въ своей рѣчи Ипполитъ Кириловичъ, очевидно избравшій строго историческій методъ изложенія, къ которому очень любятъ прибѣгать всѣ первые ораторы, лишь только строго поставленныхъ рамокъ, чтобы сдерживать собственное нетерпѣливое увлеченіе, — Ипполитъ Кириловичъ особенно распространился о прежнемъ и безспорномъ и высказалъ на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ занимательныхъ мыслей. Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ и разомъ какъ-бы падаетъ и исчезаетъ передъ прежнимъ и безспорнымъ. И тѣмъ болѣе это странно, что прежде онъ совсѣмъ почти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя опасность, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. Но онъ все представлялъ себѣ, что это еще такъ далеко, а Карамазовъ всегда живетъ лишь настоящею минутой. Вѣроятно, онъ считалъ его даже фикціей. Но мигомъ поднявъ больнымъ сердцемъ своимъ что, можетъ быть, потому-то эта женщина и скрывала этого новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча, что этотъ вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для нея не фантазіей и не фикціей, а составлялъ для нея все. Все ея упованіе въ жизни. Мигомъ поднявъ это, онъ смирился. Что-же, господа присяжные, я не могу обойдти умолчаніемъ эту внезапную черту въ душѣ подсудимаго, который-бы, казалось, ни за что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ неумолимая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія правъ ея сердца, и когда-же — въ тотъ моментъ, когда изъ-за нея-же онъ обагрилъ свои руки кровью отца своего! Правда и то, что и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ отмщеніи, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу свою, онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить себя въ то мгновеніе: что значитъ онъ и что можетъ онъ значить *теперь* для нея, для этого любимаго имъ больше души своей существа, въ сравненіи съ этимъ прежнимъ и безспорнымъ, показавшимся и воротившимся къ этой, когда-то

погубленной имъ женщинѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ обѣтомъ возрожденной и уже счастливой жизни. А онъ, несчастный, что дастъ онъ ей *теперь*, что ей предложитъ? Карамазовъ все это понялъ, понялъ, что преступленіе его заперло ему всѣ дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни преступникъ, а не человѣкъ которому жить! Эта мысль его раздавила и уничтожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на одномъ изступленномъ планѣ, который, при характерѣ Карамазова, не могъ не представиться ему какъ единственнымъ и фатальнымъ исходомъ изъ страннаго его положенія. Этотъ исходъ самоубійство. Онъ бѣжитъ за своими заложенными чиновнику Перхотину пистолетами и въ тоже время дорогой, на бѣгу, выхватываетъ изъ кармана всѣ свои деньги, изъ-за которыхъ только что забрызгалъ руки свои отцовскою кровью. О, деньги теперь ему нужнѣе всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазовъ и это будутъ помнить! Не даромъ-же мы поетъ, не даромъ-же мы проклинали нашу жизнь какъ свѣчку съ обоихъ концовъ. Къ ней, къ ней. — и тамъ, о, тамъ я задаю пиръ на весь міръ, такой, какого еще не бывало, чтобы помнили и долго разсказывали. Среди дикихъ криковъ, безумныхъ цыганскихъ пѣсенъ и плясокъ, мы поднимемъ заздравный бокалъ и поздравимъ обожаемую женщину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—тутъ-же, у ногъ ея, размозжимъ передъ нею нашъ черепъ и кажимъ нашу жизнь! Вспомнитъ когда нибудь Митю Карамазова, увидитъ какъ любилъ ее Митя, пожалѣетъ Митю! Много картинности, романическаго изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чувствительности. - Ну, и еще чего-то другаго, господа присяжные, чего-то что кричитъ въ душѣ, стучитъ въ умъ неустанно и отравляетъ его сердце до смерти, — это *что-то* это совѣсть, господа присяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызенія! Но пистолетъ все помиритъ, пистолетъ единственный выходъ и нѣтъ другаго, а тамъ — я не знаю, думалъ-ли въ ту минуту Карамазовъ *что будетъ тамъ*, и можетъ-ли Карамазовъ по Гамлетовски думать о томъ, что тамъ будетъ? Нѣтъ, господа присяжные, у тѣхъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!

Тутъ Ипполитъ Кириловичъ развернулъ подробнѣйшую картину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ лавкѣ, съ ямщиками. Онъ привелъ массу словъ, изрѣченій, жестовъ, все подтвержденныхъ свидѣтелями,—и картина страшно повліяла на убѣжденіе слушателей. Главное, повліяла совокупность фактовъ. Виновность этого изступленно-мятущагося и уже не берегущаго себя человѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было беречь себя, говорилъ Ипполитъ Кириловичъ, — два — три раза онъ чуть чуть было не сознался

виноватъ, почти намекалъ и только развѣ не договаривалъ (здѣсь слѣдовали показанія свидѣтелей). Даже ямщику въ дорогѣ крикнулъ: Знаешь-ли ты, что ты убійцу везешь! Но договорить все-таки ему нельзя было: надо было попасть сперва въ село Мокрое и уже тамъ закончить ему. Но что-же, однако, ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ, что почти съ первыхъ-же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и, наконецъ, постигаетъ совершенно, что безспорный соперникъ его вовсе, можетъ быть, ужъ не такъ безспоренъ и что поздравленій съ новымъ счастьемъ и за здравнаго бокала отъ него не хотятъ и не принимаютъ. Но вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному слѣдствію. Торжество Карамазова надъ соперникомъ оказалось несомнѣннымъ и тутъ— о, тутъ началася совсѣмъ уже новый фазисъ въ его душѣ, и даже самый страшный фазисъ изо всѣхъ, какіе пережила и еще переживетъ когда либо эта душа! Положительно можно признать, господа присяжные, воскликнулъ Ипполитъ Кириловичъ, что поруганная природа и преступное сердце — сами за себя мстители полнѣе всякаго земнаго правосудія! Мало того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь природы, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты какъ спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу того ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова, когда онъ узналъ, что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего прежняго и безспорнаго, что его, его, Митю, зоветъ съ собою въ обновленную жизнь, обѣщаетъ ему счастье и это когда-же? Когда уже все для него покончено и когда уже ничего невозможно! Кстати, сдѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ замѣтку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положенія подсудимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой послѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для него существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недостижимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлился тогда-же, почему оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ гдѣ лежитъ его пистолетъ? А вотъ именно эта страстная жажда любви и надежда ее тогда-же, тутъ-же утолить и удержали его. Въ чаду пира онъ приковался къ своей возлюбленной, тоже вмѣстѣ съ нимъ пирующей, прелестной и обольстительной для него болѣе чѣмъ когда либо. Онъ не отходитъ отъ нея, любуется ею, исчезаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ подавить не только страхъ ареста, но и самыя угрызенія совѣсти! На мигъ, о, только на мигъ! Я представляю себѣ тогдашнее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ подчиненіи тремъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: во первыхъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, тоноть пляски, визгъ цы-

сеть. и она. она. раскраснѣвшаяся отъ вина, поющая и плящущая, пьяная и смѣющаяся ему! Во вторыхъ, бодрящая отдаленная мечта о томъ, что роковая развязка еще далеко, по крайней мѣрѣ. не близко. развѣ на другой только день, лишь на утро. придутъ и возьмутъ его. Стало быть, нѣсколько часовъ, это много, ужасно много! Въ нѣсколько часовъ можно много придумать. Я представляю себѣ, что съ нимъ было нѣчто похожее на то, когда преступника везутъ на смертную казнь, на висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, да еще шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ другую улицу и въ концѣ только этой другой улицы страшная площадь! Мнѣ именно кажется, что въ началѣ шествія осужденный. сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувствовать, что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ, однако-же, уходятъ дома, колесница все подвигается, —о, это ничего. до поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все еще бодро смотритъ направо и налѣво и на эти тысячи безучастно любопытныхъ людей. прикованныхся къ нему взглядами, и ему все еще мерещится. что онъ такой-же. какъ и они, человѣкъ. Но вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего, ничего. еще нѣлая улица. И сколько-бы ни уходило домовъ. онъ все будетъ думать: «Еще осталось много домовъ . Итакъ, до самаго конца. до самой площади. Такъ. представляю себѣ. было тогда и съ Карамазовымъ. Еще тамъ не успѣли, думаетъ онъ, еще можно что нибудь подыскать, о, еще будетъ время сочинить планъ защиты, сообразить отпоръ. а теперь. теперь. -теперь она такъ прелестна!» Смутно и страшно въ душѣ его, но онъ успѣваетъ, однако-же, отложить отъ своихъ денегъ половину и гдѣ-то ихъ спрятать, — иначе я не могу объяснить себѣ, куда могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ, только что взятыхъ имъ у отца изъ-подъ подушки. Онъ въ Мокромъ уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ старый, большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми сараями, галлереями. Я именно предполагаю, что часть денегъ скрылась тогда-же. и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ арестомъ, въ какую нибудь щель, въ расщелину, подъ какую нибудь половицу. гдѣ нибудь въ углу, подъ кровлей —для чего? Какъ для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ, конечно, мы еще не обдумали какъ ее встрѣтить. да и некогда намъ. да и стучитъ у насъ въ головѣ, да и къ *тей-то* тянетъ, ну, а деньги, — деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человѣкъ съ деньгами вездѣ человѣкъ. Можетъ быть, такая разсчетливость въ такую минуту вамъ покажется неестественною? Но вѣдь увѣряетъ-же онъ самъ, что еще за мѣсяцъ предъ тѣмъ, въ одинъ тоже самый тревожный и роковой

для него моментъ, онъ отдѣлилъ отъ трехъ тысячъ половину и запряталъ себѣ въ ладонку, и если, конечно, это неправда, что̀ и докажемъ сейчасъ, то все-же эта идея Карамазову знакомая, онъ ее созерцалъ. Мало того, когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя, что отдѣлилъ полторы тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то, можетъ быть, и выдумалъ эту ладонку, тутъ-же мгновенно, именно потому, что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и спряталъ куда нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до утра, только чтобы не хранить на себѣ, по внезапно представившемуся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните, что Карамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны, и обѣ разомъ! Въ томъ домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ, эти деньги и теперь еще тамъ, а, можетъ, и на другой день исчезли, и теперь у подсудимаго. Во всякомъ случаѣ, арестовали его подлѣ нея, передъ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ простиралъ къ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту, что не разслышалъ и приближенія арестующихъ. Онъ ничего еще не успѣлъ приготовить въ умѣ своемъ для отвѣта. И онъ, и умъ его были взяты въ расплохъ.

И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями судьбы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты, когда, при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти страшно предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты созерцанія того животнаго ужаса, когда преступникъ уже видитъ, что все пропало, но все еще борется, все еще намѣренъ бороться съ вами. Это минуты, когда всѣ инстинкты самосохраненія возстаютъ въ немъ разомъ, и онъ, спасая себя, глядитъ на васъ проницывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ, ловитъ и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ съ котораго боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся умѣ своемъ тысячи плановъ, но все-таки боится говорить, боится проговориться! Эти унизительные моменты души человѣческой, это хожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самоспасенія—ужасны и вызываютъ иногда содраганіе и состраданіе къ преступнику даже въ слѣдователѣ! И вотъ мы этому всему были тогда свидѣтелями. Сначала онъ былъ опрометчивъ, и въ ужасѣ у него вырвалось нѣсколько словъ, его сильно компрометтирующихъ: «Кровь! Заслужилъ! Но онъ быстро сдержалъ себя. Что̀ сказать, какъ отвѣтить,—все это пока еще у него не готово, но готово лишь одно голословное отрицаніе: Въ смерти отца не виновенъ! Вотъ пока нашъ заборъ, а тамъ, за заборомъ, мы, можетъ быть, еще что̀ и устроимъ, какую нибудь баррикаду. Компрометтирующія первыя восклицанія свои онъ сгладитъ, предупреждая вопросы наши, объяснитъ тѣмъ, что считаетъ себя виновнымъ

лишь въ смерти слуги Григорія. Въ этой крови виновенъ, но кто-же убилъ отца, господа, кто убилъ? Кто-же могъ убить его, *если не я?* Слышите это: спрашиваетъ онъ насъ-же, насъ-же, пришедшихъ къ нему самому съ этимъ самымъ вопросомъ! Слышите вы это забѣгающее впередъ словечко: если не я, эту животную хитрость, эту наивность и эту карамазовскую нетерпѣливость? Не я убилъ и думать не моги что я: Хотѣлъ убить, господа, хотѣлъ убить, признается онъ поскорѣе (спѣшитъ, о, спѣшитъ ужасно!) но все-же неповиненъ, не я убилъ! Онъ уступаетъ намъ, что хотѣлъ убить: видите, дескать, сами, какъ я искрененъ, ну такъ тѣмъ скорѣе повѣрьте, что не я убилъ. О, въ этихъ случаяхъ преступникъ становится иногда неимовѣрно легкомысленъ и легковѣренъ. И вотъ тутъ, совсѣмъ какъ-бы нечаянно, слѣдствіе вдругъ задало ему самый простодушный вопросъ: „Да не Смердяковъ-ли убилъ?" Такъ и случилось чего мы ожидали: онъ страшно разсердился за то что предупредили его и поймали въ расплохъ, когда онъ еще не успѣлъ приготовить, выбрать и ухватить тотъ моментъ, когда вывести Смердякова будетъ всего вѣроятнѣе. По натурѣ своей онъ тотчасъ-же бросился въ крайность и самъ началъ насъ изо всѣхъ силъ увѣрять, что Смердяковъ не могъ убить, не способенъ убить. Но не вѣрьте ему, это лишь его хитрость: онъ вовсе, вовсе еще не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, онъ еще его выставитъ, потому что кого-же ему выставить какъ не его, но онъ сдѣлаетъ это въ другую минуту, потому что теперь это дѣло пока испорчено. Онъ выставитъ его только, можетъ быть, завтра или даже черезъ нѣсколько дней, пріискавъ моментъ, въ который самъ-же крикнетъ намъ: Видите, я самъ отрицалъ Смердякова больше чѣмъ вы, вы сами это помните, но теперь и я убѣдился: это онъ убилъ, и какъ-же не онъ! А пока онъ впадаетъ съ нами въ мрачное и раздражительное отрицаніе, нетерпѣніе и гнѣвъ подсказываютъ ему, однако, самое неумѣлое и неправдоподобное объясненіе о томъ, какъ онъ глядѣлъ отцу въ окно и какъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное, онъ еще не знаетъ обстоятельствъ, степени показаній очнувшагося Григорія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ гнѣвитъ его, но и ободряетъ: всѣхъ трехъ тысячъ не розыскали, розысканы только полторы. И, ужь конечно, лишь въ этотъ моментъ гнѣвливаго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову въ первый разъ въ жизни идея объ ладонкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ чувствуетъ самъ всю невѣроятность выдумки и мучается, страшно мучается, какъ-бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить чтобъ ужь вышелъ цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ самое первое дѣло, самая главная задача слѣдствія—

не дать приготовиться, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ высказалъ завѣтныя идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи, неправдоподобности и противорѣчіи. Заставить-же говорить преступника можно лишь внезапнымъ и какъ-бы нечаяннымъ сообщеніемъ ему какого нибудь новаго факта, какого нибудь обстоятельства дѣла, которое по значенію своему колоссально, но котораго онъ до сихъ поръ ни за что̀ не предполагалъ и никакъ не могъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ на готовѣ, о, уже давно на готовѣ: это показаніе очнувшагося слуги Григорія объ отворенной двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про эту дверь онъ совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть, и не предполагалъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскочилъ и вдругъ закричалъ намъ: Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ! и вотъ выдалъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой неправдоподобной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь послѣ того какъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда-же мы ему сообщили, что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего паденія, а, выходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за перегородкой Смердякова— Карамазовъ былъ во истину раздавленъ. Сотрудникъ мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Парѳеновичъ, передавалъ мнѣ потомъ, что въ это мгновеніе ему стало его жалко до слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобъ поправить дѣло, онъ и спѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ладонкѣ: такъ и быть, дескать, услышьте эту повѣсть! Господа присяжные, я уже выразилъ вамъ мои мысли, почему считаю всю эту выдумку объ зашитыхъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ деньгахъ въ ладонку не только нелѣпицей, но и самымъ неправдоподобнымъ измышленіемъ, которое только можно было пріискать въ данномъ случаѣ. Если-бъ даже искать на пари: что̀ можно сказать и представить неправдоподобнѣе, то и тогда нельзя-бы было выдумать хуже этого. Тутъ главное можно осадить и въ прахъ разбить торжествующаго романиста подробностями, тѣми самыми подробностями, которыми всегда такъ богата дѣйствительность и которыя всегда, какъ совершенно будто-бы незначущая и ненужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями и даже никогда не приходятъ имъ въ голову. О, имъ въ ту минуту не до того, ихъ умъ создаетъ лишь грандіозное цѣлое, и вотъ смѣютъ имъ предлагать этакую мелочь! Но на этомъ-то ихъ и ловятъ! Задаютъ подсудимому вопросъ: Ну, а гдѣ вы изволили взять матеріалъ для вашей ладонки, кто вамъ сшилъ ее? Самъ зашилъ. А полотно гдѣ изволили взять? Подсудимый уже обижается, онъ считаетъ это почти обидною для себя мелочью, и, вѣрите-ли, искренно, искренно! Но таковы всѣ они. Я отъ рубашки моей ото-

рвалъ. Прекрасно-съ. Стало быть, въ вашемъ бѣльѣ мы завтра-же отыщемъ эту рубашку съ вырваннымъ изъ нея клочкомъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь если-бы только мы нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ-бы ее не найдти въ его чемоданѣ или комодѣ, если-бы такая рубашка въ самомъ дѣлѣ существовала),— то вѣдь это уже фактъ, фактъ осязательный въ пользу справедливости его показаній! Но этого онъ не можетъ сообразить. Я не помню, можетъ, не отъ рубашки, я въ хозяйкинъ чепчикъ запялъ. — Въ какой такой чепчикъ? Я у ней взялъ, у ней валялся, старая коленкоровая дрянь. И вы это твердо помните? Нѣтъ, твердо не помню... И сердится, сердится, а между тѣмъ представьте: какъ-бы это не помнить? Въ самыя страшныя минуты человѣческія, ну, на казнь везутъ, вотъ именно эти-то мелочи и запоминаются. Онъ обо всемъ забудетъ, а какую нибудь зеленую кровлю мелькнувшую ему по дорогѣ, или галку на крестѣ вотъ это онъ запомнитъ. Вѣдь онъ, запершая ладонку свою, прятался отъ домашнихъ, онъ долженъ былъ помнить какъ унизительно страдалъ онъ отъ страху съ иглой въ рукахъ, чтобы къ нему не вошли и его не накрыли: какъ при первомъ стукѣ вскакивалъ и бѣжалъ за перегородку (въ его квартирѣ есть перегородка)... Но, господа присяжные, для чего я вамъ это все сообщаю, всѣ эти подробности, мелочи! воскликнулъ вдругъ Ипполитъ Кириловичъ. А вотъ именно потому, что подсудимый стоитъ упорно на всей этой нелѣпицѣ до самой сей минуты! Во всѣ эти два мѣсяца, съ той самой роковой для него ночи, онъ ничего не разъяснилъ, ни одного объяснительнаго реальнаго обстоятельства къ прежнимъ фантастическимъ показаніямъ своимъ не прибавилъ; все это, дескать, мелочи, а вы вѣрьте на честь! О, мы рады вѣрить, мы жаждемъ вѣрить, хотя-бы даже на честь! Что-же мы, шакалы жаждущіе крови человѣческой? Дайте, укажите намъ хоть одинъ фактъ въ пользу подсудимаго и мы обрадуемся,— но фактъ осязательный, реальный, а не заключеніе по выраженію лица подсудимаго роднымъ его братомъ, или указаніе на то, что онъ, бія себя въ грудь, непремѣнно долженъ былъ на ладонку указывать, да еще въ темнотѣ. Мы обрадуемся новому факту, мы первые откажемся отъ нашего обвиненія, мы постѣпимъ отказаться. Теперь-же воюетъ справедливость, и мы настаиваемъ, мы ни отъ чего отказаться не можемъ . Ипполитъ Кириловичъ перешелъ тутъ къ финалу. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, онъ вопіялъ за пролитую кровь, за кровь отца убитаго сыномъ съ низкою цѣлью ограбленія . Онъ твердо указывалъ на трагическую и вопіющую совокупность фактовъ. И что-бы вы ни услышали отъ знаменитаго своимъ талантомъ защитника подсудимаго (не удержался Ипполитъ Кирил-

ловичъ), какія-бы ни раздались здѣсь краснорѣчивыя и трогательныя слова, бьющія въ вашу чувствительность,—все-же вспомните, что въ эту минуту вы въ святилищѣ нашего правосудія. Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей Россіи, ея основъ, ея семьи, ея всего святаго! Да, вы здѣсь представляете Россію въ данный моментъ, и не въ одной только этой залѣ раздастся вашъ приговоръ, а на всю Россію, и вся Россія выслушаетъ васъ какъ защитниковъ и судей своихъ и будетъ ободрена или удручена приговоромъ вашимъ. Не мучьте-же Россію и ея ожиданія, роковая тройка наша несется стремглавъ и, можетъ, къ погибели. И давно уже въ цѣлой Россіи простираютъ руки и взываютъ остановить бѣшеную, безнадежную скачку. И если сторонятся пока еще другіе народы отъ скачущей сломя голову тройки, то, можетъ быть, вовсе не отъ почтенія къ ней, какъ хотѣлось поэту, а просто отъ ужаса—это замѣтьте. Отъ ужаса, а, можетъ, и отъ омерзенія къ ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а, пожалуй, возьмутъ да и перестанутъ сторониться и станутъ твердою стѣной передъ стремящимся видѣніемъ и сами остановятъ сумасшедшую скачку нашей разнузданности, въ видахъ спасенія себя, просвѣщенія и цивилизаціи! Эти тревожные голоса изъ Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинаютъ. Не соблазняйте-же ихъ, не копите ихъ все наростающей ненависти приговоромъ оправдывающимъ убійство отца роднымъ сыномъ!..»

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ хоть и очень увлекся, но кончилъ таки патетически — и дѣйствительно, внечатлѣніе произведенное имъ было чрезвычайное. Самъ онъ, окончивъ рѣчь свою, поспѣшно вышелъ и, повторяю, почти упалъ въ другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не аплодировала, но серіозные люди были довольны. Не такъ довольны были только одинъ дамы, но все-же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ болѣе, что за послѣдствія онъ совсѣмъ не боялись и ждали всего отъ Өетюковича; наконецъ-то, онъ заговоритъ и ужь, конечно, всѣхъ побѣдитъ! Всѣ поглядывали на Митю: всю рѣчь прокурора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы, потупившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислушивался. Особенно когда заговорили о Грушенькѣ. Когда прокуроръ передавалъ о ней мнѣніе Ракитина, въ лицѣ его выразилась презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слышно проговорилъ: Бернары! Когда-же Ипполитъ Кирилловичъ сообщалъ о томъ, какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его въ Мокромъ, Митя поднялъ голову и прислушивался со страшнымъ любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто хотѣлъ даже вскочить и что-то крикнуть, но, однако, осилилъ себя и только презрительно вскинулъ плечами.

Про этотъ финалъ рѣчи, именно про подвиги прокурора въ Мокромъ, при допросѣ преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили и надъ Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: Не утерпѣлъ, дескать, человѣкъ, чтобы не похвастаться своими способностями». Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ, на четверть часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ раздавались разговоры и восклицанія. Я ихъ запомнилъ:

— Серіозная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ въ одной группѣ.

— Психологіи наверталъ ужь много, раздался другой голосъ.

— Да вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоединился третій голосъ,— въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе-же какъ Ѳедоръ Павловичъ?

— И въ концѣ тоже. Только онъ это соврадъ.

— Да и неясности были.

— Увлекся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-съ.

— Ну нѣтъ, все-таки ловко. Долго ждалъ человѣкъ, а вотъ и сказалъ, хе-хе!

— Что-то защитникъ скажетъ?

Въ другой группѣ:

— А петербургскаго-то онъ напрасно сейчасъ задѣлъ: «біощихъ-то на чувствительность» помните?

— Да, это онъ неловко.

— Поспѣшилъ.

— Нервный человѣкъ-съ.

— Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?

— Да-съ. Митенькѣ-то каково?

— А вотъ что-то защитникъ скажетъ?

Въ третьей группѣ:

— Это какая такая дама, съ лорнетомъ, толстая, съ краю сидитъ?

— Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.

— То-то, съ лорнетомъ.

— Шушера.

— Ну нѣтъ, пикантненькая.

— Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.

— А ловко онъ его тогда въ Мокромъ накрылъ, а?

— Ловко-то ловко. Онять разсказалъ. Вѣдь онъ про это здѣсь по домамъ ужь сколько разсказывалъ.

— И теперь не утерпѣлъ. Самолюбіе.

— Обиженный человѣкъ, хе-хе!

— И общительный. Да и реторики много, фразы длинныя.

— Да и пугаетъ, замѣтьте, все пугаетъ. Про тройку-то помните? Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы! Это онъ ловко.

— Это онъ либерализму подкуривалъ. Боится!

— Да и адвоката боится.

— Да, что-то скажетъ господинъ Ѳетюковичъ?

— Ну, что-бы ни сказалъ, а нашихъ мужичковъ не пронюбетъ.

— Вы думаете?

Въ четвертой группѣ:

— А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.

— И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говоритъ, что народы не будутъ ждать.

— А что?

— Да въ англійскомъ парламентѣ ужь одинъ членъ вставалъ на прошлой недѣлѣ, по поводу нигилистовъ, и спрашивалъ министерство: не пора-ли ввязаться въ варварскую націю чтобы насъ образовать. Ипполитъ это про него, я знаю что про него. Онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далеко куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Кронштадтъ, да и не дадимъ имъ хлѣба. Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Теперь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонилъ колокольчикъ, все бросилось на мѣста. Ѳетюковичъ взошелъ на каѳедру.

X.

Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ.

Все затихло когда раздались первыя слова оратора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чрезвычайно прямо, просто и убѣдительно, но безъ малѣйшей заносчивости. Ни малѣйшей попытки на краснорѣчіе, на патетическія ноты, на звенящія чувствомъ словечки. Это былъ человѣкъ, заговорившій въ интимномъ

кругу сочувствующихъ людей. Голосъ у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, и даже въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто заслышалось уже нѣчто искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ-же стало понятно, что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно патетическаго,—и ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой. Говорилъ онъ, можетъ быть, неправильнѣе Ипполита Кириловича, но безъ длинныхъ фразъ и даже точнѣе. Одно не понравилось было дамамъ: онъ все какъ-то изгибался спиной, особенно въ началѣ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ-бы стремясь и летя къ своимъ слушателямъ, причемъ нагибался именно какъ-бы половиной своей длинной спины, какъ будто въ серединѣ этой длинной и тонкой спины его былъ устроенъ такой шарнеръ, такъ что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. Въ началѣ рѣчи говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто безъ системы, схватывая факты на разбивъ, а въ концѣ концовъ вышло цѣлое. Рѣчь его можно было-бы раздѣлить на двѣ половины: первая половина — это критика, это опроверженіе обвиненія, иногда злое и саркастическое. Но во второй половинѣ рѣчи какъ-бы вдругъ измѣнилъ и тонъ, и даже пріемъ свой, и разомъ возвысился до патетическаго, а зала какъ будто ждала того и вся затрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ дѣлу и началъ съ того, что хотя поприще его и въ Петербургѣ, но онъ уже не первый разъ посѣщаетъ города Россіи для защиты подсудимыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ или убѣжденъ, или предчувствуетъ се заранѣе. — Тоже самое произошло со мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ. Даже только изъ однѣхъ первоначальныхъ газетныхъ корреспонденцій мнѣ уже мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее въ пользу подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего заинтересовалъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто повторяющійся въ судебной практикѣ, но никогда, мнѣ кажется, въ такой полнотѣ и съ такими характерными особенностями, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо-бы мнѣ формулировать лишь въ финалѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но, однако, я выскажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю слабость приступать прямо къ предмету, не принятывая эффектовъ и не экономизируя впечатлѣній. Это, можетъ быть, съ моей стороны неразсчетливо, но зато искренно. Эта мысль моя, формула моя — слѣдующая: подавляющая совокупность фактовъ противъ подсудимаго и въ тоже время ни одного факта, выдерживающаго критику, если разсматривать его единично, самого по себѣ! Слѣдя далѣе по слухамъ и по газетамъ, я утверждался въ моей мысли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получилъ отъ родныхъ подсудимаго приглашеніе защищать

его. Я тотчасъ-же поспѣшилъ сюда и здѣсь уже окончательно убѣдился. Вотъ, чтобы разбить эту странную совокупность фактовъ и выставить недоказанность и фантастичность каждаго обвиняющаго факта въ отдѣльности, я и взялся защищать это дѣло».

Такъ началъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

Господа присяжные засѣдатели, я здѣсь человѣкъ свѣжій. Всѣ впечатлѣнія легли на меня не предвзято. Подсудимый, буйный характеромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предварительно, какъ сотню, можетъ быть, лицъ въ этомъ городѣ, отчего многіе и предубѣждены противъ него заранѣе. Конечно, и я сознаюсь, что нравственное чувство здѣшняго общества возбуждено справедливо: подсудимый буенъ и необуздавъ. Въ здѣшнемъ обществѣ его, однако-же, принимали, даже въ семействѣ высокоталантливаго обвинителя онъ былъ обласканъ. (Nota bene. При этихъ словахъ въ публикѣ раздались два—три смѣшка, хотя и быстро подавленные, но всѣми замѣченные. Всѣмъ у насъ было извѣстно, что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли, потому единственно, что его, почему-то, находила любопытнымъ прокурорша, дама въ высшей степени добродѣтельная и почтенная, но фантастическая и своенравная и любившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно въ мелочахъ, оппонировать своему супругу. Митя, впрочемъ, посѣщалъ ихъ домъ довольно рѣдко). Тѣмъ не менѣе я осмѣлюсь допустить, продолжалъ защитникъ, – что даже и въ такомъ независномъ умѣ и справедливомъ характерѣ, какъ у моего оппонента, могло составиться противъ моего несчастнаго кліента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ натурально: несчастный слишкомъ заслужилъ, чтобы къ нему отнеслись даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное-же нравственное и еще пуще того эстетическое чувство иногда бываетъ неумолимо. Конечно, въ высокоталантливой обвинительной рѣчи мы услышали всѣ строгіе анализъ характера и поступковъ подсудимаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а, главное, выставлены были такія психологическія глубины для объясненія намъ сути дѣла, что проникновеніе въ эти глубины не могло-бы вовсе состояться при сколько нибудь намѣренно и злостно предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но вѣдь есть вещи, которыя даже хуже, даже гибельнѣе въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ самое злостное и преднамѣренное отношеніе къ дѣлу. Именно, если насъ, напримѣръ, обуяетъ нѣкоторая, такъ сказать, художественная игра, потребность художественнаго творчества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богатствѣ психологическихъ даровъ, которыми Богъ одѣлилъ наши способности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда, я былъ предва-

рень — да и самъ зналъ безо всякаго предвареніи, что встрѣчу здѣсь оппонентомъ глубокаго и тончайшаго психолога, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ нѣкоторую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическомъ мірѣ. Но вѣдь психологія, господа, хоть и глубокая вещь, а, вотъ-таки, похожа на палку о двухъ концахъ (смѣшокъ въ публикѣ). О, вы, конечно, простите мнѣ тривіальное сравненіе мое: я слишкомъ краснорѣчиво говорить не мастеръ. Но вотъ, однако-же, примѣръ — беру первый попавшійся изъ рѣчи обвинителя. Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая, перелѣзаетъ черезъ заборъ и повергаетъ мѣднымъ пестомъ внезапно-гося въ его логу лакея. Затѣмъ тотчасъ-же соскакиваетъ обратно въ садъ и цѣлыхъ пять минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать: убилъ онъ его или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ повѣрить въ справедливость показанія подсудимаго, что соскочилъ онъ къ старику Григорію изъ жалости. Нѣтъ, дескать, можетъ-ли быть такая чувствительность въ такую минуту; это-де неестественно, а соскочилъ онъ именно для того, чтобъ убѣдиться: живъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія, а, стало быть, тѣмъ и засвидѣтельствовалъ, что онъ совершилъ это злодѣяніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому нибудь другому поводу, влеченію или чувству. Вотъ психологія: но возьмемъ ту-же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но только съ другаго конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдоподобно. Убійца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности, чтобъ убѣдиться живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что оставилъ въ кабинетѣ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству самого-же обвинителя, колоссальную на себя улику въ видѣ разорваннаго пакета, на которомъ было написано, что въ немъ лежали три тысячи. Вѣдь унеси онъ этотъ пакетъ съ собою, то никто-бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ и существовалъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что, стало быть, деньги были ограблены подсудимымъ. Это извѣченіе самого обвинителя. Ну такъ на одно, видите-ли, не хватило предосторожности, потерялся человѣкъ, испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику, а какъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другаго человѣка, то тутъ сейчасъ-же является самое безсердечное и разсчетливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но пусть, пусть это такъ и было: въ томъ-то-де и тонкость психологіи, что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ-же кровожаденъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую минуту слѣпъ и робокъ какъ ничтожный кротъ. Но если ужъ я такъ кровожаденъ и жестоко разсчетливъ, что, убивъ, соскочилъ лишь для того, чтобы посмотрѣть живъ-ли на меня свидѣтель или нѣтъ, то

къ чему-бы, кажется, возиться надъ этою новою жертвою моей цѣлыхъ пять минутъ, да еще нажить, пожалуй, новыхъ свидѣтелей? Къ чему мочить платокъ, обтирая кровь съ головы поверженнаго, съ тѣмъ чтобы платокъ этотъ послужилъ потомъ противъ меня-же уликой? Нѣтъ, если мы уже такъ разсчетливы и жестокосерды, то не лучше-ли-бы было, соскочивъ, просто оторопить поверженнаго слугу тѣмъ-же самымъ пестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобъ уже убить его окончательно и, искоренивъ свидѣтеля, снять съ сердца всякую заботу? И, наконецъ, я соскакиваю чтобы провѣрить, живъ или нѣтъ на меня свидѣтель, и тутъ-же на дорожкѣ оставляю другаго свидѣтеля, именно этотъ самый пестикъ, который я захватилъ у двухъ женщинъ и который объ всегда могутъ признать потомъ этотъ пестикъ за свой и засвидѣтельствовать, что это я у нихъ его захватилъ. И не то что забылъ его на дорожкѣ, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности: нѣтъ, мы именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его впрахъ въ пятнадцати отъ того мѣста гдѣ былъ поверженъ Григорій. Спрашивается, для чего-же мы такъ сдѣлали? А вотъ именно потому и сдѣлали, что намъ горько стало, что мы человѣка убили, стараго слугу, а потому въ досадѣ, съ проклятіемъ, и отбросили пестикъ какъ оружіе убійства, иначе быть не могло, для чего-же его было бросать съ такого размаху? Если-же могли почувствовать боль и жалость, что человѣка убили, то, конечно, уже потому что отца не убили. Убивъ отца, не соскочили-бы къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было-бы иное чувство, не до жалости-бы было тогда, а до самоспасенія, и это, конечно, такъ. Напротивъ, повторяю, размозжили-бы ему черепъ окончательно, а не возились-бы съ нимъ пять минутъ. Явилось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому, что была передъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ, стало быть, другая уже психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, прибѣгнулъ теперь самъ къ психологіи чтобы наглядно показать, что изъ нея можно вывесть все что̀ угодно. Все дѣло въ какихъ она рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ серіозныхъ людей, и это совершенно невольно. Я говорю про излишнюю психологію, господа присяжные, про нѣкоторое злоупотребленіе ею .

Здѣсь опять послышались одобрительные смѣшки въ публикѣ и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣчи защитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ нея мѣста, нѣкоторые главнѣйшіе пункты.

XI.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ даже всѣхъ поразившій въ рѣчи защитника, а именно полное отрицаніе существованія этихъ роковыхъ трехъ тысячъ рублей, а, стало быть, и возможности ихъ грабежа.

«Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ, въ настоящемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго человѣка поражаетъ одна характерибйная особенность, а именно: обвиненіе въ грабежѣ и въ тоже время совершенная невозможность фактически указать на то: что именно было ограблено? Ограблены, дескать, деньги, именно три тысячи, — а существовали-ли онѣ въ самомъ дѣлѣ, — этого никто не знаетъ. Разсудите: во первыхъ, какъ мы узнали, что были три тысячи и кто ихъ видѣлъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то, что онѣ были уложены въ пакетъ съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ-же сообщилъ о семъ свѣдѣніи еще до катастрофы подсудимому и его брату Ивану Ѳедоровичу. Дано было тоже знать г-жѣ Свѣтловой. Но всѣ эти три лица сами этихъ денегъ, однако, не видали, видѣлъ опять-таки лишь Смердяковъ, но тутъ самъ собою вопросъ: если и правда, что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердяковъ, то когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ? А что если баринъ эти деньги изъ-подъ постели вынулъ и опять положилъ въ шкатулку, ему не сказавши? Замѣтьте, по словамъ Смердякова, деньги лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый долженъ былъ ихъ вырвать изъ-подъ тюфяка, и, однако-же, постель была ничуть не помята и объ этомъ старательно записано въ протоколъ. Какъ могъ подсудимый совсѣмъ таки ничего не помять въ постели и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не замарать свѣжебѣлаго, тонкаго постельнаго бѣлья, которое нарочно на этотъ разъ было постлано? Но, скажутъ намъ: а пакетъ-то на полу? Вотъ объ этомъ-то пакетѣ и стоитъ поговорить. Давеча я былъ даже нѣсколько удивленъ: высокоталантливый обвинитель, заговоривъ объ этомъ пакетѣ, вдругъ самъ, — слышите, господа, самъ, — заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ указываетъ на нелѣпость предположенія, что убилъ Смердяковъ: Не было-бы этого пакета, не останься онъ на полу какъ улика, унеси его грабитель съ собою, то никто-бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ пакетъ, а въ немъ деньги и что, стало быть, деньги были ограблены подсудимымъ. Итакъ единственно только этотъ разо-

рванный клочекъ бумаги съ надписью, даже по признанію самого обвинителя, и послужилъ къ обвиненію подсудимаго въ грабежѣ, иначе-де не узналъ-бы никто, что былъ грабежъ, а, можетъ быть, что были и деньги. Но неужели одно то, что этотъ клочекъ валялся на полу есть доказательство, что въ немъ были деньги и что деньги эти ограблены? Но, отвѣчаютъ, вѣдь видѣлъ ихъ въ пакетѣ Смердяковъ, но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, вотъ объ чемъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и онъ мнѣ сказалъ, что видѣлъ ихъ за два дня предъ катастрофой! Но почему-же я не могу предположить, напримѣръ, хотя такое обстоятельство, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ, запершись дома, въ нетерпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной, вдругъ вздумалъ-бы, отъ нечего дѣлать, вынуть пакетъ и его распечатать: Что, дескать, пакетъ, еще, пожалуй, и не повѣрить, а какъ тридцать-то радужныхъ въ одной пачкѣ ей покажу, небось сильнѣе подѣйствуетъ, потекутъ слюнки,—и вотъ онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ бросаетъ на полъ бѣлою рукой хозяина и, ужь конечно, не боясь никакой улики. Послушайте, господа присяжные, есть-ли что возможнѣе такого предположенія и такого факта? Почему это невозможно? Но вѣдь если хоть что нибудь подобное могло имѣть мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собою уничтожается: не было денегъ, не было, стало быть, и грабежа. Если пакетъ лежалъ на полу какъ улика, что въ немъ были деньги, то почему я не могу утверждать обратное, а именно, что пакетъ валялся на полу именно потому, что въ немъ уже не было денегъ, взятыхъ изъ него предварительно самимъ хозяиномъ? Да, но куда-жь, въ такомъ случаѣ, дѣлись деньги если ихъ выбралъ изъ пакета самъ Ѳедоръ Павловичъ, въ его домѣ при обыскѣ не нашли? Во первыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ нашли, а во вторыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже еще наканунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать, измѣнить, наконецъ, свою мысль, свой планъ дѣйствій въ самомъ основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужнымъ докладываться объ этомъ предварительно Смердякову? А вѣдь если существуетъ хотя-бы даже только возможность такого предположенія,—то какъ-же можно столь настойчиво и столь твердо обвинять подсудимаго, что убійство совершено имъ для грабежа и что дѣйствительно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы такимъ образомъ вступаемъ въ область романовъ. Вѣдь если утверждать, что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту вещь или, по крайней мѣрѣ, доказать неопровержимо, что она существовала. А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ одинъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, во-

семнадцати лѣтъ. мелкій разнощикъ съ лотка, вошелъ средь бѣла дня съ топоромъ въ мѣняльную лавку и съ необычайною, типической дерзостью убилъ хозяина лавки и унесъ съ собою тысячу пятьсотъ рублей деньгъ. Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ. на немъ. кромѣ пятнадцати рублей. которые онъ уже успѣлъ истратить. нашли всѣ эти полторы тысячи. Кромѣ того. воротившіяся послѣ убійства въ лавку прикащикъ сообщилъ полиціи не только объ украденной суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ она состояла, то есть сколько было кредитокъ радужныхъ, сколько синихъ, сколько красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно. и вотъ на арестованномъ убійцѣ именно такія-же деньги и монеты и найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и чистосердечное признаніе убійцы въ томъ, что онъ убилъ и унесъ съ собою эти самыя деньги. Вотъ это, господа присяжные. я называю уликой! Вотъ тутъ ужь я знаю. внизу. осязаю деньги и не могу сказать, что ихъ нѣтъ или не было. Такъ-ли въ настоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти. о судьбѣ человѣка. Такъ. скажутъ. но вѣдь онъ въ ту-же ночь кутилъ. сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы тысячи рублей, откуда-же онъ взялъ ихъ? Но вѣдь именно потому. что обнаружено было всего только полторы тысячи, а другой половины суммы ни за что не могли отыскать и обнаружить, именно тѣмъ и доказывается, что эти деньги могли быть совсѣмъ не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ пакетѣ. По разсчету времени (и уже строжайшему) дознано и доказано предварительнымъ слѣдствіемъ, что подсудимый. выбѣжавъ отъ служанокъ къ чиновнику Перхотину. домой не заходилъ, да и никуда не заходилъ, а затѣмъ все время былъ на людяхъ. а, стало быть, не могъ отдѣлить отъ трехъ тысячъ половины и куда нибудь спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе и было причиною предположенія обвинителя, что деньги гдѣ-то спрятаны въ расщелинѣ въ сетѣ Мокромъ. Да ужь не въ подвалахъ-ли Ѵдольфскаго замка. господа? Ну не фантастическое-ли, не романическое-ли это предположеніе. И. замѣтьте. вѣдь уничтожься только это одно предположеніе, то есть что спрятано въ Мокромъ и все обвиненіе въ грабежѣ взлетаетъ на воздухъ, ибо гдѣ-же, куда-же дѣвались тогда эти полторы тысячи? Какимъ чудомъ онѣ могли исчезнуть, если доказано, что подсудимый никуда не заходилъ? И такими-то романами мы готовы погубить жизнь человѣческую! Скажутъ: «все-таки онъ не умѣлъ объяснить гдѣ взялъ эти полторы тысячи, которыя на немъ обнаружены, кромѣ того всѣ знали, что до этой ночи у него не было денегъ». А кто-же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное и твердое показаніе о томъ откуда взялъ

деньги, и если хотите, господа присяжные заседатели, если хотите— никогда ничего не могло и не может быть вероятнее этого показанія и, кромѣ того, болѣе совмѣстнаго съ характеромъ и душой подсудимаго. Обвиненію понравился собственный романъ: человѣкъ съ слабою волей, рѣшившійся взять три тысячи, столь позорно ему предложенныя невѣстой его, не могъ, дескать, отдѣлить половину и запрятать ее въ ладонку, напротивъ, если-бъ и запрятать, то расшивалъ-бы каждые два дня и откалупывалъ-бы по сотнѣ и, такимъ образомъ, извелъ-бы все въ одинъ мѣсяцъ. Вспомните, все это было изложено тономъ, нетерпящимъ никакихъ возраженій. Ну, а что если дѣло происходило вовсе не такъ, а ну какъ вы создали романъ, а въ немъ совсѣмъ другое лицо? Въ томъ-то и дѣло, что вы создали другое лицо! Возразятъ, пожалуй: Есть свидѣтели, что онъ прокутилъ въ селѣ Мокромъ всѣ эти три тысячи, взятыя у г-жи Верховцевой, за мѣсяцъ передъ катастрофой, разомъ, какъ одну копѣйку, стало быть, не могъ отдѣлить отъ нихъ половину . Но кто-же эти свидѣтели? Степень достовѣрности этихъ свидѣтелей на судѣ уже обнаружилась. Кромѣ того, въ чужой рукѣ ломоть всегда больше кажется. Наконецъ, никто изъ этихъ свидѣтелей денегъ этихъ самъ не считалъ, а лишь судилъ на свой глазъ. Вѣдь показалъ-же свидѣтель Максимовъ, что у подсудимаго было въ рукахъ двадцать тысячъ. Видите, господа присяжные, такъ какъ психологія о двухъ концахъ, то ужъ позвольте мнѣ и тутъ другой конецъ приложить и посмотримъ то-ли выйдетъ.

За мѣсяцъ до катастрофы подсудимому были вѣрены для отсылки по почтѣ три тысячи рублей г-жею Верховцевой, но вопросъ: справедливо-ли, что были вѣрены съ такимъ позоромъ и съ такимъ униженіемъ, какъ провозглашено было давеча? Въ первомъ показаніи о томъ-же предметѣ у г-жи Верховцевой выходило не такъ, совершенно не такъ: во второмъ-же показаніи мы слышали лишь крики озлобленія, отмщенія, крики долго таившейся ненависти. Но ужъ одно то, что свидѣтельница разъ въ первомъ показаніи своемъ показала невѣрно, даетъ право намъ заключить, что и второе показаніе могло быть невѣрно. Обвинитель «не хочетъ, не смѣетъ (его слова) дотрогиваться до этого романа. Ну и пусть, я тоже не стану дотрогиваться, но, однако, позволю себѣ лишь замѣтить, что если чистая и высоконравственная особа, какова безспорно и есть высокоуважаемая г-жа Верховцева, если такая особа, говорю я, позволяетъ себѣ вдругъ, разомъ, на судѣ, измѣнить первое свое показаніе, съ прямою цѣлью погубить подсудимаго, то ясно и то, что это показаніе ея было сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Неужели-же у насъ отнимутъ право заключить, что отмщавшая жен-

щина могла многое преувеличить? Да, именно преувеличить тотъ стыдъ и позоръ, съ которымъ были ею предложены деньги. Напротивъ, онѣ были предложены именно такъ, что ихъ еще можно было принять, особенно такому легкомысленному человѣку какъ нашъ подсудимый. Главное, онъ имѣлъ тогда въ виду скорое полученіе отъ отца этихъ долженыхъ ему по разсчету трехъ тысячъ. Это легкомысленно, но именно по легкомыслію своему онъ и былъ твердо увѣренъ, что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ получитъ и, стало быть, всегда можетъ отправить ввѣренныя ему г-жею Верховцевой деньги по почтѣ и разквитаться съ долгомъ. Но обвинитель ни за что не хочетъ допустить, что онъ могъ въ тотъ-же день, въ день обвиненія, отдѣлить изъ полученныхъ денегъ половину и запрятать въ ладонку: «Не таковъ, дескать, это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ». Но вѣдь сами-же вы кричали, что широкъ Карамазовъ, сами-же вы кричали про двѣ крайнія бездны, которыя можетъ созерцать Карамазовъ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, о двухъ бездныхъ, что при самой безудержной потребности кутежа можетъ остановиться, если что нибудь его поразитъ съ другой стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь, - именно вотъ эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на эту любовь нужны деньги и нужнѣе, о! гораздо нужнѣе, чѣмъ даже на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: «Твоя, не хочу Ѳедора Павловича», и онъ схватитъ ее и увезетъ, такъ было-бы на что увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. Карамазову-ль этого не понять? Да онъ именно этимъ и боленъ былъ, этою заботой, — что-жь невѣроятнаго, что онъ отдѣлилъ эти деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ, однако, время уходитъ, а Ѳедоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому не выдаетъ, напротивъ, слышно что опредѣлилъ ихъ именно на то чтобы сманить ими его-же возлюбленную. «Если не отдастъ Ѳедоръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной Ивановной выйду воромъ». И вотъ у него рождается мысль, что эти-же полторы тысячи, которыя онъ продолжаетъ носить на себѣ въ этой ладонкѣ, онъ придетъ, положитъ предъ г-жею Верховцевой и скажетъ ей: «Я подлецъ, но не воръ». И вотъ, стало быть, уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ зеницу ока, отнюдь не распивать ладонку и не откалупывать по сту рублей. Отчего откажете вы подсудимому въ чувствѣ чести? Нѣтъ, чувство чести въ немъ есть, положимъ, неправильное, положимъ, весьма часто ошибочное, но оно есть, есть до страсти, и онъ доказалъ это. Но вотъ, однако-же, дѣло усложняется. мученія ревности достигаютъ высшей степени, и все тѣ-же, все прежніе два вопроса обрисовываются все мучительнѣе и мучитель-

нѣе въ воспаленномъ мозгу подсудимаго. Отдамъ Катеринѣ Ивановнѣ: на какія-же средства увезу я Грушеньку? Если онъ безумствовалъ такъ, и напивался, и бушевалъ по трактирамъ во весь этотъ мѣсяцъ, то это именно, можетъ быть, потому, что самому было горько, не въ мочь переносить. Эти два вопроса до того, наконецъ, обострились, что довели его, наконецъ, до отчаянія. Онъ послалъ было своего младшаго брата къ отцу просить у него эти три тысячи въ послѣдній разъ, но, не дождавшись отвѣта, ворвался самъ и кончилъ тѣмъ что избилъ старика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получить, значитъ, уже не у кого, избитый отецъ не дастъ. Въ тотъ-же день вечеромъ онъ бьетъ себя по груди, именно по верхней части груди, гдѣ эта ладонка, и клянется брату, что у него есть средство не быть подлецомъ, но что все-таки онъ останется подлецомъ, ибо предвидитъ, что не воспользуется средствомъ, не хватитъ силы духовной, не хватитъ характера. Почему, почему обвиненіе не вѣритъ показанію Алексѣя Карамазова, данному такъ чисто, такъ искренно, неподготовленно и правдоподобно? Почему, напротивъ, заставляетъ меня вѣрить деньгамъ въ какой-то расщелинѣ, въ подвалахъ Мюльфскаго замка? Въ тотъ-же вечеръ, послѣ разговора съ братомъ, подсудимый пишетъ это роковое письмо, и вотъ это-то письмо и есть самое главное, самое колоссальное уличеніе подсудимаго въ грабежѣ! «Буду просить у всѣхъ людей, а не дадутъ люди, убью отца и возьму у него подъ тюфякомъ, въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только-бы уѣхалъ Иванъ —вотъ-де программа убійства, какъ-же не онъ? «Совершилось по написанному! восклицаетъ обвиненіе. Но, во первыхъ, письмо пьяное и написано въ страшномъ раздраженіи: во вторыхъ, опять-таки о пакетѣ онъ пишетъ со словъ Смердякова, потому что самъ пакета не видалъ, а въ третьихъ, написано-то оно написано, но совершилось-ли по написанному, это чѣмъ доказать? Досталъ-ли подсудимый пакетъ подъ подушкой, нашелъ-ли деньги, существовали-ли онъ даже? Да и за деньгами-ли подсудимый побѣжалъ, припомните, припомните! Онъ побѣжалъ сломя голову не грабить, а лишь узнать гдѣ она, эта женщина, его сокрушившая,—не по программѣ, стало быть, не по написанному онъ побѣжалъ, то есть не для обдуманнаго грабежа, а побѣжалъ внезапно, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! «Да, скажутъ, но все-таки, прибѣжавъ и убивъ, захватилъ и деньги . «Да, наконецъ, убилъ-ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ я отвергаю съ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ если нельзя указать съ точностью что̀ именно ограблено, это аксіома! Но убилъ-ли еще онъ, безъ грабежа-то убилъ-ли? Это-то доказано-ли? Ужь не романъ-ли и это?»

XII.

Да и убійства не было.

Позвольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая и надо быть осторожнѣе. Мы слышали какъ обвиненіе само засвидѣтельствовало, что до самаго послѣдняго дня, до сегодня, до дня суда, колебалось обвинить подсудимаго въ полной и совершенной преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого роковаго «пьянаго» письма, представленнаго сегодня суду. «Совершилось какъ по писаному!» Но опять-таки повторяю: онъ побѣжалъ къ ней, за ней, единственно только узнать гдѣ она? Вѣдь это фактъ непреложный. Случись она дома, онъ никуда-бы не побѣжалъ, а остался при ней и не сдержалъ-бы того, что̀ въ письмѣ обѣщалъ. Онъ побѣжалъ нечаянно, и внезапно, а о «пьяномъ» письмѣ своемъ онъ, можетъ быть, вовсе тогда и не помнилъ. «Захватилъ, дескать, пестикъ» — и помните, какъ изъ этого одного пестика намъ вывели цѣлую психологію, почему-де онъ долженъ былъ принять этотъ пестикъ за оружіе, схватить его какъ оружіе, и проч., и проч. Тутъ мнѣ приходитъ въ голову одна самая обыкновенная мысль: ну что̀ если-бъ этотъ пестикъ лежалъ не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его подсудимый, а былъ прибранъ въ шкафъ, — вѣдь подсудимому не мелькнулъ-бы онъ тогда въ глаза и онъ-бы убѣжалъ безъ оружія, съ пустыми руками, и вотъ, можетъ быть, никого-бы тогда и не убилъ. Какимъ-же образомъ я могу заключать о пестикѣ какъ о доказательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кричалъ по трактирамъ, что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ вечеръ когда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссорился въ трактирѣ лишь съ однимъ только купеческимъ прикащикомъ, «потому-де, что Карамазовъ не могъ не поссориться». А я отвѣчу на это, что ужь если замыслилъ такое убійство, да еще по плану, по написанному, то ужь навѣрно-бы не поссорился и съ прикащикомъ, да, можетъ быть, и въ трактиръ не зашелъ-бы вовсе, потому что душа, замыслившая такое дѣло, ищетъ тишины и стушевки, ищетъ исчезновенія, чтобы не видали, чтобы не слыхали: «Забудьте-де обо мнѣ если можете», и это не по разсчету только, а по инстинкту. Господа присяжные, психологія о двухъ концахъ, и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что-же до всѣхъ этихъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то мало-ли разъ кричатъ дѣти, али пьяные гуляки, выходя изъ кабаковъ и ссорясь

другъ съ другомъ: «Я убью тебя», но вѣдь не убиваютъ-же. Да и самое это роковое письмо, — ну, не пьяное-ли оно раздраженіе тоже, не крикъ-ли изъ кабака выходящаго: «убью, дескать, всѣхъ васъ убью!» Почему не такъ, почему не могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему, напротивъ, оно не смѣшное? А вотъ именно потому, что найденъ трупъ убитаго отца, потому что свидѣтель видѣлъ подсудимаго въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ поверженъ имъ, стало быть, и совершилось все по написанному, а потому и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы дошли до точки: «коли былъ въ саду, значитъ, онъ и убилъ». Этими двумя словечками: коли *былъ* такъ ужъ непремѣнно и *значитъ*, все исчерпывается, все обвиненіе — «былъ такъ и значитъ». А если не *значитъ*, хотя-бы и былъ? О, я согласенъ, что совокупность фактовъ, совпаденіе фактовъ дѣйствительно довольно краснорѣчивы. Но разсмотрите, однако, всѣ эти факты отдѣльно, не вникая ихъ совокупностью: почему, напримѣръ, обвиненіе ни за что не хочетъ допустить правдивости показанія подсудимаго, что онъ убѣжалъ отъ отцова окошка? Вспомните даже сарказмы, въ которые пускается здѣсь обвиненіе на счетъ почтительности и «благочестивыхъ» чувствъ, вдругъ обуявшихъ убійцу. А что если и въ самомъ дѣлѣ тутъ было нѣчто подобное, то есть хоть не почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ? «Должно быть, мать за меня замолила въ эту минуту», показываетъ на слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣжалъ чуть лишь увѣрился, что Свѣтловой у отца въ домѣ нѣтъ. «Но онъ не могъ увѣриться чрезъ окно», возражаетъ намъ обвиненіе. А почему-же не могъ? Вѣдь окно отворилось-же на поданные подсудимымъ знаки. Тутъ могло быть произнесено одно какое нибудь такое слово Ѳедоромъ Павловичемъ, могъ вырваться какой нибудь такой крикъ — и подсудимый могъ вдругъ удостовѣриться, что Свѣтловой тутъ нѣтъ. Почему непремѣнно предполагать такъ, какъ мы воображаемъ, какъ предположили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькнуть тысяча вещей ускользающихъ отъ наблюденія самаго тонкаго романиста. «Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а, стало быть, подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а, стало быть, и убилъ». Объ этой двери, господа присяжные... Видите-ли, объ отворенной этой двери свидѣтельствуетъ лишь одно лицо, бывшее, однако, въ то время въ такомъ состояніи само, что... Но пусть, пусть была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ изъ чувства самозащиты, столь понятнаго въ его положеніи, пусть, пусть онъ проникъ въ домъ, былъ въ домѣ, — ну и что-же, почему-же непремѣнно коли былъ, то и убилъ? Онъ могъ ворваться, пробѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца,

мог даже ударить отца, но удостоверившись, что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣжалъ, радуясь, что ее нѣтъ и что убѣжалъ отца не убивъ. Именно потому, можетъ быть, и соскочилъ черезъ минуту съ забора къ поверженному имъ въ азартѣ Григорію, что въ состояніи былъ ощущать чувство чистое, чувство состраданія и жалости, потому что убѣжалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ въ себѣ сердце чистое и радость, что не убилъ отца. Краснорѣчиво до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состояніе подсудимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, зовя его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, потому что сзади былъ окровавленный трупъ отца его, а за трупомъ казнь. И однако-же, обвинитель все-таки допустилъ любовь, которую и объяснилъ по своей психологіи: «Пьяное, дескать, состояніе, преступника везутъ на казнь, еще долго ждать, и пр., и пр.» Но не другое-ли вы создали лицо, господинъ обвинитель, опять-таки спрашиваю? Такъ-ли, такъ-ли грубъ и бездушенъ подсудимый, что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о вліяніи предъ судомъ если-бы дѣйствительно на немъ была кровь отца? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось, что она его любитъ, зоветъ съ собою, сулитъ ему новое счастье, —о, клянусь, онъ долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убилъ-бы себя непремѣнно, если-бы сзади его лежалъ трупъ отца! О, нѣтъ, не забылъ-бы гдѣ лежатъ его пистолеты! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, взведенная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характеромъ. Онъ-бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно потому, что мать замолила о немъ и сердце его было неповинно въ крови отца. Онъ мучился, онъ горевалъ въ ту ночь въ Мокромъ лишь о поверженномъ старикѣ Григоріи и молилъ про себя Бога, чтобы старикъ всталъ и очнулся, чтобъ ударъ его былъ не смертеленъ и миновала-бы казнь за него. Почему не принять такое толкованіе событій? Какое мы имѣемъ твердое доказательство, что подсудимый намъ лжетъ? А вотъ трупъ-то отца, укажутъ намъ тотчасъ-же снова: онъ выбѣжалъ, онъ не убилъ, ну такъ кто-же убилъ старика?

«Повторяю, тутъ вся логика обвиненія: кто-же убилъ какъ не онъ? Некого, дескать, поставить вмѣсто него. Господа присяжные засѣдатели, такъ-ли это? Вдумаемъ-ли, дѣйствительно-ли ужъ такъ-таки совсѣмъ некого поставить? Мы слышали какъ обвиненіе перечло по пальцамъ всѣхъ бывшихъ и всѣхъ перебывавшихъ въ ту ночь въ этомъ домѣ. Нашлось пять человѣкъ. Трое изъ нихъ, я согласенъ, вполнѣ невмѣняемы: это самъ убитый, старикъ Гри-

горій и жена его. Остаются, стало быть, подсудимый и Смердяковъ, и вотъ обвинитель съ пафосомъ восклицаетъ, что подсудимый потому указываетъ на Смердякова, что не на кого больше ему указать, что будь тутъ кто нибудь шестой, даже призракъ какого-либо шестаго, то подсудимый самъ-бы тотчасъ бросилъ обвинять Смердякова, устыдившись его, а показалъ-бы на этого шестаго. Но, господа присяжные, почему-бы я не могъ заключить совершенно обратно? Стоятъ двое: подсудимый и Смердяковъ, — почему-же мнѣ не сказать, что вы обвиняете моего кліента единственно потому, что вамъ некого обвинить? А некого лишь потому, что вы совершенно предвзято заранѣе исключили Смердякова изъ всякаго подозрѣнія. Да, правда, на Смердякова показываетъ лишь самъ подсудимый, два брата его, Свѣтлова и только. Но вѣдь есть-же и еще кое-кто изъ показывающихъ: это нѣкоторое, хотя и неясное, броженіе въ обществѣ какого-то вопроса, какого-то подозрѣнія, слышенъ какой-то неясный слухъ, чувствуется, что существуетъ какое-то ожиданіе. Наконецъ, свидѣтельствуетъ и нѣкоторое сопоставленіе фактовъ весьма характерное, хотя, признаюсь, и неопредѣленное: во первыхъ, этотъ припадокъ падучей болѣзни именно въ день катастрофы, припадокъ, который такъ старательно принужденъ былъ почему-то защищать и отстаивать обвинитель. Затѣмъ это внезапное самоубійство Смердякова наканунѣ суда. Затѣмъ не менѣе внезапное показаніе стараго брата подсудимаго, сегодня на судѣ, до сихъ поръ вѣрившаго въ виновность брата и вдругъ приносящаго деньги и тоже провозгласившаго опять-таки имя Смердякова какъ убійцы! О, я вполнѣ убѣжденъ вмѣстѣ съ судомъ и съ прокуратуром, что Иванъ Карамазовъ — больной и въ горячкѣ, что показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною попыткой, замышленною притомъ-же въ бреду, спасти брата, сваливъ на умершаго. Но однако-же все-таки произнесено имя Смердякова, опять-таки какъ будто слышится что-то загадочное. Что-то какъ будто тутъ не договорено, господа присяжные, и не покончено. И, можетъ быть, еще договорится. Но объ этомъ пока оставимъ, это еще впереди. Судъ рѣшилъ давеча продолжать засѣданіе, но теперь пока, въ ожиданіи, я-бы могъ кое-что, однако, замѣтить, напримѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смердякова, столь тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ. Но, удивляясь таланту, не могу, однако-же, вполнѣ согласиться съ сущностью характеристики. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здоровьемъ онъ былъ слабъ, это правда, но характеромъ, но сердцемъ, — о, нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ человѣкъ, какъ заключило о немъ обвиненіе. Особенно не на-

шелъ я въ немъ робости, той робости, которую такъ характерно описывалъ намъ обвинитель. Простодушія-же въ немъ не было вовсе. Напротивъ, я нашелъ страшную недовѣрчивость, прячущуюся подъ наивностью, и умъ способный весьма многое созерцать. О! обвиненіе слишкомъ простодушно почло его слабоумнымъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе совершенно опредѣленное: я ушелъ съ убѣжденіемъ, что существо это рѣшительно злобное, ненавистно-честолюбивое, мстительное и злобно-завистливое. Я собралъ кой-какія свѣдѣнія: онъ ненавидѣлъ происхожденіе свое, стыдился его и со скрежетомъ зубовъ припоминалъ, что онъ отъ Смердящей произошелъ. Къ слугѣ Григорію и къ женѣ его, бывшимъ благодѣтелямъ его дѣтства, онъ былъ непочтителенъ. Россію проклиналъ и надъ нею смѣялся. Онъ мечталъ уѣхать во Францію, съ тѣмъ чтобы переодѣться во француза. Онъ много и часто толковалъ еще прежде, что на это недостаетъ ему средствъ. Мнѣ кажется, онъ никого не любилъ кромѣ себя, уважалъ-же себя до страшности высоко. Просвѣщеніе видѣлъ въ хорошемъ платьѣ, въ чистыхъ манишкахъ и въ вычищенныхъ сапогахъ. Считая себя самъ (и на это есть факты) незаконнымъ сыномъ Ѳедора Павловича, онъ могъ ненавидѣть свое положеніе сравнительно съ законными дѣтьми своего господина: имъ, дескать, все, а ему ничего, имъ всѣ права, имъ наслѣдство, а онъ только поваръ. Онъ повѣдалъ мнѣ, что самъ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, укладывалъ деньги въ пакетъ. Назначеніе этой суммы, — суммы, которая могла-бы составить его карьеру,—было, конечно, ему ненавистно. Къ тому-же онъ увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ радужныхъ кредиткахъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его). О, не показывайте никогда завистливому и самолюбивому человѣку большихъ денегъ разомъ, а онъ въ первый разъ увидалъ такую сумму въ одной рукѣ. Впечатлѣніе радужной пачки могло болѣзненно отразиться въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ послѣдствій. Высокоталантливый обвинитель съ необыкновенною тонкостью очертилъ намъ всѣ pro и contra предположенія о возможности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно спрашивалъ: для чего тому было притворяться въ падучей? Да, но вѣдь онъ могъ и не притворяться вовсе, припадокъ могъ придти совсѣмъ натурально, но вѣдь могъ-же и пройдти совсѣмъ натурально, и больной могъ очнуться. Положимъ, не выздоравливая, но все-же когда нибудь придти въ себя и очнуться, какъ и бываетъ въ падучей. Обвиненіе спрашиваетъ: гдѣ моментъ совершенія Смердяковымъ убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычайно легко. Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо онъ былъ только во снѣ: послѣ припадковъ падучей болѣзни

всегда нападаетъ глубокій сонъ), именно въ то мгновеніе, когда старикъ Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго подсудимаго, завопилъ на всю окрестность: Отцеубивецъ! Крикъ-то этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ разбудить Смердякова, сонъ котораго къ тому времени могъ быть и не очень крѣпокъ: онъ естественно могъ уже часъ тому какъ начать просыпаться. Вставъ съ постели, онъ отправляется почти безсознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотрѣть что̀ такое. Въ его головѣ болѣзненный чадъ, соображеніе еще дремлетъ, но вотъ онъ въ саду, подходитъ къ освѣщеннымъ окнамъ и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который, конечно, ему обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ головѣ его. Отъ испуганнаго барина онъ узнаетъ всѣ подробности. И вотъ постепенно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его созидается мысль, — страшная, но соблазнительная и неотразимо логическая: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все потомъ на барченка: на кого-же и подумаютъ теперь какъ не на барченка, кого-же могутъ обвинить какъ не барченка, всѣ улики, онъ тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, могла захватить ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безнаказанности. О, эти внезапные и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при случаѣ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, которые еще за минуту не знали, что захотятъ убить! И вотъ Смердяковъ могъ войдти къ барину и исполнить свой планъ, чѣмъ, какимъ оружіемъ, — а первымъ камнемъ, который онъ поднялъ въ саду. Но для чего-же, съ какою-же цѣлью? А три-то тысячи, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги могли быть и существовать. И даже, можетъ быть, Смердяковъ-то одинъ и зналъ гдѣ ихъ найдти, гдѣ именно онѣ лежатъ у барина. — Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу конвертъ? — Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ конвертѣ, изложилъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ, что оставить его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой какъ Карамазовъ, а совсѣмъ уже не Смердяковъ, который-бы ни за что̀ не оставилъ на себя такую улику — давеча, господа присяжные, я, слушая, вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то чрезвычайно знакомое. И, представьте себѣ, именно это самое соображеніе, эту догадку о томъ какъ-бы могъ поступить Карамазовъ съ конвертомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того отъ самого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня: мнѣ именно показалось, что онъ фальшиво нанизываетъ, забѣгаетъ впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ, чтобъ я самъ вывелъ это самое соображеніе и мнѣ его какъ будто подсказываетъ. Не подсказалъ-ли онъ это соображеніе и слѣдствію? Не

навязать-ли его и высокоталантливому обвинителю? Скажутъ: а старуха жена Григорія? Вѣдь она-же слышала какъ больной подлѣ нея стоналъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь соображеніе это чрезвычайно шаткое. Я зналъ одну даму, которая горько жаловалась, что ее всю ночь будила на дворѣ шавка и не давала ей спать. И, однако, бѣдная собачонка, какъ извѣстно стало, тявкнула всего только раза два — три во всю ночь. И это естественно: человѣкъ спитъ и вдругъ слышитъ стонъ, онъ просыпается въ досадѣ, что его разбудили, но засыпаетъ мгновенно снова. Часа черезъ два опять стонъ, опять просыпается и опять засыпаетъ, наконецъ, еще разъ стонъ, и опять черезъ два часа, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жалуется что кто-то всю ночь стоналъ и его безпрерывно будилъ. Но непремѣнно такъ и должно ему показаться; промежутки сна, по два часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а запомнилъ лишь минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется, что его будили всю ночь. Но почему, почему, восклицаетъ обвиненіе, Смердяковъ не признался въ посмертной запискѣ? На одно-де хватило совѣсти, а на другое нѣтъ . Но позвольте: совѣсть — это уже раскаяніе, но раскаянія могло и не быть у самоубійцы, а было лишь отчаяніе. Отчаяніе и раскаяніе — двѣ вещи совершенно различныя. Отчаяніе можетъ быть злобное и непримиримое, и самоубійца, накладывая на себя руки, въ этотъ моментъ могъ вдвонемъ ненавидѣть тѣхъ, кому всю жизнь завидовалъ. Господа присяжные засѣдатели, побеспокойтесь судебной ошибки! Чѣмъ, чѣмъ неправдоподобно все то что я вамъ сейчасъ представилъ и изобразилъ? Найдите ошибку въ моемъ изложеніи, найдите невозможность, абсурдъ? Но если есть хотя тѣнь возможности, хотя тѣнь правдоподобія въ моихъ предположеніяхъ удержитесь отъ приговора. А тутъ развѣ тѣнь только? Клянусь всѣмъ священнымъ, я вполнѣ вѣрю въ мое, въ представленное вамъ сейчасъ, толкованіе объ убійствѣ. А, главное, главное, меня смущаетъ и выводитъ изъ себя все та-же мысль, что изъ всей массы фактовъ, нагромажденныхъ обвиненіемъ на подсудимаго, нѣтъ ни единаго, хоть сколько нибудь точнаго и неотразимаго, а что гибнетъ несчастный единственно по совокупности этихъ фактовъ. Да, эта совокупность ужасна: эта кровь, эта съ пальцевъ текущая кровь, бѣлье въ крови, эта темная ночь, оглашаемая воплемъ отцеубійцы! и кричащій, надающій съ проломленною головой, а затѣмъ эта масса изрѣченій, показаній, жестовъ, криковъ, — о, это такъ вліяетъ, такъ можетъ подкупить убѣжденіе, но ваше-ли, господа присяжные засѣдатели, ваше-ли убѣжденіе подкупить можетъ? Вспомните, вамъ дана необъятная власть, власть вязать и рѣшить.

Но чѣмъ сильнѣе власть, тѣмъ страшнѣе ея приложеніе! Я ни на іоту не отступаю отъ сказаннаго мною сейчасъ, но ужъ пусть, такъ и быть, пусть на минуту и я соглашусь съ обвиненіемъ, что несчастный кліентъ мой обагрилъ свои руки въ крови отца. Это только предположеніе, повторяю, я ни на мигъ не сомнѣваюсь въ его невинности, но ужъ, такъ и быть, предположу, что мой подсудимый виновенъ въ отцеубійствѣ, но выслушайте, однако, мое слово, если-бы даже я и допустилъ такое предположеніе. У меня лежитъ на сердцѣ высказать вамъ еще нѣчто, ибо я предчувствую и въ вашихъ сердцахъ и умахъ большую борьбу... Простите мнѣ это слово, господа присяжные засѣдатели, о вашихъ сердцахъ и умахъ. Но я хочу быть правдивымъ и искреннимъ до конца. Будемъ-же всѣ искренни!..»

Въ этомъ мѣстѣ защитника прервалъ довольно сильный аплодисментъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ произнесъ съ такою искренне прозвучавшею нотой, что всѣ почувствовали, что, можетъ быть, дѣйствительно ему есть что̀ сказать и что то, что̀ онъ скажетъ сейчасъ, есть и самое важное. Но предсѣдатель, заслышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ очистить залу суда, если еще разъ повторится подобный случай . Все затихло, и Ѳетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновеннымъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, которымъ говорилъ до сихъ поръ.

XIII.

Прелюбодѣй мысли.

Не совокупность только фактовъ губитъ моего кліента, господа присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ,—нѣтъ, моего кліента губитъ, по настоящему, одинъ лишь фактъ: это—трупъ старика отца! Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при бездоказательности, при фантастичности фактовъ, если разсматривать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, а не въ совокупности,—отвергли-бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ, усомнились-бы губить судьбу человѣка по одному лишь предубѣжденію противъ него, которое, увы, онъ такъ заслужилъ! Но тутъ не простое убійство, а отцеубійство! Это импонируетъ, и до такой степени, что даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющихъ фактовъ становится уже не столь ничтожною и не столь бездоказательною, и это въ самомъ непредубѣжденномъ даже умѣ. Ну какъ оправдать такого подсудимаго? А ну какъ онъ убилъ и уйдетъ ненаказаннымъ,—вотъ что̀ чув-

ствуетъ каждый въ сердцѣ своемъ почти невольно, инстинктивно. „Да, страшная вещь пролить кровь отца,—кровь родившаго, кровь любившаго, кровь жизни своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ моими болѣзнями болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и лишь моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить такого отца—да это невозможно и помыслить! Господа присяжные, что такое отецъ, настоящій отецъ, что это за слово такое великое, какая страшно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы сейчасъ только указали отчасти что такое и чѣмъ долженъ быть истинный отецъ. Въ настоящемъ-же дѣлѣ, которымъ мы такъ всѣ теперь заняты, которымъ болятъ наши души, —въ настоящемъ дѣлѣ отецъ, покойный Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, нисколько не подходилъ подъ то понятіе объ отцѣ, которое сейчасъ сказалось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствительно, иной отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ-же эту бѣду поближе, -вѣдь ничего не надо бояться, господа присяжные, въ виду важности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не должны бояться теперь и, такъ сказать, отмахиваться отъ иной идеи, какъ дѣти или пугливыя женщины, по счастливому выраженію высокоталантливаго обвинителя. Но въ своей горячей рѣчи, уважаемый мой противникъ (и противникъ еще прежде чѣмъ я произнесъ мое первое слово), мой противникъ нѣсколько разъ воскликнулъ: Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсудимаго, я не уступлю его защиту защитнику пріѣхавшему изъ Петербурга,—я обвинитель, я и защитникъ!— Вотъ что онъ нѣсколько разъ воскликнулъ и, однако-же, забылъ упомянуть, что если страшный подсудимый цѣлые двадцать три года столь благодаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ, полученныхъ отъ единственнаго человѣка, приласкавшаго его ребенкомъ въ родительскомъ домѣ, то, обратно, не могъ-же вѣдь такой человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, какъ онъ бѣгалъ босой у отца «на заднемъ дворѣ, безъ сапожекъ, и въ панталончикахъ на одной пуговкѣ», по выраженію человѣколюбиваго доктора Герценштубе. О, господа присяжные, зачѣмъ намъ разсматривать ближе эту «бѣду», повторять, то, что всѣ уже знаютъ! Что встрѣтилъ мой кліентъ, пріѣхавъ сюда къ отцу? И зачѣмъ, зачѣмъ изображать моего кліента безчувственнымъ, эгоистомъ, чудовищемъ? Онъ безудерженъ, онъ дикъ и буенъ, вотъ мы теперь его судимъ за это, а кто виноватъ въ судьбѣ его, кто виноватъ, что при хорошихъ наклонностяхъ, при благодарномъ чувствительномъ сердцѣ, онъ получилъ такое нелѣпое воспитаніе? Учитъ-ли его кто нибудь уму-разуму, просвѣщенъ-ли онъ въ наукахъ, любитъ-ли кто его хоть сколько нибудь въ его дѣтствѣ? Мой кліентъ рость покровитель-

ствомъ Божіимъ, то есть какъ дикій звѣрь. Онъ, можетъ быть, жаждалъ увидѣть отца послѣ долголѣтней разлуки, онъ, можетъ быть, тысячу разъ передъ тѣмъ, вспоминая какъ сквозь сонъ свое дѣтство, отгонялъ отвратительные призраки, приснившіеся ему въ его дѣтствѣ, и всею душой жаждалъ оправдать и обнять отца своего! И что-жь? Его встрѣчаютъ одѣми цинническими насмѣшками, подозрительностью и крючкотворствомъ изъ-за спорныхъ денегъ; онъ слышитъ лишь разговоры и житейскія правила, отъ которыхъ воротитъ сердце, ежедневно за коньячкомъ, и, наконецъ, зритъ отца, отбивающаго у него, у сына, на его-же сыновнія деньги, любовницу,—о, господа присяжные, это отвратительно и жестоко! И этотъ-же старикъ всѣмъ жалуется на непочтительность и жестокость сына, мараетъ его въ обществѣ, вредитъ ему, клевещетъ на него, скупаетъ его долговыя росписки, чтобы посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти души, эти на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди, какъ мой кліентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно нѣжны сердцемъ, только этого не показываютъ. Не смѣйтесь, не смѣйтесь надъ моею идеей! Талантливый обвинитель смѣялся давеча надъ моимъ кліентомъ безжалостно, выставляя, что онъ любитъ Шиллера, любитъ прекрасное и высокое. Я-бы не сталъ надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣстѣ обвинителя! Да, эти сердца,—о, дайте мнѣ защитить эти сердца, столь рѣдко и столь несправедливо понимаемыя,—эти сердца весьма часто жаждутъ нѣжнаго, прекраснаго и справедливаго, и именно какъ-бы въ контрастъ себѣ, своему буйству, своей жестокости,—жаждутъ безсознательно, и именно жаждутъ. Страстные и жестокіе снаружи, они до мученія способны полюбить, напримѣръ, женщину, и непремѣнно духовною и высшею любовью. Опять-таки не смѣйтесь надо мною: это именно такъ всего чаще бываетъ въ этихъ натурахъ! Онѣ только не могутъ скрыть свою страстность, подчасъ очень грубую, вотъ это и поражаетъ, вотъ это и замѣчаютъ, а внутри человѣка не видятъ. Напротивъ, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благороднаго, прекраснаго существа, этотъ, повидимому, грубый и жестокій человѣкъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться, стать лучшимъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ, — высокимъ и прекраснымъ —, какъ ни осмѣянно это слово! Давеча я сказалъ, что не позволю себѣ дотронуться до романа моего кліента съ г-жею Верховцевой. Но, однако, полслова-то можно сказать: мы слышали, давеча, не показаніе, а лишь крикъ возмущенной и отмщающей женщины, и не ей, о, не ей укорять-бы въ измѣнѣ, потому что она сама измѣнила! Если-бъ имѣла хоть сколько нибудь времени, чтобъ одуматься, не дала-бы она такого свидѣтель-

ства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не изверглъ клеветъ мой, какъ она его называла! Распятый Человѣколюбецъ, собираясь на крестъ свой, говорилъ: Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы, да ни одна не погибнетъ ... Не погубимъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ сейчасъ: что такое отецъ, и воскликнулъ, что это великое слово, драгоцѣнное наименованіе. Но со словомъ, господа присяжные, надо обращаться честно, и я позволю назвать предметъ собственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіемъ: Такой отецъ, какъ убитый старикъ Карамазовъ, не можетъ и не достоинъ называться отцомъ. Любовь къ отцу не оправданная отцомъ есть нелѣпость, есть невозможность. Нельзя создать любовь изъ ничего, изъ ничего только Богъ творитъ. Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ, пишетъ изъ пламенѣющаго любовью сердца своего апостолъ. Не ради моего клеврета привожу теперь эти святыя слова, я для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ далъ эту власть, чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и гражданинъ взываю— vivos voco! Мы на землѣ не долго, мы дѣлаемъ много дѣлъ дурныхъ и говоримъ словъ дурныхъ. А потому будемъ-же всѣ ловить удобную минуту совмѣстнаго общенія нашего, чтобы сказать другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этомъ мѣстѣ, я пользуюсь моею минутой. Не даромъ эта трибуна дарована намъ высшею волей — съ нея слышитъ насъ вся Россія. Не для здѣшнихъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклицаю: «Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ! Да, исполнимъ прежде сами завѣтъ Христовъ и тогда только разрѣшимъ себѣ спрашивать и съ дѣтей нашихъ. Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ, а они не дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали ихъ врагами! Въ ню-же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ — это не я уже говорю, это Евангеліе предписываетъ: мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ мѣряютъ. Какъ-же винить дѣтей если они намъ мѣряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣвица, служанка, была заподозрѣна, что она тайно родила ребенка. Стали слѣдить за нею и на чердакѣ дома, въ углу за кирпичами, нашли ея сундукъ, про который никто не зналъ. его отперли и вынули изъ него трупикъ новорожденнаго и убитаго ею младенца. Въ томъ-же сундукѣ нашли два скелета уже рожденныхъ прежде ею младенцевъ и ею-же убитыхъ въ минуту рожденія, въ чемъ она и повинилась. Господа присяжные, это-ли мать дѣтей своихъ? Да, она ихъ родила, но мать-ли она имъ? Осмѣлится-ли кто изъ насъ произнести надъ ней священное имя матери? Будемъ смѣлы, господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обязаны быть таковыми въ настоящую минуту и не бояться иныхъ словъ и идей, подобно москов-

скимъ купчихамъ, боящимся металла и · жупела . Нѣтъ, докажемъ, напротивъ, что прогрессъ послѣднихъ лѣтъ коснулся и нашего развитія и скажемъ прямо: родившій не есть еще отецъ, а отецъ есть—родившій и заслуживший. О, конечно, есть и другое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее, чтобъ отецъ мой, хотя-бы и извергъ, хотя-бы и злодѣй своимъ дѣтямъ, оставался-бы, все-таки, моимъ отцомъ, потому только, что онъ родилъ меня. Но это значеніе уже, такъ сказать, мистическое, которое я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или, вѣрнѣе сказать, *не вѣрю*, подобно многому другому, чего не понимаю, но чему религія повелѣваетъ мнѣ, однако-же, вѣрить. Но въ такомъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствительной жизни. Въ области-же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ не только свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности,—въ этой области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами, наконецъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправданныя разсудкомъ и опытомъ, проведенныя чрезъ горнило анализа, словомъ, дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и въ бреду, чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и не погубить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоящимъ христіанскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и уже истинно человѣколюбивымъ дѣломъ ...

Въ этомъ мѣстѣ сорвались было сильныя рукоплесканія изъ многихъ концовъ залы, но Фетюковичъ даже замахалъ руками, какъ-бы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все тотчасъ затихло. Ораторъ продолжалъ:

Думаете-ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы могутъ миновать дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ, уже начинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ спрашивать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видъ отца недостойнаго, особенно, сравнительно съ отцами другими, достойными, у другихъ дѣтей, его сверстниковъ, невольно подсказываетъ юношѣ вопросы мучительные. Ему по казенному отвѣчаютъ на эти вопросы: „Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и долженъ любить его". Юноша невольно задумывается: „Да развѣ онъ любилъ меня когда рождалъ, спрашиваетъ онъ, удивляясь все болѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ ни меня, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти, можетъ быть, разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ склонность къ пьянству.— вотъ все его благодѣянія... Зачѣмъ-же я долженъ любить его, за то только, что онъ родилъ меня, а потомъ всю жизнь не любилъ меня ? О, вамъ, можетъ быть, представляются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте-же отъ юнаго ума воздержанія невоз-

можнаго: Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно ,— а главное, главное не будемъ бояться металла и жупела и рѣшимъ вопросъ такъ, какъ предписываетъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ, какъ предписываютъ мистическія понятія. Какъ-же рѣшить его? А вотъ какъ: Пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмысленно спроситъ его самого: Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ любить тебя? Отецъ, докажи мнѣ, что я долженъ любить тебя? и если этотъ отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказать ему, - то вотъ и настоящая нормальная семья, не на предразсудкѣ лишь мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумныхъ, самостоятельныхъ и строго гуманныхъ. Въ противномъ случаѣ, если не докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ-же этой семьѣ: онъ не отецъ ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать отца своего за чужаго себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна, господа присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ понятій!»

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неудержимыми, почти изступленными. Конечно, аплодировала не вся зала, но половина-то залы все-таки аплодировала. Аплодировали отцы и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались взвизги и крики. Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ звонить въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніемъ залы, но очистить залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно не посмѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сзади сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички со звѣздами на фракахъ, такъ что когда угомонился шумъ, предсѣдатель удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ обѣщаніемъ очистить залу, а торжествующій и взволнованный Фетюковичъ сталъ опять продолжать свою рѣчь.

Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту страшную ночь, о которой такъ много еще сегодня говорили, когда сынъ, черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ, наконецъ, лицомъ къ лицу съ своимъ, роднымъ его, врагомъ и обидчикомъ. Изо всѣхъ силъ настаиваю не за деньгами онъ прибѣжалъ въ ту минуту: обвиненіе въ грабежѣ есть нелѣпость, какъ я уже и изложилъ прежде. И не убить, о нѣтъ, вломился онъ къ нему: если-бъ имѣлъ предъ намѣренно этотъ умыселъ, то озаботился-бы, по крайней мѣрѣ, заранѣе хоть оружіемъ, а мѣдный пестъ онъ схватилъ инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманулъ отца знаками, пусть онъ проникъ къ нему,—я сказалъ уже, что ни на одну минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть, такъ и быть, предположимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, будь это не

отецъ ему, а посторонній обидчикъ, онъ, пробѣгавъ по комнатамъ и удостовѣрясь, что этой женщины нѣтъ въ этомъ домѣ, онъ убѣжалъ-бы стремглавъ, не сдѣлавъ сопернику своему никакого вреда, ударилъ-бы, толкнулъ его, можетъ быть, но и только, ибо ему было не до того, ему было некогда, ему надо было знать гдѣ она. Но отецъ, отецъ — о, все сдѣлать лишь ради отца, его ненавистника съ дѣтства, его врага, его обидчика, а теперь—чудовищнаго соперника! Ненавистное чувство охватило его невольно, неудержимо, разсуждать нельзя было: все поднялось въ одну минуту! Это былъ аффектъ безумства и помѣшательства, но и аффектъ природы, мстящей за свои вѣчные законы безудержно и безсознательно, какъ и все въ природѣ. Но убійца и тутъ не убилъ,—я утверждаю это, я кричу про это,— нѣтъ, онъ лишь махнулъ нестомъ въ омерзительномъ негодованіи, не желая убить, не зная что убьетъ. Не будь этого роковаго неста въ рукахъ его и онъ-бы только избилъ отца, можетъ быть, но не убилъ-бы его. Убѣжавъ, онъ не зналъ убилъ-ли поверженный имъ старикъ. Такое убійство не есть убійство. Такое убійство не есть и отцеубійство. Нѣтъ, убійство такого отца не можетъ быть названо отцеубійствомъ. Такое убійство можетъ быть причтено къ отцеубійству лишь по предразсудку! Но было-ли, было-ли это убійство въ самомъ дѣлѣ, взываю я къ вамъ снова и снова изъ глубины души моей! Господа присяжные, вотъ мы осудимъ его и онъ скажетъ себѣ: Эти люди ничего не сдѣлали для судьбы моей, для воспитанія, для образованія моего, чтобы сдѣлать меня лучшимъ, чтобы сдѣлать меня человѣкомъ. Эти люди не накормили и не напоили меня, и въ темницѣ нагаго не посѣтили, и вотъ они-же сослали меня въ каторгу. Я сквитался, я ничего имъ теперь не долженъ и никому не долженъ во вѣки вѣковъ. Они злы, и я буду золъ. Они жестоки, и я буду жестокъ. Вотъ что онъ скажетъ, господа присяжные! И клянусь: обвиненіемъ вашимъ вы только облегчите его, совѣсть его облегчите, онъ будетъ проклинать пролитую имъ кровь, а не сожалѣть о ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы погубите въ немъ возможнаго еще человѣка, ибо онъ останется золъ и слѣпъ на всю жизнь. Но хотите-ли вы наказать его страшно, грозно, самымъ ужаснымъ наказаніемъ какое только можно вообразить, но съ тѣмъ чтобы спасти и возродить его душу на вѣки? Если такъ, то подавите его вашимъ милосердіемъ! Вы увидите, вы услышите какъ вздрогнетъ и ужаснется душа его: Мнѣ-ли снести эту милость, мнѣ-ли столько любви, я-ли достоинъ ее,—вотъ что онъ воскликнетъ! О, я знаю, я знаю это сердце, это дикое, но благородное сердце, господа присяжные. Оно преклонится предъ вашимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, оно загорится и вос-

кресть на вѣки. Есть души, которыя въ ограниченности своей обвиняютъ весь свѣтъ. Но подавите эту душу милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ свое дѣло, ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа расширится и узритъ какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны и справедливы. Его ужаснетъ, его подавитъ раскаяніе и безчисленный долгъ предстоящій ему отселѣ. И не скажетъ онъ тогда: «Я сквитался», а скажетъ: «Я виноватъ предъ всѣми людьми и всѣхъ людей недостойнѣе». Въ слезахъ раскаянія и жгучаго страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: «Люди лучше чѣмъ я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня! О, вамъ такъ легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при отсутствіи всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду уликъ вамъ слишкомъ тяжело будетъ произнести: «Да, виновенъ». Лучше отпустить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. Слышите-ли, слышите-ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго столѣтія нашей славной исторіи? Мнѣ-ли ничтожному напоминать вамъ, что русскій судъ есть не кара только, но и спасеніе человѣка погибшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у насъ-же духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И если такъ, если дѣйствительно такова Россія и судъ ея, то—впередъ Россія, и не пугайте, о, не пугайте насъ вашими обѣщеными тройками, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ народы! Не обѣщеная тройка, а величавая русская колесница торжественно и спокойно прибудетъ къ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьба моего кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды русской. Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете, что есть кому ее соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!»

XIV.

Мужички за себя постояли.

Такъ кончилъ Ѳетюковичъ, и разразившійся на этотъ разъ восторгъ слушателей былъ неудержимъ какъ буря. Было уже и немыслимо сдержать его: женщины плакали, плакали и многіе изъ мужчинъ, даже два сановника пролили слезы. Предсѣдатель покорился и даже помедлилъ звонить въ колокольчикъ: «Посягать на такой энтузіазмъ значило-бы посягать на святыню», какъ кричали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно растроганъ. И вотъ въ такую-то минуту и поднялся еще разъ обмѣняться возраженіями панъ Ипполитъ Кириловичъ. Его завидѣли съ пена-

вистью: «Какъ? Что̀ это? Это онъ-то смѣетъ еще возражать?» залепетали дамы. Но если-бы даже залепетали дамы цѣлаго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, супруга Ипполита Кирилловича, то и тогда-бы его нельзя было удержать въ это мгновеніе. Онъ былъ блѣденъ, онъ сотрясался отъ волненія; первыя слова, первыя фразы, выговоренныя имъ, были даже и непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сбивался. Впрочемъ, скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи его я приведу лишь нѣсколько фразъ.

...Насъ упрекаютъ, что мы насоздавали романовъ. А что̀-же у защитника какъ не романъ на романѣ? Не доставало только стиховъ. Ѳедоръ Павловичъ, въ ожиданіи любовницы, разрываетъ конвертъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже, что̀ онъ говорилъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не поэма? И гдѣ доказательство, что онъ вынулъ деньги, кто слышалъ что̀ онъ говорилъ? Слабоумный идіотъ Смердяковъ, преображенный въ какого-то байроновскаго героя, мстящаго обществу за свою незаконнорожденность,—развѣ это не поэма въ байроновскомъ вкусѣ? А сынъ, вломившійся къ отцу, убившій его, но въ тоже время и не убившій, это ужъ даже и не романъ, не поэма, это сфинксъ, задающій загадки, которыя и самъ ужъ, конечно, не разрѣшитъ. Коль убилъ, такъ убилъ, а какъ-же это коли убилъ, такъ не убилъ— кто пойметъ это? Затѣмъ возвѣщаютъ намъ, что наша трибуна есть трибуна истины и здравыхъ понятій, и вотъ съ этой трибуны «здравыхъ понятій» раздается, съ клятвою, аксіома, что называть убійство отца отцеубійствомъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубійство есть предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допрашивать своего отца: «Отецъ, зачѣмъ я долженъ любить тебя?» —то что̀ станется съ нами, что̀ станется съ основами общества, куда дѣнется семья? Отцеубійство, это, видите-ли, только «жупелъ» московской купчихи. Самые драгоцѣнные, самые священные завѣты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда представляются извращенно и легкомысленно, чтобы только добиться цѣли, добиться оправданія того, что̀ нельзя оправдать. О, подавите его милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ,—а преступнику только того и надо, и завтра-же всѣ увидятъ, какъ онъ будетъ подавленъ! Да и не слишкомъ-ли скроменъ защитникъ, требуя лишь оправданія подсудимаго? Отчего-бы не потребовать учрежденія стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его подвига въ потомствѣ и въ молодомъ поколѣніи? Исправляются Евангеліе и религія: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ лишь настоящее христіанство, уже провѣренное анализомъ разсудка и здравыхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами лженодобіе Христа! *Въ ню же мѣру мѣрите*

возмѣримся и вамъ, восклицаетъ защитникъ и въ тотъ-же мигъ выводитъ, что Христосъ заповѣдалъ мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ отмѣряютъ,— и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы заглядываемъ въ Евангеліе лишь наканунѣ рѣчей нашихъ для того, чтобы блеснуть знакомствомъ вестаки съ довольно оригинальнымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и послужитъ для нѣкотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по размѣру надобности! А Христосъ именно велитъ не такъ дѣлать, беречься такъ дѣлать, потому что злобный міръ такъ дѣлаетъ, мы-же должны прощать и лапту свою подставлять, а не въ ту-же мѣру отмѣривать, въ которую мѣрятъ намъ наши обидчики. Вотъ чему учитъ насъ Богъ нашъ, а не тому что запрещаетъ дѣтямъ убивать отцовъ есть предразсудокъ. И не станемъ мы поправлять съ каѳедры истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога нашего, котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь «распятымъ человѣколюбцемъ», въ противоположность всей православной Россіи, взывающей къ Нему: «Ты бо еси Богъ нашъ!..»

Тутъ предсѣдатель встрепенулся и осадилъ увлекшагося, попросивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ границахъ, и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публика шевелилась, даже восклицала въ негодованіи. Фетюковичъ даже и не возражалъ, онъ взошелъ только, чтобы, приложивъ руку къ сердцу, обыкновеннымъ голосомъ проговорить нѣсколько словъ, полныхъ достоинства. Онъ слегка только и насмѣшливо онять коснулся «романовъ» и «психологіи» и къ слову ввернулъ въ одномъ мѣстѣ: «Юпитеръ, ты сердишься, стало быть, ты не правъ», —чѣмъ вызвалъ одобрительный и многочисленный смѣшокъ въ публикѣ, ибо Ипполитъ Кириловичъ уже совсѣмъ былъ не похожъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе, что будто онъ разрѣшаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Фетюковичъ съ глубокимъ достоинствомъ замѣтилъ, что и возражать не станетъ. На счетъ-же «Христова ученія» и того, что онъ не удостоилъ назвать Христа Богомъ, а назвалъ лишь «распятымъ человѣколюбцемъ», что̀ противно-де православію и не могло быть высказано съ трибуны истины и здравыхъ понятій — Фетюковичъ намекнулъ на «инсинуацію» и на то, что, собираясь сюда, онъ, по крайней мѣрѣ, разсчитывалъ, что здѣшняя трибуна обезпечена отъ обвиненій, опасныхъ для моей личности, какъ гражданина и вѣрноподданнаго ... Но при этихъ словахъ предсѣдатель осадилъ и его, и Фетюковичъ, поклонясь, закончилъ свой отвѣтъ, провожаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы. Ипполитъ-же Кириловичъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, былъ «раздавленъ на вѣки».

Затѣмъ предоставлено было слово самому подсудимому. Митя всталъ, но сказалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣлесно, и духовно. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ появился утромъ въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ будто что-то пережилъ въ этотъ день на всю жизнь, научившее и вразумившее его чему-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ. Голосъ его ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ какъ давеча. Въ словахъ его послышалось что-то новое, смирившееся, побѣжденное и приникшее.

«Что мнѣ сказать, господа присяжные! Судъ мой принялъ, слышу десницу Божію на себѣ. Конецъ безпутному человѣку! Но какъ Богу исповѣдуясь, и вамъ говорю: въ крови отца моего — нѣтъ, не виновенъ! Въ послѣдній разъ повторяю: не я убилъ! Безпутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стремился исправиться, а жилъ дикому звѣрю подобенъ. Спасибо прокурору, многое мнѣ обо мнѣ сказалъ, чего и не зналъ я, но не правда, что я убилъ отца, ошибся прокуроръ! Спасибо и защитнику, плакалъ, его слушая, но не правда, что я убилъ отца и предполагать не надо было! А докторамъ не вѣрьте, я въ полномъ умѣ, только духъ моей тяжело. Коли пощадите, коль отпустите — помолюсь за васъ. Лучшимъ стану, слово даю, передъ Богомъ его даю. А коль осудите — самъ сломаю надъ головой моей шпагу, а сломавъ поцѣлую обломки! Но пощадите, не лишите меня Бога моего, знаю себя: возропщу! Тяжело духъ мой, господа... пощадите!»

Онъ почти упалъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкся, послѣднюю фразу онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ приступилъ къ постановкѣ вопросовъ и началъ спрашивать у сторонъ заключенія. Но не описываю подробности. Наконецъ-то присяжные встали, чтобъ удалиться для совѣщаній. Предсѣдатель былъ очень утомленъ, а потому и сказалъ имъ очень слабое напутственное слово: будьте-де безпристрастны, не внушайтесь краснорѣчивыми словами защиты, но, однако-же, взвѣсьте, вспомните, что на васъ лежитъ великая обязанность , и проч., и проч. Присяжные удалились и наступилъ перерывъ засѣданія. Можно было встать, пройтись, обмѣняться накопившимися впечатлѣніями, закусить въ буфетѣ. Было очень поздно, уже около часу полуночи, но никто не разъѣзжался. Всѣ были такъ напряжены и настроены, что было не до покоя. Всѣ ждали, замирая сердцемъ, хотя, впрочемъ, и не всѣ замирали сердцемъ. Дамы были лишь въ истерическомъ истерѣніи, но сердцами были спокойны: оправданіе-де неминуемое . Всѣ онѣ готовились къ эффектной минутѣ общаго энтузіазма. Признаюсь, и въ мужской половинѣ залы было чрезвычайно много убѣжденныхъ въ неминуемомъ оправданіи. Иные радовались, другіе-же хмурились, а иные

такъ просто повѣсили носы: не хотѣлось имъ оправданія! Самъ Фетюковичъ былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ былъ окруженъ, принималъ поздравленія, передъ нимъ заискивали.

— Есть, сказалъ онъ въ одной группѣ, какъ передавали потомъ, — есть эти невидимыя нити, связующія защитника съ присяжными. Онѣ завязываются и предчувствуются еще во время рѣчи. Я ощутилъ ихъ, онѣ существуютъ. Дѣло наше, будьте спокойны.

А вотъ что-то наши мужички теперь скажутъ? проговорилъ одинъ нахмуренный, толстый и рябой господинъ, подгородный помѣщикъ, подходя къ одной группѣ разговаривавшихъ господъ.

— Да вѣдь не одни мужички. Тамъ четыре чиновника.

— Да, вотъ чиновники, проговорилъ, подходя, членъ земской управы.

— А вы Назарьева-то, Прохора Ивановича, знаете, вотъ этотъ купецъ-то съ медалью, присяжный-то?

— А что?

— Ума палата.

— Да онъ все молчитъ.

— Молчитъ-то молчитъ, да вѣдь тѣмъ и лучше. Не то что петербургскому его учить, самъ весь Петербургъ научитъ. Двѣнадцать человѣкъ дѣтей, подумайте!

— Да помилуйте, неужто не оправдаютъ? кричалъ въ другой группѣ одинъ изъ молодыхъ нашихъ чиновниковъ.

— Оправдаютъ навѣрно, послышался рѣзкій голосъ.

— Стыдно, позорно было-бы не оправдать! восклицалъ чиновникъ, — пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И, наконецъ, онъ былъ въ такомъ изступленіи... Онъ дѣйствительно могъ только махнуть пестомъ и тотъ повалился. Плохо только, что лакея тутъ пригянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я-бы на мѣстѣ защитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не виновенъ. вотъ и чортъ съ вами!

— Да онъ такъ и сдѣлалъ, только чортъ съ вами не сказалъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Семенычъ, почти что сказалъ, подхватилъ третій голосокъ.

— Помилуйте, господа, вѣдь оправдали-же у насъ великимъ постомъ актрису, которая законной женѣ своего любовника горло перерѣзала.

— Да вѣдь не дорѣзала.

— Все равно, все равно, начала рѣзать!

— А про дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!

— Великолѣпно.

— Ну, а про мистику-то, про мистику-то, а?

— Да полноте вы о мистикѣ, — вскричалъ еще кто-то, — вы вникните въ Ипполита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему завтрашній день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапаетъ.

— А она здѣсь?

— Чего здѣсь? Была-бы здѣсь, здѣсь-бы и выцарапала. Дома сидитъ, зубы болятъ. Хе-хе-хе!

— Хе-хе-хе!

Въ третьей группѣ.

— А вѣдь Митеньку-то, пожалуй, и оправдаютъ.

— Чего добраго, завтра весь Столичный городъ разнесетъ, десять дней пьянствовать будетъ.

— Эхъ вѣдь чортъ!

— Да чортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ-жъ ему и быть какъ не тутъ.

— Господа, положимъ, краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя-же и отнамъ ломать головы безмѣнами. Иначе до чего-же дойдемъ?

— Колесница-то, колесница-то, помните?

— Да, изъ телѣги колесницу сдѣлалъ.

— А завтра изъ колесницы телѣгу, «по мѣрѣ надобности, все по мѣрѣ надобности».

— Ловкій народъ понелъ. Правда-то есть у насъ на Руси, господа, али нѣтъ ея вовсе?

Но зазвонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались ровно часъ, ни больше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось, только что усѣлась снова публика. Помню какъ присяжные вступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу вопросовъ по пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на первый и главный вопросъ предсѣдателя, то есть убилъ-ли съ цѣлью грабежа преднамѣренно? (текста не помню). Все замерло. Старшина присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ, который былъ всѣхъ моложе, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провозгласилъ:

— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все тоже: виновенъ, да виновенъ, и это безъ малѣйшаго снисхожденія! Этого ужъ никто не ожидалъ, въ снисхожденіи-то, по крайней мѣрѣ, почти всѣ были увѣрены. Мертвая тишина залы не прерывалась, буквально какъ-бы всѣ окаменѣли — и жаждавшіе осужденія, и жаждавшіе оправданія. Но это только въ первыя минуты. Затѣмъ поднялся страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказалось очень довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, не скрывая своей радости. Недовольные были какъ-бы подавлены, пожимали плечами, шептались,

но какъ будто все еще не сообразившись. Но, Боже мой, что сталось съ нашими дамами! Я думалъ, что онѣ сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ-бы не вѣрили ушамъ своимъ. И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: „Да что это такое? Это еще что такое?“ Онѣ повскакали съ мѣстъ своихъ. Имъ вѣрно казалось, что все это сейчасъ-же можно опять перемѣнить и передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и какимъ-то раздирающимъ воплемъ прокричалъ, простирая предъ собой руки:

— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ Его, въ крови отца моего не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, други, поищите другую!

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ голосъ, страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ какимъ-то голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него явился. На хорахъ, на верху, въ самомъ заднемъ углу раздался пронзительный женскій вопль: это была Грушенька. Она умолила кого-то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще предъ началомъ судебныхъ преній. Митю увели. Произнесеніе приговора было отложено до завтра. Вся зала поднялась въ суматохѣ, но я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь нѣсколько восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

— Двадцать лѣтъ рудничковъ попюхаетъ.

— Не меньше.

— Да-съ, мужички наши за себя постоялп.

— И покончили нашего Митеньку!

Эпилогъ.

I.

Проэкты спасти Митю.

На пятый день послѣ суда надъ Митей, очень рано утромъ, еще въ девятомъ часу, пришелъ къ Катеринѣ Ивановны Алеша, чтобъ сговориться окончательно о нѣкоторомъ важномъ для нихъ обоихъ дѣлѣ и имѣя, сверхъ того, къ ней порученіе. Она сидѣла и говорила съ нимъ въ той самой комнатѣ, въ которой принимала когда-то Грушеньку; рядомъ-же, въ другой комнатѣ, лежалъ въ горячкѣ и въ безпамятствѣ Иванъ Ѳедоровичъ. Катерина Ивановна сейчасъ-же послѣ тогдашней сцены въ судѣ велѣла перенести больнаго и потерявшаго сознаніе Ивана Ѳедоровича къ себѣ въ домъ, пренебрегая всякимъ будущимъ и неизбѣжнымъ говоромъ общества и его осужденіемъ. Одна изъ двухъ родственницъ ея, которыя съ ней проживали, уѣхала тотчасъ-же послѣ сцены въ судѣ въ Москву, другая осталась. Но если-бъ и обѣ уѣхали, Катерина Ивановна не измѣнила-бы своего рѣшенія и осталась-бы ухаживать за больнымъ и сидѣть надъ нимъ день и ночь. Лѣчили его Варвинскій и Герценштубе: московскій-же докторъ уѣхалъ обратно въ Москву, отказавшись предрѣчь свое мнѣніе на счетъ возможнаго исхода болѣзни. Оставшіеся доктора хоть и ободряли Катерину Ивановну и Алешу, но видно было, что они не могли еще подать твердой надежды. Алеша заходилъ къ больному брату по два раза въ день. Но въ этотъ разъ у него было особое, преважное дѣло и онъ предчувствовалъ какъ трудно ему будетъ заговорить о немъ, а между тѣмъ онъ очень торопился: было у него еще другое неотложное дѣло въ это-же утро, въ другомъ мѣстѣ, и надо было спѣшить. Они уже съ четверть часа какъ разговаривали. Катерина Ивановна

была бѣдна, сильно утомлена и въ тоже время въ чрезвычайномъ болѣзненномъ возбужденіи: она предчувствовала зачѣмъ между прочимъ пришелъ къ ней теперь Алеша.

— О его рѣшеніи не безпокойтесь, проговорила она съ твердою настойчивостью Аленъ. Такъ или этакъ, а онъ все-таки придетъ къ этому выходу: онъ долженъ бѣжать! Этотъ несчастный, этотъ герой чести и совѣсти,—не тотъ, не Дмитрій Ѳедоровичъ, а тотъ что за этой дверью лежитъ и что собой за братаожертвовалъ (съ сверкающими глазами прибавила Катя)—онъ давно уже мнѣ сообщилъ весь этотъ планъ побѣга. Знаете, онъ уже входилъ въ сношенія... Я вамъ уже кой-что сообщила... Видите, это произойдетъ, по всей вѣроятности, на третьемъ отсюда этапѣ, когда партію ссыльныхъ поведутъ въ Сибирь. О, до этого еще далеко. Иванъ Ѳедоровичъ уже ѣздилъ къ начальнику третьяго этапа. Вотъ только неизвѣстно кто будетъ партіоннымъ начальникомъ, да и нельзя это такъ заранѣе узнать. Завтра, можетъ быть, я вамъ покажу весь планъ въ подробности, который мнѣ оставилъ Иванъ Ѳедоровичъ наканунѣ суда, на случай чего-нибудь... Это было въ тотъ самый разъ когда, помните, вы тогда вечеромъ застали насъ въ ссорѣ: онъ еще сходилъ съ лѣстницы, а я, увидя васъ, заставила его воротиться—помните? Вы знаете изъ-за чего мы тогда поссорились?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Алеша.

— Конечно, онъ тогда отъ васъ скрылъ: вотъ именно изъ-за этого плана о побѣгѣ. Онъ мнѣ еще за три дня передъ тѣмъ открылъ все главное — вотъ тогда-то мы и начали ссориться и съ тѣхъ поръ все три дня ссорились. Потому поссорились, что когда онъ объявилъ мнѣ, что въ случаѣ осужденія, Дмитрій Ѳедоровичъ убѣжитъ за границу вмѣстѣ съ той тварью, то я вдругъ озлилась.—не скажу вамъ изъ-за чего, сама не знаю изъ-за чего... О, конечно, я за тварь, за эту тварь тогда озлилась, и именно за то, что и она тоже, вмѣстѣ съ Дмитріемъ, бѣжитъ за границу! воскликнула вдругъ Катерина Ивановна съ задрожавшими отъ гнѣва губами. Иванъ Ѳедоровичъ какъ только увидѣлъ тогда, что я такъ озлилась за эту тварь, то мигомъ и подумалъ, что я къ ней ревную Дмитрія и что, стало быть, все еще продолжаю любить Дмитрія. Вотъ и вышла тогда первая ссора. Я объясненій давать не захотѣла, просить прощенія не могла: тяжело мнѣ было, что такой человѣкъ могъ заподозрить меня въ прежней любви къ этому... И это тогда, когда я сама, уже давно передъ тѣмъ, прямо сказала ему, что не люблю Дмитрія, а люблю только его одного! Я отъ злости только на эту тварь на него озлилась! Черезъ три дня, вотъ въ тотъ вечеръ когда вы вошли, онъ принесъ ко мнѣ запе-

чатанный конвертъ, чтобъ я распечатала тотчасъ, если съ нимъ что̀ случится. О, онъ предвидѣлъ свою болѣзнь! Онъ открылъ мнѣ, что въ конвертѣ подробности о побѣгѣ, и что въ случаѣ, если онъ умретъ или опасно заболѣетъ, то чтобъ я одна спасла Митю. Тутъ-же оставилъ у меня деньги, почти десять тысячъ,—вотъ тѣ самыя, про которыя прокуроръ, узнавъ отъ кого-то, что онъ посылалъ ихъ мнѣ, упомянулъ въ своей рѣчи. Меня страшно вдругъ поразило, что Иванъ Ѳедоровичъ, все еще ревнуя меня и все еще убѣжденный, что я люблю Митю, не покинулъ, однако, мысли спасти брата и мнѣ-же, мнѣ самой довѣряетъ это дѣло спасенія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожертвованія не поймете во всей полнотѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ! Я хотѣла было упасть къ ногамъ его въ благоговѣніи, но какъ подумала вдругъ, что онъ сочтетъ это только лишь за радость мою, что спасаютъ Митю (а онъ-бы непремѣнно это подумалъ!) то до того была раздражена лишь одною только возможностью такой несправедливой мысли съ его стороны, что опять раздражилась и вмѣсто того, чтобъ цѣловать его ноги, сдѣлала опять ему сцену! О, я несчастна! Таковъ мой характеръ—ужасный, несчастный характеръ! О, вы еще увидите: я сдѣлаю, я доведу таки до того, что и онъ броситъ меня для другой, съ которой легче живется, какъ Дмитрій, но тогда... нѣтъ, тогда уже я не перенесу, я убью себя! А когда вы вошли тогда, и когда я васъ кликнула, а ему велѣла воротиться, то, какъ вошелъ онъ съ вами, меня до того захватилъ гнѣвъ за ненавистный, презрительный взглядъ, которымъ онъ вдругъ поглядѣлъ на меня, что—помните—я вдругъ закричала вамъ, что это *онъ, онъ одинъ* увѣрилъ меня, что братъ его Дмитрій убійца! Я нарочно наклеветала, чтобъ еще разъ уязвить его, онъ-же никогда, никогда не увѣрялъ меня, что братъ-убійца, напротивъ, въ этомъ я, я сама увѣряла его! О, всему, всему причиною мое бѣшенство! Это я, я и приготовила эту проклятую сцену въ судѣ! Онъ захотѣлъ доказать мнѣ, что онъ благороденъ и что пусть я и люблю его брата, но онъ все-таки не погубитъ его изъ мести и ревности. Вотъ онъ и вышелъ въ судѣ... Я всему причиною, я одна виновата!

Еще никогда не дѣлала Катя такихъ признаній Алешѣ, и онъ почувствовалъ, что она теперь именно въ тои степени невыносимаго страданія, когда самое гордое сердце съ болью крушитъ свою гордость и падаетъ побѣжденное горемъ. О, Алеша зналъ и еще одну ужасную причину ея теперешней муки, какъ ни скрывала она ее отъ него во всѣ эти дни, послѣ осужденія Мити: по ему почему-то было-бы слишкомъ больно, если-бъ она до того рѣшилась

насть нынѣ, что заговорила-бы съ нимъ сама, теперь, сейчасъ. И объ этой причинѣ. Она страдала за свое предательство на судѣ и Алеша предчувствовалъ, что совѣсть тянетъ ее повиниться, именно предъ нимъ, передъ Алешей, со слезами, со взвизгами, съ истерикой, съ битьемъ объ полъ. Но онъ боялся этой минуты и желалъ поощрить страдающую. Тѣмъ труднѣе становилось порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Онъ опять заговорилъ о Митѣ.

— Ничего, ничего, за него не бойтесь! упрямо и рѣзко начала опять Катя,—все это у него на минуту, я его знаю, я слишкомъ знаю это сердце. Будьте увѣрены, что онъ согласится бѣжать. И, главное, это не сейчасъ: будетъ еще время ему рѣшиться. Иванъ Ѳедоровичъ къ тому времени выздоровѣетъ и самъ все поведетъ, такъ что мнѣ ничего не придется дѣлать. Не безпокойтесь, согласится бѣжать. Да онъ ужъ и согласенъ: развѣ можетъ онъ свою тварь оставить? А въ каторгу ее не пустятъ, такъ какже ему не бѣжать? Онъ, главное, васъ боится, боится что вы не одобрите побѣга съ нравственной стороны, но вы должны ему это великодушно *позволить*, если ужъ такъ необходима тутъ ваша санкція.— съ ядомъ прибавила Катя. Она помолчала и усмѣхнулась:

— Онъ тамъ толкуетъ, принялась она опять,—про какіе-то гимны, про крестъ, который онъ долженъ понести, про долгъ какой-то, я помню, мнѣ много объ этомъ Иванъ Ѳедоровичъ тогда передавалъ, и если-бъ вы знали, какъ онъ говорилъ!—вдругъ съ неудержимымъ чувствомъ воскликнула Катя,—если-бъ вы знали, какъ онъ любилъ этого несчастнаго въ ту минуту, когда мнѣ передавалъ про него, и какъ ненавидѣлъ его, можетъ быть, въ ту-же минуту! А я, о, я выслушала тогда его разсказъ и его слезы съ городливою усмѣшкой! О, тварь! Это я тварь, я! Это я народила ему горячку! А тотъ, осужденный,—развѣ онъ готовъ на страданіе,—раздражительно закончила Катя,—да и такому-ли страдать? Такіе какъ онъ никогда не страдаютъ!

Какое-то чувство уже ненависти и гадливаго презрѣнія прозвучало въ этихъ словахъ. А, между тѣмъ, она-же его предала. Что-жъ, можетъ, потому, что такъ чувствуетъ себя предъ нимъ виноватой и ненавидитъ его минутами, подумалъ про себя Алеша. Ему хотѣлось, чтобъ это было только минутами. Въ послѣднихъ словахъ Кати онъ заслышалъ вызовъ, но не поднялъ его.

— Я для того васъ и призвала сегодня, чтобы вы обѣщались мнѣ сами его уговорить. Или, и по вашему тоже, бѣжать будетъ нечестно, не доблестно, или какъ тамъ... не по христіански, что-ли? еще съ пущимъ вызовомъ прибавила Катя.

— Нѣтъ, ничего. Я ему скажу все... пробормоталъ Алеша.—

Онъ васъ зоветъ сегодня къ себѣ, вдругъ брякнулъ онъ, твердо смотря ей въ глаза. Она вся вздрогнула и чуть-чуть отшатнулась отъ него на диванѣ.

— Меня... развѣ это возможно? пролепетала она поблѣднѣвъ.

— Это возможно и должно! настойчиво и весь оживившись началъ Алеша. Ему вы очень нужны, именно теперь. Я не сталъ-бы начинать объ этомъ и васъ преждевременно мучить если-бъ не необходимость. Онъ боленъ, онъ какъ помѣшанный, онъ все проситъ васъ. Онъ не миришься васъ къ себѣ просить, но пусть вы только придете и покажетесь на порогѣ. Съ нимъ многое совершилось съ того дня. Онъ понимаетъ какъ неисчислимо передъ вами виновенъ. Не прощенія вашего хочетъ: меня нельзя простить — онъ самъ говоритъ, а только чтобъ вы на порогѣ показались...

— Вы меня вдругъ... пролепетала Катя, я всѣ дни предчувствовала, что вы съ этимъ придете... Я такъ и знала, что онъ меня позоветъ!.. Это невозможно!

— Пусть невозможно, но сдѣлайте. Вспомните, онъ въ первый разъ пораженъ тѣмъ какъ васъ оскорбилъ, въ первый разъ въ жизни, никогда прежде не постигалъ этого въ такой полнотѣ! Онъ говоритъ: если она откажетъ придти, то я во всю жизнь теперь буду несчастливъ. Слышите: каторжный на двадцать лѣтъ собирается еще быть счастливымъ — развѣ это не жалко? Подумайте: вы безвинно погибшаго посѣтите, съ вызовомъ вырвалось у Алеши,— его руки чисты, на нихъ крови нѣтъ! Ради безчисленнаго его страданія будущаго посѣтите его теперь! Придите, проводите во тьму... станьте на порогѣ и только... Вѣдь вы должны, *должны* это сдѣлать! заключилъ Алеша, съ неимовѣрною силой подчеркнувъ слово «должны».

— Должна, но... не могу, какъ-бы простонала Катя, — онъ на меня будетъ глядѣть... я не могу.

— Ваши глаза должны встрѣтиться. Какъ вы будете жить всю жизнь, если теперь не рѣшитесь?

— Лучше страдать во всю жизнь.

— Вы должны придти, вы *должны* придти, опять неумолимо подчеркнулъ Алеша.

— Но почему сегодня, почему сейчасъ?.. Я не могу оставить больнаго...

— На минуту можете, это вѣдь минута. Если вы не придете, онъ къ ночи заболѣетъ горячкой. Не стану я говорить неправду, сжальтесь!

— Надо мной-то сжальтесь, горько упрекнула Катя и заплакала.

— Стало быть, придете! твердо проговорилъ Алеша, увидавъ ея слезы. — Я пойду скажу ему, что вы сейчасъ придете.

— Нѣтъ, ни за что не говорите! испуганно вскрикнула Катя. — Я приду, но вы ему впередъ не говорите, потому что я приду, но, можетъ быть, не войду... Я еще не знаю...

Голосъ ея пресѣкся. Она дышала трудно. Алеша сталъ уходить.

— А если я съ кѣмъ нибудь встрѣчусь? вдругъ тихо проговорила она, вся опять побѣднѣвъ.

— Для того и нужно сейчасъ, чтобы вы тамъ ни съ кѣмъ не встрѣтились. Никого не будетъ, вѣрно говорю. Мы будемъ ждать,— настойчиво заключилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II.

На минутку ложь стала правдой.

ить поспѣшилъ въ больницу, гдѣ теперь лежалъ Митя. На второй день послѣ рѣшенія суда онъ заболѣлъ нервною лихорадкой и былъ отправленъ въ городскую нашу больницу, въ арестантское отдѣленіе. Но врачъ Варвинскій, по просьбѣ Алеши и многихъ другихъ (Хохлаковой, Лизы и проч.), помѣстилъ Митю не съ арестантами, а отдѣльно, въ той самой каморкѣ, въ которой прежде лежалъ Смердяковъ. Правда, въ концѣ коридора стоялъ часовой, а окно было рѣшетчатое и Варвинскій могъ быть спокоенъ за свою поблажку, не совсѣмъ законную, но это былъ добрый и сострадательный молодой человѣкъ. Онъ понималъ какъ тяжело такому какъ Митя прямо вдругъ перешагнуть въ сообщество убійцъ и мошенниковъ и что къ этому надо сперва привыкнуть. Посѣщенія-же родныхъ и знакомыхъ были разрѣшены и докторомъ, и смотрителемъ, и даже исправникомъ, все подъ рукой. Но въ эти дни посѣтили Митю всего только Алеша да Грушенька. Порывался уже два раза увидѣться съ нимъ Ракитинъ; но Митя настоятельно просилъ Варвинскаго не впускать того.

Алеша засталъ его сидящимъ на кожѣ, въ больничномъ халатѣ, немного въ жару, съ головою обернутой полотенцемъ, смоченнымъ водою съ уксусомъ. Онъ неопредѣленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на вошедшаго Алешу, но во взглядѣ все-таки промелькнулъ какъ-бы какой-то испугъ.

Вообще, съ самаго суда, онъ сталъ страшно задумчивъ. Иногда по получасу молчалъ, казалось, что-то туго и мучительно обдумывая, забывая присутствующаго. Если-же выходилъ изъ задумчи-

вести и начинать говорить, то заговаривать всегда какъ-то внезапно и непремѣнно не о томъ, что дѣйствительно ему надо было сказать. Иногда со страданіемъ смотрѣлъ на брата. Съ Грушенькой ему было какъ будто легче, чѣмъ съ Аленой. Правда, онъ съ нею почти и не говорилъ, но чуть только она входила, все лицо его озарялось радостью. Алеша сѣлъ молча подлѣ него на койкѣ. Въ этотъ разъ онъ тревожно ждалъ Алешу, но не посмѣлъ ничего спросить. Онъ считалъ согласіе Кати придти немыслимымъ, и въ тоже время чувствовалъ, что если она не придетъ, то будетъ что-то совсѣмъ невозможное. Алеша понималъ его чувства.

— Трифонъ-то, заговорилъ суетливо Митя, — Борисычъ-то, говорятъ, весь свой постоялый дворъ разорилъ: половицы подымаетъ, доски отдираетъ, все гадаетъ, говорятъ, въ щепки разнесъ — все клада ищетъ, вотъ тѣхъ самыхъ денегъ, полторы тысячи, про которыя прокуроръ сказалъ, что я ихъ тамъ спряталъ. Какъ пріѣхалъ, такъ, говорятъ, тотчасъ и пошелъ куралесить. По дѣломъ мошенншку! Сторожъ мнѣ здѣшній вчера разсказалъ: онъ оттуда.

— Слушай, проговорилъ Алеша, — она придетъ, но не знаю когда, можетъ, сегодня, можетъ, на дняхъ, этого не знаю, но придетъ, придетъ, это навѣрно. Митя вздрогнулъ, хотѣлъ было что-то вымолвить, но промолчалъ. Извѣстіе страшно на него подѣйствовало. Видно было, что ему мучительно хотѣлось-бы узнать подробности разговора, но что онъ опять боится сейчасъ спросить: что нибудь жестокое и презрительное отъ Кати было-бы ему какъ ударъ ножомъ въ эту минуту.

— Вотъ что она, между прочимъ, сказала: чтобъ я непремѣнно успокоилъ твою совѣсть на счетъ побѣга. Если и не выздоровѣетъ къ тому времени Иванъ, то она сама возьмется за это.

— Ты ужъ объ этомъ мнѣ говорилъ, раздумчиво замѣтилъ Митя.

— А ты уже Грушѣ пересказалъ, замѣтилъ Алёша.

— Да, сознался Митя. — Она сегодня утромъ не придетъ, робко посмотрѣлъ онъ на брата. Она придетъ только вечеромъ Какъ только я ей вчера сказалъ, что Катя орудуетъ, смолчала, а губы скривились. Процентала только: пусть ее! Поняла, что важное. Я не посмѣлъ пытать дальше. Понимаетъ вѣдь ужъ, кажется, теперь, что та любитъ не меня, а Ивана?

— Такъ-ли? вырвалось у Алеши.

— Пожалуй, и не такъ. Только она утромъ теперь не придетъ, поспѣшилъ еще разъ обозначить Митя, я ей одно порученіе далъ... Слушай, братъ Иванъ всѣхъ превзойдетъ. Ему жить, а не намъ. Онъ выздоровѣетъ.

— Представь себѣ, Катя хоть и трепещетъ за него, но почти не сомнѣвается, что онъ выздоровѣетъ, сказалъ Алеша.

— Значитъ, убѣждена, что онъ умретъ. Это она отъ страху увѣрена, что выздоровѣетъ.

— Братъ сложенія сильнаго. И я тоже очень надѣюсь, что онъ выздоровѣетъ, тревожно замѣтилъ Алеша.

— Да, онъ выздоровѣетъ. Но та увѣрена, что онъ умретъ. Много у ней горя... Наступило молчаніе. Митю мучило что-то очень важное.

— Алеша, я Грушу люблю ужасно, дрожащимъ, полнымъ слезъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ.

— Ее къ тебѣ *туда* не пустятъ, тотчасъ подхватилъ Алеша.

— И вотъ что̀ еще хотѣлъ тебѣ сказать, продолжалъ какимъ-то зазвенѣвшимъ вдругъ голосомъ Митя, — если бить станутъ дорогой, аль *тамъ*, то я не дамся, я убью и меня разстрѣляютъ. И это двадцать вѣдь лѣтъ! Здѣсь ужь *ты* начинаютъ говорить. Сторожа мнѣ *ты* говорятъ. Я лежалъ и сегодня всю ночь судилъ себя: не готовъ! Не въ силахъ принять! Хотѣлъ «гимнъ» запѣть, а сторожевскаго тыканья не могу осилить! За Грушу-бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ, побой... Но ее *туда* не пустятъ.

Алеша тихо улыбнулся.

— Слушай, братъ, разъ навсегда, сказалъ онъ, — вотъ тебѣ мои мысли на этотъ счетъ. И вѣдь ты знаешь, что я не солгу тебѣ. Слушай-же: ты не готовъ и не для тебя такой крестъ. Мало того: и не нуженъ тебѣ, не готовому, такой великомученическій крестъ. Если-бы ты убилъ отца, я-бы сожалѣлъ, что ты отвергаешь свой крестъ. Но ты невиненъ и такого креста слишкомъ для тебя много. Ты хотѣлъ мукой возродить въ себѣ другаго человѣка: по моему, помни только всегда, во всю жизнь и куда-бы ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ — и вотъ съ тебя и довольно. То, что ты не принялъ большой крестной муки, послужитъ только къ тому, что ты ощутишь въ себѣ еще бо̀льшій долгъ и этимъ безпрерывнымъ ощущеніемъ впредь, во всю жизнь, поможешь своему возрожденію, можетъ быть, болѣе чѣмъ если-бъ пошелъ *туда*. Потому что тамъ ты не перенесешь и возропщешь и, можетъ быть, впрямь, наконецъ, скажешь: «Я сквитался». Адвокатъ въ этомъ случаѣ правду сказалъ. Не всѣмъ бремена тяжкія, для иныхъ они невозможны... Вотъ мои мысли если онѣ такъ тебѣ нужны. Если-бы за побѣгъ твой остались въ отвѣтѣ другіе: офицеры, солдаты, то я-бы тебѣ «не позволилъ» бѣжать, — улыбнулся Алеша. — Но говорятъ и увѣряютъ (самъ этотъ этапный Ивану говорилъ), что большаго взыску, при умѣніи, можетъ и не быть и что отдѣлаться можно

пустяками. Конечно, подкупать нечестно даже и въ этакомъ случаѣ, но тутъ уже я судить ни за что̀ не возьмусь, потому собственно, что если-бы мнѣ, напримѣръ, Иванъ и Катя поручили въ этомъ дѣлѣ для тебя орудовать, то я, знаю это, пошелъ-бы и подкупилъ; это я долженъ тебѣ всю правду сказать. А потому я тебѣ не судья въ томъ какъ ты самъ поступишь. Но знай, что и я тебя не осужу никогда. Да и страшно какъ-бы могъ я быть въ этомъ дѣлѣ твоимъ судьей? Ну, теперь я, кажется, все разсмотрѣлъ.

— Но зато я себя осужу! воскликнулъ Митя.—Я убѣгу, это и безъ тебя рѣшено было: Митька Карамазовъ развѣ можетъ не убѣжать? Но зато себя осужу и тамъ буду замаливать грѣхъ во вѣки! Вѣдь этакъ іезуиты говорятъ, этакъ? Вотъ какъ мы теперь съ тобой, а?

— Этакъ, тихо улыбнулся Алеша.

— Люблю я тебя за то, что ты всегда всю цѣльную правду скажешь, и ничего не утаишь! радостно смѣясь, воскликнулъ Митя:— Значитъ, я Алешку моего іезуитомъ поймалъ! Расцѣловать тебя всего надо за это, вотъ что̀! Ну, слушай-же теперь и остальное, разверну тебѣ и остальную половину души моей. Вотъ что̀ я выдумалъ и рѣшилъ: Если я и убѣгу, даже съ деньгами и паспортомъ, и даже въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль, что не на радость убѣгу, не на счастье, а во истину на другую каторгу не хуже, можетъ быть, этой! Не хуже, Алексѣй, во истину говорю, что не хуже! Я эту Америку, чортъ ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будетъ со мной, но посмотри на нее: ну американка-ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земли затоскуетъ и я буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуетъ, для меня такой крестъ взяла, а чѣмъ она виновата? А я-то развѣ вынесу тамошнихъ смердовъ, хоть они, можетъ быть, всѣ до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку ужь теперь! И хоть будь они тамъ всѣ до единаго машинисты необъятные какіе, али что̀—чортъ съ ними, не мои они люди, не моей души! Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть я самъ и подлецъ! Да я тамъ издохну! воскликнулъ онъ, вдругъ засверкавъ глазами. Голосъ его задрожалъ отъ слезъ.

— Ну, такъ вотъ какъ я рѣшилъ, Алексѣй, слушай! началъ онъ опять, подавивъ волненіе:—съ Грушей туда пріѣдемъ—и тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ уединеніи, гдѣ нибудь подальше. Вѣдь и тамъ-же найдется какое нибудь мѣсто подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще краснокожіе, гдѣ-то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну, такъ вотъ въ тотъ край, къ послѣднимъ Могиканамъ. Ну, и тотчасъ за грамматику, я и Груша. Работа и

грамматика, и такъ чтобы года три. Въ эти три года англицкому языку научимся какъ самые что ни на есть англичане. И только что выучимся—конецъ Америкѣ! Бѣжимъ сюда, въ Россію, американскими гражданами. Не безпокоясь, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда нибудь подальше, на сѣверъ, али на югъ. Я къ тому времени измѣнюсь, она тоже, тамъ, въ Америкѣ, мнѣ докторъ какую нибудь бородавку подцѣпитъ, не даромъ-же они механики. А нѣтъ, такъ я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу въ аршинъ, сѣдую (по Россіи-то поспѣшно) — авось не узнаютъ. А узнаютъ, пусть сошлютъ, все равно, значитъ, не судьба! Здѣсь тоже будемъ гдѣ нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь американца изъ себя представлять буду. Зато помремъ на родной землѣ. Вотъ мой планъ и сіе непреложно. Одобряешь?

— Одобряю, сказалъ Алеша, не желая ему противорѣчить.

Митя на минуту смолкъ и вдругъ проговорилъ:

— А какъ они въ судѣ-то подвели? Вѣдь какъ подвели!

— Если-бъ и не подвели, все равно тебя-бъ осудили,—проговорилъ, вздохнувъ, Алеша.

— Да, надобъ здѣшнюю публику! Богъ съ ними, а тяжело!— со страданіемъ простоналъ Митя. Опять на минуту смолкли.

— Алеша, зарѣжь меня сейчасъ! воскликнулъ онъ вдругъ: — придетъ она сейчасъ или нѣтъ, говори! Что сказала? Какъ сказала?

— Сказала, что придетъ, но не знаю сегодня-ли. Трудно вѣдь ей! робко посмотрѣлъ на брата Алеша.

— Ну еще-бы-же нѣтъ, еще-бы не трудно! Алеша, я на этомъ съ ума сойду. Груша на меня все смотритъ. Понимаетъ. Боже, Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Смыслю-ли чего требую? Безудержъ Карамазовскій, нечестивый! Нѣтъ, къ страданію я не способенъ! Подлецъ и все сказано!

— Вотъ она! воскликнулъ Алеша.

Въ этотъ мигъ на порогѣ вдругъ появилась Катя. На мгновеніе она пріостановилась, какимъ-то потеряннымъ взглядомъ озирая Митю. Тотъ стремительно вскочилъ на ноги, лицо его выразило испугъ, онъ побѣдѣлъ, но тотчасъ-же робкая, просящая улыбка замелькала на его губахъ и онъ вдругъ, неудержимо, протянулъ къ Катѣ обѣ руки. Завидѣвъ это, та стремительно къ нему бросилась. Она схватила его за руки и почти силой усадила на постель, сама сѣла подлѣ, и, все не выпуская рукъ его, крѣпко, судорожно сжимала ихъ. Нѣсколько разъ оба порывались что-то сказать, но останавливались и опять молча, пристально, какъ-бы прикованные, съ странною улыбкой смотрѣли другъ на друга; такъ прошло минуты двѣ.

— Простила ль нѣтъ? прошепталъ, наконецъ, Митя, и въ

тотъ-же мигъ, повернувшись къ Алешѣ, съ искаженнымъ отъ радости лицомъ, прокричалъ ему:

— Слышишь, что̀ спрашиваю, слышишь!

— За то и любила тебя, что ты сердцемъ великодушенъ! вырвалось вдругъ у Кати.—„Да и не надо тебѣ мое прощенiе, а мнѣ твое; все равно, простишь аль нѣтъ—на всю жизнь въ моей душѣ язвой останешься, а я въ твоей—такъ и надо... она остановилась перевести духъ.

— Я для чего пришла? изступленно и торопливо начала она опять:—ноги твои обнять, руки сжать, вотъ такъ, до боли, помнишь какъ въ Москвѣ тебѣ сжимала,—опять сказать тебѣ, что ты богъ мой, радость моя, сказать тебѣ, что безумно люблю тебя,—какъ-бы простонала она въ мукѣ и вдругъ жадно приникла устами къ рукѣ его. Слезы хлынули изъ ея глазъ. Алеша стоялъ безмолвный и смущенный; онъ никакъ не ожидалъ того что̀ увидѣлъ.

— Любовь прошла, Митя! начала опять Катя,—но дорого до боли мнѣ то что̀ прошло. Это узнай на вѣкъ. Но теперь, на одну минутку, пусть будетъ то, что̀ могло-бы быть.—съ искривленною улыбкой пролепетала она, опять радостно смотря ему въ глаза.—И ты теперь любишь другую, и я другаго люблю, а все-таки тебя вѣчно буду любить, а ты меня, зналъ-ли ты это? Слышишь, люби меня, всю твою жизнь люби!—воскликнула она съ какимъ-то почти угрожающимъ дрожанiемъ въ голосѣ.

— Буду любить и... знаешь, Катя,—переводя духъ на каждомъ словѣ, заговорилъ и Митя.—знаешь, я тебя, пять дней тому, въ тотъ вечеръ любилъ... Когда ты упала и тебя понесли... Всю жизнь! Такъ и будетъ, такъ вѣчно будетъ...

Такъ оба они лепетали другъ другу рѣчи почти безсмысленныя и изступленныя, можетъ быть, даже и неправдивыя, но въ эту-то минуту все было правдой, и сами они вѣрили себѣ безсознательно.

— Катя, воскликнулъ вдругъ Митя,—вѣришь, что я убилъ? Знаю, что теперь не вѣришь, но тогда... когда показывала... Неужто, неужто вѣрила!

— И тогда не вѣрила! Никогда не вѣрила! Ненавидѣла тебя и вдругъ себя увѣрила, вотъ на тотъ мигъ... Когда показывала... увѣрила и вѣрила... а когда кончила показывать, тотчасъ опять перестала вѣрить. Знай это все. Я забыла, что я себя казнить пришла! съ какимъ-то вдругъ совсѣмъ новымъ выраженiемъ проговорила она, совсѣмъ непохожимъ на недавнiй, сегодняшнiй любовный лепетъ.

— Тяжело тебѣ, женщина! какъ-то совсѣмъ безсознательно вырвалось вдругъ у Мити.

— Пусти меня, прошептала она,—я еще приду, теперь тяжело!..

Она поднялась-было съ мѣста, но вдругъ громко вскрикнула и отшатнулась назадъ. Въ комнату внезапно, хотя и совсѣмъ тихо, вошла Грушенька. Никто ея не ожидалъ. Катя стремительно шагнула къ дверямъ, но, поровнявшись съ Грушенькой, вдругъ остановилась, вся побѣлѣла какъ мѣлъ, и тихо, почти шепотомъ, простонала ей:

— Простите меня!

Та посмотрѣла на нее въ упоръ и, переждавъ мгновеніе, ядовитымъ, отравленнымъ злобой голосомъ отвѣтила:

— Злы мы, мать, съ тобой! Объ злы! Гдѣ ужь намъ простить, тебѣ да мнѣ? Вотъ спаси его, и всю жизнь молиться на тебя буду.

— А простить не хочешь! Прокричалъ Митя Грушенькѣ, съ безумнымъ упрекомъ.

— Будь покойна, спасу его тебѣ! быстро прошептала Катя и выбѣжала изъ комнаты.

— И ты могла не простить ей, послѣ того какъ она сама-же сказала тебѣ: прости? горько воскликнулъ опять Митя.

— Митя, не смѣй ее упрекать, права не имѣешь! горячо крикнулъ на брата Алеша.

— Уста ея говорили гордыя, а не сердце, съ какимъ-то омерзеніемъ произнесла Грушенька. Избавитъ тебя—все прощу...

Она замолкла, какъ-бы что задавивъ въ душѣ. Она еще не могла опомниться. Вошла она, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ нечаянно, вовсе ничего не подозрѣвая и не ожидая встрѣтить что встрѣтила.

— Алеша, бѣги за ней! стремительно обратился къ брату Митя. скажи ей... не знаю что... не дай ей такъ уйдти!

— Приду къ тебѣ передъ вечеромъ! крикнулъ Алеша и побѣжалъ за Катей. Онъ нагналъ ее уже внѣ больничной ограды. Она шла скоро, спѣшила, но какъ только нагналъ ее Алеша, быстро проговорила ему:

— Нѣтъ, передъ этой не могу казнить себя! Я сказала ей: «прости меня потому, что хотѣла казнить себя до конца. Она не простила... Люблю ее за это!—искаженнымъ голосомъ прибавила Катя и глаза ея сверкнули дикою злобой.

— Братъ совсѣмъ не ожидалъ, пробормоталъ было Алеша,— онъ былъ увѣренъ, что она не придетъ...

— Безъ сомнѣнія. Оставимъ это, отрѣзала она.—Слушайте: я съ вами туда на похороны идти теперь не могу. Я послала имъ на гробикъ цвѣтовъ. Деньги еще есть у нихъ, кажется. Если надо будетъ, скажите, что въ будущемъ я никогда ихъ не оставлю... Ну, теперь оставьте меня, оставьте, пожалуйста. Вы ужь туда опоздали, къ поздней обѣднѣ звонятъ... Оставьте меня, пожалуйста!

III.

Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

Дѣйствительно онъ опоздалъ. Его ждали и даже уже рѣшились безъ него нести хорошенькій, разубранный цвѣтами, гробикъ въ церковь. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Онъ скончался два дня спустя послѣ приговора Мити. Алеша еще у воротъ дома былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей Илюшиныхъ. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались, что онъ, наконецъ, пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человѣкъ двѣнадцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ плечо. Папа плакать будетъ, будьте съ папой ,—завѣщалъ имъ Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ былъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Карамазовъ! воскликнулъ онъ, протягивая Алешѣ руку.—Здѣсь ужасно. Право, тяжело смотрѣть. Снѣгиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно, что онъ ничего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ... Я твердъ всегда, но это ужасно. Карамазовъ, если не задержу васъ, одинъ-бы только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что такое, Коля? пріостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ отца убилъ, или лакей? Какъ скажете такъ и будетъ. Я четыре ночи не спалъ отъ этой идеи.

— Убилъ лакей, а братъ невиненъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я тоже говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ Смуровъ.

— Итакъ онъ погибнетъ невинною жертвой за правду! воскликнулъ Коля.—Онъ счастливъ! Хоть онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я готовъ ему завидовать!

— Что вы это, какъ это можно, и зачѣмъ? воскликнулъ удивленный Алеша.

— О, еслибъ и я могъ хоть когда нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ проговорилъ Коля.

— Но не въ такомъ-же дѣлѣ, не съ такимъ-же позоромъ, не съ такимъ-же ужасомъ! сказалъ Алеша.

— Конечно... я желалъ-бы умереть за все человѣчество, а что до позора, то все равно: да погибнутъ наши имена. Вашего брата я уважаю!

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно выкрикнулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда-то объявилъ, что

знать кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно также какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей, какъ піонъ.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глазки, Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились и, странно, отъ трупа почти не было запаху. Выраженіе лица было серіозное и какъ-бы задумчивое. Особенно хороши были ручки, сложенныя на крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ руки ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ снаружи и снутри цвѣтами, присланными чѣмъ свѣтъ отъ Лизы Хохлаковой. Но прибыли и еще цвѣты отъ Катерины Ивановны, и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ, съ пучкомъ цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими снова своего дорогого мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшаго Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую, помѣшанную жену свою, свою мамочку, которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть побольше на своего мертваго мальчика. Ниночку-же дѣти приподняли съ ея стуломъ и придвинули вплоть къ гробу. Она сидѣла прижавшись къ нему своею головой и тоже, должно быть, тихо плакала. Лицо Снѣгирева имѣло видъ оживленный, но какъ-бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырывавшихся словахъ его было что-то полоумное. Батюшка, милый батюшка! восклицалъ онъ помнутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ, говорить ему ласкаючи: «батюшка, милый батюшка!»

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки, вотъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная мамочка. Или ужь ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ захотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и заметалась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскликнулъ Снѣгиревъ.—Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего твоего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное слезами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ! Она его не любила. Она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей подарилъ, вдругъ въ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ, какъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а

между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною кучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снѣгиревъ, у камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ. Не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронитъ у камня: но вступились Алеша, Красоткинъ, квартирная хозяйка, сестра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что̀ выдумалъ, у камня поганаго хоронить, точно-бы удавленника, строго проговорила старуха-хозяйка.— Тамъ въ оградѣ земля со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будутъ. Изъ церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и словесно читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно-бы надъ могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ, наконецъ, руками: «Несите, дескать, куда хотите!» Дѣти подняли гробъ, но, пронося мимо матери, остановились предъ ней на минутку и опустили его, чтобъ она могла съ Илюшей проститься. Но увидавъ вдругъ это дорогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла лишь съ нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начала истерически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой взадъ и впередъ.

— Мама, окрести его, благослови его, поцѣлуй его, прокричала ей Ниночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась своею головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго горя лицомъ, вдругъ стала бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ понесли дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ устамъ покойнаго брата когда проносили мимо нея. Алеша, выходя изъ дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбой присмотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже. Старуха, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далеко, шаговъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій: морозило, но немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снѣгиревъ суетливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старенькомъ, коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою головой и со старою, широкополою, мягкою шляпой въ рукахъ. Онъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протягивалъ руку, чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшалъ несущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ-бы хоть тутъ пристроиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и бросился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка Богъ знаетъ что̀ зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ

въ страшномъ испугѣ. Но мальчики тотчасъ напомнили ему, что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что она у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ кармана и, удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ тотчасъ Алешѣ: — лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и вдругъ приказалъ: «Папочка, когда засыплютъ мою могилку, покроши на ней корочку хлѣбца чтобъ воробушки прилетали, я услышу что они прилетѣли и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ лежу».

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, надо чаще носить.

— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ-капитанъ какъ-бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посреди ея гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно простояли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бѣдная, много иконъ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ церквахъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снѣгиревъ какъ-бы нѣсколько попритихъ, хотя временами вестаки прорывалась въ немъ та-же безсознательная и какъ-бы сбитая съ толку озабоченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, вѣнчикъ; то когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдругъ бросился вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. Затѣмъ уже успокоился и сталъ смирно у изголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола онъ вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ него Алешѣ, что апостола *не такъ* прочитали, по мысли своей, однако, не разъяснилъ. За херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и, опустившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, приступили къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умилительное, потрясающее надгробное пѣніе пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь съежился и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая голосъ, а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда-же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не давая накрыть Илюшечку, и началъ часто, жадно, не отрываясь, цѣловать въ уста своего мертваго мальчика. Его, наконецъ, уговорили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ, стремительно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько цвѣтковъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея осѣнила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уже не сопротивлялся когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Она была не далеко,

въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; заплатила за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда могильщики гробъ опустили. Снѣгиревъ до того нагнулся, съ своими цвѣточками въ рукахъ, надъ открытою могилой, что мальчики, въ испугѣ, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его назадъ. Но онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо что̀ совершается. Когда стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрасывая по могилкѣ кусочки: Вотъ и прилетайте, птички, вотъ и прилетайте, воробушки! —бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ ему неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому подержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точно ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять, и, поглядѣвъ на могилку и какъ-бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки покрошены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно повернулся и побрелъ домой. Шагъ его, однако, становился все чаще и увереннѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеша отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему, чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ, онъ, какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: не хочу шляпу, не хочу шляпу! Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до единаго плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ открывшій Трою, и хоть Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ, тоже ужасно какъ плакалъ, но успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, красивший на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ. Конечно, не попалъ и продолжалъ бѣжать, плача. На половинѣ дороги Снѣгиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты какъ-бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, повернувъ назадъ къ церкви, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигомъ догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, какъ въ безсиліи, какъ сраженный, палъ на снѣгъ и бiясь, воя и рыдая, началъ выкрикивать: Батюшка, Илюшечка, милый батюшка! Алеша и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человѣкъ обязанъ переносить,—бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а мамочка ждетъ ихъ, она сидитъ —плачетъ что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще лежитъ...

— Да, да, къ мамочкѣ, вспомнилъ вдругъ опять Снѣгиревъ, постельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ-бы въ испугѣ, что и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ домой. Но было уже недалеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Снѣгиревъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ, съ которою давеча такъ жестокосердно поссорился:

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислалъ, ножки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучечекъ цвѣтовъ, померзшихъ и поломанныхъ когда онъ бился сейчасъ объ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ постелькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе оба рядышкомъ, только что прибранные хозяйкой квартиры, —старенькіе, порыжѣвшіе, закорузлые сапожки, съ заплатками. Увидавъ ихъ, онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающимъ голосомъ завопила помѣшанная. Тутъ ужь зарыдала и Ниночка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и мальчики. Вышелъ, наконецъ, за ними и Алеша: «Пусть переплачутъ, сказалъ онъ Колѣ, тутъ ужь, конечно, нельзя утѣшать. Переждемъ минутку и воротимся».

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете, Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ чтобъ никто не услышалъ: Мнѣ очень грустно и если-бъ только можно было его воскресить, то я-бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходить намъ сюда сегодня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ быть, и напьется. Придемъ мы съ вами только вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, съ матерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ разомъ, то имъ опять все напомнимъ, посовѣтовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, — эти поминки что-ли будутъ, попъ придетъ; возвращаться намъ сейчасъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ какіе-то блины, какъ это все неестественно по нашей религіи!

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ вдругъ мальчикъ открывшій Трою.

— Я васъ серіозно прошу, Карташовъ, не вмѣшиваться болѣе съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не говорятъ и не хотятъ даже знать есть-ли вы на свѣтѣ, раздражительно отрѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вспыхнулъ, но отвѣтить ничего не осмѣлился. Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

- Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша посмотрѣлъ и цѣлая картина того, что Снѣгиревъ разсказывалъ когда-то объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, воскликалъ: «Папочка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя!» — разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ-бы сотряслось въ его душѣ. Онъ съ серіознымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось-бы вамъ сказать здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него пристальные, ожидающіе взгляды.

— Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣсколько времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ пойдетъ въ ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но скоро я здѣшній городъ покину, можетъ быть, очень надолго. Вотъ мы и разстанемся, господа. Согласимся-же здѣсь, у Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать—во первыхъ, Илюшечку, а во вторыхъ, другъ о другѣ. И что-бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя-бы мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались, — все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы хоронили бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, помните, тамъ, у мостика-то? - а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ былъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. Итакъ, во первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя-бы мы были заняты самыми важными дѣлами, достигли почестей или впали-бы въ какое великое несчастье,—все равно не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ бѣдному мальчику, можетъ быть, лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Голубчики мои, — дайте я васъ такъ назову—

голубчиками, потому что вы всѣ очень похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ птичекъ, теперь въ эту минуту какъ я смотрю на ваши добрыя, милыя лица, — милыя мои дѣточки, можетъ быть, вы не поймете что̀ я вамъ скажу, потому что я говорю часто очень непонятно, но вы всетаки запомните и потомъ когда нибудь согласитесь съ моими словами. Знайте-же, что ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое нибудь этакое прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда нибудь намъ во спасеніе. Можетъ быть, мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми, которые говорятъ, вотъ какъ давеча Коля воскликнулъ: «Хочу пострадать за всѣхъ людей», — и надъ этими людьми, можетъ быть, злобно издѣваться будемъ. А всетаки какъ ни будемъ мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ у этого камня, то самый жестокій изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, всетаки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ, какъ онъ былъ добръ и хоронилъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ быть, именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержитъ и онъ одумается и скажетъ: «Да, я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ». Пусть усмѣхнется про себя, это ничего, человѣкъ часто смѣется надъ добрымъ и хорошимъ: это лишь отъ легкомыслія; но увѣряю васъ, господа, что какъ усмѣхнется, такъ тотчасъ-же въ сердцѣ скажетъ: «Нѣтъ, это я дурно сдѣлалъ, что усмѣхнулся, потому что надъ этимъ нельзя смѣяться!»

Это непремѣнно такъ будетъ, Карамазовъ, я васъ понимаю, Карамазовъ! воскликнулъ, сверкнувъ глазами, Коля. Мальчики заволновались и тоже хотѣли что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

Это я говорю на тотъ страхъ, что мы дурными сдѣлаемся, продолжалъ Алеша, — но зачѣмъ намъ и дѣлаться дурными, не правда-ли, господа? Будемъ, во первыхъ, и прежде всего, добры, потомъ честны, а потомъ —не будемъ никогда забывать другъ объ

другъ. Это я опять-таки повторяю. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду: каждое лицо, которое на меня теперь, сейчасъ, смотритъ, припомню, хоть-бы и чрезъ тридцать лѣтъ. Давеча вотъ Коля сказалъ Карташову, что мы будто-бы не хотимъ знать «есть онъ или нѣтъ на свѣтѣ?» Да развѣ я могу забыть, что Карташовъ есть на свѣтѣ и что вотъ онъ не краснѣетъ ужъ теперь какъ тогда, когда Трою открылъ, а смотритъ на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа, милые мои господа, будемъ всѣ великодушны и смѣлы какъ Илюшечка, умны, смѣлы и великодушны какъ Коля (но который будетъ гораздо умнѣе когда подростетъ), и будемъ такими-же стыдливыми, но умненькими и милыми какъ Карташовъ. Да чего я говорю про нихъ обоихъ! Всѣ вы, господа, милы мнѣ отнынѣ, всѣхъ васъ заключу въ мое сердце, а васъ прошу заключить и меня въ ваше сердце! Ну а кто насъ соединилъ въ этомъ добромъ хорошемъ чувствѣ, объ которомъ мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будемъ и вспоминать намѣрены, кто какъ не Илюшечка, добрый мальчикъ, милый мальчикъ. дорогой для насъ мальчикъ на вѣки вѣковъ! Не забудемъ-же его никогда, вѣчная ему и хорошая память въ нашихъ сердцахъ, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!

— Такъ, такъ, вѣчная, вѣчная, прокричали всѣ мальчики, своими звонкими голосами, съ умиленными лицами.

— Будемъ помнить и лицо его, и платье его, и объ бѣдненькіе сапожки его, и гробикъ его, и несчастнаго грѣшнаго отца его, и о томъ, какъ онъ смѣло одинъ возсталъ на весь классъ за него!

— Будемъ, будемъ помнить! прокричали опять мальчики, онъ былъ храбрый, онъ былъ добрый!

— Ахъ, какъ я любилъ его! воскликнулъ Коля.

— Ахъ, дѣточки, ахъ, милые друзья, не бойтесь жизни! Какъ хороша жизнь когда что нибудь сдѣлаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, восторженно повторили мальчики.

Карамазовъ, мы васъ любимъ! воскликнулъ неудержимо одинъ голосъ, кажется, Карташова.

— Мы васъ любимъ, мы васъ любимъ, подхватили и всѣ. У многихъ сверкали на глазахъ слезинки.

— Ура Карамазову! восторженно провозгласилъ Коля.

— И вѣчная память мертвому мальчику! съ чувствомъ прибавилъ опять Алеша.

— Вѣчная память! подхватили снова мальчики.

— Карамазовъ! крикнулъ Коля, неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ встанемъ изъ мертвыхъ и оживемъ и увидимъ опять другъ друга, и всѣхъ, и Илюшечку?

— Непремѣнно возстанемъ, непремѣнно увидимъ и весело, радостно разскажемъ другъ другу все, что̀ было, полусмѣясь, полу въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончимъ рѣчи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будемъ ѣсть. Это вѣдь старинное, вѣчное и тутъ есть хорошее, засмѣялся Алеша. Ну, пойдемте-же! Вотъ мы теперь и идемъ рука въ руку.

— И вѣчно такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карамазову! еще разъ восторженно прокричалъ Коля и еще разъ всѣ мальчики подхватили его восклицаніе.

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

Оглавленіе.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

СТР.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Книга седьмая. Алеша.

Глава I. Тлетворный духъ 1
„ II. Такая минутка 13
„ III. Луковка 19
„ IV. Кана Галилейская 36

Книга восьмая. Митя.

Глава I. Кузьма Самсоновъ 40
„ II. Лягавый 50
„ III. Золотые пріиски 57
„ IV. Въ темнотѣ 68
„ V. Внезапное рѣшеніе 73
„ VI. Самъ ѣду! 88
„ VII. Прежній и безспорный 96
„ VIII. Бредъ 112

Книга девятая. Предварительное слѣдствіе.

Глава I. Начало карьеры чиновника Перхотина 125
„ II. Тревога 131

стр.

Глава III. Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое. 137
„ IV. Мытарство второе 146
„ V. Третье мытарство 153
„ VI. Прокуроръ поймалъ Митю 163
„ VII. Великая тайна Мити. Освистали 171
„ VIII. Показаніе свидѣтелей. Дитё 182
„ IX. Увезли Митю 191

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Книга десятая. Мальчики

Глава I. Коля Красоткинъ 195
„ II. Дѣтвора 200
„ III. Школьникъ 206
„ IV. Жучка 213
„ V. У Илюшиной постельки 220
„ VI. Раннее развитіе 236
„ VII. Илюша 242

Книга одиннадцатая. Братъ Иванъ Оедоровичъ.

Глава I. У Грушеньки 246
„ II. Больная ножка 255
„ III. Бѣсенокъ 265
„ IV. Гимнъ и секретъ 271
„ V. Не ты, не ты! 283
„ VI. Первое свиданіе со Смердяковымъ 289
„ VII. Второй визитъ къ Смердякову 299
„ VIII. Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ . . 308
„ IX. Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича 323
„ X. „Это онъ говорилъ!“ 340

Книга двѣнадцатая. Судебная ошибка.

Глава I. Роковой день 345
„ II. Опасные свидѣтели 352
„ III. Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ. 361
„ IV. Счастье улыбается Митѣ 366
„ V. Внезапная катастрофа 376
„ VI. Рѣчь прокурора. Характеристика 385
„ VII Обзоръ историческій 394
„ VIII. Трактатъ о Смердяковѣ 399

стр.

Глава IX. Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора 409
„ X. Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ 419
„ XI. Денегъ не было. Грабежа не было 424
„ XII Да и убійства не было 430
„ XIII. Прелюбодѣй мысли 437
„ XIV. Мужички за себя постояли 444

ЭПИЛОГЪ

Глава I. Проэкты спасти Митю 451
„ II. На минутку ложь стала правдой 456
“ III. Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня. 463

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ*. Повѣсти и разсказы. Приложенія.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: «Бѣсы».

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя», помѣщавшійся въ журналѣ «Гражданинъ» за 1873 г.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ — **двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ два тома: Тринадцатый и четырнадцатый, заключающіе въ себѣ ром. «Братья Карамазовы».

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ увеличена. Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются безплатною пересылкою.

4255
14 томовъ

ЦѢНА ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТОМОВЪ **25** РУБ.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ **30** РУБ.

37.8.3.1
14